

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра истории Средних веков

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

Материалы XXXIII всероссийской конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения»
(26–29 ноября 2013 года)

УДК 94(100)“05/...”

ББК 63.3(0)4

П 78

Редакционная коллегия:

д. и. н., проф. *А. Ю. Прокопьев* (отв. редактор),
д. и. н., проф. *Г. Е. Лебедева*, к. и. н., доц. *А. В. Банников*,
к. и. н., доц. *В. А. Ковалев*, к. и. н. *Д. И. Вебер*, *З. А. Лурье*,
Ф. Е. Левин, *К. В. Перепечкин* (отв. секретарь)

П 78 **Проблемы истории и культуры средневекового общества.** Материалы XXXIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (26–29 ноября 2013 года) [Электронный ресурс]. / под. ред. А. Ю. Прокопьева. — Электрон. текстовые дан. (1,7 Мб). — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015. — 490 с.

ISBN 978-5-4386-0880-6

УДК 94(100)»05/...»

ББК 63.3(0)4

© Коллектив авторов, 2015

© А. Ю. Прокопьев, К. В. Перепечкин, составление 2015

© «Свое издательство», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы историографии Средних веков и раннего Нового времени

<i>Тимохина Н. А.</i> Состояние современной дискуссии о происхождении «пещерных городов» Юго-Западного Крыма	12
<i>Наумов Н. Н.</i> Сигизмунд Люксембургский в историографической ретроспективе	19
<i>Гагарина А. Л.</i> Реабилитация средневековой культуры в творчестве И. Г. Гердера	25
<i>Абрамова А. В.</i> Средневековая Испания в творчестве Н. С. Масленникова (по материалам личного архива ученого)	28

Проблемы источниковедения Средних веков и раннего Нового времени

<i>Гришина Ю. И.</i> Анонимная поэма Carmen de contra paganos и надпись Флавия Вира Никомаха из Северной Африки: новые данные об идентификации личности префекта	34
<i>Прогунова Ю. М.</i> Письма англосаксонских монахинь как источник представлений о самосознании церковного нобилитета Британии первой половины VIII века	40
<i>Борисов Г. И.</i> Ошибки и формулы в тексте Lex Salica Karolina	45
<i>Смирнова Д. Д.</i> Особенности источниковедческого анализа посланий средневековых авторов на примере изучения трудов новгородского архиепископа Феодосия	50
<i>Мастяева И. Н.</i> Влияние правил ars dictaminis на стиль ранних писем Иоанна Солсберийского	55
<i>Комаров И. П.</i> Герменевтический анализ военных действий Ливонского ордена по материалам «Ливонской Хроники» Германа Вартберга	61

<i>Анохина А. В.</i> Писание и «Божественный Фома»: статус текста и культура цитирования в трактате Ф. Суареса «О законах»	68
<i>Переpečкин К. В.</i> Издательская деятельность Иоганна Фробена	74
<i>Кудряков В. В.</i> Кройлендский аноним, Томас Мор и пятница тринадцатое	80
<i>Пронина Е. А.</i> Французские генеалогии раннего Нового времени в контексте европейской традиции <i>metoria</i> (на примере комплекса генеалогических историй А. Дюшена)	87

Международные отношения и военное дело в Средние века и раннее Новое время

<i>Пикин А. В.</i> Причины посольских миссий в Хронике Идация Лемикского	96
<i>Мефтахудинов К. П.</i> Особенности русского посольства 1567–1569 гг. в Стокгольм и их политические причины	99
<i>Прохоренков И. А.</i> Павел Влодковиц. Конфликт Польши и Немецкого ордена на Констанцском соборе	103
<i>Коростик А. П.</i> Экспансионистские планы Ливонского ордена в русских землях. От мифов к реальности	110
<i>Бессуднов Д. А.</i> Организация обороны Ливонии в период первой военной кампании Ливонской войны (январь–февраль 1558 г.) ...	117
<i>Жарикова К. С.</i> Военная карьера великого коронного гетмана Яна ЗамоЙского во время Ливонской войны по произведениям Рейнгольда Гейденштейна	121
<i>Болдырев Р. В.</i> Новгородское посольство в Стокгольм 1611 г. и его значение в выборе кандидата на русский престол	128
<i>Мигунова А. В.</i> Рупрехт Пфальцский и европейское дворянство (1619–1642 гг.)	132
<i>Чернышова А. С.</i> Дипломатическая практика XVII века в сочинении Авраама де Викфора «Посол и его функции»	139

**История средневековой ментальности:
мифы, образы, идентичности, символы**

<i>Ковалева М. С.</i> К вопросу о генезисе конфликтов мещан и евреев в Великом княжестве Литовском	148
<i>Шохин А. А.</i> Происхождение Гуннского мифа и «Деяния венгров» Анонима	154
<i>Гризовская Д. В.</i> «Венецианский миф» в трактате Гаспаро Контарини «О магистратах и устройстве венецианской республики»	158
<i>Гурьянов И. Г.</i> Аргументативный потенциал образа Венеры в «О жизни» (1489) Марсилио Фичино	164
<i>Приходько Е. Д.</i> Восприятие запаха в культуре Западного Средневековья	170
<i>Сажнева (Руцкая) М. Б.</i> Ричард Львиное Сердце: сотворение мифа	177
<i>Рогозин А. Ю.</i> «Славянское царство» Мавро Орбини в контексте славянских этногенетических представлений XV–XVI вв.	184
<i>Зарубина Т. М.</i> Социальные проблемы Англии второй половины XVI – первой половины XVII веков в пьесах английских драматургов	190
<i>Лурье З. А.</i> Лютеранский драматург XVI в. и его публика	197
Власть и общество в Средние века: теория и практика взаимодействия	
<i>Шмидт Г. А.</i> Легитимация власти Меровингов в «Хрониках Фредегара»	206
<i>Сямтомов И. В.</i> К вопросу о кризисе теократической монархии вестготов	212
<i>Гайворонский И. Д.</i> Незамеченное объединение Империй? Каролингские хроники о призвании Карла Толстого в Западно-франкское королевство	217

<i>Канджа И. С.</i> Похороны государей в «Хронике» Титмара Мерзебургского: церемониальный аспект	223
<i>Меднис С. С.</i> Особенности формирования городского права в Линкольне с начала X – середины XII вв.	228
<i>Прокофьева Е. М.</i> Особенности судебного процесса в Норвегии в первой половине XIV в.: пример одной земельной тяжбы	235
<i>Бутучел Р.</i> Валашские и молдавские господа (XIV вв.): формирование представлений об идентичности на материале титулатуры	241
<i>Бережная Н. А.</i> Расцвет гуманистической культуры в юго-западной Германии: Зиммерн в годы правления Иоганна II (1509–1557)	247
<i>Крылов К. Е.</i> Император наносит ответный удар. Описание битвы при Мюльберге в автобиографии Карла V	254
<i>Ковалев В. А.</i> Ваши выборы — фарс! Ритуалы electio и colaudatio в коронациях английских монархов	258

Искусство Средних веков и раннего Нового времени

<i>Федорова Т. Е.</i> Изображение Девы Марии в английской миниатюре сер. X – сер. XI вв.	272
<i>Попова Я. А.</i> Миниатюры «Кодекса Манессе»: история изучения	277
<i>Колпашишникова Д. Д.</i> Декорация капеллы Сан Мартино в соборе Сан Франческо в Ассизи	282
<i>Чуркина Д. А.</i> Астрологическая традиция в искусстве и культуре Раннего Возрождения (на примере декорации Палаццо Скифанойя в Ферраре)	289
<i>Никитенко Ю. Н.</i> Дуэсса как образ католичества в «Королеве фей» Э. Спенсера	296

<i>Новикова Е. О.</i> Иллюстрации к роману Франческо Колонна «Гипнэротомехия Полифила» (Венеция, 1499)	302
<i>Гурбанова Г. Э.</i> Влияние протестантских идей на голландскую живопись первой половины XVII века	309
<i>Лещева Я. И.</i> «Вращающийся диск» в византийской иконографии. Попытка интерпретации	315
<i>Прохорцова М. М.</i> Формирование и эволюция иконографии Непорочного Зачатия Девы Марии в испанской живописи «золотого века»	322
<i>Голубинова Д. С.</i> Трактат Мигеля Маньяры «Рассуждение об истине» как основа иконографической программы внутреннего убранства церкви братства святого милосердия в Севилье	330
<i>Костыря М. А.</i> Времена суток в цикле Питера Брейгеля Старшего «Времена года»	336

Религия и церковь в Средние века и раннее Новое время

<i>Омельченко Д. М.</i> Власть и аскеза в трактате Юлиана Померия «О созерцательной жизни»	342
<i>Манукян Э. М.</i> К вопросу о выборе епископа в Галлии V века: критерии, мотивации, цели (на примере выборов в Бурже ок. 471 г.)	347
<i>Горбунова Ю. А.</i> Борьба с ересью присциллиан в Галисии VI в. на примере анализа канонов Первого Брагского собора 561 г.	354
<i>Аникьев И. И.</i> Переписывая житие: построение идеала каролингского епископа	359
<i>Сидякина А. К.</i> Проблемы Церковной жизни в эпоху Второго Болгарского царства	363
<i>Лапишина А. А.</i> Средневековая проповедь на «народном языке»: один пример из Норвегии XII века	368

Конюшихина Н. Л., Конюшихина Е. Л. Образ пути
Святого Иакова от раннего Средневековья до наших дней 375

Трусова М. В. «Amentia proveniret ex parte intellectus»?
Концепция безумия у Ф. де Витории по *Relectiones Theologicae* 383

На границе средневекового пространства: кельтский мир

Левин Ф. Е. Оформление пространства
в «Книге Захватов Ирландии» 390

Дереза О. В. Стилистика средневековых переводов:
ирландская и валлийская версии жести о Беве из Амтона 396

Горбунова Д. В. Источники «*Vita Brigidae*» Когитоза:
историография проблемы 403

Живлова Н. Ю. Острова на Лох-Ри: о роли островных
обитателей в Ирландии V–X вв. 407

Шингурова Т. В. Пространственные представления
средневековой Ирландии на основе текстов «плаваний» 414

На границе средневекового пространства: византийский мир

Синица М. М. Политическая теория императорской власти
в Византии в середине VI в. 422

Слядзь А. Н. «Неромантический герой»: Роман Лакапин
как предкульминация византийской истории 429

Горбунов Е. В. Положение императорских
родственников в Византии во время правления
Македонской династии (867–1056 гг.) 436

Аннотации 439

Summaries 458

Сведения об авторах 476

List of authors 483

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ
СРЕДНИХ ВЕКОВ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ТИМОХИНА Н. А.
*Российский государственный педагогический
университет им. Герцена*

СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУССИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ «ПЕЩЕРНЫХ ГОРОДОВ» ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Изучение истории Крымского полуострова имеет большое научно-теоретическое значение. Здесь проникновение и существование христианства на территории Юга Восточной Европы (через Таврику), и периоды его расцвета и затухания (что происходит с любыми идеологическими системами, не исключая христианства); здесь и развитие оборонительной системы крепостей, в системе широких международных взаимоотношений во всем Понтийско-Восточном средиземноморском регионе. В свою очередь, изучение средневековой истории Крыма позволяет на конкретных примерах наблюдать столкновение цивилизации Византии и варварского мира, а также развитие дофеодальных и феодальных структур и явлений в данном регионе.

Решение этих и многих других вопросов истории Крыма невозможно без тщательного изучения и реконструкции периодов развития, расцвета и угасания такого класса памятников средневековья, который условно называли «пещерными городами».

«Пещерными городами» называют объекты, представляющие историко-культурные и археологические памятники эпохи раннего и высокого средневековья — города, крепости, пещерные монастыри, наиболее заметная особенность которых — расположение в местах, отличающихся природной неприступностью и наличием искусственных пещер, различного назначения, которые изначально сочетались с наземными строениями из камня. Именно

наличие большого количества пещер стало причиной появления термина, принятого для обозначения этой группы памятников — «пещерные города». Исследователями это словосочетание берется в кавычки. Этим подчеркивается условность данного понятия.

К сожалению, из источников по раннесредневековой истории Крыма сохранилось крайне мало письменных упоминаний, а описание «пещерных городов», сделанные путешественниками в XIII–XVII веках малоинформативные и несут в себе большое количество нелепых замечаний и рассуждений и, явно, недостоверных легенд. Поэтому для изучения истории бытования этих объектов наиболее логично использование археологических методик. Но на данный момент постоянно исследуется только два объекта из десятка (Мангуп и Эски-Кермен). Слабая изученность «пещерных городов» и порождает большую часть нерешенных вопросов.

В 527 году, в Константинополе, начинает свое правление император Юстиниан I. Согласно сообщению Прокопия Кесарийского в трактате «О постройках», Юстиниан I стремился вновь объединить разобщенные к началу его правления восточно-римские земли. Поэтому, прибыв в Таврику, он восстанавливает византийскую власть на Боспоре, отстраивает заново крепостные стены и Боспора, и Херсона (античного Херсонеса), — городов, игравших важную роль в защите Империи, и в торговле с варварами. В области Дори, где живут готы-земледельцы, Юстиниан построил «длинные стены», которые должны защитить страну готов от внешних врагов. [1, С. 250]. Дори — это территория горного Юго-Западного Крыма, где компактно расположены «пещерные города», а также, возможно, и часть Южного берега Крыма. С «длинными стенами» ассоциировали остатки каменных стен на перевалах Главной гряды, или же — крепостные сооружения самих «пещерных городов».

Современные ученые считают, что крепости на территории «пещерных городов» построены при непосредственном участии Византийской империи для защиты своих северных рубежей,

в период правления императора Юстиниана I (527–565) во время сооружения «длинных стен», как единый комплекс оборонительных сооружений.

Александр Ильич Айбабин (начальник Эски-Керменской экспедиции) начало использования могильника Эски-Кермена относит к концу VI в., на основании состава находок этого могильника. В связи с этим, А. И. Айбабин предположил, что строительство крепостных стен на плато Эски-Кермена было начато не во времена Юстиниана (около сер. VI в.), а в период правления византийского императора Маврикия (582–602 гг.), вероятно, около 590 г. [2, С. 45]. Раскопки на территории могильника Эски-Кермена показали, что со второй половины VII в. значительно увеличивается население этого города [2, С. 46].

Таким образом, в Юго-Западной Таврике Византийская империя проводила целенаправленную политику строительства крепостей, для защиты своих дальних северных рубежей и конкретно города Херсона, как центра византийской администрации на территории всего Крымского полуострова.

В начале XX века Ю. А. Кулаковский выдвинул гипотезу о возникновении крымских пещерных монастырей в VIII–IX вв. в период иконоборческого движения в Византийской империи. Пещерные монастыри создали скрывающиеся иконопочитатели. Основанием для такого предположения являются сведения агиографических источников VIII–IX вв, а также сходство в типе самих пещерных памятников (монастырей), которое наблюдается между крымскими сооружениями этого рода и теми, какие имеются в Южной Италии и Сицилии [3, С. 70–72]. Оформившуюся в концепцию гипотезу Ю. А. Кулаковского поддержали уже советские исследователи. Эта концепция была единственной до начала 90-х годов XX века.

На сегодняшний момент, в научной литературе иконопочитательская теория продолжает существовать (В. Г. Тур, В. А. Петровский), но противников у нее больше, чем последователей.

А. Г. Герцен и Ю. М. Могаричев, отрицающие возможность возникновения пещерных монастырей в VIII–IX веках, указывают на то, что письменные источники не дают оснований утверждать существование массовой эмиграции гонимых монахов в Крым, и делать выводы о появлении, в связи с ней, пещерных монастырей. Осуществленный Ю. М. Могаричевым анализ архитектурных особенностей пещерных комплексов позволил сделать вывод о более поздней дате создания подземных монастырей Таврики. На основании разработанной концепции отрицается сама возможность существования пещерных сооружений Крыма в VIII–IX вв. Методика датировки пещерных сооружений Ю. М. Могаричева основана на выделении типов обработки внутренних поверхностей пещерных храмов, коридоров и помещений. Авторы концепции считают, что техника обработки скальной поверхности менялась на протяжении времени, на основании этого сделана датировка монастырских пещер и делается вывод, что пещерные монастыри Крыма могли возникнуть не ранее XI–XII вв., а основная масса пещерных обитателей появляется в XIV–XV вв.

Исследователи приводят следующие предпосылки возникновения пещерных монастырей в обозначенный период:

1) Стабильная политическая ситуация, в результате которой могли появиться постоянно живущие на одном месте монахи.

2) Экономическое состояние общества, в результате которого появилась большая прослойка, имевшая возможность финансировать создание монастырей.

3) Религиозная ситуация. Несмотря на проникновение христианства в Тавриду еще в первые века н. э., процесс христианизации здесь завершился только к X в., с этого времени мы имеем бесспорные свидетельства о полном господстве христианства на полуострове [4; 5].

Данная концепция во многих моментах крайне спорная:

Пещера и подземные сооружения для христиан, в частности для монахов, всегда имела больший смысл, чем простое укрытие.

Ведь вся жизнь Иисуса Христа связана с пещерой. Рождение (в пещере Вифлеема), жизнь (в пещере Назарета) и смерть и воскресении Иисуса Христа (в «пещерном склепе Иосифа Аримафейского»). Уже только поэтому пещерные сооружения для всех христиан являлись своеобразными святынями (или «объектами, предвещающими святость»). Поэтому следуя по пути Христа, монахи в последнюю очередь думали о политических распрях.

Почему монастыри должны были создаваться при финансовой поддержке мирян? Пещерники-анахореты (например, Египетской Фиваиды) и вовсе не имели средств, кроме трудов рук своих. А о прочих монастырских владениях, не следует забывать, что Церковь была крупнейшим феодалом начиная с ранневизантийского времени (IV–VI/VII вв), и далее — на протяжении всего средневековья. Кроме того, все монастыри вели натуральное хозяйство. Совместный труд был прописан в уставе каждого общинного монастыря, с момента зарождения этого явления еще в IV в.

На основании, каких свидетельств Ю. М. Могаричев и А. Г. Герцен отрицают христианизацию региона до X века? Временное ухудшение религиозной ситуации было возможным (и часто случалось и в иные времена, и в иных регионах), но нельзя сбрасывать со счета активную пропаганду христианства в среде местного населения со стороны Византийской империи. Ведь еще в VI–VII вв. в окрестностях Эски-Кермена создаются древние пещерные христианские храмы [6, С. 72–80], поскольку возрастает и влияние христианской религии (хотя сам Ю. М. Могаричев датирует эти церкви намного более поздним временем — XII–XIV вв.). А на территории некоторых «пещерных городов» (Мангуп, Чуфут-Кале, Эски-Кермен) строятся наземные раннесредневековые базилики VI–VII вв. И уже со второй половины VII в. на горнокрымских могильниках начинают устанавливать надгробные плиты [7, С. 161], чего бы не могло произойти, если бы усопших хоронили не по христианскому обычаю.

Юрий Юрьевич Шевченко, к. и. н., старший научный сотрудник МАЭ РАН, резко критикует теорию Ю. М. Могаричева и А. Г. Герцена о способах датировки пещерных сооружений, а также и даты возникновения пещерных монастырей. Исследователь считает, что не допустимо строить периодизацию подземных сооружений на основании следов обработки скальной поверхности, поскольку эти следы будут различаться в зависимости от типов залегающих пород, а также от личных физических особенностей каменотеса (наличие или отсутствие искривления позвоночного столба, использование в работе как основной правой или левой руки и т. д.). Так же Могаричев не анализирует систему и типы обработки позднеантичных и раннесредневековых склепов Херсонеса, Боспора, Чуфут-Кале, Скалистого и прочих могильников типа Суук-Су, существовавших с VI по IX век. [8].

Изучение Шевченко пещерного монастыря Чилтер-Коба (в долине р. Бельбек) привело к выводу, на основании анализа комплекса подъемного материала под пещерами, что монастырь возник не позднее начала VIII века [9].

Вместе с тем, он обнаружил обломки черняховской керамики III–IV вв. под комплексом пещер Чилтер-Коба (на горном мысу Ай-Тодор). Новые материалы и аналогии «литургического устройства» пещерного храма Чилтер-Кобы связывают пещерную церковь на Ай-Тодоре с христианами, плененными в Каппадокии, во время готских морских походов середины III века (264 г.) [8; 10].

Исследователь полагает, что пещерные монастыри в Юго-Западном Крыму являются следствием массовой эмиграции православных монахов из Египта, Сирии и Палестины в VII веке (642 г.), после арабской агрессии [10].

Таким образом, на основании анализа современной отечественной и зарубежной литературы выделены основные направления научной мысли в вопросе изучения «пещерных городов» второй половины 1990-х – 2000-х годов. Проблема происхождения

«пещерных городов» и в современный период продолжает оставаться дискуссионной, в связи с недостаточной изученностью этих объектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прокопий Кесарийский. О постройках // Вестник древней истории, № 4 (9). 1939.
2. Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Вып. 2. Симферополь: Таврия, 1991, С. 43–51.
3. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев: Тип. Товарищества И. Н. Кушнерева, 1906.
4. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Таврики // Крымский музей. Симферополь, 1995. №1.
5. Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
6. Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е., Желтов М. С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2005. № 1. С. 72–80.
7. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
8. Шевченко Ю. Ю. О времени возможного возникновения пещерного храма на Ай-Тодоре (Чилтер-Коба) в Крыму // Полевые исследования МАЭ РАН в 2009 г. / Отв. ред. Е. Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 94–117.
9. Шевченко Ю. Ю. Реалии «литургической археологии» в датировке христианских пещерных храмов Восточной Европы // Христианство в регионах мира. Вып. 3: Христианская архаика, 2011. С. 62–112.
10. Шевченко Ю. Ю. Христианские пещерные святыни. Том 1, часть 1: Древнейшие истоки пещерных святынь и начало христианской традиции. Saarbrücken, 2012.

НАУМОВ Н. Н.

Московский государственный университет

СИГИЗМУНД ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

На протяжении XVIII–XX вв. ментальность центральноевропейской интеллектуальной элиты претерпевала существенные изменения: XIX век, век национализма, сделал главными в ее сознании интересы народа, общественное благополучие ценилось ею выше индивидуального, тогдашние угрозы побуждали ее сплачиваться в рамках нации; затем же, в конце XX – начале XXI века вместе с ослаблением политических границ постепенно стираются и ментальные; «общемировое», с одной стороны, и «индивидуальное», с другой, для многих становится важнее «национального».

Подобные изменения можно увидеть, если обратиться к ретроспективе историографии правителей, особенно таких, как Сигизмунд Люксембургский. Этот король Венгрии и Чехии, император Священной Римской империи (1387–1437) представляет собой тип правителя общеевропейского масштаба, управлявшего конгломератом различных стран, оказавшихся в его власти в силу династического принципа. Как оценивали Сигизмунда венгерские, немецкие и чешские интеллектуалы? Как менялась их оценка, подходы к изучению и образ этого правителя с XVIII века, когда возникли первые посвященные ему научные работы, по начало XXI века? Анализ историографии позволяет выделить три этапа в истории изучения Сигизмунда как правителя: эпоха Просвещения, «национальный период» (XIX–XX вв.), современный этап.

Эпоха Просвещения. Для историографии эпохи Просвещения характерно унаследованное от Ренессанса всеохватное изображение человека, акцент на его личных деяниях и качествах.

Не останавливаясь на первопричинах этого явления, замечу лишь, что интерес к человеку для просветителей столь же естественен, сколь для людей Возрождения, в независимости от того, восхищались ли они его способностями (Декарт), или сомневались в них (Кант).

Тем не менее, фигура Сигизмунда в то время не пользовалась особенной популярностью: в XVIII веке было создано одно единственное крупное сочинение, которое было бы непосредственно посвящено Сигизмунду — это диссертация К.В. Гэртнера, магистра философии в Лейпциге [1]. На мой взгляд, этот ученый, как и прочие его современники, находился под влиянием античных авторов: композиция его произведения совпадает с четырехчленной структурой в жизнеописаниях Светония: 1) происхождение; 2) внешняя политика; 3) внутренняя политика; 4) смерть, характер, итоги правления. Подобный строй позволяет Гэртнеру показать Сигизмунда как личность общеевропейского масштаба, как правителя не какой-то одной, а многих стран.

Однако уже в этом труде видны первые, пока не столь явные признаки национального контекста в восприятии Сигизмунда. Во вступлении Гэртнер, обращаясь в первую очередь к немецкому читателю, подчеркивает значимость Сигизмунда и его деяний именно для истории немецких земель и говорит, что их современное общественное устройство формировалось, в том числе, и в эпоху Сигизмунда [1, Р. 3].

Уже тогда, в литературе, рассчитанной на менее образованного читателя, например, в «Большом полном универсальном лексиконе всех наук и искусств» Иоганна Хайнриха Цедлера, написанном на немецком (в то время, как диссертация Гэртнера составлена по-латыни), проявляются черты «национального периода». В статье о Сигизмунде Цедлер передает по большей части лишь то, что относится к его правлению в Империи и Чешском королевстве. Его огорчают гуситские войны, причина трудного положения в немецких землях; Цедлер считает, что кризис власти

Сигизмунда в Чехии вызван политическими просчетами короля, сожжением Яна Гуса и Иеронима Пражского на Констанцском собо­ре [2, S. 1183].

Налицо нелинейность в исследовании личности Сигизмунда: работа Гэртнера, представляющая этого правителя в общеевропейском контексте, содержит первые проблески «национального» подхода. Подобная нелинейность справедлива и для следующего — «национального» — этапа изучения этого правителя (XIX–XX вв.). «Интернационализм» гэртнеровского подхода нашел более четкое выражение у Й. Ашбаха, профессора университета в Франкфурте-на-Майне. Во введении к «Истории императора Сигизмунда» (1838–1845) автор говорит о необходимости создания такой истории, которая «должна представлять его не только как германского императора, но и как маркграфа Бранденбургского, регента Польши, венгерского короля, регента, а позднее короля Чехии» [3, S. VI]. Поэтому Ашбах обращается не к немецким нарративным источникам (за исключением труда Эберхарда Виндеке), а к хроникам, анналам, воспоминаниям и грамотам из Венгрии, Польши, Италии и Франции. Внешняя политика Сигизмунда, о которой повествуют эти источники, выходит на первый план, равно как и личность правителя.

«Национальный период». Работа Ашбаха тем более удивительна, что она была написана в середине XIX века, когда историю личности затмила история народа или страны. На мой взгляд, последнее связано с двумя причинами. Во-первых, центрально-европейская интеллектуальная элита стремилась дополнить свои культурные границы политическими, т.е. создать национальное государство. Она обращалась к своему прошлому, отмечала, что прежде ее народом правили «свои» Арпады или Пржемысловичи, а не чуждые Габсбурги, и обосновывала, тем самым, либо особое положение своей страны в Австрийской империи, либо право на отделение. Во-вторых, возникший в это время позитивизм и сходные с ним направления побуждали изучать вещи, более объективные,

чем жизнь и деяния отдельных правителей, например, общественный и государственный строй, право и т. д. Их последователи считали, что лишь так можно погрузиться в прошлое и узнать, «как это было на самом деле».

Обратившись к эпохе Сигизмунда в первой половине XIX в., венгры (И. Катона, Я. К. Энгел), чехи (Ф. Палацкий) и немцы обнаружили, что не могут назвать этого правителя своим по духу: венгры — оттого, что он носил короткую бороду и был слабым полководцем [4, Р. 804], чехи — поскольку он сжег их героя, Яна Гуса [5]. Немецкие ученые в начале XIX века либо были столь разобщены территориально, что восславляли лишь князей своих земель, зачастую сравнивая их с Сигизмундом (К. Г. Хайнрих [6], Л. Хан [7]), либо сетовали, что он не был «человеком великого духа», который смог бы добиться величия Германии в XV веке (К. А. Менцель [8, S. 168]).

Отношение к Сигизмунду как к правителю менялось в зависимости от того, какие времена переживала та или иная страна. В 1920–1930-е годы в Венгрии, потерявшей после Первой Мировой войны $\frac{2}{3}$ земель, обострилась критика Сигизмунда, которого Б. Хоман и Д. Секфю во втором томе «Венгерской истории» на основе земельных подсчетов обвинили в резком падении королевского землевладения и, соответственно, ослаблении королевской власти (цит. по: [9, 8 о.]). В то же время, в 1870-х годах франкофобская часть немецкой общественности улучшила свое отношение к Сигизмунду, который, по М. Ленцу и Я. Каро, отошел от постыдной дружбы с Францией, и заключил в 1416 году в Кентербери союз с Генрихом V Английским [10; 11].

Общим для венгерской, немецкой и чешской историографии «национального периода» было то, что ученые оценивали Сигизмунда, исходя из интересов собственных стран в XV веке и, зачастую, негативно.

Современный этап. Первыми к качественным изменениям в оценке Сигизмунда пришли в 1960–1970-е гг. венгерские ученые.

Э. Маюс обнаружил, что после 1404 года власть Сигизмунда как короля стабилизировалась и укрепилась [12, S. 21], а П. Энгел доказал это, перепроверив данные Хомана и Секфю [9, 21. о.].

Со второй половины XX века центробежные тенденции, определявшие историческое развитие Европы, начинают сменяться центростремительными, свидетельством чего может служить, например, создание и пока успешное существование Европейского Союза. В этот период, особенно в конце XX – начале XXI века, когда на первый план выходит общеевропейская история, образ Сигизмунда в историографии получает новое развитие. Происходит возврат к жанру биографии, заброшенному после Ашбаха: в Германии появляются работы Вильгельма Баума «Император Сигизмунд. Гус, Констанц и войны с турками» [14] и Йорга Хенша «Император Сигизмунд. Правитель на пути к Новому времени» [15], в которых переоценивается роль Сигизмунда в истории. Многие, что прежде ставилось ему в вину, теперь воспринимается нейтрально: к примеру, работа Пала Энгела «Включение в Европу с древнейших времен до 1440 года» в серии «Венгры в Европе» представляет покровительство иностранцам, которое обличалось венгерской историографией XIX века, в ином свете — Энгел считает, что для венгров стало естественным с расширением державы Сигизмунда и проведением соборов видеть в окружении короля также иностранцев [16, 344 о.]. Обратившись к истории, немцы, венгры и чехи «обнаружили», что в XV веке ими правил человек, который перемещался по Европе, словно современный европеец, говорил на шести языках и явно был лишен какой-либо ксенофобии. Началось совместное изучение личности этого правителя — в 2000-х гг. было организовано несколько конференций, посвященных Сигизмунду и его времени. Созванный им Констанцкий собор, 600-летие которого будет отмечаться в 2014 году, воспринимается как праобраз единства Европы, в котором столь нуждаются современные европейские страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gaertner C. G. De Sigismundo, Romanorum Imperatore, Germaniae, Hungariae, Bohemiae Rege. Lipsiae: literis Fleischerianis, MDCCXXIII. 70 p.
2. Sigismund, Siegmund, Siegemund, Römischer Kaiser, König zu Ungarn und Böhmen // Grosses vollständiges Universal-Lexicon. 68 Bände. Bd. 37. Leipzig; Halle: Johann Heinrich Zedler, 1743. S. 1177–1185.
3. Aschbach J. Geschichte Kaiser Sigmunds. 4 Bände. Bd. I. Hamburg: Perthes, 1838.
4. Katona S. Historia critica regum Hungariae stirpis mixtae. 13 Tomi. Tom. V. Ordine XII. Ab anno Christi MCCCCX ad annum usque MCCCCXXXIX. Budae: Typis Regiae Universitatis, MDCCXC. 932 p.
5. Palacký F. Dějiny narodu Českého v Čechach a v Morávě. 5 díl. D. III. Praha: Mazáč, 1937.
6. Heinrich Ch. G. Sächsische Geschichte. 2. Bände. Bd. I. Leipzig: Weidmann, 1780.
7. Hahn L. Geschichte des preussischen Vaterlandes. 21. Auflage. Berlin: Hertz, 1888.
8. Menzel C. A. Die Geschichten der Deutschen. 8. Bände. Bd. VI. Breslau: Verlag von Graß, Barth und Comp., 1821.
9. Engel P. Királyi hatalom és arisztokrácia viszonya a Zsigmondkorban. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977.
10. Lenz M. König Sigismund und Heinrich V von England. Berlin: G. Reimer, 1874.
11. Caro J. Das Bündniss von Canterbury. Gotha: Perthes, 1880.
12. Mályusz E. Die Zentralisationsbestrebungen König Sigismunds in Ungarn. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1960.
13. Baum Wilhelm. Kaiser Sigismund. Hus, Konstanz und Türkenkriege. Graz: Styria, 1993.
14. Hoensch Jörg K. Kaiser Sigmund. Herrscher an der Schwelle zur Neuzeit, 1368–1437. München: Beck, 1996.
15. Engel Pál. Beilleszkedés Európába a kezdetektől 1440-ig. Magyarok Európában. 3 kötet. I. köt. Budapest: Háttér lap- és könyvkiadó, 1990.

ГАГАРИНА А. Л.

Нижегородский государственный университет им. К. Минина

РЕАБИЛИТАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. Г. ГЕРДЕРА

Перелом свойственного просветителям отрицательного отношения к прошлому делает «Идеи к философии истории человечества» И. Г. Гердера работой привлекательной с точки зрения медиевистики.

Являясь практически полным комплексом взглядов Гердера, издававшимся с 1784 по 1791 г. и состоявшим из 20 полных книг и планов заключительных томов [1, С. 615], «Идеи...» характеризовали своего автора как двойственную натуру. С одной стороны, как философа, стоявшего на позициях, свойственных типичным «историкам-рационалистам»: отказ от европоцентризма, внимание к человечеству и его ценности, стремление расположить максимально обезличенные факты по определенному плану с конечной четкой целью [2, С. 185].

Однако, когда Гердер вслед за Вольтером рассматривает историю культуры, он проявляет вторую сторону своего «философского Я», представляя на суд общественности совершенно новое понимание исторического процесса в целом и его деталей в частности. Мысли о диалектичности пути развития человечества, привели философа к осознанию ценности каждой «стадии», начиная с первобытности. Из чего логически последовало утверждение, проводящее между Гердером и просветителями жирную черту противоречия. Его восприятие Средних веков как новой культуры [3, С. 583] никак не согласуется с традиционным для просветительской историографии представлением, отвергающим какое-либо их культурное значение.

Более того, личный взгляд философа на эту историческую эпоху представляет отдельный интерес как историографическая концепция. Находясь в фарватере Просвещения и клеймя феодальный строй такими ярлыками как «деспотизм», «рабство» и «крепостная зависимость», он отдает пальму культурного первенства арабам, чей конфликт с европейцами в конечном итоге привел к оживлению человеческой энергии, что само по себе результат положительный [3, С. 576–577].

Признав вновь созданную на римском пепелище культуру как одно из колесиков «европейского механизма», содействовавшего достижению всеобщей цели [3, С. 578], Гердер рисует древо средневековой культуры с двумя ветвями, определяя их природу терминами «дух купеческий» и «дух рыцарский» соответственно. При этом ветвь «купеческая» изначально им признается тупиковой, так как порождена она стремлением к наживе. Далее он делает вывод в духе Руссо о том, что роскошь разъедает и непременно приводит к упадку, не смотря на блестящие предпосылки к развитию в торговых городах-государствах.

Расправив паруса попутному ветру «штрюмеров», автор обращает свой взгляд на «могучее и стойкое» рыцарство, чья бескорыстность — прямая противоположность «купеческому духу». Переходя к непосредственному изложению своих взглядов по этому вопросу Гердер, волнуемый судьбой немецкого народа, начинает с национального признака. В начале главы о рыцарстве радостная картина легкого бытия итальянских народов сменяется суровостью будней немецких племен. Казалось, что сама природа располагает к тем национальным чертам характера, которые имеются по сей день у немцев, превратившим Европу огромный «цех военного искусства». Рыцарство — это и ремесло, и единственное и главное искусство немецкого народа.

Гердеру ясно, что со временем такое ремесло должно было выродиться в «наглое варварство», в противовес этому явлению был создан свод правил — «кодекс чести», регламентирующий всю

бытовую и военную жизнь рыцаря, сковавший его в «железный панцирь» и оставивший ему «всего две-три мысли».

Не отказываясь от своего тезиса, согласно которому зачатки просвещения сохранялись на Востоке, а именно у арабов, Гердер утверждает, что дух рыцарства не что иное как характерная черта национального характера арабов. Влияние арабов соединившись с предрасположенностями в характере норманов, позволило распространиться резвившейся в теплых странах культуре на север. Что, безусловно, выявляет в Гердере наклонности к географическому детерминизму, во-первых. А, во-вторых, позволяет нам сделать вывод о том, что особенности культуры зависят от особенностей национального характера в первую очередь, а уж потом мракобесия и суеверий в виде религии, например. Наличие которых в купе с дурновкусием автор не стремиться отрицать.

К тому же, раз есть национальные особенности, значит должна быть и нация. Чему Гердер дает логичное доказательство, приводя нам свои рассуждения на тему национальной поэзии и языка Лимузена, опять же не без участия арабского влияния. В это же время появляется характерный для этого исторического этапа литературный жанр — роман.

Таким образом, перед нами одна из интереснейших интерпретаций средневекового этапа европейской культуры, высказанная немецким философом И. Г. Гердером на стыке двух исторических парадигм [3, С. 578–590].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гулыга А. И. Гердер и его идеи к философии истории человечества // Идеи к философии истории человечества. М: Наука, 1977.
2. Косминский Е. А. Историография средних веков. М.: Издательство Московского университета, 1963.
3. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М: Наука, 1977.

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСПАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ
Н. С. МАСЛЕННИКОВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА УЧЕНОГО)**

Проблемы средневековой Испании на протяжении нескольких десятилетий оставались одним из наименее разработанных разделов отечественной медиевистики. В том числе и потому, что отдельные историки, занимавшиеся изучением средневековой Испании, в силу разных причин не печатали свои труды. Среди них оказались работы ленинградского медиевиста Николая Сергеевича Масленникова, преподававшего на историческом факультете Новгородского государственного учительского института в 1935–1940 гг. Ныне часть его архива хранится в фонде Научно-исследовательского музейного центра «Лихудовский музей» при кафедре всеобщей истории НовГУ.

Наиболее ценными материалами фонда Н. С. Масленникова являются немногочисленные рукописи, отражающие его научное и педагогическое творчество. Мы обратимся к рассмотрению двух из них: «Материалы к лекциям по истории Испании и Португалии в XVI в.» (б. г.) [1] и монография «Восстание коммунаров» (1968 г.) [2]. Оба этих документа посвящены истории государств Пиренейского полуострова конца XV – начала XVI в.

«Материалы к лекциям по истории Испании и Португалии в XVI в.» могли использоваться как учебное пособие для знакомства студентов с политической и социально-экономической историей этих государств. На это указывает, в частности, малое количество ссылок на другие исследования по этой теме (приводятся только работы Гамильтона и Маркса в разделе, посвященном экономике

Испании в начале XV в.). Кроме того, стиль текста упрощен по сравнению со стилем монографии или статьи. Автором была поставлена задача осветить наиболее важные, с его точки зрения, события политической и экономической жизни Испанского государства в XVI в. Текст состоит из семи разделов. Первый — «Испания к началу XVI века» — посвящен обзору административно-территориального устройства Испании и Португалии. По мнению автора, «для понимания событий политической истории Испании XVI века, мы должны обратиться, прежде всего, к характеристике ее экономического развития» [1, Л. 4], о чем повествуется в следующей главе — «Экономический переворот в Испании XVI века и его последствия». Третий раздел — «Испания в составе империи Карла V» — начинается с краткого обзора итогов правления первых двух представителей династии Габсбургов: Карла V и Филиппа II; показан трудный путь прихода к власти Карла V и последующий за этим подъем народного движения в Испании, о которых автор рассказывает в параграфе «Революционные движения в Кастилии, Валенсии и на острове Майорка». Особенности внутренней политики Карла V рассмотрены в разделе «На новом этапе абсолютизма»: власть монарха становится неограниченной, наступает расцвет инквизиции. Испания, становясь мировой державой, должна была стать и оплотом воинствующего католицизма, что и произошло, когда престол перешел к Филиппу II. «Испания при Филиппе II (1556–1598)» — история государства во второй половине XVI в., «период величия испанской монархии и ее падения, ее экономического и политического краха» [1, Л. 118]. При преемнике Филиппа II, Филиппе III были лишь подведены неутешительные итоги господства первых двух Габсбургов в Испании. Им посвящен последний раздел — «Испания при Филиппе III».

Принципиально отличается и по стилю, и по оформлению текста вторая рукопись — «Восстание коммунаров», являющаяся серьезным научным исследованием. Более того, есть все основания полагать, что это черновой вариант докторской диссертации

Н. С. Масленникова, которую он не успел представить к защите — в 1970 г. он ушел на пенсию в связи с тяжелой болезнью. Монография датирована 1968 г., содержит 4 главы, первая — «Социально-экономическое положение Кастилии в начале XVI в.» [3] (в отличие от прочих, она написана в 1953 г.) и 3 остальные — «Восстание коммунаров» [2]. Документ содержит 335 страниц машинописного текста, в котором имеются пометки на полях и оборотах страниц, сделанные автором.

К тексту монографии прилагается документ, содержащий информацию об основных источниках, использованных автором при написании работы, а также краткая историографическая справка по рассматриваемой проблеме. Автор сообщает, что на момент написания работы проблема «мало привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных историков». Он обращает внимание на то, что «у всех исследователей... незаслуженно забыты или недостаточно использованы те источники, которые сами по себе дают возможность при детальном знакомстве с ними воссоздать полную картину этого восстания» [2, Л. 1]. Далее следует перечень авторов, чьи хроники, по мнению Н. С. Масленникова, следует использовать при изучении восстания коммунаров. Ценным для нас является следующий за списком авторов подробный источниковедческий анализ каждого источника с указанием, в какой из областей исторической науки его можно использовать. Цель исследования — представление социально-экономической и политической ситуации в Испании начала XVI в., повлиявшей на возникновение движения коммунаров. Опираясь на данные источников, автор дает не только подробное изложение хода событий, но и называет конкретные причины и поводы восстания. В целом эта монография — ценное исследование по истории народных движений Западной Европы и, в частности, Испании.

Рукописи научных работ Н. С. Масленникова представляют собой наследие ученого-медиевиста, работавшего в сложных условиях идеологической диктатуры, и, тем не менее, сумевшего

не переступить грань между объективным научным исследованием и политическим заказом. В своих работах автор уделяет большое внимание не только трудам классиков марксизма, но и данным первоисточников, многие из которых были впервые введены им в научный оборот в отечественной науке. Исследования Н. С. Масленникова не теряют актуальности и в настоящее время, поскольку список наименований трудов по истории средневековой Испании в отечественной медиевистике и сегодня остается немногочисленным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихудовский музей. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.
2. Лихудовский музей. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4–6.
3. Лихудовский музей. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
СРЕДНИХ ВЕКОВ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

**АНОНИМНАЯ ПОЭМА CARMEN DE CONTRA PAGANOS
И НАДПИСЬ ФЛАВИЯ ВИРА НИКОМАХА ИЗ СЕВЕРНОЙ
АФРИКИ: НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ЛИЧНОСТИ ПРЕФЕКТА**

Carmen de contra paganos — анонимная латинская поэма, впервые опубликованная Т. Моммзеном в 1870 г. в журнале *Hermes* — ценна для нас в первую очередь как источник, содержащий образ язычества не как культурной оппозиции развивающемуся христианству, но как оппозиции политической в виде своеобразного возвращения к языческим культам на государственном уровне в конце IV века. В своей поэме автор выступает с гневными нападками на священнослужителей, являвшихся предводителями языческих культов, и на представителей сенаторского сословия, принимавших самое активное участие в процессах «реставрации язычества». Поэтому идентификация личности некоего префекта, постоянно упоминаемого в тексте поэмы, крайне важна для нас, поскольку, во-первых, именно против этого персонажа она и была направлена, и во-вторых, от этого условия зависит не только датировка самой поэмы, но и интерпретация представленных в ней сведений.

До сих пор в активном рассмотрении находятся четыре кандидата: Веттий Агорий Претекстат (преторианский префект Италии в 382 г.), Квинт Аврелий Симмах (городской префект Рима в 383–384 гг.), Вир Флавий Никомах (преторианский префект Италии в 393–394 гг.) и Габриний Барбарий Помпеан (городской префект Рима в 408–409 гг.). Каждое из мнений имеет своих противников и сторонников, однако господствующей точкой зрения

является предположение, выдвинутое еще Т. Момзенем, о том, что префектом является Вир Флавий Никомах [1, Р. 358].

Т. Моммзен приводит в статье, сопровождающей первую публикацию источника, несколько основных признаков, от которых можно отталкиваться в доказательствах и аргументированном построении гипотез. Из них мы позволим себе выделить только один, который наиболее четко связан с изложенным далее материалом: Поэт называет в тексте некоего «наследника Симмаха»: *conposuit templum nuper cui Symmachus heres* («Возвел храм недавно <тот>, кто Симмаху наследник»). Это может относиться к какому-либо другому наследованию, но вероятнее всего, имеется в виду тот же человек, о котором автор говорит во всей остальной песне, и который, обладая собственным достатком, согласился на наследование лидерства в языческом культе.

В этом случае следует обратить пристальное внимание на те исторические фигуры, чье политическое продвижение мы можем восстановить с наибольшей долей достоверности. Я полагаю, что кандидатура Вира Флавия Никомаха более всех остальных соответствует указанному выше признаку. Подчеркнем, что карьера Никомаха может быть восстановлена не только с помощью текста *Carmen* (если мы принимаем именно его как главное действующее лицо поэмы), но также по некоторым письмам оратора Симмаха и нескольким латинским надписям, упоминающим основные этапы его политического продвижения [2, Р. 132–134].

Во время узурпации Евгения в Италии, который при Валентиниане II занимал пост государственного секретаря, а в 392 году в результате дворцового переворота получил титул императора, Флавий Никомах был преторианским префектом, в то время как немаловажной политической силой во время событий 392–394 гг. продолжала оставаться языческая оппозиция христианству. Ее идейным вождем и духовным лидером был не император Евгений, сам являвшийся пусть нетвердым, но христианином, но именно Никомах [1, Р. 360]. *Dicite, praefectus uester quid profuit urbi, quem*

louis ad solium raptum tractatus abisset («Скажите, префект ваш, что помог городу, к кому у украденного трона Юпитера удалился захвативший <власть>?») — эти строки, согласно контексту, можно трактовать как свидетельство об обращении Евгения за помощью именно к префекту, который ранее занимал важные позиции в центральном аппарате западной половины империи.

Надписи, подтверждающие эти предположения, подробно рассмотрены в статье Дж. О'Доннела (журнал *Phoenix*, V. 34 от 1978 года), поэтому я приведу только некоторые основные примеры, являющиеся важными доказательствами. Надпись CIL VI.1782, посвященная свадьбе сына оратора Симмаха с внучкой Флавия Никомаха и датированная примерно 401 г., [2, P. 129] позволяет сделать вывод, что один из представителей рода Никомаха определенно мог являться не только политическим преемником, но и законным наследником части собственности Аврелия Симмаха (CILVI. 1782: *VirioNicomachoFlavianov(iro) c(larissimo) / quaest(ori) praet(ori) pontif(ici) maiori / consulariSiciliae / vicarioAfricae / quaestoriintrapalatum / praef(ecto) praet(orio) iterumco(n)s(uli) ord(inario) / historicodisertissimo / Q(uintus) Fab(ius) MemmiusSymmachusv(ir) c(larissimus) / prosocerooptimo*). Тот факт, что во время того же восстания сын Вира Флавия Никомаха, Флавий Никомах-младший, был назначен префектом города Рима, добавляет еще немного веса этому предположению.

Еще одним важным аргументом в пользу кандидатуры Никомаха-старшего может считаться следующая строка: *Sola tamen gaudet meretrix te consule Flora* («Только лишь блудница Флора радуется о тебе, о консул»). Это значит, что префект Carmen был консулом во время языческой реставрации, Никомах же был единственным из всех перечисленных кандидатов, кто действительно обладал титулом консула в период Евгения в 394 г. [3, P. 469].

Кроме названных выше аргументов, есть еще несколько других сведений в пользу данной кандидатуры, которые мы хотели бы рассмотреть в нашей работе. *Et quis quam supplex ueneratur templa*

tyranni («И какой-нибудь молящий почитает храмы тирана»): две очень важные строки, предоставляющие нам сразу несколько возможных доказательств. Благодаря надписи из Кельна, в которой Евгений обозначен как император (CIL XIII 8262: [Salvis domini] s et Imperatoribus nost/[ris Fl(avio) Theodo]sio Fl(avio) Arcadio et Fl(avio) Eugenio / [--- vetustat]e conlapsam iussu viri cl(arissimi) / [et inl(ustris) Arboga]stis comitis et instantia v(iri) c(larissimi) / [--- co]mitis domesticorum ei(us) / [a fundament]is ex integro opere faciun/[dam cura]vit magister pr(ivatae?) Aelius), можно сделать вывод, что узурпатор рассматривался провинциальной администрацией как абсолютно законный правитель. Следовательно, как свидетельствуют данные эпитафии, Евгения и Арбогаста поддерживали чиновники и армия, что в эпоху Поздней империи было крайне важным фактором [4, Р. 220–237].

Однако, несмотря на это, Евгений, в отличие от Максима, не был признан восточным императором Феодосием в качестве коллеги-соправителя, соответственно, для христианской части Запада он оставался именно «tyrannum», узурпатором, чье правление откасался подтверждать Феодосий, благочестивый в глазах христиан император востока.

Все перечисленные источники обрисовывают нам этапы карьеры Никомаха-старшего ретроспективно, т.е. эти тексты были составлены только после смерти героя нашего повествования. И в этом смысле совершенно новое звучание приобретает латинская надпись из североафриканского города Лептис Магна (пров. Африка Проконсульская, совр. г. Аль-Хумс на северо-западном побережье Ливии), опубликованная еще в 1950 г. — в равной мере она служит весомым доказательством в пользу идентификации личности префекта Carmen с Виром Флавием Никомахом. «Flavianii v(iri) c(larissimi) / Nicomacho Flaviano agentis / tunc vicem praefectorum praetoriorum Africae provinciarum / pubescente Romano in nomine gloriae et vigente fortuna / dominorum principumque nostrorum / Valentis Gratianii et Valentiniani / perpetuorum semper Augustorum»

etubiq(ue) / vincentium Lepcimagnensis / fidelisetinnocensordocumpo / pulopr(a)estantissimopatrono / votisomnibusconlocavit» (AE. 1950. 188 = IRT 475. Флавиану, мужу светлейшему Никомаху Флавиану, исполняющему тогда обязанности префектов претория в африканских провинциях с укреплением славы римского имени и процветанием удачи наших владык и правителей Валента, Грациана и Валентиниана, всегда вечных Августов и везде — победителей, верный и невинный совет Лептис Магны совместно с народом самому славному защитнику всеобщими молитвами поместил). Значение цитированной надписи состоит в том, что она была составлена в период жизни самого Никомаха-старшего и зафиксировала один из многочисленных фактов его административной карьеры. Из представленного выше текста можно сделать следующие выводы:

1. «*Valentis Gratianiet Valentiniani*»: порядок императоров указан по их старшинству, т. е. Валент — самый старший, Грациан и Валентиниан (II) — его племянники, сыновья ушедшего в мир иной Валентиниана I, старшего брата Валента. Следовательно, датировка надписи падает на период от 375 г. (смерть Валентиниана I) до 378 г., когда в битве при Адрианополе был убит император Валент.
2. «*Flavianii v(iri) c(larissimi) / Nicomacho Flaviano agentis / tunc vicem praefectorum prae/torio per Africanas provincias*». Административный контекст состоит в том, что Вир Флавий Никомах был отправлен в Африку в качестве специального чиновника, представлявшего интересы центральной власти.

Эта надпись заставляет нас по-новому взглянуть на старый вопрос об идентификации личности префекта Carmen. Обратим внимание — в 25 строке поэмы упоминается префект, отправивший в Африку для управления императорскими поместьями некоего Левкадия: *Leucadium fecit fundos curaret Afrorum, perdere Marcianuins, ibi proconsul ut esset* («Сделал, чтобы Левкадий заботился о поместьях (земельных владениях) африканцев, а Марциан потерял <свой пост>, чтобы ты стал проконсулом»).

Как нам кажется, эта строка прямо указывает на связь, лежащую на поверхности — анонимный префект мог отправить чиновника именно в Африку по той причине, что он сам (т. е. префект) ранее находился на этой территории и поэтому прекрасно разбирался во внутреннем положении африканских провинций. Другими словами, Вир Флавий Никомах предположительно в 375–378 гг. уже пребывал в Проконсульской Африке, где он выполнял функции судопроизводства, соответственно, можно заключить, что и в 393/4 гг. он принял ряд мер по усилению контроля центральной администрации именно над Африкой, где размещались императорские сальтусы (имения) — факт, прекрасно известный Никомаху как викарию этой провинции в 375–378 гг.

Мы полагаем, что внимание префекта к подобным вопросам могло быть связано с его более ранней служебной деятельностью в Африке, и этот факт из всех имеющихся у нас данных указывает только на Вира Флавия Никомаха.

Несмотря на то, что идентификация префекта анонимной поэмы с Виром Флавием Никомахом широко распространена в научных кругах, не стоит забывать, что существуют и другие мнения. Например, Данита Шанзер в своей статье называет Веттия Агория Претекстата наиболее вероятным кандидатом на роль анонимного префекта, следуя в этом статье Л. Гракко-Руджини, а также говорит о том, что просопографический анализ личности префекта поэмы вряд ли когда-нибудь будет однозначно решен и приведен к общему знаменателю [5, Р. 238].

Тем не менее, с привлечением как уже давно введенных в оборот, так и сравнительно новых для этой темы источников, мы вслед за Дж. Мэтьюсом и Т. Моммзеном вновь рискуем предположить, что безымянный префект из *Carmen de contra paganos* может быть идентифицирован именно с кандидатурой Вира Флавия Никомаха — по крайней мере, на наш взгляд, сведения цитированной выше надписи из Лептис Магны дают ряд дополнительных оснований в пользу этого вывода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mommsen Th. Carmen Codex Parisini 8084 // Hermes. Bd. 4. Hft. 3. 1870. P. 350–363.
2. O'Donnell J. J. The Career of Virius Nicomachus Flavianus // Phoenix, Vol. 32, N. 2. 1978. P. 129–143.
3. Matthews. J. F. The Historical Setting of 'Carmen contra paganes' (Cod. Par. Lat. 8084) // Historia: Zeitschrift fur Alte Geschichte, Bd. 19, H. 4. 1970. P. 464–479.
4. Wardman A. E. Usurpers and Internal Conflicts in the 4th Century A. D. // Historia. Bd. 33. Hft. 2. 1984. P. 220–237.
5. Shanzer D. The Anonymous Carmen contra paganos and the Date and Identity of the Centonist Proba // Revue des Etude Augustiniennes, 32. 1986. P. 232–248.

УДК 94 (41) "7"

ПРОГУНОВА Ю. М.

Ивановский государственный университет

ПИСЬМА АНГЛОСАКСОНСКИХ МОНАХИНЬ КАК ИСТОЧНИК ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О САМОСОЗНАНИИ ЦЕРКОВНОГО НОБИЛИТЕТА БРИТАНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VIII ВЕКА

Долгое время в отечественной и зарубежной медиевистике было принято считать, что средневековое общество, его культура и традиции были порождены мужчинами и ориентированы на мужчин, а женщины были исключены из средневекового социума и не играли в нем значимой роли. Одной из причин подобного заблуждения были особенности письменной культуры раннего западноевропейского средневековья: абсолютное большинство нарративных источников происходят из мужской среды, тогда

как женский авторский текст является редкостью [1, С. 158–159]. Трактат Дуоды Септиманской, поэтические произведения Радегунды Тюрингской, личная переписка светских и церковных знатных женщин привлекла внимание лишь в связи с исследованиями по социальной антропологии и интеллектуальной истории [2, С. 83–108].

К сожалению, исследований, посвященных изучению самосознания представительниц церковной аристократии и вопросам их самоидентификации, основывающихся на их переписке практически нет. Тем не менее, невозможно не обратить внимания на глубокие личностные переживания, которые нашли отражение в текстах средневековых аристократок, монахинь и аббатис. Особенно ярко эмоциональный фон проявился в источниках личного происхождения — таких как письма. VII–VIII века — время активной миссионерской деятельности англосаксов на континенте, а также их непрекращающихся паломничеств в Рим. Но куда бы ни отправлялись миссионеры и паломники, их сопровождали напутственные и сопроводительные письма, и сами они, в свою очередь, стремились сохранить связь с родиной — вели переписку с близкими людьми. Среди них и первые дошедшие до нас письменные свидетельства женщин о собственном положении и трудностях, с которыми они сталкивались ввиду своего нового статуса, связанного с монашеским служением. Несколько писем англосаксонских аббатис и монахинь сохранилось благодаря их дружеским контактам с епископом Винфридом-Бонифацием, известным как «апостол Германии». Покинув Британию ради миссионерской и проповеднической деятельности, он никогда не терял связи с родиной, поддерживая контакты со многими церковными деятелями, среди которых были и женщины [3, С. 120]. Хотя деятельность епископа была связана в основном с германскими землями, его авторитет был значим и в Британии. Поэтому не случайно, что в письмах, адресованных ему, аббатисы и монахини просят поддержки и совета в управлении вверенными им общинами.

Для анализа нами выбрано четыре письма, хронологически относящихся к первой половине VIII века (713–744 гг.). Самые ранние послания женщин были созданы аббатисами в так называемых «двойных» (совмещающих женскую и мужскую общины) монастырях — центрах учености и письменной культуры VII–VIII вв. Исследователи нередко называют ранний англосаксонский период «золотым веком» женской учености по сравнению с последующими столетиями [4]. Авторами отобранных писем являются аббатисы Эльфледа, Эгбург, Энгют, Кюнебург. К сожалению, не всегда возможно узнать о женщине более того, что она сообщает в письме, что затрудняет понимание некоторых сюжетов. В нашем случае, о трех аббатисах нам неизвестно ничего, кроме тех свидетельств, которые мы получаем из их собственных посланий, но об одной — Эльфледе — нам известно больше, потому что она не раз упоминается в сочинении англосаксонского монаха Беда Достопочтенного «Церковная история народа англоv». Эльфледа была дочерью Освиу, правителя Берниции — области на северо-востоке Британии — который еще в детстве посвятил ее Богу и отдал на воспитание в монастырь под покровительство аббатисы Хильды — самой образованной женщины того времени. Вместе со своей духовной матерью Эльфледа долгое время жила в известном двойном монастыре Витби, который она и возглавила около 680 г.

Каково же содержание рассматриваемых писем? Действительно, одним из основных мотивов писем является необходимость женщин, находящихся во главе монастыря (иногда даже двойного) заручиться поддержкой опытного духовного наставника. Поэтому не случайно, что аббатисы обращаются в своих письмах к Бонифацию, которому была хорошо знакома и монастырская, и миссионерская жизнь. С какими же трудностями сталкивалась аббатиса? Например, Энгют пишет о том, что в первую очередь и прежде всего она должна заботиться о душах тех, кто вверен ей в земной жизни и за заботу о ком, ей предстоит отвечать в Судный день. Но затем аббатиса добавляет, что крайняя

нищета и нехватка самого необходимого в монастыре отягчают эту и без того тяжелую ношу [5, Р. 260–264].

Эльфледа в своем письме, адресованном Адолане, аббатисе монастыря, расположенного недалеко от Трира, просит позаботиться о своей подопечной, совершающей паломничество в Рим [5, Р. 248–249]. VIII век — время расцвета англосаксонских монастырей, был и временем активного паломничества. Еще в VII веке знаменитый наставник Беда Достопочтенного славился тем, что несколько раз отправлялся в Галлию и Рим, чтобы найти мастеров для возведения своего монастыря, а также пополнить свою библиотеку. Конечно, не все преследовали такие глобальные цели. Судя по письмам, монахиням было достаточно «поклониться престолом святых апостолов Петра и Павла». Данное паломничество никогда не было легким, поэтому сопроводительные письма играли в этом процессе значительную роль. Поэтому Эльфледа, обращаясь к Адолане, просит оказать содействие монахине, которая уже начинала этот путь, но по необходимости возвращалась аббатисой назад.

Безусловно, в письмах самым ярким образом выражены и личные переживания женщины. В первую очередь, они связаны с личным одиночеством и потерей ближайших родственников. Хотя абсолютно справедливым будет говорить о том, что христианство и особенно монастырская жизнь привнесли в англосаксонское общество новый тип родства — родство духовное («не по плоти, но по духу»), кровные родственные связи не теряли своего значения.

Письмо Эгбург [5, Р. 258–260], адресованное Бонифацию, всецело посвящено горьким переживаниям, охватившим аббатису после смерти ее родного брата и ухода молочной сестры в обитель на континенте. Эгбург, перечисляя свои печали и сетуя на свое одиночество, умоляет Бонифация не лишать ее своей дружбы в память о брате, хотя, как она пишет «она и слабее его в знаниях и ниже в деяниях».

Забота о родственниках нашла отражение и в практике совместных поминовений умерших родичей. В совсем небольшом письме аббатиса Кюнебург [5, Р. 309] просит нескольких аббатов и священника поминать в молитвах ее умерших родственников, а также сообщить их имена как можно большему числу людей, которые также молились бы за их души.

Все послания отмечены искренней заинтересованностью женщин в своем служении, глубоким личностным переживанием неудач, связанных с ним. Не случайно, письма Эгбург и Эангют, обращенные к Винфриду-Бонифацию, полны описаний несчастий, выпавших на долю аббатис. Первая половина VIII века была непростым временем в истории англосаксонских королевств: на это время приходится период нестабильности, а также перемен в религиозной жизни Британии — в том числе, изменение границ епархий и переход монастырей в подчинение новым епископам. Как следует из писем аббатис, эти события болезненно отразились на повседневной жизни обитателей, связанных обязательствами как со светскими, так и с церковными владыками. Однако в первую очередь аббатисы и монахини были обеспокоены заботами своего «духовного материнства». Забота о собственной душе и душах тех, кто вверен их попечительству, искренне беспокоила их. Несмотря на обремененность личными несчастиями и тяжелым положением монастыря, аббатисы, прежде всего, искали душеспасительного совета и помощи в заботе о монахинях. В том числе, аббатисы выступали помощницами и посредниками для паломников, совершающих путешествие в Рим. Они оказывали посильную помощь и вверяли пилигримов гостеприимству своих духовных сестер в Британии и Галлии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессмертный Ю. Л. Мир глазами знатной женщины IX века (К изучению мировосприятия каролингской знати) // Художественный язык средневековья. М., 1982.

2. Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999.
3. Ekenstein L. Women under monasticism: chapters on saint-lore and convent life between A. D. 500 and A. D. 1500. Cambridge, 1896.
4. Watt D. Literature in pieces: female sanctity and the relics of early women's writing (500–1500) // Режим доступа: <http://epubs.surrey.ac.uk/712369/3/Chemel%20Watt%20rev1%202011%20accept%20changes%20LITERATURE%20IN%20PIECES.pdf> (дата посещения: 18.09.2013 г.).
5. S. Bonifacii et Lulli Epistolae // MGH, Epistolarum T. III, Merovingici et Karolini Aevi T. I. Berlin: Weidmann, 1899.

УДК 94(430)

БОРИСОВ Г. И.

Московский государственный университет

ОШИБКИ И ФОРМУЛЫ В ТЕКСТЕ LEX SALICA KAROLINA

Исследователь, занимающийся критическим анализом любого исторического текста прежде всего обращается к филологии и такой специальной исторической дисциплине как текстология. Методы этих наук получили широкое распространение в исторических исследованиях в XIX в., однако не часто привлекают внимание историков нашего времени. Между тем многие известные памятники, каким считается кодификация закона салических франков, проведенная при Карле Великом, остаются слабо исследованными именно в плане критики текста. Речь идет о нескольких источниковедческих вопросах, связанных с текстологическим и филологическим анализом текста знаменитого Салического закона, известного каждому медиевисту как Салическая Правда. Изучение ошибок, сделанных в рукописях,

а также их филологическая атрибуция относятся к стандартным задачам источниковеда. Предмет изучения при этом перемещается из исследования происхождения текста в область бытования рукописей, практики их создания и применения. Таким образом, в центре моего исследования была история текста одного из вариантов *Lex Salica* на протяжении нескольких веков. Вполне очевидно, что в рамках данной статьи я не смог полностью охарактеризовать всю историю текста этого памятника, но это первый и необходимый шаг в изучении традиции текста. Поэтому я остановился на типологизации ошибок переписчиков в рукописях и их происхождении, а также на изучении юридических формул, использованных при кодификации.

Lex Salica Karolina, вариант Салического закона, исправленного согласно историографической традиции около 802 г. по приказанию Карла Великого, остается одним из самых неизученных источников раннего Средневековья. Его большая рукописная традиция, насчитывающая 69 рукописей IX–XVI вв. долгое время ставила в тупик исследователей. Последняя критическая публикация этих рукописей была осуществлена немецким историком права Карлом Аугустом Экхардтом только в 1962 г. [1] Ученый объединил рукописи в т. н. класс К (Каролина), проведя подробнейший текстологический анализ. Однако он ограничился лишь констатацией ошибок, в минимальной степени изучив обстоятельства их появления. До настоящего времени стемма рукописей, составленная К. А. Экхардтом, хоть и подвергалась справедливой критике, но в целом удовлетворяла исследователей, за неимением лучшего. Главным замечанием к ней был и остается тот факт, что Экхардт, подготавливая издание, не работал с большинством рукописей Каролины — иногда, (как, например, в случае с Ленинградской рукописью, хранящейся в Отделе Рукописей РНБ) публикуя текст по другим, более ранним изданиям, иногда — не используя рукопись вообще [1, S. XVIII–XXVII; 2, S. 238–239].

Статистика, которую привел сам ученый в предисловии к изданию 1962 г. такова: К. А. Экхардт при подготовке издания в MGH использовал только четыре оригинала рукописей Каролины — К 31, К 32, К 33 и К 34, по фотографиям — 6 (К 56, К 63, К 68, К 77, и еще две рукописи очень близкие по тексту, но выделенные Экхардтом в отдельную группу: S 82 и S 83). Тексты еще 15 рукописей ученый дал по изданию Я. Гессельса 1880 г. [3], 7 по другим, еще более старым и не всегда хорошего качества изданиям, текстами еще 5 рукописей пользовался лишь частично [1, S. XVIII–XXVII]. Таким образом, в издании 1962 г. учитываются с разной степенью надежности только 37 рукописей, что составляет немногим больше чем половина дошедшей до нас рукописной традиции. Более того, текстологическая критика использованных рукописей памятника не была завершена [2, S. 239] и это также послужило преградой для исследователей в вопросах дальнейшего изучения текста.

В работах немецких историков права и филологов второй половины XX в. *Lex Salica Karolina* не становилась предметом отдельного рассмотрения. Предметом исследований группы филологов из университета Мюнстера, возглавляемой Р. Шмидт-Виганд стала терминология, использовавшаяся в Салическом законе [См. основные работы: 4; 5; 6; 7], большое внимание немецкими исследователями уделялось анализу связей древнегерманских законов с римским правом, эффективности использования законов, социальной структуры общества [8, S. 29–55]. Однако внимания к такому важному элементу языка любой письменной кодификации права как юридические формулы и стандартные выражения в достаточной степени не уделялось. Сейчас среди филологов наблюдается интерес к этому элементу стиля правовых и документальных источников и это позволяет нам поставить вопрос об используемых в тексте *Lex Salica Karolina* юридических формулах и их стандартизации.

Анализ текста памятника позволяет выявить два типа текстологических отклонений: это непреднамеренные ошибки писцов, вызванные утратой внимательности, ошибки чтения, слухового восприятия диктуемого текста, ненормализованной латинской орфографией, часто связанной с локальными особенностями словоупотребления и т. д. Второй тип составляют словоформы измененные писцами сознательно, так как в месте, где переписывалась рукопись, уже установились диалектологические отклонения от первоначального варианта в написании некоторых терминов (тексты *Lex Salica Karolina* переписывались на огромной территории от Фландрии до северной Италии). Еще одной причиной сознательных изменений словоформ была большая продолжительность бытования текстов, более 200 лет, в течение которых латинский язык первоначальной кодификации подвергался большим изменениям и влияниям местных диалектов [9]. Таким образом, применение методов текстологии и филологии дает нам возможность при работе с рукописной традицией не только выявить наиболее «испорченные» в плане отступлений от первоначального текста кодификации рукописи, но и выдвинуть предположение, что почти все различия между текстами рукописей класса К относятся к бытованию рукописей на большой и разнородной в отношении языка территории в течение нескольких столетий.

Единство в текстуальном отношении показывают и используемые в тексте закона языковые формулы, постановка которых обычно начинает и завершает текст статьи. Как правило, статья начинается с фразы: *si quis, si vero* или *si autem*, и часто завершается выражениями *culpabilis iudicetur* или *excepto capitale et delatura*. Формулой *qui faciunt* почти во всех случаях дается перевод солидов в денарии. Эти и другие формулы почти полностью стандартизируют форму построения правовых статей и свидетельствуют (в отличие от рукописей салического закона других выделяемых К. А. Экхардтом классов) о планомерно проведенной письменной кодификации. Неизменные почти во всех 69 рукописях данного

класса (за исключением тех изменений, отмеченных нами выше) формулы говорят о достаточно высоком уровне правовой культуры во время каролингской законодательной реформы начала IX в.

Таким образом, мы сделали первый шаг в изучении языковых средств, которые отличают текст *Lex Salica Karolīna* от других вариантов салического закона и которые, соответственно, могут показать приемы, с помощью которых кодифицировался текст закона. В качестве общих замечаний мы можем выделить большую упорядоченность статей и уменьшение числа слов и выражений на народном языке, т.н. Мальбергской глоссы. Существование текста, прошедшего редактирование при Карле Великом и распространенного впоследствии по всей Европе может быть доказано языковыми средствами. Текст закона, был хорошо структурирован, в нем использовалась единая терминология и единые принципы построения статей, что свидетельствовало о высоком уровне правовой культуры и правового мышления в эпоху кодификации. Наблюдения и выводы, приведенные в настоящей статье, в большей степени из-за плохой изученности источника и его рукописной традиции и в меньшей по причине недостаточного внимания к вопросу в историографии представляют лишь первый этап анализа *Lex Salica Karolīna* и скорее намечают перспективные направления источниковедческих исследований этого памятника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pactus legis Salicae* T. IV. P. 1. / hrsg. von K. A. Eckhardt, (MGH, LL nat. Germ., 4). München, 1962.
2. Hartmann W. Brauchen wir neue Editionen der Leges? // *Mittelalterliche Texte. Überlieferung — Befunde — Deutungen*. Hannover, 1996. (MGH Schriften, 42). S. 233–245.
3. Hessels J. H. *Lex salica: the ten texts with the glosses and the lex emendata*. London, 1880.
4. Olberg G. von *Die Bezeichnungen für soziale Stände, Schichten und Gruppen in den Leges barbarorum*. Berlin, 1991. (Arbeiten zur Frühmittelalterforschung, 11).

5. Hüpper-Dröge D. Schild und Speer: Waffen und ihre Bezeichnungen im frühen Mittelalter. Frankfurt a. M., 1983. (Germanistische Arbeiten zu Sprache und Kulturgeschichte, 3).
6. Schmidt-Wiegand R. Die volkssprachigen Wörter der leges barbarorum als Ausdruck sprachlicher Interferenz // Frühmittelalterliche Studien, Bd. 13. Berlin, N. Y., 1979. S. 56–87.
7. Höfinghoff H. Die Lex Salica. Recht als Quelle für die Sprach- und Sachforschung // Alles was Recht war. Rechtsliteratur und literarisches Recht. Festschrift für Ruth Schmidt-Wiegand zum 70. Geburtstag / Hrsg. von H. Höfinghof, W. Peters, W. Schild, T. Sodmann. Essen, 1996. S. 1–17.
8. Schott C. Der Stand der Leges-Forschung // Frühmittelalterliche Studien, Bd. 13. Berlin, N. Y., 1979. S. 29–55.
9. Löfstedt B. Studien über die Sprache der langobardischen Gesetze. Beiträge zur frühmittelalterlichen Latinität (Studia latina Upsaliensia, 1). Stockholm-Göteborg-Uppsala. 1961.

УДК 94(47).043 +930.272

СМИРНОВА Д. Д.

Санкт-Петербургский государственный университет

**ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПОСЛАНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ
НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ТРУДОВ
НОВГОРОДСКОГО АРХИЕПИСКОПА ФЕОДОСИЯ**

Верное понимание содержания средневекового произведения невозможно без привлечения широкого круга литературы духовного содержания. Однако на протяжении долгого времени ссылки на подобную литературу признавались нежелательными, присутствовало почти полное игнорирование важности Священного Писания в источниковедческой практике, что существенно затрудняет, а то и вовсе делает невозможным верное понимание смыслов

древнерусских произведений [1, С. 280; 2, С. 91–93]. Вместе с тем, библейские тексты, являясь источниками сюжетов, аллюзий, цитат, фразеологии и лексической семантики, оказывают тем самым влияние на построение сюжета стилистическое своеобразие всей литературы [3, С. 8].

Среди произведений средневековых авторов важное место занимают труды церковных иерархов, которые, как показывают исследования рукописного наследия новгородского архиепископа Феодосия (1542–1551 гг.) в комплексе трудов новгородских архиепископов конца XV–XVI вв., являются ценным источником по истории Церкви и Русского государства. В своих трудах Феодосий, как и другие церковные иерархи, широко использовал тексты Священного писания, святоотеческую и богослужебную литературу, что отражается на специфике их источниковедческого исследования. Так, «Послание Феодосия к лопанам», впервые подготовленное нами к публикации, содержит разъяснения достаточно сложных догматических вопросов. При этом архиепископ опирается на авторитет Григория Богослова, Афанасия Великого, Иоанна Дамаскина, использует скрытые цитаты из «Тактикона» Никона Черногорца. Все это, для полноценного анализа послания, требует привлечения и знание богословской и святоотеческой литературы.

Ряд исследователей обращали внимание на лексическую сложность церковных посланий [4, С. 615–616; 5, С. 34; 6, 415–422]. Изучение подобного комплекса памятников затруднено не только сложностью анализа библейских цитат, но и проблемой их выявления. Средневековые авторы рукописных текстов не стремились строго и точно цитировать Священное писание [3, С. 70]. Широко использовалось перефразирование, в том числе с изменением семантики цитируемого текста, отсутствовали ссылки на источник, использовались реминисценции [7, С. 57–58; 8, С. 30–31]. Стоит также учитывать, что цитирование Священного Писания могло иметь аллюзивный характер [7, С. 58]. Так, например, В «Грамоте Феодосия в Псково-Печерский монастырь» [9, С. 161–166] один

из отрывков содержит аллюзии на различные тексты Священного писания: Лк 22:62, Деян. 9:3-20, 2 Цар. 11:27. В «Послании Феодосия в Устюжну», за ссылкой на Ветхозаветные казни, сразу следует реминисценции двух Посланий апостола Павла: к Евреям и Галатам [10, С. 542-543].

Существуют примеры, когда средневековый автор сворачивал пространные высказывания в более краткие или же намеренно обрывал цитату из Священного Писания, очевидно предполагая фоновые ассоциации у читателя [11, С. 102; 3, С. 71; 12, С. 481]. Так, в своем «Послании к новопросвещенным лопарям», архиепископ Феодосий приводит только начало первого члена Символа веры: «Верую в Единого Бога Отца Вседержителя», добавляя: «и прочее все по ряду» [13, Л. 188].

Неоднократно отмечалось, что для реконструкции смысловой наполненности библейских цитат необходимо определить их происхождение, найти соответствующее место в Священном Писании и всесторонне его проанализировать [14, С. 30]. Данное положение также относится к святоотеческой и богословской литературе. Так, О. Н. Пономаренко в одной из работ, посвященных анализу Послания старцу Алексею [15, С. 37] приводит ссылку Феодосия на слова Иоанна Златоустого, не анализируя характер заимствования и трактуя их как обличение дьяка Я. Шишкина, конфликту с которым и посвящено послание. Вместе с тем, в данном послании Феодосий цитирует слова Иоанна Златоуста, сказанные во время созванного против него в 403 г. «собора при дубе» [16, С. ХСIII]. Обращение к истории указанного собора, анализ речи Иоанна позволяют сделать вывод, что слова Феодосия — это не обличение представителя власти, а проявление стойкости в вере и смирения. Этот же отрывок цитируют в своих трудах патриарх Гермоген, Аввакум и Иван Грозный [17, С. 133; 18, С. 287; 19, С. 18, 84, 122]. При этом Я. С. Лурье таким же образом трактует ссылку на слова Иоанна в «Первом послании Ивана Грозного Курбскому» как цитату о «бессилии врагов Божиих» [19, С. 19].

Так как именно религиозное сознание воплощается в религиозных текстах, мы должны интерпретировать их с позиций не светского, а религиозного мировоззрения [6, С. 412–413], прибегая при текстологическом анализе к принятым церковью трактовкам, изложенным в толковых Библиях и в толкованиях святых отцов.

Таким образом, на примере анализа посланий архиепископа Феодосия демонстрируется очевидность и необходимость особого подхода к источниковедческому анализу средневековых документов, содержащих ссылки на Священное писание, святоотеческую и богослужебную литературу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилевский И. Н. Исторические источники XI–XVII веков // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГУ, 1998. С. 171–317.
2. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004.
3. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб.: Дм. Буланин, 1999.
4. Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной, 2-е изд., испр. и доп., М.: Флинта, Наука. 2006. С. 612–616.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., М.: КомКнига, 2007.
6. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта; Наука. 2008.
7. Новак М. О. Древнерусские поучения: интерпретация апостольского текста // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2010. № 1(39), март.
8. Трапезникова О. А. Цитата как актуализатор авторской интенции в древнерусском тексте (на материале Торжественных слов Кирилла Туровского) // Вестник Томского Государственного педагогического университета. Вып. 3 (105). Томск. 2011. С. 27–33.

9. Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся. М.: Типография Компании Типографической, 1790. Т. 14.
10. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссией. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Гос. бумаг, 1841. Т. 1.
11. Рогачевская Е. Б. Использование «Ветхого завета» в сочинениях Кирилла Туровского // Герменевтика Древнерусской литературы IX–XVI вв. М., 1989. С. 96–104.
12. Филюшкин А. И. Герменевтика экзегетических цитат в Третьем послании Курбского // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции. М., 2002. С. 480–483.
13. РНБ, Солов. 860/970, Л. 186–193.
14. Филюшкин А. И. Экзегетика древнерусских нарративных памятников и проблема герменевтической интерпретации текстов (на примере Первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2002. №2 (8). С. 26–34.
15. Пономаренко О. Н. Послание игумена Хутынского монастыря Феодосия старцу Алексею о дьяке Якове Шишкине // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2001. Вып. 5. С. 25–38.
16. Творения Святого Иоанна Златоустого. СПб.: Дух. Акад., 1895. Т. 1. Кн. 1.
17. Аввакум. Послание «верным» // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Гослитиздат, 1960. С. 241–243.
18. Два воззвания Патриарха Ермогена ко всему Русскому народу, о незаконном сведении с престола Царя Василия Ивановича. 1661. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедицией Императорской академии наук. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. Т. 2. № 169. С. 286–291.
19. Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л.: АН СССР, 1951.

ВЛИЯНИЕ ПРАВИЛ ARS DICTAMINIS НА СТИЛЬ РАННИХ ПИСЕМ ИОАННА СОЛСБЕРИЙСКОГО

Двенадцатый век иногда называют «золотым веком» средневековой эпистографии [1, Р. 43]. Именно от этого периода, вперые со времен античности, сохранились обширные эпистолярные коллекции. Но в чем была причина этого столь резкого всплеска корреспонденции?

По предположению Дж. Констебла, резкий рост числа писем был вызван, не в последнюю очередь, нуждами канцелярий: как усилившаяся королевская власть, так и папство нуждались в образованных людях, секретарях (*dictatores*) [2]. Еще одним важным фактором стал расцвет дружеской переписки: письма были единственным способом поддержания связи в кругу образованных людей (*litterati*), число которых значительно возросло в XII в. Спрос породил предложение: именно в XII в. складывается искусство написания писем, *ars dictaminis*, которое было знакомо всем *litterati*, но секретарям в особенности.

Иоанн Солсберийский, схоласт, секретарь английских архиепископов Теобальда и Томаса Бекета, вел как официальную (от своего имени, но, чаще, от имени своего патрона), так личную, дружескую переписку. Его эпистолярное наследие отличает неплохая сохранность: до наших дней дошло 304 письма, в двух отдельных коллекциях. В историографической традиции их принято обозначать как ранние (135) и поздние (169) письма [3].

Ранние письма датируются 1153–1161 гг., временем службы Иоанна в курии архиепископа Теобальда, поздние письма охватывают период с момента избрания Томаса Бекета архиепископом

Кентерберийским (1161 г.) до избрания самого Иоанна епископом Шартра в 1176 г. Деление писем обусловлено самой рукописной традицией: на настоящий момент не обнаружено рукописей, содержащих одновременно и ранние, и поздние послания. И это не удивительно: живой интерес, который вызывала у современников и потомков фигура Томаса Бекета, не мог не способствовать большей популярности и раннему обособлению корпуса поздних писем Иоанна. С моей точки зрения, наибольший интерес для изучения представляет ранняя коллекция, часть которой создавалась одновременно с главными сочинениями Иоанна: трактатами «Металогикон» и «Поликратик».

Фигура Иоанна Солсберийского, одного из крупнейших английских мыслителей XII в., безусловно, не была обойдена вниманием исследователей [4]. Его письма также неоднократно издавались, начиная с XVII, но до второй половины XX в. не привлекали значительного внимания исследователей: критическое издание вышло лишь в 1979 г. [5] Однако даже в подробной вступительной статье этого издания влияние правил *ars dictaminis* на письма Иоанна не обсуждается [3].

Между тем, традиция изучения *ars dictaminis* достаточно богата. Существует широкий круг как обобщающих монографий, так и специальных статей, основанных на анализе конкретного корпуса источников. Классическим исследованием в области изучения *ars dictaminis* является одноименная глава в фундаментальном труде Дж. Мерфи [6]. Среди последних обобщающих работ по *ars dictaminis* стоит отметить труд М. Камарго [7]. Изучению средневекового искусства написания писем на раннем этапе (XII в.) посвящена статья В. Патта [8]. Из специальных работ необходимо также отметить крайне информативную статью Дж. Мартин, в которой в том числе анализируется использование правил *ars dictaminis* в письмах Петра Достопочтенного [9].

Средневековое письмо в целом сильно отличается от современного. Его характерные черты: большая функциональность

(как единственная форма коммуникации средневековые письма могли быть как официальными посланиями, так и научными трактатами) и значительная роль посланника: часто именно ему, а не пергамену письма доверялись самые важные из передаваемых сведений. Все эти признаки присущи и письмам Иоанна Солсберийского. Однако в XII в. к ним добавляются правила *ars dictaminis*, четко фиксирующие два аспекта стилистики средневекового письма: структуру и употребление ритмической прозы (так называемых *cursus*'ов).

Трактаты, в которых фиксируются эти правила, впервые появляются на рубеже XI–XII вв., в крупных итальянских монастырских школах [8], а затем главным распространителем правил *ars dictaminis* становится папская курия: крупнейшая европейская канцелярия того времени.

Одним из самых ранних трактатов по *ars dictaminis* являются «Лучи письма» (*Dictaminum radii*) Альберика Монтекассинского. В этом сочинении, возможно, впервые на латинском Западе была зафиксирована пятичастная структура письма, позаимствованная (с некоторыми изменениями) из цicerоновской риторической традиции: *salutatio* (приветствие), *exordium* (вступление; позднее за этой частью закрепилось параллельное название *captatio benevolentiae* (буквально: снискать расположение, благоволение)), *narratio* (рассказ), *argumentatio* (доказательство) или *petitio* (просьба) и *conclusio* (заключение) [6].

Функцию каждой из этих частей, блестяще сформулировал Ч. Хаскинс: «после приветствия — относительно которого этикет средневекового письма был очень точен... — шло вступление, состоящее из какого-либо общего места, поговорки или духовной цитаты, предназначенной для приведения читателя в расположение духа, гарантирующее выполнение просьбы, следующей далее. Затем обозначалась конкретная цель письма (*narratio*), заканчивающаяся просьбой, которая обычно выступала в виде дедукции из большой и малой посылок, заключавшихся в *exordium* и *narratio*, и завершала письмо заключительная фраза» [10].

«Приветствие» и «заключение» — короткие типовые фразы, вероятно, можно отнести к наиболее легко идентифицируемым частям средневекового письма, однако использовать их наличие или отсутствие в качестве критерия не представляется возможным: переписчики часто опускали эти части письма, как не несущие информации (из 135 ранних писем Иоанна «приветствие» сохранились в шести посланиях, а «заключение» — в одиннадцати). Удачной альтернативой может служить анализ наличия «вступлений»: также легко идентифицируемые (цитата, общее место, половица), они обычно сохранялись при переписывании.

Exordium присутствует лишь в 41-ом письме Иоанна из 135 (30%): очевидно, что в большинстве случаев магистр пренебрегал композиционными правилами *ars dictaminis*. В случаях, когда Иоанн все же прибегает к использованию «вступлений», они строго функциональны. Так, в письмах от лица Теобальда в папскую курию необходимость четко соблюдать структуру письма — вопрос этикета, а в письмах к друзьям Иоанн использует «вступления» как предлог, чтобы продемонстрировать свой уровень образования, превращая его в наслоение цитат, или обыгрывает, превращая в шутку.

Чуть менее равнодушен схоласт был к главной, с точки зрения *ars dictaminis*, стилистической характеристике письма — употреблению *cursus*'ов — ритмизованных окончаний каждой смысловой части предложения.

В XII в., были распространены три типа ритмических окончаний: *velox*, *planus* и *tardus*. В то время для их обозначения по традиции использовали метрическую систему, хотя на практике ее уже сменило использование ударений. Различия между тремя типами *cursus*'ов представлены в таблице [11].

Название	Вербальное описание	Пример
Curus Planus	трехсложный пароксютонон (т. е. слово с ударением на второй слог с конца) предваряемый словом с тем же ударением (количество слогов не важно)	serváre quaesíta
Cursus Tardus	1) трехсложный пропароксютонон (т. е. слово с ударением на третий слог с конца) предваряемый словом с тем же ударением (количество слогов не важно)	insídas pónere
	2) четырехсложный пропароксютонон с предшествующим ему пропараксютонном	habére commúnitas
Cursus Velox	четырёхсложный пароксютонон предваряемый пропараксютонном	hóminem recepístis

Поскольку проанализировать все 135 писем ранней коллекции представляется затруднительным, в целях релевантности анализа ранние письма Иоанна были поделены мной на группы по адресатам (анализировались по два письма из каждой группы; всего 28 писем). Затем выбранные письма анализировались с точки зрения соответствия ритмической структуры слов схемам *cursus*'ов (при этом учитывался важный технический момент: правила *ars dictaminis* допускали слияние коротких слов при использовании ритмической прозы).

По итогам анализа был установлен средний уровень использования ритмической прозы в письмах Иоанна: около 65%. Этот результат демонстрирует относительную свободу Иоанна от стилистических влияний римской курии. Но гораздо более показательным он становится при сравнении.

Если рассматривать результат Иоанна в контексте уровня употребления *cursus*'ов его современниками, оказывается, что по этому показателю наш герой занимает промежуточную позицию между педантизмом Бернарда Сильвестра (96%) и консерватизмом (ритмическая проза была, как показано выше, нововведением

эпохи) друга Иоанна, Петра Целлийского (30%). Показательно, что схожий результат по использованию ритмической прозы в письмах имеет другой великий гуманист XII в. — Петр Достопочтенный (61%) [9].

Как мне, я надеюсь, удалось показать, методика анализа средневековых писем с точки зрения их соответствия стилистическим и композиционным правилам *ars dictaminis* достаточно эффективна. Помимо общих выводов, в частности, о том, что следование правилам *ars dictaminis* в рассматриваемый период отнюдь не было обязательным, она способна дать историку и конкретную информацию. А именно, следование или не следование правилам *ars dictaminis* может служить основанием для построения гипотез о цели написания письма и круге, к которому принадлежат адресат и адресант.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ysebaert W. Medieval letters and letter collections as historical sources: methodological problems and reflections and research perspectives (VIth–XIVth centuries) // *Studi Medievali*, 50. 2009. P. 41–73.
2. Constable G. Dictators and Diplomats in the Eleventh and Twelfth Centuries: Medieval Epistolography and the Birth of Modern Bureaucracy // *Homo Byzantinus: Papers in Honor of Alexander Kazhdan*, Vol. 46, 1992. P. 37–46.
3. Millor W. J., Butler H. E. Introduction // *John of Salisbury. The Letters of John of Salisbury* / Ed. and tr. by W. J. Millor and H. E. Butler. 2 vols. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press: 1979. P. lix–lxi.
4. Luscombe D. John of Salisbury in recent scholarship // *The World of John of Salisbury* / Ed. by M. Wilks. Oxford: Blackwell Publishers, 1994. P. 21–37.
5. *John of Salisbury. The Letters of John of Salisbury* / Ed. and tr. by W. J. Millor and H. E. Butler. 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1979.
6. Murphy J. J. *Rhetoric in the Middle Ages: a History of Rhetorical Theory from Saint Augustine to the Renaissance*, Los Angeles: University of California Press, 1981.

7. Camargo M. *Ars dictaminis. Ars dictandi* (Typologie des sources du Moyen Age Occidental, 60). Brepols: Turnhout, 1991.
8. Patt W. The early 'ars dictaminis' as response to a changing society. *Viator: Medieval and Renaissance Studies*. Los Angeles: University of California Press. N. 9. 1978. P. 133–155.
9. Martin J. *Classicism and style in Latin literature // Renaissance and renewal in the twelfth century* / Ed. by R.L. Benson, G. Constable. Harvard: Harvard university press, 1982. P. 537–568.
10. Haskins Ch. *Studies in mediaeval culture*. New York: Ungar, 1929. P. 2–3.
11. Tunberg T. *Prose style and cursus // Medieval Latin: An Introduction and Bibliographical Guide* / Ed. by F. Mantello. Washington (D. C.): Catholic University of America Press. P. 111–121.

УДК: 94 (430)»12/13»(093.3)+930.23

КОМАРОВ И. П.

Тюменский государственный университет

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ЛИВОНСКОГО ОРДЕНА ПО МАТЕРИАЛАМ «ЛИВОНСКОЙ ХРОНИКИ» ГЕРМАНА ВАРТБЕРГА

«Хроника Ливонии» Германа Вартберга, наряду со Старшей и Младшей рифмованными хрониками, является одним из немногих источников, освещающих историю средневековой Ливонии второй половины XIII–XIV веков в целом и Ливонского ордена в частности.

Источниковедческий анализ ее текста получил весьма незначительное внимание. За исключением немецкого историка второй половины XIX в. Эрнста Штрельке, издавшего памятник, а также давшего анализ упоминаемых географических и хронологических сведений [1], и современного эстонского исследователя

Анти Селарта, изучавшего литературную ценность хроники [2], внимание ученых привлекла, в первую очередь, личность создателя источника — Германа Вартберга.

Возможно, определенную роль в этом сыграло мнение о недостоверности событий, изложенных в хронике. Поскольку Вартберг, находившийся при дворе ливонского магистра около 1340–1370-х годов, писал свой труд во второй половине XIV века, складывались определенные сомнения в том, насколько достоверны сведения, относимые им к XIII веку.

Однако в рамках подхода исторической герменевтики [3, С. 32–76], для нас становится важным не столько факт достоверности тех или иных событий, описываемых в хронике, сколько значение, которое вкладывал в них создатель текста, проводя параллели со Священным Писанием, а также другой литературой духовного содержания. Одновременно с этим в плане изучения культов святых средневековой Ливонии особую важность приобретают частота и значимость событий, упоминаемых под конкретным церковным праздником или днем памяти святого, поскольку мы, таким образом, можем определить степень значимости тех или иных празднеств или святых в духовной жизни региона.

В данной статье мы попытаемся проанализировать несколько отдельных особенностей источника, позволяющих нам приблизиться к точке зрения автора. Это, в частности, имеющие параллели хроники со Священным Писанием и выделение автором конкретных церковных праздников.

Согласно источнику, в 1343–1344 годах жители окрестностей Ревеля и Эзеля отступились от веры и восстали против христиан. Для нас интересным, в данной связи, является указанное Вартбергом число язычников, погибших в ходе этих событий — 12000 под Ревелем и 10000 на Эзеле соответственно [1, S. 62–64].

В первом случае явно проводится параллель с Ветхим Заветом, а именно — Книгой Иисуса Навина (8:25): «Падших в тот день

мужей и жен, всех жителей Гая, было двенадцать тысяч». Здесь имеются в виду ханаанцы, павшие от рук израильтян.

Во втором случае сравнение со Священным Писанием сложнее, поскольку само число «10000» впоследствии стало синонимом неисчислимого множества. Одно из первых его употреблений принадлежит Книге Левит (26:8), где Господь обещает израильтянам: «пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонят тьму (10000), и падут они пред вами от меча». Таким образом, применение данного числа в описаниях поверженных врагов изначально обозначает благоволение и покровительство Господа к тем, кто прогоняет «тьму» [4, S. 879–882]. Однако, на наш взгляд, его вполне можно отождествить и с другим ветхозаветным эпизодом.

Согласно хронике, восставшие эзельцы пытались найти убежище в построенном ими укреплении, однако ливонское войско, объединившееся с прусским вспомогательным воинством, взяло это укрепление штурмом, избив известное нам число язычников. Возможно здесь имело место сравнение с эпизодом из Второй книги Маккавеев (12:19): «Посему Досифей и Сосипатр, из бывших с Маккавеем вождей, отправились и побили оставленных Тимофеем в крепости людей, более десяти тысяч».

Сопоставление тевтонской братии с воинами Маккавеев достаточно традиционно для орденского летописания и мировоззрения. Память о подвигах этих ветхозаветных борцов за веру, а также стремление тевтонцев им подражать указываются уже в прологе орденского устава [5, S. 25]. Думается, что, таким образом, война с неверными изображается похвальной и богоугодной, ибо тевтонцы и ливонцы, получается, сражаются за свою честь и веру с язычниками, которые желают заставить их отречься от Бога. Победив и уничтожив врага с небесной помощью, они, тем самым, очищают все оскверненное идолопоклонниками и вновь восстанавливают мир в земле своей, как восстанавливали его ветхозаветные защитники и исповедники истинной веры.

Однако не один только Тевтонский орден сравнивается в хронике с Маккавеями. Еще Эрнст Штрельке отмечал [1, S. 16], что в эпизоде, посвященному избранию первого магистра ордена меченосцев Винно, последний обязывался «нести брань людям» («*qui bellum populi ageret*»). Это напрямую отсылает нас к отрывку из первой книги Маккавеев (1:66): «А Иуда Маккавей, крепкий силою от юности своей, да будет у вас начальником войска, и будет вести войну с народами» («*Et Judas Machabeus fortis viribus a ju sua sit vobis princeps milicie, et ipse aget bellum populi*»). Таким образом, сравнивая два этих эпизода, мы можем сказать, что Вартбергу видится некоторая преемственность в деле борьбы за веру тевтонцев, которые продолжают деяния меченосцев, первыми в Ливонии начавших «воевать с народами».

В хронике имеется еще один момент использования числа «10000», обозначающий потери язычников-литовцев и союзных им русских в сражении против христиан, относится к битве при Стребене в день Очищения Марии 1348 года [1, S. 67–68]. Здесь, представляется, идет параллель с эпизодом из Книги Судей (1:4): «И пошел Иуда, и предал Господь Хананев и Ферезеев в руки их, и побили они из них в Везеке десять тысяч человек».

По всей видимости, Вартберг сравнивает ливонцев и тевтонцев, которые, по сути, заново завоевывают означенные провинции, с израильянами, ведомыми Господом в обещанные им земли. Следовательно, Ливония и Литва становятся для орденских братьев своеобразной «землей обетованной», что лишь усиливает оправданность притязаний на нее Тевтонского ордена. Кроме того, неизбежное, по Ветхому Завету, поражение неверных демонстрирует, что местные язычники также неизбежно падут перед, если так можно выразиться, «избранным народом» в лице воинов ордена.

Интересными видятся также несколько эпизодов изображения в хронике христиан-отступников, воюющих со своими братьями по вере. В двух независимых друг от друга эпизодах военных столкновений с Тевтонским орденом — Раковорской битве ливонцев с русскими (1268) [1, S. 39] и ответном походе тевтонцев

на земли краковского (польского) короля (1331) [1, S. 58] — эти отступники, по Вартбергу, теряют 5000 человек. Предположительно, что данным числом автор хроники отправляет нас к отрывку из Книги Судей (20:45): «<...> и побили еще Израильтяне на дорогах пять тысяч человек <...>». Павшие в этом библейском эпизоде люди — сыны Вениаминовы, одно из колен Израилевых. Они сражались против всех остальных колен и едва не были полностью уничтожены.

Представляется, что этой цитатой Вартберг сетует на братоубийственную войну между христианами, напоминающую уособицу сыновей Вениаминовых со всеми остальными коленами сынов Израилевых. Христиане-отступники терпят поражение от тевтонцев, что лишний раз подчеркивает, на чьей стороне находится Господь. Однако в этой истории можно найти и положительную ноту. Известно, что колено Вениаминово не было полностью истреблено и впоследствии стало неотъемлемой частью Иудейского царства. Так что, возможно, Вартберг надеется на воссоединение в будущем христианского мира и на прекращение внутри него вражды, подобно истории ветхозаветного воссоединения колен Израилевых.

Помимо библейских цитат, дополнительную информацию из хроники нам могут помочь извлечь также и церковные празднества, упоминаемые в хронике, происходившие в их дни события, а также частота упоминания этих самых празднеств. В данной статье мы обратимся к контексту употребления праздника Очищения Блаженной Девы Марии, приходящемуся на 2 февраля. На латыни этот день именуется *Purificatio Beatae Mariae Virginis*, в тексте источника *purificatio Marie* или же просто *purificatio*. Следует несколько пояснить эту дату. Согласно иудейской традиции, на 40-й день после рождения первенца мужского пола его мать должна была привести его в храм и принести очистительную жертву за себя, выполнявшую также роль выкупа, поскольку по закону Моисея все мальчики, особенно первенцы, которым являлся Иисус, принадлежали Богу.

На протяжении всей «Хроники Ливонии» христиане в лице Тевтонского ордена девять раз сражаются с литовцами в этот день, причем в восьми случаях поход в языческие земли иницируется непосредственно орденом. Вероятно, Вартберг, таким образом, хочет показать, что христиане, если проводить параллель с праздником, стремятся язычников-литовцев в жертву, в значении «дара», Господу, посвятив их Ему, в значении обратив в христианскую веру. На это предположение нас наводит также и особенность праздничного богослужения в католическом обряде, где с XI века использовался чин освящения свечей, символизовавших Христа как «Свет к просвещению язычников» — слова Праведного Симеона, которые тот произнес в день принесения Иисуса в Храм [6, С. 1059]. Наконец, не следует забывать, что Дева Мария изначально являлась небесной покровительницей Тевтонского ордена, и что действия, направленные против язычников в день очищения, могли служить также прославлению ее имени. На последнее предположение нас наводит тот факт, что все праздники, в той или иной степени посвященные Деве Марии — это, собственно, ее очищение, рождество, усение и возвешение — упоминаются в хронике чаще всех остальных и, в совокупности, образуют наибольшую группу празднеств источника. Всего в данном контексте Дева Мария упоминается 20 раз, из них 9 раз в свое очищение, 5 раз в свое рождество, 4 раза в усение и 2 раза в возвешение.

В общем счете, Герман Вартберг, насколько мы можем предположить, придерживался точки зрения о том, что владеть Ливонией имел право только орден, и что только он, наследуя этот тяжкий крест от ордена меченосцев, являлся защитником и исповедником католической веры в восточно-балтийских землях XIII–XIV веков. Исходя же из того пункта, что в схожих со Священным Писанием сравнениях описывались и литовские земли, походы на которые, носившие целью обращение идолопоклонников, продолжались, Вартберг, видимо, считал орден главным претендентом и на эти языческие земли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae // Separatausdruck aus dem zweiten Bande der Scriptorum Rerum Prussicarum // Hrsg. von Th. Hirsch, M. Toeppen und E. Strehlke. Leipzig, 1863.
2. Selart A. Die livländische Chronik des Hermann von Wartberge // Geschichtsschreibung im mittelalterlichen Livland // Hrsg. von Matthias Thumser. Berlin, 2011. S. 59–86.
3. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004.
4. Lexicon der mittelalterlichen Zahlenbedeutungen // Hrsg. von Heinz Meyer, Rudolf Suntrup. München: Wilhlm Fink Verlag, 1987.
5. Die Statuten des Deutschen Ordens nach den ältesten Handschriften // Hrsg. von Max Perlbach. Halle a. S., 1890.
6. Католическая энциклопедия. Том 4. Буквы Р-Ф. М.: Издательство Францисканцев, 2011.

**ПИСАНИЕ И «БОЖЕСТВЕННЫЙ ФОМА»:
СТАТУС ТЕКСТА И КУЛЬТУРА ЦИТИРОВАНИЯ
В ТРАКТАТЕ Ф. СУАРЕСА «О ЗАКОНАХ»**

В 1500 г. закончилось время рукописной книги [1, Р. 11]. Несравнимая со Средними веками доступность книг в раннее Новое время стала главной причиной изменения отношения к слову — текст перестал быть священным. Это значит, что текст можно редактировать и в тексте могут быть ошибки. Чтобы не допустить их, необходимо создать определенную систему — главы, параграфы, сноски, индексы и другие элементы научного аппарата возникли в позднее средневековье и формировались в раннее Новое время [2, Р. 135]. Сакральный статус текста исчезает, поскольку текст стал тиражируемым, структурируемым и редактируемым. Таким образом, появляются новые модели его использования, в полной мере проявившиеся в контексте Реформации и Контрреформации [1, Р. 10]. Наиболее ярко эти процессы видны на примере памфлетов и других форм агитации — теперь любые тексты могут в большом количестве разойтись по всей Европе, как это случилось с «Письмами темных людей».

Однако существовала и более глубокая сторона печатной революции, отразившаяся непосредственно на богословских, правовых и политических текстах. Речь идет об изменении статуса цитируемого текста в Раннее Новое время. Меняется понятие «авторитета», появляется критика текста. Важно, что в Раннее Новое время текст начинает рассматриваться в контексте времени, в котором он написан, это наиболее показательно для правовых текстов. Подобные явления появляются и в богословии: необходимость

систематизации богословских текстов, издание единой Библии, небывалый подъем интереса к Библии на не латинских языках, в немалой степени способствовали появлению Второй схоластики, в частности, Саламанкской школы, представители которой совершили переход от средневековой философии к философии Нового времени.

Наиболее значимый представитель Второй схоластики — иезуит Франсиско Суарес (1548–1617), получивший образование богослова в Саламанке [3, С. 111–164]. В 1571 г. он был отправлен орденом в Сеговию, преподавать философию. Молодой преподаватель, живо высказывающийся о томизме, хотя и в рамках дозволенного иезуитам [4, Р. 78–82], вызвал интерес у студентов и коллег. Его пригласили читать курс богословия в Римский коллегиум, будущий Григорианский университет. Там он принял участие в разработке образовательной системы иезуитов «Ratiostudiorum» [4, Р. 88–89]. Заняв «первую кафедру» Коимбры в 1596 г., Суарес публикует известные сочинения: «Трактат о законах и о Боге-законодателе», «Защита католической и апостольской веры против заблуждений англиканской секты». В благодарность за последний трактат Павел V в личном послании назвал Суареса «доктором превосходным и благочестивым» [3, С. 159].

Самый известный философско-правовой труд Суареса — десяти томный «Трактат о законах и Боге-законодателе» [5] (1612), в котором он рассуждает о природе юридических понятий, используя отличный от Аквината подход к тексту.

Цель этой статьи — определить статус текста в трактате «О законах». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть методику работы Суареса с источниками, рассмотреть особенности цитирования.

Корпус источников, используемых Суаресом, огромен. Я полагаю, их следует разделить на два типа: основные и вспомогательные. К первому типу относится «Сумма теологии» Фомы Аквинского. В первой главе трактата, посвященной понятию закон,

в качестве леммы Суарес берет определение закона из «Суммы теологии», и от него ведет самостоятельное рассуждение.

К типу вспомогательных источников относятся труды Отцов Церкви, философы и юристы. Их Суарес приводит исключительно в качестве подтверждения своих слов или полемирует с ними. Библия, я полагаю, также относится к вспомогательным источникам по нескольким причинам. Во-первых, в XVI в. изменилось отношение к Писанию вообще: утверждение единого текста латинской Библии, переводы на народные языки (в том числе и фрагменты, одобренные Церковью), издание Комплутенской Полиглотты [6, Р. 125–129], свидетельствуют об утрате «священного статуса» текста, в том числе и у Библии. С точки зрения Аквината, Библия — это главный источник знания о вечном законе, который в томистской парадигме стоит над всеми прочими видами закона. У Суареса иная цель — показать в трактате «О законах» связи между законами, а не обосновать превосходство одной формы закона, как это делает Фома Аквинский.

Фома Аквинский был канонизирован в 1323 г., а в 1568 г. стал девятым Учителем Церкви. По этой причине Ф. Суарес, называет Аквината «Divinus Doctor». Ранее закрепившее прозвище Фомы «Doctor angelicus» появилось в трудах парижских богословов, в университете, известном центре теологии XIV в. Оттуда доктор богословия Фр. де Витория, основатель Саламанкской школы, привез идею обучения теологов на основе «Суммы теологии». С его подачи «Сумма теологии» в Саламанке наделяется статусом основного учебника. Ранее им служили «Сентенции» Петра Ломбардского, но как сборник цитат для проповедей, они уже не отвечали требованиям, которое ставило раннее Новое время. «Сумма теологии» изначально задумывалась Аквинатом как структурированный учебник [6, С. 30]. В XVI в. ученик учеников Витории, Суарес, в составе комиссии наиболее уважаемых богословов, разрабатывая систему образования «Ratio Studiorum», наделяет «Сумму теологии» статусом основного учебника во всех иезуитских коллегиях [7, С. 84–99].

Обратимся к первой главе трактата, посвященной понятию закон. Суарес начинает ее с определения Аквината, что закон есть правило и мера действия. Божественный закон Фома Аквинский в своей иерархии законов ставит основополагающим. Для Фомы Аквинского такой закон тождественен естественному закону — он существует во всех вещах, вне зависимости, если ли у них разум, или нет. Суарес понимает его иначе. Вводя в качестве леммы определение «закона» св. Фомы, он добавляет: «лишенные разума вещи сами по себе не способны ни к [восприятию] закона, ни к повиновению. Следовательно, действие божественной силы и природная необходимость, которая отражается в этих вещах, метафорически называются законом». Это значительное замечание, поскольку томистская парадигма общего понятия закона подвергается критике. Суарес утверждает, что закон — это атрибут разума, для всех остальных вещей существует мера. Тут же он приводит пример из Библии: «...когда Он проводил круговую черту по лицу бездны», и ниже, «когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его» Однако этот закон называется мерой: «Кто положил меру ей, если знаешь? и ниже, Кто затворил море воротами и сказал: доселе дойдешь» (Иов. 38:5). Далее Суарес говорит, что эта мера может называться законом, так как исходит из закона Творца. Важно, что Суарес для обозначения такого правила вводит собственное понятие «мера», разделяя единое понятие закона на «меру», «закон» и «правило». На этом примере видно, что в самом тексте способ цитирования Писания не отличается от цитирования прочих источников — Суарес использует Библию для пояснения своих слов, не более того.

Один из основных семантических вопросов в трактате: какова разница между собственно явлением и его значением? По этой причине Суарес указывает несколько значений «права» и «закона», равно претендующих на то, чтобы быть принятыми. В его парадигме множество определений слова не создают противоречия, а дополняют друг друга. Однако Суарес отделяет происхождения

слова, отождествляя его с функциональными значениями, от собственно понятия. Он дает несколько этимологий, но не утверждает единственно верной, указывая функции закона: обязательство (Аквинат), выбор (Цицерон [9]), писаное установление (Исидор [10]), указание (Тора). Также Суарес приводит несколько этимологий «права», не опровергая ни одной, на что он указывает: «одно — говорить о порядке, или происхождении в отношении причинности, другое — в отношении обозначения, или наречения имени». К примеру, аргумент, к которым отсылали юристы прошлого — родство слов «jus» (право) и «jussum» (справедливое). Из этого следовало, что право названо от справедливого, поэтому оно справедливо. Об этом аргументе Суарес говорит: «право может происходить от «справедливого» и «правосудия», что касается происхождения слова». То есть, право, разумеется, имеет лингвистическое родство со словом «справедливое», однако, только этого аргумента недостаточно. Таким образом, Суарес отходит от этимологического аргумента в праве, который, в эпоху «священного текста» был одним из определяющих. Отказ от аргумента этимологии характерен для Раннего Нового времени, достаточно вспомнить, как этот подход высмеивается в известном памфлете 1515 г. «Письма темных людей».

Таким образом, что касается этимологического аргумента, статуса текста и культуры цитирования Суареса необходимо выделить несколько аспектов. Во-первых, текст потерял священный статус: этимологический аргумент уже не является адекватным. Во-вторых, Суарес использует Писание наряду с остальными источниками только для пояснения своих слов, не более того. Характерная черта традиции рационализма, проявляющаяся в тексте вторых схоластов. Суарес не отказывается от божественного аргумента в происхождении закона, но он говорит, что закон содержится в уме Бога-законодателя, в умах и поступках подданных, в объективированном речевом знаке. Однако закон устанавливается волей и разумом человека, поскольку закон должен быть выражен в нарративе и должен быть провозглашенным. Право — это продукт воли и разума человека, об этом Суарес подробно

говорит во второй главе, приводя различные понимания права. Правом называется все, что справедливо и свойственно разуму. Также правом называют справедливость, которая в римской юридической традиции обозначается «*aequitas*». Суарес говорит о «*ius*» как о праве собственности и праве владения, и таким образом, правом называется моральная возможность обладать вещью. Правом называется обязательство, возникающее из моральной необходимости — к этому относится, например, право крови. Даже понятие «*fas*» — это нормы, регулирующие отношения между Богом и человеком, «ибо мы не можем обратиться к Богу на равных». Собственно, божественным правом Суарес называет «закон, существующий в самом Боге», который не распространяется на человека. В совокупности это значит, что Суарес выносит богословие за область правовой науки. Так новое понимание текста, широко распространенное среди Саламанкских докторов, оказало значительное влияние на формирование новоевропейского права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. McKitterick, D. *Print, Manuscript and the Search for Order, 1450–1830*. Cambridge, 2003.
2. Parkes, M. The influence of the concepts of *ordinatio* and *coinpilatio* on the development of the book // *Medieval learning and literature; essay's presented to Richard William Hunt*. Oxford, 1976. P. 115–141.
3. Шмонин Д. В. В тени Ренессанса. Вторая схоластика в Испании. СПб., 2006.
4. Forlivesi M. Francisco Suárez and the «*rationes studiorum*» of the Society of Jesus // *Francisco Suárez and His Legacy*. Milano, 2010. P. 77–90.
5. Suarez. F. *De legibus ac Deo legislatore* // *Opera omnia*. Paris, 1856–61.
6. Wilson E. M. *Spanish* // *The Cambridge History of Bible*. Vol. 3. Cambridge, 1976.
7. Стамп Э. Аквинат. М., 2013.
8. Шмонин Д. В. *Regulae professoribus*, или как иезуиты учили философии // *Вестник РХГА* №4, 2009. С. 84–99.
9. Isidore. *Etymologiae* Vol. I. Books I–X. Vol 1. Oxford, 1985.
10. Cicero. *De legibus* // *Loeb Classical Library*. Cambridge, 1952.

ПЕРЕПЕЧКИН К. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИОАННА ФРОБЕНА

Первое, что отличает разных книгопечатников друг от друга — это репертуар книг, которые они издавали. Каждый выбирает собственную издательскую модель: издавать научную литературу, церковную или античную, на вернакулярных языках или на латыни, сосредоточиться ли на памфлетах и листовках или издавать полемику реформаторов. Но можно выделить следующие противоположные модели: это издание «благородной литературы» (античные авторы, философы, теологи, ученые) на латыни (сюда, же можно отнести и грамматики) и «низкой» на вернакулярных языках (памфлеты, полемисты, народная литература). Это не означает, что издатели строго придерживались одной или другой модели, скорее наоборот, их репертуар был всегда смешанным. Но можно говорить о том, что издатели тяготели к одной или другой стороне в большей степени.

Среди базельских типографов начала XVI века Иоганн Фробен занимает одно из важнейших мест. Он родился в городе Хаммельбург (Нижняя Франкония) примерно в 1460 году, в 1486 году стал работать корректором в типографии Антона Кобергера в Нюрнберге, где обучился типографскому искусству. В 1491 году Фробен переезжает в Базель, работает в типографии Иоганна Амербаха и в июне 1491 года издает свою первую книгу — Библию. Дальнейшая карьера типографа связана с его ближайшими коллегами и друзьями: Иоганном Амербахом и Иоганном Петри.

В своей издательской деятельности Иоганн Фробен никогда не был полностью самостоятелен: это касается не непосредственного изготовления книг, а «ведения дел» (выбор репертуара, сбыт

продукции, контакты с авторами). Учился ремеслу он у Антона Кобергера, который, после переезда Фробена в Базель, и далее сотрудничал с ним; Иоганн Амербах продолжил учить Фробена в Базеле, а затем доверил ему издавать книги самостоятельно, но на его оборудовании. Иоганн Петри был земляком Фробена, и вероятнее всего, способствовал тому, чтобы он перебрался в Швейцарию. С 1496 по 1500 год они работают совместно, а с 1502 по 1511 год существовала совместная издательская фирма трех Иоганнов: Амербаха, Петри и Фробена [1].

После смерти своих коллег (Петри в 1511, Амербаха в 1513), Фробен печатает книги один. Однако организующим началом его деятельности до 1518 года стал тесть Фробена — Вольфганг Лахнер [2]. Он занимался торговлей и сбытом, подбирая материал для издания и устанавливая деловые контакты.

У Фробена были образцы для подражания и ориентиры при выборе издательской стратегии. Отличительной особенностью репертуара Фробена является его строгий «благородный» оттенок: это Отцы Церкви, классики античной мысли, средневековые теологи, церковная литература, гуманисты и отдельные работы Эразма. Выбор такой модели кажется не случайным: прежде всего, его учителя — Кобергер и Амербах — также издавали «благородные» книги, и совместная фирма Амербаха, Фробена и Петри славилась именно такими изданиями.

После смерти Амербаха в 1513 году эта издательская ниша (фундаментальные и выверенные труды античных классиков и теологов) в Базеле оказалась свободной: основные крупные типографы города ориентировались на литературу другого порядка. Яков фон Пфорцхайм хотя и издавал античных авторов и средневековых теологов, его репертуар можно назвать «средним». Михаэль Фюртер ориентировался на книги «народного» содержания, и учебную литературу. Адам Петри, хотя и начинал с классической литературы, но с развитием реформации быстро переключился на издания работ Лютера и его коллег [3].

Но более серьезным ориентиром и, в некоторой степени, соперником Фробена был Альд Мануций. По словам Фридриха Каппа, Фробен в позитивном смысле завидовал славе и успеху Альда, и также стремился к нему [4, S. 263–360]. Его имя было известно среди типографов, а книги отличались высоким качеством и неподражаемой красотой. Можно сказать, что его венецианская типография была примером для многих. В 1513 году Фробен переиздал «Adagia» Эразма именно на основе издания Альда, считая его образцом, достойным подражания.

Прослеживается несколько заимствований, но именно в позитивном, прогрессивном ключе, которые Фробен сделал у Мануция. Прежде всего, это вариативность форматов: первая Библия 1491 года, которую издал Фробен, была редкого на тот момент формата ин-октаво, который впервые начал использовать Альд.

Далее — шрифт. Мануций первым начинает использование новых шрифтов: антиквы и курсива. Они прекратили монополию готического шрифта в книгах, что привело к разнообразию шрифтов и их комбинаций. В 1512 году, следуя за Альдусом, Фробен переходит на антикву, а с 1519 года переходит к итальянскому курсиву. Это обусловлено ориентацией на книги формата в октаву. Хотя шрифты, используемые Фробеном, не являлись его изобретением, они отличались особой легкостью и качеством. Эти шрифты украшали его издания и «были их сердцем» [5].

Третий момент — это издательский знак. Фробен вторым, после Мануция, стал постоянно ставить на книгах свою марку, чтобы защититься от подделки и лишний раз доказать принадлежность книги своей типографии.

В отличие от Иоганна Амербаха, который активно иллюстрировал свои книги [6], Фробен, как и Альд, отказался от иллюстраций. Его книги сдержаны, спокойны, ничего не бросается в глаза и не отвлекает от чтения. Шрифт и набор играют основную роль и создают впечатление, графика же только помогает восприятию. Фробен позволил себе лишь маленькие инициалы для начала

разделов, но не более того. Известно лишь несколько изданий, в которых Фробен изменил своему правилу. Одно из них — «Отче наш» 1523 года, над которым работали братья Гольбейны.

Фробен придавал большое значение выходным данным: как правило, титульный лист начинал, а издательский знак заканчивал книгу. Только эти страницы Фробен считал нужным обогатить графикой. Благодаря этому мы имеем неповторимое богатство титульных листов и множество издательских знаков (у Фробена до 35) [5], выполненных стараниями таких художников, как Урс Граф, который начал работать еще с Амербахом в 1510 году, и Амбросий и Ганс Гольбейн-младший — оба с октября 1516. Гансу Гольбейну Младшему принадлежит портрет Фробена и авторство издательского знака Фробена: Меркурия (эмблема торговли) со змеями и голубем, который иногда сопровождает подпись из Евангелия от Матфея: «Будьте мудры, как змеи, и искренние, как голуби» (Мф. 10:16).

Немаловажное влияние на издательскую модель Иоганна Фробена оказал Эразм Роттердамским, с которым тот познакомился в 1513 году. Благодаря Эразму, Фробен начинает активно издавать античные произведения, а также труды современников. Гуманист не только привлек к работе своих коллег (например Томаса Мора), которые, возможно, были рады издаваться в той же типографии, что и прославленный ученый, но и являлся издателем античных текстов, библий и сочинений особо любимого им Иеронима.

С 1520 года Фробен начинает издавать литературу на древнееврейском. Это серьезный шаг, так как этот язык, пожалуй, является наиболее сложным среди древних, как для изучения, так и для печати, ведь необходимо отливать новый, совершенно отличный алфавит, и делать набор справа налево. Фробен издавал грамматики, словари и календари на древнееврейском, подготовленные Себастьяном Мюнстером — около 20 различных изданий.

После того как по настоянию Эразма Фробен отказывается от дальнейшей печати работ Мартина Лютера (которые принесли

ему немалую прибыль в 1518–1519 годах), в 1521 году Гуманист дает типографу право первому издавать его работы. Помимо славы, это принесло Фробену завистников среди других типографов. Но была еще одна сторона славы типографа — это «пиратство». Некоторые типографы не просто переиздавали книги, но копировали или подражали авторскому типографскому стилю, и, более того, подписывали свои издания чужим именем [7].

Несомненным успехом типографа были привилегии на издание книг. Первая привилегия Иоганна Фробена была дана для издания собрания сочинений св. Иеронима, которое осуществили Фробен и Амербах. Дали ее Папа и император. По всей вероятности, именно Фробен обратился с просьбой об имперской привилегии [8]. Другим успехом деятельности Фробена и Эразма была полученная в 1523 году привилегия от Карла V на печать «*Paraphrasis in omnes epistolas apostolicas*». Его возглавляла надпись: «*Cum gratia et privilegio Cajsareo*».

Однако не все типографы считались с императорскими привилегиями. Например, французский типограф Жан Пети собирался переиздать собрание сочинений св. Иеронима, что не могло не встревожить Фробена и его окружение. В марте 1518 года Бруно Амербах просит Эразма отговорить Пети от намерения издать французский вариант Иеронима. Эразм спешно отправил письмо к своему бывшему издателю Йоосу Бадиусу с просьбой уладить этот конфликт [1].

Большой популярностью у типографов пользовался Новый Завет 1516 года, критический текст которого был подготовлен Эразмом: он подверглся многократному переизданию.

Все 1200 копий первого издания Нового Завета были быстро распроданы, и в 1519 году вышло второе издание. Первый «репринт» был опубликован в 1520 году. Только в одном Базеле было семь латинских переизданий: Андреаса Кратандера и Фробена в 1520, дважды Фробена в 1522, и по одному от Памфилиуса Генгенбаха, Томаса Вольфа и Адама Петри соответственно.

Большинство переизданий были в простом формате кварто или октаво и включали в себя только латинский текст Эразма. Также встречались издания, где был только греческий текст: Николаус Гербель в 1521 году в Хагенау, за ним страсбургское издание 1524 года Вольфганга Кепфеля, и базельский «репринт» 1524 года Иоганна Бебеля.

Если Фробен мог защититься от пиратов при помощи издательского знака, то постоянно получать привилегии для защиты от переизданий он был не в силах, даже несмотря на покровительство Эразма и братьев Амербахов.

Издательская деятельность Иоганна Фробена была насыщенной и многогранной: за свою карьеру он издал более 300 книг, и мало кому из современников удалось приблизиться к этому числу. Типография Фробена, к работе которой принимали участие известные на всю Европу гуманисты и ученые, стала образцом и примером для последующих поколений типографов Базеля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Die Amerbachkorrespondenz. Bd. 1-2 / Hrsg. A. Hartmann. Basel, 1942.
2. Hieronymus F. Wolfgang Lacher, Buchhändler und Verleger, Schwiegervater Johann Frobens // Gutenberg-Jahrbuch. 1985. #60. S. 145–152.
3. Hieronymus F. 1488 Petri — Schwabe 1988: eine traditionsreiche Basler Offizin im Spiegel ihrer frühen Drucke. Basel, 1997.
4. Kapp F. Geschichte des Deutschen Buchhandels bis in das siebzehnte Jahrhundert. Leipzig, 1886.
5. Pfister A. Johann Froben // Neue Deutsche Biographie. Band 5. Berlin, 1961. S. 638–640.
6. Фролова О. Э. Иллюстрированные издания базельского печатника Иоанна Амербаха (1434–1514) в иностранном фонде Российской национальной библиотеки // Российская национальная библиотека и отечественная художественная культура: сборник статей и публикаций. 2009. Вып. 4. С. 114–120.

7. Heckethorn Ch. W. The printers of Basle in the XV. & XVI. Centuries, their bibliographies, printed books and devices. London, 1897.
8. Kawohl F. Commentary on the Basel Printers' Statute 1531 // Primary Sources on Copyright (1450–1900) / eds. L. Bently, M. Kretschmer. Режим доступа: URL: www.copyrighthistory.org (дата последнего обращения: 19.10.2013).
9. Verordnung der Stadt Basel vom 28. Oktober 1531 betreffend die Angelegenheiten der Buchhändler aus dem Basler «Erkenntnisbuch» / Режим доступа: URL: http://copy.law.cam.ac.uk/record/d_1531 (дата последнего обращения: 19.10.2013).

УДК 94(410)»1399/1485»

КУДРЯКОВ В. В.

Московский педагогический государственный университет

КРОЙЛЕНДСКИЙ АНОНИМ, ТОМАС МОР И ПЯТНИЦА ТРИНАДЦАТОЕ

В числе примет и поверий, не одно столетие будораживших умы европейцев, есть одна, которая под пером авторов XV–XVI столетий оказалась неразрывно связана с важнейшими событиями, разыгравшимися в Англии в начале лета 1483 года. Речь идет о непоколебимой вере в фатально-несчастливый исход тех дел, что были задуманы или предприняты в пятницу тринадцатого. С легкой руки Томаса Мора и Кройлендского анонима их длинный список пополнился роковым заседанием королевского совета, завершившегося казнью Уильяма Гастингса, лорда Эшби-Зуша.

Он являлся одним из могущественнейших баронов периода войн Роз и был другом Эдуарда, графа Марча, участником битв при Мортимер-Кроссе и Таутоне. После воцарения Эдуарда получил титул лорда Эшби-Зуш, крупные земельные пожалования

и должность лорда-верховного камергера. После поражения Эдуарда IV в борьбе за власть в 1470 году вместе с ним бежал на континент ко двору герцога Бургундского. По возвращении в Англию смог собрать для его армии самый крупный воинский контингент. В сражениях при Барнете и Тьюксбери в 1471 году являлся одним из командующих силами йоркистов. В период второго царствования Эдуарда IV, несмотря на противостояние родственников жены короля, усилил свое влияние при дворе и собрал одно из крупнейших аффинити XV столетия, а, кроме того, получил важную должность капитана Кале [1, Р. 229].

Причины гибели этого магната остаются весьма туманными. Сразу же после смерти Эдуарда IV, исходя из прежней вражды с Вудвиллями, лорд Эшби-Зуш активно действовал в интересах герцогов Глостера и Бэкингема «и, казалось, снискал особую их милость», а после отстранения от власти матери нового короля и ее родственников он «сиял от радости из-за нового положения дел в этом мире», как отмечает Второй продолжатель Кройлендской хроники. Действительно, лорд Эшби-Зуш сохранил свои посты и оставался одним из первых людей в королевстве. Тем не менее, «когда тот лорд Гастингс прибыл на совет в Тауэр в тринадцатый день июня месяца, его голова была отрублена по приказу Протектора» [2, Р. 158]. Одновременно под стражу были взяты архиепископ Йоркский Томас Роттерхем и епископ Илийский Иоанн Мортон. Кройлендский летописец объясняет подобное развитие событий стремлением герцогов Бэкингема и Глостера убрать наиболее сильных сторонников Эдуарда V и утратить своих противников. По мнению Доминика Манчини, свершившаяся расправа явилась следствием страха протектора перед этими могущественными магнатами, которые поочередно собирались вместе в домах друг друга [3, Р. 110].

Для того чтобы понять столь внезапную перемену в судьбе Уильяма Гастингса, необходимо рассмотреть вопрос о времени его казни. Второй продолжатель утверждает, что она произошла в субботу 13 июня [2, Р. 158]. Томас Мор также называет это число,

но более точен в указании дня недели, упоминая пятницу [4, С. 263]. Действительно, в 1483 году 13 июня приходилось именно на нее. Однако Томас Мор, отнюдь не являлся очевидцем событий и писал, опираясь на «Большую хронику Лондона». Она стала историческим фундаментом датировки мелодраматической сцены ареста лорда Гастингса, запечатленной в «Истории Ричарда III» [5, Р. 166]. Яркость этой картины, столь живо воссоздающей эффект присутствия, более чем на 3 столетия овладела умами современников и потомков. В результате, вплоть до рубежа XIX–XX вв. никто даже не усомнился в хронологии излагаемых им событий [6, Р. 99]. Позиция Томаса Мора поддерживалась не только аутентичными нарративными источниками, такими как «Второе продолжение Кройлендской хроники» и «Хроника» Фабиана, но и свидетельствами «Черной книги казначейства», содержавшей результаты «Посмертных расследований». В них специальные чиновники — исчислители — в фискальных целях составляли описание недвижимого имущества держателей короны и фиксировали даты их смертей. В этом реестре кончина лорда Гастингса помечена 13-ым июня 1483 года [7, Р. 821].

На первый взгляд, ситуация представляется совершенно однозначной, и отсутствует даже повод для открытия дискуссии. Однако тщательное изучение источников вносит некоторый диссонанс в устоявшиеся хронологические построения. Алисон Хенем выявила, что в ряде документов «Посмертных расследований», связанных с имуществом лорда Гастингса, датировка его смерти была осознанно подделана [5, Р. 25]. Томас Мор мог быть введен в заблуждение данными «Большой хроники Лондона». Однако лондонские хроники сложно признать источником, фиксирующим события с безукоризненной четкостью.

Например, в манускрипте, известном как Vitellius AXVI, казнь Уильяма Гастингса падает на 13 июня, но знаменитая проповедь Ральфа Шоу о незаконном происхождении детей Эдуарда IV обозначена следующим воскресеньем после расправы с лордом

Эшби-Зушем в тринадцатый день июня. Т. е. она должна падать на 15 июня. Речь герцога Бекингема в Гилдхолле с обоснованием прав на корону Ричарда Глостера отмечена следующим вторником после проповеди Ральфа Шоу и, таким образом, должна датироваться 17 июня. Провозглашение Ричарда III королем, по мысли автора Vitellius AXVI, приходится на следующий четверг после речи герцога Бекингема и должна соответствовать 19 июня [8, Р. 190–191], но из официальных источников известно, что Ричард III принял королевскую власть 26 июня. На целых 7 дней позже [9, Р. 477]! Если же допустить, что Гастингс был казнен не 13, а 20 июня, то, в соответствии со способом подсчета времени в манускрипте Vitellius AXVI, все последующие события возвращаются в свои общепринятые хронологические ниши: проповедь Ральфа Шоу — на 22 июня, речь герцога Бекингема в Гильдхолле на — 24, а провозглашение Ричарда III королем — на 26. Также не стоит упускать из виду, что и Фабиан, и Полидор Вергилий датируют проповедь Ральфа Шоу воскресеньем после казни лорда Гастингса [3, Р. 154]. В результате, мы получаем картину, в которой почти все нарративные источники конца XV – начала XVI веков совершают одну и ту же ошибку или, напротив, не искажая ход событий, осознанно изменяют дату казни лорда Гастингса.

Однако существуют документы, которые заставляют усомниться в том, что лорд Гастингс принял смерть 13 июня. В «Актах правления [Компании мерсеров и купцов авантюристов]» сохранились записи от 15 июня. В них запротоколирована встреча руководства компании, обсуждавшей возможность обращения к ряду лордов с просьбой поддержать прошение об отмене субсидий, которые компании приходилось выплачивать короне. В числе тех, на кого купцы-авантюристы возлагали свои надежды, упоминаются Уильям Гастингс, лорд Эшби-Зуш, и арестованный в день его казни епископ Или Иоанн Мортон [10, Р. 21; 11, Р. 155]. Таким образом, два дня спустя после своей предполагаемой гибели Уильям Гастингс и его соратник по возможному заговору по-прежнему

фигурировали в числе могущественнейших магнатов королевства. К сожалению, это свидетельство, которое можно было бы считать неоспоримым, также имеет свои недостатки. Оригинальная документация Компании мерсеров и купцов-авантюристов не сохранилась, и мы имеем дело с ее копией XVI столетия. Поэтому Дж. Томпсон предположил, что протокол датирован неверно, и собрание имело место 12 июня 1483 года [10, Р. 21]. Вольф пошел еще дальше и выдвинул гипотезу, что составитель редакции XVI века неверно соотнес даты и события, и указанная встреча имела место в 1479 или 1482 гг. [12, Р. 836–837; 13 Р. 819–820]. Однако подобная точка зрения представляется весьма гипотетичной и не имеет веских доказательств.

Кроме того, существует еще одно свидетельство, наводящее на мысль о хронологической ошибке Второго продолжателя Кройлендской хроники и Томаса Мора. Это письмо Симона Столверта сэру Уильяму Стонору, написанное в субботу 21 июня 1483 года. В нем четко сказано, что Уильяма Гастингса обезглавили в последнюю пятницу, а в последний понедельник младший сын Елизаветы Вудвилль Ричард Йоркский был передан архиепископу Кентерберийскому и доставлен к своему брату в Тауэр [14, Р. 242]. Относительно 21 июня упомянутые дни падают на 20 и 16 соответственно. Таким образом, решение протектора убрать с политической сцены лорда Эшби-Зуша и его союзников, судя по всему, приходится на время, когда оба сына Эдуарда IV уже были в Тауэре. Этот вывод подтверждается последовательностью событий, изложенных Домиником Манчини и «Большой хроникой Лондона». Они сначала повествуют о передаче архиепископу Кентерберийскому Ричарда Йоркского и лишь потом о казни Уильяма Гастингса. Автор «Второго продолжения» также относит выдачу младшего сына Елизаветы Вудвилль на 16 июня и указывает на насильственный характер произошедшего. «С этого дни оба эти герцога не тайком, но открыто стали проявлять свои намерения», — говорит он [2, Р. 158], однако упускает возможность рассказать о некоторых

событиях, вполне сообразующихся с его целями. В частности, хронист не отмечает, что не позднее 17 июня Ричард Глостер «начал облачаться в пурпур», а коронация Эдуарда V была перенесена на 9 ноября [10, P. 22; 23; 3, P.114; 116]. Очевидно, он был недостаточно хорошо осведомлен о политических делах, свершавшихся в Лондоне, и едва ли может рассматриваться как свидетель большинства событий, связанных с переворотом Ричарда III.

Лорд Эшби-Зуш не предполагал, что уже на следующий день после захвата Ричарда Йорка протектор столь недвусмысленно продемонстрирует собственные претензии на корону. Прежде Уильям Гастингс последовательно поддерживал Ричарда Глостера, пытаясь максимально ослабить Вудвиллей, но при виде итогов этой политики его позиция кардинально переменилась. Очевидно, лояльность к памяти Эдуарда IV, стремление видеть на престоле его детей, а, возможно, и желание стать первым человеком у подножия трона подтолкнули лорда Эшби-Зуша к переговорам с бывшим канцлером королевства Томасом Ротерхемом, епископом Илийским Иоанном Мортонем и, вероятно, с самой Елизаветой Вудвилль. Эта перемена произошла не ранее вечера 17 июня, а действия, предпринятые Уильямом Гастингсом в соответствии с новой ситуацией, по всей видимости, имели место 18–19 июня. Протектор узнал об этом 20-го и, импульсивно поддавшись стремлению покарать то, что он счел изменой, распорядился казнить лорда Эшби-Зуша и заключить под стражу его могущественных союзников.

Таким образом, внутренняя логика событий и ряд источников позволяют нам усомниться в традиционной датировке смерти одного из могущественнейших магнатов эпохи войн Роз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hicks M. Lord Hastings 'Indentured Retainers?' // Richard III and his Rivals. Magnates and their Motives in the Wars of the Roses. London and Rio Grande: Hambledon Press, 1991.
2. The Crowland Chronicle Continuations: 1459–1486 / Ed. by Proney N. and Cox J. London, 1986.
3. Mancinus D. The Usurpation of Richard the Third. Oxford: Oxford University Press; London: Humphrey Milford, 1936.
4. Мор Т. Эпиграммы. История Ричарда III. М., «Наука», 1973.
5. Hanham A. Richard III and his Early Historians. 1483–1535. Oxford, Clarendon press, 1975.
6. Markham C. R. Richard III: His Life and Character. New York: Russell and Russell, 1968.
7. Hanham A. Hastings Redivivus. The English Historical Review. Vol. 90, No 357, 1975.
8. Chronicles of London / Ed. with Introduction and Notes by Charles Letbridge Kingsford, M.A. St. John's College, Oxford: Clarendon Press, 1905.
9. Kendall P. M. Richard the Third. Christ Church London, Sphere Books Limited, 1972.
10. Chronology of Events. // The Coronation of Richard III the Extant Documents / Ed. by A. F. Sutton and P. W. Hammond, Alan Sutton, Gloucester, 1983.
11. Wood C. W. Richard III, William, Lord Hastings and Friday the Thirteenth // Kings and Nobles in the Later Middle Ages. New York, 1986.
12. Wolffe B. P. When and Why Did Hastings lose His Head? The English Historical Review. Vol. 89, №353, 1974.
13. Wolffe B. P. Hastings Reinterred The English Historical Review. Vol. 91, № 361, 1976.
14. Lander J. R. The Wars of the Roses. London, 1965.

ПРОНИНА Е. А.

*Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича*

**ФРАНЦУЗСКИЕ ГЕНЕАЛОГИИ РАННЕГО НОВОГО
ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
MEMORIA (НА ПРИМЕРЕ КОМПЛЕКСА
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИСТОРИЙ А. ДЮШЕНА)**

История составления генеалогий в Европе связана с понятием *memoria*. Церковная «ретроспективная» *memoria*, включавшая поминовение мертвых и сохранение памяти о них и их славных деяниях, служила предпосылкой для основания *memoria* «перспективной», направленной на будущее, чтобы в разных формах приумножать и увековечивать эту славу для грядущих поколений [1, S. 61, 70]. В сообществе знати прошлое представляло собой продукт культуры, и в силу этого было не статичным, а изменялось в зависимости от текущей ситуации поколений [2, S. 435].

Генеалогии европейской знати были одновременно фактором образования группы и залогом знатности и благородства ее членов. Проекция славного прошлого рода на его настоящее и будущее побуждала новые поколения стремиться к славе. Кроме того, *memoria* и генеалогии как ее часть были связаны с проблемой господства, поскольку легитимировали власть, обеспечивая знатные роды обоснованием их властных претензий.

Во Франции раннее Новое время привнесло изменения в восприятие наследственных качеств знати. Расовые теории дворянства укрепились и имели быстрый и широкий успех, пользуясь поддержкой королевской власти [3, P. 73–74]. Дворянство выступало в качестве гаранта порядка в королевстве, и к XVII в., когда возникла угроза его положению, созрела необходимость сформулировать

концепцию происхождения и сущности дворянских добродетелей. В результате происхождение стало восприниматься как первичная составляющая знатности, и генеалогии пережили здесь новый подъем.

К причинам всплеска интереса к генеалогиям принято относить привязанность французского историописания XVII в. к первоистокам как главному предмету исследований, а также существование аристократической модели, превозносившей родственные связи [4, Р. 275]. Однако эту точку зрения можно значительно дополнить.

Французский королевский историограф Андре Дюшен (1584–1640) внес значительный вклад в развитие французского историописания, а также в культурные и политические процессы, протекавшие во Франции той эпохи. Анализ его трудов демонстрирует, что А. Дюшен сознательно выполнял заказы власти. При этом треть его изданного наследия составляют генеалогии французского и фламандского дворянства, и множество составленных им генеалогических историй хранится в рукописях.

Причину интереса королевского историографа к генеалогиям следует искать в историко-культурной ситуации, сложившейся во Франции в первой половине XVII в.

Прежде всего, дворянство и аристократия в рассматриваемую эпоху играли весьма значительную роль в политической жизни Франции. В XVI в. дворянство являлось ключевым ингредиентом управления монархией [5, Р. 3], будучи «одним из стеновых хребтов государства» [6, С. 132]. Дворянское общество соприкасалось с государством посредством представителей знати и системы патрон-клиентских отношений, связывавших мелких дворян с грандами [5, Р. 3]. Сеть этих связей была воплощена в комплексе генеалогий А. Дюшена, которые представляли собой истории линияжей дворянства, а не отдельных родов.

Дворянство Франции интересовало корону как активный субъект внутренней политики, и Андре Дюшен изображал его как

одну из сил, творивших историю. Дюшен писал, что история знатных домов необходима для понимания истории общей [5, Р. ã ii]. При этом происхождение исторического деятеля для А. Дюшена было не менее важным, чем его личные качества и заслуги. Таким образом, генеалогии А. Дюшена в числе прочего выполняли функцию легитимации власти самих дворян и аристократов.

Эпоха Религиозных войн и первая половина XVII в. стали апогеем численности дворянства во Франции [3, Р. 99]. Сосуществование старого и нового дворянства оказывало значительное влияние на жизнь Франции этого периода. В «Политическом завещании» Ришелье писал об униженности дворянства чиновниками и необходимости защищать его от притеснений [6, С. 132]. Эти реалии породили необходимость в генеалогических историях, основанных на документальном материале. С XV–XVI вв. начали проводиться королевские «расследования дворянства», а с 1660-х гг. подобные проверки опирались уже только на письменные доказательства. Генеалогии дворянства стали составляться интендантами и публиковаться [3, Р. 55]. С точки зрения автора одного из таких сборников Л. Ф. Лефевра де Комартена целью составления генеалогий было оказаться полезным королю, создавая для него своеобразный справочник благородного сословия, и «порадовать» благородных мужей, побудив их быть верными королю и добродетельными [3, Р. 76].

В связи с проблемой подтверждения древности дворянских родов следует отметить, что А. Дюшен выбирал линияжи старинных родов, создавая справочник старого, родовитого дворянства Франции.

Бесспорную практическую ценность генеалогий и генеалогических историй, издававшихся А. Дюшеном, подтверждает также генеалогия рода Рэ Дюбрей, в самом названии которой присутствовало объяснение цели этой публикации: «Для процесса в парижском Парламенте в пятой палате расследований» [8]. Таким образом, генеалогии А. Дюшена могли применяться не только

аналогично «расследованиям дворянства», но и как доказательство в судебных процессах.

В условиях недовольства дворянства шпаги политикой правительства власть нуждалась в популяризации верноподданнических чувств. А воспитательное значение генеалогий признавал даже кардинал Ришелье [6, С. 134]. Понятие верности, *fidelité*, было в ту эпоху очень важным [5, Р. 12]. Идеал верности как одной из важнейших добродетелей королей присутствовал и в «Древностях и изысканиях о власти и величии французских королей» [9], и в генеалогиях А. Дюшена, где верность членов этих родов королю Франции являлась одним из лейтмотивов. Дидактическое измерение работ Андре Дюшена прекрасно отвечало бытовавшим в раннее Новое время представлениям о дворянском образовании, и в этом смысле А. Дюшен использовал максимум воспитательных и пропагандистских возможностей печатного слова.

Во время мятежей, поднимавшихся грандами, мелкие и средние дворяне оправдывали свое участие в бунтах верностью своему сеньору [10, С. 115]. Верность же дворян королю в свою очередь напрямую зависела от личных связей между королем и некоторыми дворянами, но эти связи были весьма хрупкими. В случае отсутствия признания со стороны короля дворяне могли примкнуть к мятежникам. Принимались специальные меры по обеспечению королю контроля над страной, но составление по его приказу генеалогий французского родовитого дворянства также могло сыграть в этом не последнюю роль. Сам кардинал Ришелье писал о необходимости играть на честолюбии дворянства [10, С. 134, 136, 137], и в связи с этим составление королевским историографом генеалогий французского дворянства наводит на мысль о стремлении власти «приручить» с их помощью аристократию — это ликвидировало бы проблему мятежей, и одновременно сыграть на тщеславии дворянства, показать его роль в истории французской короны, его самодостаточность — и таким образом поколебать верность дворян мятежным грандам.

За свою жизнь А. Дюшен издал десять составленных им генеалогических историй французских дворянских семейств. Учитывая интерес А. Дюшена к географии, его географические труды и звание королевского географа, можно было бы предположить, что он выбирал дворянские семейства по географическому принципу, то есть по расположению их родовых владений на карте Франции. В самом деле, при взгляде на карту с нанесенными на нее именами выбранных Дюшеном дворянских родов можно сделать некоторые выводы. Родовые владения этих семей располагались в Иль-де-Франс, Шампани, Лотарингии, Рон-Альпах, Бургундии, Аквитании, Лимузене, Центре, Нормандии, Нор-Па-де-Кале; остальные находились на территории современных Бельгии и Нидерландов, а раздел одной из его генеалогий был посвящен владетельному дому Люксембурга. Таким образом, большее число имений рассмотренных А. Дюшеном родов было сгруппировано вокруг Парижа, вдоль границ Франции и за ее пределами — в Бельгии и Нидерландах, хотя о компактном их расположении речь, конечно, не идет.

Наиболее прямолинейный вывод, который можно сделать — присутствие в этом списке областей, находившихся на границах Франции, особенно в проблемных регионах, земли которых служили предметом спора между Францией и соседними странами — таких, как Лотарингия, Бургундия, Бельгия и Нидерланды. Можно предположить, что составление историографом французского короля генеалогических историй семейств, чьи земли располагались в этих регионах, имело целью «привязать» эти области к Франции, показать их историческую связь с французской короной, декларировать их принадлежность к французской сфере влияния. Аквитания и Нормандия в свое время также были предметом территориальных претензий, и, несмотря на временную отдаленность этих споров от эпохи А. Дюшена, представляется, что и эти генеалогии можно отнести к числу тех, которые «привязывали» к центру Франции спорные области. Юг же Франции сам по себе представлял

определенную проблему для французской короны, поскольку именно он не раз становился центром и оплотом выступлений против нее.

Включение в цикл генеалогий семейств, чьи имения были расположены вокруг границ и в центре Франции, могло также иметь отношение и к вопросу централизации Франции. Гранды часто воспринимали государственные дела как личные и использовали для решения своих личных проблем иностранные контингенты, самостоятельно заключали союзы с соседними державами. Позиционирование именитых и влиятельных французских родов как верных французским монархам и творивших вместе с ними историю Франции опиралось на кардинально другую идеологию, подразумевавшую существование одного центра и монарха как главного ориентира для дворян.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: C. H. Beck, 1992.
2. Schmid K. Welfisches Selbstverständnis // Adel und Kirche. Gerd Tellenbach zum 65. Geburtstag dargebracht von Freunden und Schülern. Herausgeber J. Fleckenstein, K. Schmid. Freiburg im Breisgau; Basel; Wien, 1968.
3. Bourquin L. La noblesse dans la France moderne (XVIe–XVIIIe siècles). Paris: Belin, 2002.
4. Grell Ch. L'histoire entre érudition et philosophie. Etude sur la connaissance historique à l'âge des Lumières. Etude sur la connaissance historique à l'âge des Lumières. Paris : Presses Universitaires de France, 1993.
5. Neuschel K. B. Word of Honor : Interpreting Noble Culture in Sixteenth-Century France. Ithaca & London: Cornell University Press, 1989.
6. Ришелье А.-Ж. дю Плесси, кардинал-герцог де. Политическое завещание, или принципы управления государством / Пер. с фр. Л. А. Сифуровой; предисл., общ. ред. Л. Л. Головина. М.: Ладомир, 2008.

7. Du Chesne A. Histoire genealogique des Maisons de Gvines, d'Ardres, de Gand, et de Covcy, et de quelques autres familles illustres, qui y ont esté alliées, le tout iustificié par Chartes de diverses Eglises ; Tiltres, Histoires anciennes, & autres bonnes Preuves, par André du Chesne Touvrangeau, Geographe du Roy. Paris : Chez Sebastien Cramoisy, 1631.
8. Du Chesne A. Généalogie des seigneurs de Rais Du Breil. Pour servir au procez pendant au Parlement de Paris en la cinquiesme chambre des enquestes, entre le sieur de S. Laurens & Du Bois de La Mothe demandeur & messire Guy Du Breil, seigneur Du Plessix de Rais, & Du Plessix-Ballisson.
9. Du Chesne A. Les Antiquitez et Recherches de la Grandevr & Maiesté des Roys de France, recueillies tant des Auteurs anciens, que des meilleurs Escriptuains de ce siecle et diuisees en III Liures. Paris : Chez Iean Petit-Pas, 1609.
10. Метивье Ю. Франция в XVI – XVIII вв.: от Франциска I до Людовика XVI / Пер. с фр. А. В. Голубкова, С. В. Панова. М.: АСТ: Астрель, 2005.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И ВОЕННОЕ ДЕЛО
В СРЕДНИЕ ВЕКА
И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

ПРИЧИНЫ ПОСОЛЬСКИХ МИССИЙ В ХРОНИКЕ ИДАЦИЯ ЛЕМИКСКОГО

Хроника Идация является одним из важнейших источников по истории V века. Говоря о ее важности, необходимо упомянуть, что это фактически единственный довольно полный источник, оставшийся нам от иберийских провинций того времени.

Хроника Идация содержит множество упоминаний о разнообразных посольствах. Для епископа характерен значительный интерес к посольским делам, в отличие от других хронистов его эпохи.

Так, например, одна из самых известных хроник за авторством Проспера Аквитанского, сообщает лишь о трех посольских миссиях за практически 40 лет самостоятельного ведения Хроники Проспером. Анонимные Галльские хроники 452 и 511 годов о подобной внешнеполитической активности молчат. Идаций же отмечает порядка 40 различных миссий [1, Р. 78–82]. Причем, что интересно, объектом внимания хрониста становятся как внутри-, так и внешнеполитические посольства. Около трех четвертей всех описываемых хронистом миссий приходится на 454–467 годы, крайне важные в совместной истории римлян, вестготов и севов.

Одной из важнейших причин отправления посольства являлась смена власти. Скорее всего, согласно тогдашнему внешнеполитическому этикету, необходимо было оповестить всех акторов внешнеполитического общения о подобном изменении [2, Р. 29–30, 32]. После убийства Аэция, фактического властителя западных провинций, император Валентиниан III решает оповестить об этом gentes, народы, жившие на территориях Запада. Идаций

пишет о посольстве Юстиниана (Hid.153) к свевам, сообщившего об этом. В другом случае, после смены власти у вестготов, Эврих, ставший новым их правителем, отправляет послов. Причем из фрагмента Хроники становится ясно, что послы были отправлены ко всем правителям Запада (Hid. 234). В свою очередь, это готское посольство вызывает ответную реакцию со стороны правителя свевов Ремисмунда: миссии отправляются ко дворам владык Запада.

Кроме того, Хроника содержит сведения о непростых переговорах о мире между федератами-свевами и имперской администрацией. Несколько раз свевы нарушали условия договора с империей и для ведения переговоров с королевским двором отправлялись наиболее компетентные военные чиновники (Hid. 98, 100, 111, 113). Чаще всего посланниками отправляли комитов. К сожалению, о том, как проходили переговоры, Хроника сведений не сохранила.

Хроника сохранила некоторые элементы, характерные для таких посольств. Если провинциалы испытывали притеснения от федератов, то первые могли апеллировать к высшему военному чиновнику — *magister utriusque militiae* [3, С. 89]. Тот, в свою очередь, назначал комиссию для разбирательства, представители которой отправлялась с просителем. После выяснения всех обстоятельств, повлекших за собой посольство, федератов принуждали к заключению мира, а, скорее всего, к возобновлению договора [1, Р. 62; 4, С. 143].

Иногда Идаций сообщает о посольствах, которые напрямую не были связаны со свевским королевством (Hid. 166, 177, 209, 224). В таких случаях сообщение фрагментарно, как бы вырвано из контекста. Подобная отрывочность сведений вообще характерна для провинциальных хроник, в которых хронист старается отразить все события, которые ему известны [5, С. 127]. Однако, даже эта фрагментарность не умаляет значения подобных сообщений Идация о посольствах: по приводимым сведениям мы можем

судить об интенсивности посольского общения и некоторых элементах посольского протокола того времени.

Наиболее сложным, на наш взгляд, является вопрос вовлеченности автора Хроники в дипломатические отношения своего времени. Важным и до сих пор открытым остается вопрос о том, по какой причине епископ, не приближенный ко двору, настолько хорошо осведомлен о посольской деятельности [1, Р. 40–41]. Неясно, была это природная любознательность [5, С. 127; 6, Р. 30], или же на него повлияло участие в миссии с жалобой на свефов к Аэцию [6, Р. 34].

Эпоха Поздней Античности давала огромное число поводов для отправления посольств. Согласно Идацию, практически любое внешнеполитическое событие отмечается посольством. Помимо этого, и внутривосточные события порой вызвали необходимость для совершения путешествия. Число посольских миссий, отмечаемых Идацием, довольно велико, чтобы составить относительно точную картину посольского общения на позднеримском Западе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gillett A. *Envoys and Political Communication in the Late Antique West*, 411–533. Cambridge, 2003.
2. Gillett A. *The Accession of Euric // Francia*. Vol. 26, № 1, 1999. P. 1–40.
3. Гийан Р. Исследования по административной истории Ранневизантийской империи (Заметки о некоторых классах чиновников в IV–VI вв.) // *Византийский временник*. М., Т. XXIX, 1968. С. 88–94.
4. Циркин Ю. Б. *Испания от античности к средневековью*. СПб., 2010.
5. Томпсон Э. А. *Римляне и варвары. Падение Западной империи*. СПб., 2003.
6. Burgess R. W. *Hydatius: A Late Roman Chronicler in Post-Roman Spain*. Vol. 1, Ph. D. diss., Oxford, 1988.

МЕФТАХУДИНОВ К. П.
НИУ Высшая школа экономики

ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ПОСОЛЬСТВА 1567–1569 гг. В СТОКГОЛЬМ И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ

Взаимоотношения государств в Средние века осложнялись, помимо прочего, личными отношениями между государями, которые персонифицировали собой эти государства. Политические перипетии накладывались на сложный посольский церемониал, содержащий в себе зашифрованное политическое послание, и способный меняться в зависимости от текущего политического момента, [1, Р. 76]. Даже в посольствах в дружественные и союзные страны, каким, по сути, было посольство Ивана Михайловича Воронцова в Стокгольм (1567–1569 гг.) в церемониале и его нарушениях могут проявляться противоречия между правителями, их политические стремления и характер их взаимоотношений.

Согласно Лурье, Воронцов был выходцем из старого боярского рода (отец его был наместником в Новгороде, дядя — приближенным Ивана IV), он неоднократно выполнял важные военные и дипломатические поручения. Так на момент отправки Стокгольм ему уже доводилось руководить посольством, отправленным в Польшу в 1556 году [2, С. 359].

Воронцова и его «товарищей» Иван IV отправил в Стокгольм после того как в Москву от шведского короля прибыло представительное посольство (им руководил Нильс Гюлленшерна, канцлер Швеции при Эрике XIV, сумевший сохранить власть и после свержения монарха [2, С. 360]), целью которого было установить «братство» между двумя правителями, заключить союз между государями [3, С. 358]. Вопрос о «братстве» носил политический характер и означал признание равенства государей [4, С. 21], на что

московский царь долгое время не соглашался [5, С. 1]. Иоанн Васильевич в ответ на эту просьбу решил воплотить в жизнь свой давний замысел — жениться на Катерине Ягеллон, бывшей в то время женой Юхана — брата шведского короля. Договор был составлен в феврале 1567 г. и подтвержден русской стороной в том же году [3, С. 358]. Шведский король официально именовался «братом», что способствовало укреплению еще молодой династии Ваза.

Источником для моего исследования стал отчет [5, С. 7–63] Воронцова — статейный список, сданный в Посольский приказ по возвращению в Москву. Зачастую события посольства излагались в определенной последовательности, по статьям, текст статейного списка служил своего рода ответом на тот наказ с инструкциями, которыми снабжалось любое посольство. Статейные списки служили официальными документами и использовались при подготовке дальнейших посольств [6, С. 13.]. Значительное место в статейных списках занимает описание посольского церемониала [6, С. 14]. Существует мнение, что статейный список представлял собой дневник событий и велся постоянно, однако точно это не известно и можно предположить, что его текст редактировался послами, желавшими выставить себя в лучшем свете или же оправдаться за те или иные неудачи.

Переходя непосредственно к посольству и анализируя поведение послов, мы можем назвать его вызывающим. Русские послы явно показывают себя выше шведов, ставя их в зависимость от себя.

Перед въездом в город послам устраивают встречу. Воронцов «с товарищами» не доезжает до Стокгольма примерно с версту (около 1066 метров), когда их останавливают на некоем острове Валмарси, где послы останавливаются ждать «встречи» шведов для въезда в город. Стоит сказать, что когда русские послы прибывают на остров, они останавливаются в шатре. Возможно, в данном случае шатер был поставлен с одной единственной целью — создать послам символический дворец, который бы олицетворял

собой палаты далекого московского Кремля. После прибытия шведов Воронцов зовет шведов в шатер. Он выслушивает обращения шведов сидя, после чего зовет их «к руке» [5, С. 8], при этом сам сидит в своем шатре, являя собой чуть ли не фигуру царя во дворце. Это было явным нарушением церемониальных норм, так как к руке могли звать только лица выше по статусу (обычно монархи), равные же не могли быть «у руки» друг у друга.

Через 6 дней после въезда в город, послам сообщили, что завтра им предстоит отправиться на прием к шведскому королю. Послы садятся на коней и отправляются к королю. Всю процессию возглавляют, по всей видимости, шведские аристократы. Но это не предотвращает срыва церемонии — русские каким-то образом доезжают на конях до крыльца шведского дворца и сходят на крыльцо прямо с коней [5, С. 10], в то время как, во всяком случае, в русской традиции, приближаться к крыльцу они должны пешими: это было нормой дипломатической вежливости [7, С. 41]. Шведы же в ответ лишь отказывают послам во «встречах» в самом дворце [2, С. 10], хотя наличие встречающих требовалось этикетом [7, С. 45].

Смирение шведов можно объяснить тем, что послы привезли договор, по которому правящий монарх Эрик XIV признавался «братом» московского государя. Непризнание в договоре равенства стокгольмского государя было бы большим унижением, чем все то, что пришлось терпеть шведским аристократам в ходе приема посольства Воронцова. Ради признания «братства» двух государей шведы соглашались терпеть вызывающее поведение гостей.

Однако шведское смирение было вызвано не только желанием Эрика XIV стать равным Иоанну IV, тем самым возвышая династию Ваза. Положение Швеции на международной арене было не лучшим. Королевство постоянно испытывало угрозу со стороны Дании. Союзниками же датчан в то время был русский государь. Тем самым данное соглашение представляется попыткой шведов избежать войны на два фронта. Ради этого можно было выдать в Москву и Катерину Ягеллон, даже если ее новое замужество

«супротивно Богу и закону» [2, С. 41], как позже объявят шведы. Однако прозвучит это объявление уже после разгрома армии датчан [2, С. 39], явно укрепившего позиции шведов.

Исследуя церемониальную сторону посольства 1567–1569 гг., мы можем увидеть, что, несмотря на видимые политические уступки, такие как признание равенства династии Ваза династии Рюриковичей, Иван IV все же стремился сохранить политическое превосходство над шведскими правителями. Это он пытался продемонстрировать в церемониале, не отменяя иных политических договоренностей, выгодных московскому двору.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Althoff G. *The Variability of Rituals in the Middle Ages // Medieval Concepts of the Past. Ritual, Memory, Historiography* / ed. Althoff G., Fried J., Geary P. J. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
2. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. *Статейные списки* / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб.: Наука, 2008.
3. Хорошкевич А. Л. *Россия в системе международных отношений середины XVI века*. М.: Древлехранилище, 2003.
4. Юзefович Л. А. *Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011.
5. *Сборник Российского Исторического Общества*. Т. 129. СПб.: Русское ист. об-во, 1910.
6. *Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.)* / Сост. Рогожин Н. М. М.: Институт Истории СССР, 1990.
7. Семенов И. Н. *У истоков кремлевского протокола*. М.: Инкомбук, 2005.

ПРОХОРОЕНКОВ И.А.

Санкт-Петербургский государственный университет

ПАВЕЛ ВЛОДКОВИЦ. КОНФЛИКТ ПОЛЬШИ И НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА НА КОНСТАНЦСКОМ СОБОРЕ

Первая четверть XV века была временем наиболее ярко проявившегося антагонизма между набирающим силу Польским королевством и Немецким орденом. Корни этой конфронтации, а также истоки военного конфликта, известного в польской историографии как «Великая война» 1409–1411 гг. берут свое начало практически на век раньше, и связаны с такими почитаемыми именами строителей польского государства, как Владислав Локетек и Казимир Великий.

Казимир III, король польский с 1333 года, предпочитал вести борьбу с орденом не на поле брани, но дипломатическими путями. По многочисленным просьбам польского короля, папа Бенедикт XII велел нунцию начать против крестоносцев процесс о присвоении польских земель, вследствие чего суд приговорил их к возврату Поморья, Куявии и Добжиньской земли [1, С. 98–99]. Поляки и Орден пришли к компромиссу, вследствие которого был заключен Калишский мир 1343 года — Куявия и Добжиньская земля досталась Казимиру, а Поморье — Ордену [2, С. 29].

Казимир Великий так же предпочитал войне политику переговоров. Стало очевидно, что, для того чтобы Польское королевство смогло занять достойное место в системе Европейских дипломатических отношений, ей не хватало своей собственной признанной юридической школы и церковных авторитетов. Чтобы исправить это, в 1364 году Казимиром была основана Краковская академия, в учебной программе которой особенный упор делался на праве и юриспруденции.

Отношения Ордена и Польши снова обострились ввиду Литовского вопроса. Языческое Великое княжество Литовское территориально оказалось между двух конфессий. Его соседями были христиане: католики на Западе и православные русские на Востоке. Конфессиональная карта зачастую успешно разыгрывалась литовскими князьями. Смотря по обстоятельствам, литовцы то были язычниками, то крестились по православному или католическому обряду. Всех князей обошел Витовт: он крестился в XIV веке пять раз [3, С. 127].

Определяющей вехой в истории Польши и Литвы стала свадьба Ягайло и Ядвиги. Направление экспансионистской политики двух государств, связанных династической унией, совпало только после 1399 года, когда русско-литовские войска потерпели сокрушительное поражение на реке Ворскле от сил хана Едигея и Тимур-Кутлуга. Литва потеряла возможность дальнейшего расширения своих территорий в южном направлении: взоры обоих государств обратились на север.

Война 1409–1411 года оказалась успешной для союзников. Орден, хоть и не был сломлен, но оказался существенно ослаблен. Подобно Казимиру Великому, король польский Владислав II повел войну против Ордена не только на ратном поле, но и в сфере дипломатии. Платформой для предъявления взаимных претензий и обвинений друг другу для Немецкого ордена и Польского королевства стал собор в Констанце.

Работа XVI вселенского собора в Констанце проходила с 16 ноября 1414 по 22 апреля 1418 года. Чаще всего этот собор связывают с именем сожженного чешского проповедника и национального героя Яна Гуса, а также с очередной попыткой преодоления кризиса римской католической церкви, порожденного Авиньонским пленением и наличием одновременно нескольких пап. Как правило, в научной литературе куда реже вспоминается разгоревшийся на соборе конфликт между Немецким орденом и польским королевством.

Во многом благодаря поддержке Римского короля Сигизмунда Люксембурга, в составе делегатов собора преобладало благожелательное настроение по отношению к ордену (Сигизмунд I так же являлся обладателем венгерской короны и имел собственный конфликт с поляками из-за Галиции) [4, С. 304]. В декабре 1414 года орденская делегация достигла Констанца. Ее возглавил орденский проктор Петр Вордмит.

Речь Вордмита была искусно построена и тщательно продумана. Проктор напомнил делегатам собора славную историю ордена, сравнивая немецких братьев с новыми Маккавеями, оберегающими границы христианского мира от кровожадных армий Сатаны. Орден в свое время защитил поляков от язычников-прусов, крестя последних. И что же теперь?

Польский король, объятый гордыней и завистью, повернул свой меч против ордена. Более того, для своей войны — вещь неслыханная для христианского правителя — Владислав II использует язычников литовцев и даже татар! Поляки распространяют порочащие слухи об ордене по всей Европе, нарушают его границы и притесняют его купцов, а другие христианские правители не желают помочь Немецкому ордену в трудный для него час. Вордмит подытоживает угрозу для ордена, исходящую от польского короля, строками из Вергилия [5, Р. 231–235]:

*Паиной под паром воитель безбожный теперь завладеет.
Варвар — моим урожаем? Вот до чего разногласья
Граждан несчастных доводят! Зачем же поля засевал я!*
(Буколики. Эклога 1. Строки 70–72. Перевод А. Шерин)

Ответ Вордмиту прозвучал только 5 июля 1415 года из уст ректора Краковского университета, доктора канонического права Павла Влодковица.

Личность Влодковица редко вспоминается за пределами польской исторической литературы, она слабо освещена как в русской-язычной историографии, так и в западноевропейских исследованиях. Однако фигуру этого мыслителя Жак ле Гофф ставит в один

ряд с таким крупным философом и богословом, как Николай Кузанский, называя их обоих двумя передовыми умами Европы XV века [6, С. 275]. Ле Гофф так характеризует деятельность Павла Влодковица: «Этот мыслитель не относился к великим философам XV века, но был автором произведения, которое историки часто игнорируют, а мне оно представляется важным для развития европейской политической мысли... Влодковиц закладывает основы «нового» облика международного права. По его концепции, Европа должна стремиться интегрировать в свой универсум язычников и раскольников» [6, С. 276–277].

Павел Влодковиц (1370–1436), сын Влодко из Бруджениа, получил хорошее систематическое образование. Первоначально обучался в Плоцке, где существовали три школы. С 1385 по 1393 год учился в Пражском университете на факультете философии, где его наставником стал известный противник учения Виклифа — Маврикий Рвачка (Maugucy Rvačka) [7, S. 28]. В 1389 стал бакалавром, а в 1393 году — магистром свободных искусств. После этого Павел продолжил свое образование уже в другой сфере, с 1393 по 1397 год он продолжает свое обучение в Праге, но уже на факультете права (где получил очень влиятельно друга — Анджея Ласкаржа, епископа Познаньского). После этого Влодковиц возвращается на Родину, и в 1400 году становится каноником в Плоцке. В 1404 году Павел Влодковиц снова покидает Польшу и отправляется в Падуанский университет, где под менторством знаменитого богослова Франциска Забареллы продолжал свое образование в сфере права до 1408 года. Этот период своей жизни в Италии под присмотром самого «Короля права» Влодковиц вспоминал с особой теплотой и благодарностью [8, S. 9].

Наконец, в 1410 году Павел возвращается в Краков, где в 1411 (либо в 1412) году получает степень доктора. Дальнейшая его жизнь была тесно связана с Краковским университетом. Политическая и дипломатическая деятельность Павла Влодковица была высоко оценена, в 1414 и 1415 году он назначается ректором.

И именно в годы его ректорства разгорелся конфликт между Орденом и Польским королевством.

Выступление Павла Влодковица 5 июля 1415 года было призвано не только ответить на орденские претензии, но и в свою очередь предъявить самим Немецким братьям обвинения в преступлениях против язычников и христиан. Речь ректора Краковского университета была построена на основе его собственного трактата — *Tractatus de potestate papae et imperatoris respectu infidelium* [9], а также произведении, специально написанного для диспута с крестоносцами — *Conclusiones* или «*Opinio hostiensis est...*» [10]. Как и его оппонент, Павел Влодковиц начал свою апологию с исторического экскурса: Немецкий орден уже давно чинит насилие над язычниками-литовцами, и добился он только того, что даже мирные литовцы восстали против ордена с оружием в руках. Даже если язычники и желали креститься, то они принимали христианство из любых рук, кроме рук Немецких братьев [3, С. 127]. В это же время Польша выполнила задачу Ордена куда успешнее его самого — она мирным путем добилась крещения литовцев.

Влодковиц рассматривает саму суть Немецкого ордена. Орден существует с благословения папы, но может ли папа на законных основаниях приказать добрым христианам напасть на неверных язычников? Ответ: разумеется, но только в случае с язычниками на Святой Земле, где был рожден сам наш Спаситель. Но здесь речь только о Литве. Нападение на мирный соседский народ, будь то язычники или христиане, являются прямым нарушением естественных прав человека, что уж точно не может быть оправданно папским благословением. Применение силы несовместимо с провозглашенной в Писании свободой воли. Орден имел право на существование в то время, когда он вел оборонительную войну в Пруссии против язычников, но те времен давно канули в лету.

Далее Влодковиц рассматривает императорские грамоты 1226 и 1245 года. Названные грамоты давали ордену права на аннексию новых территорий и власть над язычниками, но Влодковиц

настаивает, что император не имел никаких прав на подобные решения — язычники жили вне границ Империи [5, P. 232].

Стоит отметить, что свои идеи Павел Влодковиц полностью согласовал с мыслями своего учителя — Станислава из Скарбимержа — крупного авторитета в доктрине справедливой войны [8, S. 11–13].

На следующий день, 6 июля 1415 года, Павел Влодковиц продолжил свою речь в защиту Польши и против Немецкого ордена. Все свои тезисы, с которыми он выступил в этот день, Влодковиц опубликовал в трактате «*Opinio hostiensis est...*».

Павел Влодковиц выступал противником идеи, что христиане имеют право применять силу против всех неверных, кои не признают Римскую Церковь. Влодковиц приводит 52 пункта против этого мнения. В основном это апелляция к Священному писанию и акцент на том, что роль христианства вовсе не в разрушении, но в созидании, а насилие может быть применено только в рамках справедливой войны. Справедливо вернуть малоазийские земли, которые ранее принадлежали христианам. Справедливо воевать за Святую землю. Но ни в коем случае недопустимо насильно обращать в христианство мирных язычников. Более того, деятельность Ордена уже переросла рамки случайной ошибки и превратилась в большой грех. Несправедливая война Северных крестовых походов не только не давала искупления грехов крестоносцев, но наоборот, запятывала их души проклятьем. Орден не останавливал войну даже в священные христианские праздники.

Поляков обвиняют в союзе с язычниками-литовцами. Теперь, когда в своей речи Влодковиц вскрыл сущность Ордена, он объявил, что воспользоваться помощью язычников против такого врага вовсе не грех. Ведь в свое время даже Маккавеи приняли помощь от языческого Рима.

И разве можно литовцев назвать язычниками, если Литва даже уже получила от Рима свою церковную администрацию, а Вильно в 1388 году стало центром епископства?

Реакция на тезисы Павла Влодковица была неоднозначной. Некоторые сочли аргументы Влодковица вполне весомыми, но подавляющее большинство делегатов собора осталось на стороне Немецкого ордена, сам же ректор Краковского университета получил едкое прозвище — «Адвокат всех язычников» [5, Р. 235].

Первый год работы Констанцского собора выявил непреодолимые противоречия между Польшей и Немецким орденом. Взаимные обвинения продолжали звучать на соборе до самого конца его работы. Краковская правовая школа показала свою состоятельность и на равных участвовала в диспутах с прославленными западными церковными авторитетами. Собор так и не сумел рассудить этот спор. Последними выступили два авторитетных богослова — кардинал Пьерр д'Айли (Pierre d'Ailly) и старый бенедиктинец Эндре Эскобар. Они признали виновными обе стороны (Орден в меньшей степени).

Результатом диспута не стал компромисс между двумя враждующими сторонами. Он показал, что во многом противоречия между Орденом и Польшей будут решены только на поле боя в новых кровопролитных сражениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Грабеньский В. История польского народа. Минск, 2006.
2. Машке Э. Немецкий Орден. СПб.: Евразия, 2003.
3. Бокман Х. Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории. М.: Ладомир, 2004.
4. Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. Москва, 2001.
5. Christiansen E. The Northern Crusades. London, 1997.
6. ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб, 2008.
7. Wielgus S. Polska średniowieczna doktryna «ius gentium». Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1996.
8. Gorski K. Z dziejow walki o pokoj i sprawedliwość międzynarodową. Ostatnie słowo Pawła Włodkowica o Zakonie krzyżackim. Torun, 1964.

9. Tractatus de potestate papae et imperatoris respectu infidelium (О власти папѣе и цесарза в стосунку до niewiernych), przedłozony soborowi w Konstancji 5 lipca 1415, wyd.: M. Bobrzyński Starodawne Prawa Polskiego Pomniki, T. 5, Warszawa, 1878.
10. Belch S. Sacrum Poloniae Millenium, T. 3, Rzym, 1956.

УДК 94(47)»12/15»

КОРОСТИК А. П.

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭКСПАНСИОНИСТСКИЕ ПЛАНЫ ЛИВОНСКОГО ОРДЕНА В РУССКИХ ЗЕМЛЯХ. ОТ МИФОВ К РЕАЛЬНОСТИ

Речь пойдет о военных конфликтах Ливонского ордена с пограничными русскими землями. И поскольку любое проникновение Ордена в русские земли осуществлялось, чаще всего, через территорию подвластную Пскову, то рассматриваться здесь будут конфликты Ордена и Пскова. В отечественной историографии, а в дальнейшем и в массовом сознании закрепился устойчивый миф о постоянном желании Ордена завладеть русскими землями и о так называемом Drang nach Osten. Но если всматриваться в источники, то никаких подтверждений этому там не находим. Более того если и говорить о немецкой экспансии, то это можно сказать применительно к территории Ливонии на которой и осуществлялась экспансия в полной мере, и все конфликты Ордена с Русью в XIII веке в основном являлись реакцией последней на потерю контроля над Прибалтикой [1, С. 94–95].

Итак, рассмотрим первый эпизод, с которым связано большинство легенд и мифов — Ледовое побоище. Рассмотрим возможные причины и обстоятельства возникновения данного

конфликта. Кратко напомним, что говорят нам летописи об этом событии. 1240 год: 16 сентября или октября немцы, медвежане, вельядцы, дерптцы при помощи князя Ярослава Владимировича, избив 600 псковичей, взяли Изборск. Далее, разорив псковский посад, стояли под городом неделю, затем отошли и, захватив в заложники несколько детей знатных псковских людей, стали вести переговоры. Псковичей подвел некий Твердила Иванкович, который, по словам летописи, «начал владети Псковом с Немци» и при этом воевал с новгородцами. Немцы сидели в Пскове два года. 1242 год Александр, приехав из Орды, собрал новгородцев и низовцев и вместе со своим братом Андреем поехал изгонять немцев из Пскова. Взяв город, Александр сковал немцев и чудь и отправил их в Новгород, «а сам поиде в зяжитие». Александр вернулся к Чудскому озеру и поставил свой полк на озере у Вороньего камня. Немцы налетели на полки Александра и «свиньею» прошли сквозь них. Потери немцев составили 500 «ратманов» и 50 пленных, чудь убежала. Александр «гнал их 7 верст по озеру до Сибилицкого берега и побил чуди без числа а иные потопли» [2, С. 13]. Ливонские хроники сообщают нам несколько другие цифры о потерях — в частности, Бальтазар Руссов говорит о 70 убитых братьях и 6 пленных [3, С. 197].

Руссов указывает причину, по которой немцы пришли в Псков — немцы были недовольны постоянными набегами русских на Дерпт. Интересно также и то, что Руссов говорит о том, что русские с согласия русского князя Герполька просили мира и сдали город немцам [3, С. 196]. Дж. Феннел обратил внимание на то, что как раз в это время в Новгороде разгорелась распря, из-за которой Александр был вынужден покинуть Новгород. Ученый сделал осторожное предположение, что это могло быть связано с существованием «Немецкой партии» в Новгороде [1, С. 89, 93]. Как известно, Новгород не был ослаблен монголо-татарским нашествием, и вполне вероятно, что появление немцев на новгородских территориях связано не с запланированным продвижением

немцев на восток, а с внутривосточным кризисом в Новгороде, и возможно, с тем, что в тот период верх взяла «немецкая партия». Можно выдвинуть осторожное предположение, что это сотрудничество с немцами вызвано тем, что Новгород и Псков хотели обезопасить себя от наступления татар. Интересно, что в 1228 году боярская псковская знать заключила с Орденом договор против Новгорода и Литвы, рыцари должны были защищать Псков, а за это им уступили права на земли эстов, ливов и латгаллов, на этот договор ссылается в своей работе В. Т. Пашуто [4, С. 49]. Так, что это была не первая попытка встать под протекторат ордена. Ливонский хронист Франц Ниенштедт говорит о том, что захват немцами Пскова был ответной реакцией на нападение псковичей на Дерпт [5, С. 381].

Итак, события, связанные с захватом немцами Пскова и последовавшим за ним Ледовым побоищем, нельзя назвать провалившейся экспансией. Немцы просто воспользовались некоторым ослаблением Новгорода, да и то без особого энтузиазма так, как не предприняли серьезных попыток сохранить свои завоевания. Напомню, что на момент прихода к Пскову Александра там находилось всего два рыцаря с небольшим гарнизоном [5, С. 381].

Следующий в хронологическом порядке эпизод, заслуживающий внимания, это 1262 год. Ярослав Ярославич, Дмитрий Александрович, Товтил Полоцкий, с ними новгородцы, псковичи и полочане ходили к Юрьеву. Одним приступом взяли три городских стены, «немцы избиша, а сами здоровы придоша» [6, С. 84]. В хронике Вартерберга это событие датировано 1261 годом и говорится о том, что русские заняли Дерпт и сожгли его дотла [7, С. 94]. Тут мы видим пример как раз агрессии русских.

Очень интересен период правления в Пскове князя Довмонта, за время его правления произошло несколько масштабных конфликтов с Орденом. Кроме известной Раковорской битвы, в которой участвовали псковичи под предводительством этого литовского князя, Довмонт организовал крупный рейд в глубь ливонской

территории и нанес серьезный урон орденским владениям. В 1272 году при этом же князе состоялась «сеча зла, яко же николи же не бывала оу Пскова» [6, С. 86]. Но ничего не говорит о том, что у Ордена были планы захватить территорию, их поход на Псков являлся ответным походом за причиненное орденским владениям разорение. И никак не может подтверждать стремление ордена на восток, хотя, судя по описанию в псковских летописях, эта битва под стенами Пскова была более масштабной и значимой для обеих участвующих сторон, чем битва на Чудском озере. В частности, в хронике Руссова приводятся такие цифры: «магистр двинулся в Россию с 18000 войском сухим путем и с несколькими тысячами на кораблях [3, С. 212]. Псковские летописи так же нам сообщают об участие военного флота, причем как с немецкой, так и с русской стороны [6, С. 85]. И здесь, несмотря на масштабность кампании и численность немецких войск, мы не можем сказать о четкой спланированной экспансии в русские земли. Время правления князя Довмонта заслуживает отдельного детального изучения. Вплоть до своей кончины в 1299 князь Довмонт удачно отражал нападения немцев на Псков.

Четырнадцатый век был периодом, в котором Псков пытался обрести независимость, периодом в котором Псков постоянно обращался за помощью к литовским князьям, что сильно раздражало Орден, так как этот союз создавал серьезную для него угрозу.

Первым документальным свидетельством о планах Ордена по захвату псковских земель можно считать Салинский договор между Литвой и Орденом, заключенный в 1398 году, по которому Литве должен был отойти Новгород, а к Ордену Псков. Только через несколько лет Орден и Литва попытались осуществить свои планы. Война началась в 1406 году. Но ни Ордену, ни Литве реализовать свои планы не удалось. На мой взгляд, заслуживает пристального внимания битва на Лозоговицком поле, произошедшая в ходе этой войны, по словам летописца — это крупнейшее поражение псковских войск на своей территории [6, С. 115].

Отдельного внимания заслуживает череда военных конфликтов в середине XV века между Дерптским епископством и Псковом из-за пограничных территорий, в частности из-за Желачки. Желачка — это остров в Чудском озере. Как правило эти конфликты начинались с того что одна из сторон расправлялась с рыбаками или крестьянами противоположной стороны, которые занимались хозяйственной деятельностью на чужой территории. То есть, причиной служили приграничные земли, на которых осуществлялась «незаконная» деятельность. Причем и с той, и с другой стороны страдали мирные крестьяне, рыбаки и охотники, которых топили, вешали, секли мечами, как русские, так и ливонские отряды.

Стоит также сказать, что в отношении Пскова и Ливонии большое значение имела торговля. Большая часть ганзейских товаров ввозилась в Новгород через Ливонию и Псков. Поэтому Ганза часто выступала в качестве арбитра в отношениях между Ливонией и Псковом, иногда являлась инициатором перемирий и мирных договоров, так как в случае затяжных военных конфликтов ганзейские купцы терпели большие убытки. Войны конца XV века возникали часто из-за недовольства одной из сторон условиями торговых соглашений. Об этом подробно написано в трудах Н. А. Казаковой и А. Л. Хорошкевич [8; 9].

В конце XV века расклад сил в регионе резко меняется — Псков все чаще в конфликтах с Орденом обращается за помощью к Москве. Это стало серьезной угрозой для Ливонии, так как справиться с объединенным псковско-московским войском Ордену было крайне тяжело. Свидетельством этому может послужить война 1479–1482 годов. Конфликт начался с того что в Дерпте пленили 25 псковских купцов, в ответ на это в Пскове пленили купцов из Ливонии. В ходе этой войны немцы, имея значительные силы, попытались овладеть Псковом, но потерпели неудачу. В ответ на это объединенные русские войска четыре недели безнаказанно грабили ливонские земли и взяли города Каркус и Феллин [3, С. 287; 2, С. 78]

Война 1501–1503 годов. Этой войне предшествовал довольно долгий подготовительный период. Сразу после вступления в должность магистра в 1494 году, Вальтер фон Плеттенберг стал говорить об угрозе вторжения русских войск в Ливонию и об угрозе всему христианскому миру от варваров с востока. Кстати сказать, что отношение запада к Московскому государству, как к угрозе христиан запада по праву можно считать идеей самого Плеттенберга. Историк Н. Казакова довольно подробно описала годы дипломатической подготовки к войне магистра Плеттенберга, начиная с 1494 года и до начала войны [8, С. 216–217].

Главной целью Плеттенберга был не захват русской территории и Пскова, а попытка предупредить возможное вторжение русских войск в Ливонию. Подтверждение этому есть в деловой переписке Плеттенберга, о которой упоминает российский историк Бессуднова [10, С. 19–21]. Разумеется, в договоре с Литвой говорилось о возможном разделе русской территории и разграничении сфер влияний, но основным мотивом Плеттенберга была, все же, защита Ливонии от русской угрозы. Вальтер Плеттенберг четко уловил центристские тенденции в русском государстве и понял, что в одиночку Ливония не сможет противостоять России. Несмотря на то, что в ходе этой войны русские войска проиграли все битвы на своей территории, стратегическое преимущество было на стороне русских [11, С. 424–425], также псковские войска совместно с московскими войсками, в составе, которых была татарская конница, совершили масштабный рейд вглубь ливонской территории. Крайне интересна битва при Гельмеде в которой наголову было разбито Дерптское епископство, причем поражение было настолько серьезным, что хронистам пришлось оправдываться, что Плеттенберг с войсками не мог прийти на подмогу из-за тяжелой инфекции, которая поразила его самого и его войнов [3, С. 298–299]. После этой войны мирные отношения между Орденом и уже не независимым Псковом, Московским государством сохранялись вплоть до Ливонской войны.

Мы рассмотрели лишь некоторые конфликты, которые на наш взгляд являются заслуживающими внимания исследователя. Итак, мы видим, что в период с XIII по начало XVI века между Псковом и Ливонией происходили войны и военные конфликты, которые возникали стихийно. Конфликты возникали по различным причинам и были обусловлены различными обстоятельствами. На протяжении рассмотренного нами периода отношения между Псковом и Ливонией изменялись и развивались, а войны и военные столкновения между сторонами были частью этих развивающихся отношений. Эти конфликты не были следствием продуманной и спланированной стратегии продвижения немцев на восток.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Феннел Д. Кризис средневековой Руси. М., 1989.
2. Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. М., 2003. Том. 5. Вып. 1.
3. Хроника Бальгазара Руссова // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. II.
4. Пашуто В. Т. Образование литовского государства. М., 1959.
5. Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. III.
6. Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. М., 2003. Т. 5. Вып. 2.
7. Ливонская хроника Германа Вартерберга // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. II.
8. Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Л., 1975.
9. Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963.
10. Бессуднова М. Б. Действия разведывательной службы Ливонского ордена в пределах русских земель на рубеже XV–XVI веков // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., Квадрига, 2010.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ ЛИВОНИИ В ПЕРИОД
ПЕРВОЙ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ
(ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ 1558 г.)**

В событиях первой кампании Ливонской войны 1558–1583 гг., которая была связана с нападением русских войск на дерптскую (тартускую) епархию в январе–феврале 1558 г., содержится много неясного. Принято считать, что ливонские государи (ландсгерры) в силу неспособности не смогли организовать эффективную оборону страны [1, С. 98], ссылаясь, в основном, на свидетельства ливонских хронистов второй половины XVI – начала XVII в., в массе своей протестантов, негативно относившихся к Ливонскому ордену и католическим епископам, а потому далеко небеспристрастных. Пространное описание первой ливонской кампании 1558 г. дается в «Истории Ливонии» Иоганна Реннера [2, С. 55–167] (1525–1583), который, будучи на службе Ливонскому ордену, имел доступ к орденскому архиву и не имел намерения принизить заслуги ордена в деле обороны страны [3, С. 85–92], какое было, к примеру, Бальтазара Рюссова. К сожалению, хроника Реннера, в отличие от сочинений Рюссова и Франца Ниенштедта, до сих пор не переведена на русский язык, хотя ее содержание при реконструкции событий Ливонской войны трудно переоценить. Во всяком случае, она не обнаруживает явных противоречий с данными документальных ливонских источников, представленных в публикациях К. Ширрена [4, S. 98–167] и Ф. Бинеманна [5, S. 29–104], а также в издании документов из архива Тевтонского ордена [6, S. 81–125].

Мы не ставим здесь задачи по описанию всего хода кампании, которая началась 24 января 1558 г. вторжением в Ливонию

русского войска под командованием татарского «царя» Шигалея, однако некоторые моменты, касающиеся действий самих ливонцев, требуют отдельного рассмотрения. Так, в науке существует мнение, что, несмотря на ультиматум о «юрьевой дани», ливонцы не слишком-то верили в возможность военного столкновения с Россией, в силу чего и не предпринимали никаких мер по подготовке обороны [7, С. 116; 8]. Между тем из вышеприведенного документа следует, что магистр вербовал солдат в Германии и сам находился близ русско-ливонской границы, что возможно понимать только как экстренную подготовку армии к боевым действиям. Однако стоит отметить, что магистр, скорее всего, готовил не превентивный удар, а оборону ливонских земель от возможного нападения царского войска, поскольку практически в то же время (25 октября 1557 г.) к царю было отправлено ливонское посольство, изо всех сил пытавшееся урегулировать вопрос о «юрьевой дани», но потерпевшее фиаско [9, С. 540–543]. Магистр изо всех сил пытался не допустить развязывания конфликта, и эта версия также подтверждается и другими источниками [5, S. 29–35].

Согласно Реннеру, наступление разворачивалось в нескольких направлениях — на Дерпт (центр), на Розитен (Резекне) (юг) и на Нарву (север) [2, S. 163], т. е. на территории, прилегавшей к границе. В ливонских хрониках говорится, что русские не пытались штурмовать крепости и занимались разорением местности, а также угоном и истреблением местного населения [10, С. 360]. В этой связи уже Рюссов обратил внимание на тот факт, что царские войска пришли «не с намерением покорить города, крепости или земли ливонцев, а только доказать им, что он [Иван Грозный — Д. Б.] не шутит» [10, С. 360]. Только лишь 4 февраля была осаждена небольшая крепость Оберпален, которую в ходе двухдневной осады русские так и не смогли взять [2, S. 99].

В хронике Рюссова говорится, что в ответ на жестокие действия царского войска ливонские ландсгерры не предприняли никаких ответных действий, ограничившись глухой обороной

замков [10, С. 359], с чем соглашается Реннер, сообщая о том, что ливонцы заняты, в основном, интригами и междоусобной борьбой, совершенно забыв о настоящем противнике [2, S. 99]. Однако другие источники позволяют поставить под сомнение эту точку зрения. Есть, например, письмо магистра Ливонского ордена по поводу угрозы со стороны «москвитов», в котором говорится о необходимости осуществления в Ливонии срочной мобилизации [6, S. 122]. Опасность войны с русскими и необходимость сбора сил и средств для обороны страны, что отчетливо понимали в Риге, Ревеле и Дерпте [6, S. 123–125]. Протоколы ландтага, который был созван после окончания военных действий, также содержат информацию о распоряжениях ливонского магистра по организации обороны [6, S. 99–106, 109–110], которые, однако, трудно было выполнить в зимних условиях — из-за невозможности доставить наемников из Европы и глубокого снега, который мешал переброске войск в самой Ливонии. Между тем известны усилия орденских фогтов из Везенберга (рус.: Раковор, совр.: Пайде) и Нарвы. Из Везенберга, например, навстречу силам Шигалея на помощь дерптской епархии был выслан конный отряд, который, однако, был вскоре разбит [11, С. 13; 2, S. 165]. Очень интересным представляются сообщения об отрядах самообороны, созданных ливонским дворянством — чисто дворянских или с привлечением крестьян, и даже самими крестьянами. Это была ответная реакция на разорение местности, которую осуществляли русские войска [2, S. 165–167]. Эти отряды применяли партизанскую тактику — нападали на небольшие группы противника, увлекшегося грабежом, и уничтожали их.

Таким образом, совершенно никак нельзя говорить об умышленном бездействии должностных лиц ордена и ливонского дворянства, скорее имело место отсутствие возможности предпринять серьезные действия, в силу чего их отдельные усилия и оказались малоэффективными. Последнее объяснялось, в первую очередь, отсутствием у них резерва времени (кампания длилась

меньше месяца), широким фронтом наступления противника и его мобильностью. Кроме того, имела место некоторая разобщенность действий ливонских дворян и отсутствие единой организации, обусловленное сложной системой мобилизации ливонского войска, которая требовала созыва общего ландтага и обсуждения необходимости подобного рода действий. Между тем, как уже это было сказано, январская кампания имела быстротечный характер, а на подобные мероприятия у ливонцев просто не было времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филюшкин А. И. Особенности рассказа о Ливонской войне хроники Иоганна Реннера // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2011. № 1.
2. Johannes Renner. *Livländische Historien*. Lübeck, 1953.
3. Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. // Прибалтийско-немецкая историография, Рига, 1949.
4. Schirren C. *Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit*. Bd. 1-8. Bd. 2. Reval, 1861–1862.
5. Bienemann F. *Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562*. Bd. 1–3. Bd. 2. Riga, 1865–1868.
6. Herzog Albrecht von Preußen und Livland. *Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten*. Bd. 1-4. Bd. 2 (1557–1560). Bearb. von S. Hartmann. Köln, 2006.
7. Филюшкин А. И. Дискурсы Ливонской войны // *Ab imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. 2001. № 4.
8. Попов В. Е., Филюшкин А. И. Русско-ливонские договоры 1554 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2010. № 1.
9. Бессуднов Д. А. Начало Ливонской войны в свете ливонских посольских дневников 1557 г. // *Одиссос. Актуальные проблемы истории, археологии и этнологии*. Одесса, 2012.
10. Рюссов Б. *Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края*. Т. 1–4. Том 2. Рига, 1879.
11. Ниенштедт Ф. *Ливонская летопись // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края*. Т. 1–4. Том 4. Рига, 1883.

ВОЕННАЯ КАРЬЕРА ВЕЛИКОГО КОРОННОГО ГЕТМАНА ЯНА ЗАМОЙСКОГО ВО ВРЕМЯ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ РЕЙНГОЛЬДА ГЕЙДЕНШТЕЙНА

Основными источниками для написания данной статьи служили произведения Рейнгольда Гейденштейна. Р. Гейденштейн — один из первых военных историков Речи Посполитой. Он был секретарем королевской канцелярии, свои обязанности выполнял под руководством короля Батория и канцлера Замойского. Наш главный герой — канцлер, затем и гетман Речи Посполитой, важная фигура, просветитель и, что всего важнее, прославившийся на военном поприще Ян Замойский. Именно ему посвящено много сюжетов в произведениях «Записки о Московской войне» и «Польская история от смерти Сигизмунда Августа».

Хронологический охват данной темы невелик: Замойский впервые принял участие в военных действиях в 1579, гетманом стал в 1581, а война закончилась уже в 1582. Тем не менее, Замойский немало поспособствовал победам Речи Посполитой на фронтах ливонской войны.

Замойский был причастен к набору войск — король поручил ему собрать конницу и пехоту. В подчинении Замойского находились, в основном, венгры [1, С. 7]. Наслышанные о своевременных выплатах жалования новобранцы спешили и стремились попасть к нему в подчинение [1, С. 8].

Первой фронтовой операцией для Замойского было взятие Полоцка в 1579. Он участвовал в разработке этой операции [2, С. 4]. Гейденштейн приводит его речь, произнесенную перед войском после взятия. Ею Замойский стремился поднять боевой

дух армии. Замойский торжествует: «неприятель не только побежден, но и лишен Полоцка... все его трофеи, которые он получил за столько лет..., все эти трофеи отняты этой победой» [2, С. 87–88; 3, S. 334] (в самом деле, в Полоцке изъяли большое количество русских летописей, ими пользовался и Гейденштейн). Замойский предупреждает, что царь так просто не оставит нанесенные обиды. Необходимо было закончить начатое, ослабить Русь и завоевать эти земли. Нельзя было останавливаться на достигнутом, загораживаясь домашними делами, недостаточным вознаграждением [3, S. 335].

Замойский в своей речи убеждает войско, что надо со славой продолжить завоевания. Он говорит, что большие территориальные приобретения требуют больших издержек и труда. Но бывают ли территории лишними? Пожалуй, нет, ведь «если желаем сохранить настоящее положение республики, то совершенно необходимо присоединить к ней какое-нибудь новое королевство» [2, С. 90].

Он предлагает будущее государственное устройство расширенной Речи Посполитой: каждой присоединенной области предполагалось предоставить гражданство и никаких чрезмерных привилегий [3, S. 336].

Он считает, что нескоро подвернется «удобный случай для войны с Москвою» [2, С. 91; 3, S. 336], и самое время показать своему королю и государству «труд и усердие». Текст речи весьма вдохновенный, и понятно, почему уполномоченные «не колебались дать согласие на продолжение войны и дальнейшее взимание налога для нее» [3, S. 337].

В ходе войны благодаря талантам Замойского (по утверждению В. Новодворского) была взята крепость Велиж (ее подожгли, и осажденные были вынуждены сдаться) [1, S. 14]. На пути из Велижа были случаи бегств новобранцев: «испугавшись трудов и голода, который предстоял им в дороге через леса, они попытались бежать» [1, S. 16]. Замойский их сурово наказал, тем самым уберечь остальное войско от подобных поступков.

Далее Замоийский последовал к Великим Лукам (польский исследователь Тышковский трактует это известие так, что Замоийский оставил осажденный Велиж, а сам поехал к Великим Лукам, присоединившись к обозу короля) [4, S. 24]. Луки также подожгли, и пока осажденные жители не согласились сдаться на милость короля, Замоийский не принимал условий сдачи [1, S. 26].

Батовский рассказывает об эпизоде, который описывал Гейденштейн в биографии Замоийского. Когда король прибыл под Великие Луки, он отправил послов к великому князю и отправил с ними письмо, полное обвинений и обличений. А Замоийский, который не хотел поддержать это письмо, а тем более рассказывать его содержание, говорил, что это письмо включало много интересных подробностей, но оно уже отправлено Великому князю, на этом останавливался [5, S. 29]. В. Новодворский считал, что факт взятия Великих Лук — это заслуга Замоийского [6, S. 43].

Далее король послал Замоийского заняться Заволочьем, крепость было необходимо захватить срочно, пока было сухо, иначе этот пункт откладывался более чем на полгода [1, S. 30]. Эта крепость стояла посреди озера, Замоийский лично руководил подготовкой береговых орудий, строительством плотов и переправы. Подготовка к штурму длилась 10 дней [1, S. 36]. Замоийский обратился к осажденным с возванием от имени короля: «если они добровольно покорятся, то из милости своей решил их пощадить» [2, S. 159]. Гейденштейн писал, что грамота была послана за несколько дней до приступа. Грамота от имени короля, так как «имя его [Замоийского] означало угрозу неприятелю из-за сожженных Великих Лук [1, S. 37]. Это сообщение звучит довольно кокетливо, у Замоийского, удя по всему, самомнение было довольно высоким. Заволочье, хоть и не сразу, но сдалось, и крепость перешла к полякам без серьезных повреждений.

Военные действия продолжались, и наш персонаж вступил в них уже в гордой должности гетмана. Предстояла новая операция — осада крепости Остров [2, С. 133]. Замоийский указал вырыть

ров между рекой и озером. При помощи этого рва он решил снизить уровень воды в озере, и тем самым облегчить штурм [1, S. 21]. Когда крепость подожгли, защитники крепости... начали «громко присягать королю на верность».

Апофеозом данной кампании стал Псков. Вацлав Новодворский пишет, что «взятие Пскова сделало Замойского одним из известнейших военачальников мира». Замойский предлагал королю более долгий, но надежный план взять Псков голодным измором [1, S. 72]. Баторий решил брать Псков как можно скорее. Полякам, как мы теперь знаем, так и не далась эта крепость.

Осада началась в августе 1581 года. Гейденштейн воспроизводит эпизод у псковской стены, куда Замойский подъехал, чтобы разведать обстановку. «Небезопасность положения не смущала Замойского», и неприятели, думая, что это засада, притаились. Тем временем подошли поляки и русских оттеснили к крепостным стенам.

Распатывали войско конфликты между поляками и наемниками-венграми. Замойский более мог положиться на наемников-венгров, так как он знал, что поляки вряд ли подчинятся: «там каждый кот охотится для себя» [1, S. 69].

К ноябрю король оставил войско на Замойского и отбыл в Вильно. Гетман и его подчиненные всеми силами старались сохранить и укрепить дисциплину в войске [1, S. 72]. А ее подрывали, в том числе, и страшные холода.

Гейденштейн не упоминает весть о болезни Замойского, однако мы находим ее в диариуше Пиотровского, одного из участников похода. Пиотровский пишет, что гетман отравился [7, С. 360]. Треть войска лежала в болезни от холода: «лишь только кто-нибудь выходил из палатки, как отмораживал все члены, в особенности... нос, уши, лицо, и затем умирал» [2, С. 243]. Гетман, выздоровев, велел менять караулы по семь раз в день [1, S. 72], а для экстренных случаев у него был наготове полк согретых и готовых атаковать жолнеров. Эти приготовления оправдали себя неоднократно

(Карамзин, например, пишет, что из Пскова было предпринято до 46 вылазок в стан врага: «доброе содействие было только от воевод псковских: они 4 января [1582 г.] еще сильно напали на Замойского с конницею и пехотою; взяли знатное число пленных, убили многих сановников неприятельских, и с трофеями возвратились в город. Сия вылазка была сорок шестая — и прощальная, ибо Замойский дал знать своим послам, что терпение войска уже истощилось» [8, С. 752]), в одной контратаке было убито 300 и пленено 60 человек. Гейденштейн не устает хвалить Замойского: ночью русские выбрались из крепости, но полякам Замойский не велел их трогать, ибо те вышли, чтобы похоронить своих павших. Русские его за это восхваляли как «славного мужа и христианских нравов гетмана» [1, S. 95].

Его «христианские нравы» не помешали ему позже согласиться на вероломный поступок. Шуйскому, руководившему осадой, прислали богато украшенный ларец. Ларец был адресован лично Шуйскому, но открыл его один из воевод, и... ларец взорвался с такой силой, что крыша дома взлетела на воздух. Русский текст «Повесть о хождении короля Стефана на град Псков» [9, С. 389] свидетельствует об обратном — что ларчик безопасно вскрыли, и летописец корит Замойского, что он задумал не своего ума дело.

Как мы знаем, Псков полякам взять не удалось. 15 января был заключен Ям-Запольский мир, а 4 февраля была снята осада Пскова. Гейденштейн не акцентирует внимание на бесславном окончании псковской операции, он рассказывает о территориях, перешедших к Речи Посполитой. Наш историк несколько раз повторяет, какие территории перешли во владение королевства; послы «уступали королю все остальные [крепости ливонские], оставляя для своего государя только следующие важнейшие города и крепости: Фелин, Дерпт, Мариенбург, Пернов и Нарву» [2, С. 167]. Король отказывался заключать мир, не получив Ливонию целиком. И не последнюю роль при этом, как мы увидели, сыграл Замойский.

Основной вопрос, который появляется при изучении трудов Гейденштейна — насколько он объективен в описании Яна ЗамоЙского. Не секрет, что материалами для «Записок о московской войне» Гейденштейну служили не только русские летописи, диа-риуши польских офицеров и реляции с поля боя, но и материалы канцелярий Батория и ЗамоЙского. Пространные речи ЗамоЙского, очевидно, не были составлены Гейденштейном в тексте книги, но взяты из первоисточника-то есть от самого гетмана. Спустя некоторое время после первого издания «записок» шляхта на сей-ме 1587 года поставила вопрос об уничтожении тиража новоизданной книги! Они посчитали оскорблением для себя восхваление ЗамоЙского почти на каждой странице труда, с параллельным преуменьшением собственных заслуг. Но сам ЗамоЙский отстоял книгу, уже в 1588 г., в Базеле, вышло второе издание.

Как бы то ни было, Гейденштейн далеко не везде в повествовании идет за своими источниками. Один из примеров: как было упомянуто выше, Гейденштейн не упомянул о болезни ЗамоЙского под Псковом, а о ней свидетельствует Пиотровский.

И вот вопрос, было ли восхваление ЗамоЙского искренним желанием нашего историка, либо это был политический заказ, в первую очередь, от самого ЗамоЙского, с целью повысить свою популярность и остаться в веках? Многие сообщения Гейденштейна о геройствах ЗамоЙского сложно верифицировать. Конечно, хочется верить, что он искренне превозносил патрона, однако вероятно и то, что действительно эти попытки превознести ЗамоЙского не получили продолжения, так как были гиперболизированы и не смогли естественно лечь в историческую канву произведений последователей Гейденштейна. Именно поэтому мы плохо знакомы с ЗамоЙским, его деятельность довольно скудно освещена в польской историографии, а в отечественной и вовсе не существует специальных работ, посвященных канцлеру и гетману Яну ЗамоЙскому.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gliszczyński M. Rajnolda Hejdensztejna sekretarza królewskiego, Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594. Peterburg: B. M. Wolff, 1857. T. 2.
2. Гейденштейн Р. Записки о московской войне 1578–1582. СПб, 1889.
3. Gliszczyński M. Rajnolda Hejdensztejna sekretarza królewskiego, Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594. Peterburg: B. M. Wolff, 1857. T. 1.
4. Tyszkowski K. Jan Zamojski Hetman i Kanclerz Wielki Koronny. Lwów, 1938.
5. Batowski A. Rajnold Hajdensztajn i Franciszek Bohomolec pisarze żywota Jana Zamojskiego. Lwow, 1854.
6. Nowodworski W. Jan Zamojski: jego życie i działalność polityczna: zarys biograficzny. Petersburg, 1898.
7. Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580–81). Псков: Псковская областная типография, 2005.
8. Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2009.
9. Воинские повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 1985.

**НОВГОРОДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В СТОКГОЛЬМ 1611 г.
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ВЫБОРЕ КАНДИДАТА
НА РУССКИЙ ПРЕСТОЛ**

Обострение в политических, социальных и экономических сферах в условиях русской Смуты начала XVII в. создало насущную потребность поиска выхода из затянувшегося кризиса. Одним из вариантов решения проблемы, наиболее приемлемым для политической элиты, являлось приглашение на российский престол иноземного государя — из Польши или из Швеции. Особенно сильны прошведские настроения были среди новгородцев, которые стремились заручиться поддержкой шведских властей и посадить на новгородский, а в дальнейшем и на Московский и на Владимирский престол шведского королевича.

Достижению указанной цели должно было служить посольство, отправленное из Великого Новгорода в Стокгольм в декабре 1611 г., о котором большинство исследователей, касающихся истории русско-шведских дипломатических контактов, упоминают лишь вскользь [1, С. 25–33; 2, С. 721–748]. Наиболее подробно это событие освещено в работах Г. А. Замятина [3, С. 1–96], в публикациях Е. И. Кобзаревой [4, 162–168] и Рабиновича Я. Н. [5, Р. 35–47], но и они оставляют место для вопросов.

Новгородское посольство в Швецию 1611 г., к сожалению, не получило широкого освещения в источниках, однако в нашем распоряжении имеется инструкция посольству или «Приговор Новгородских митрополита Исидора, воеводы князя Ивана Никитича Большого Одоевского и земских чинов, об отпуске в Стокгольм Юрьевского архимандрита Никандра с уполномоченными, для

предложения Российского престола одному из Шведских принцев, Густаву Адольфу или Карлу Филиппу» (далее — «Приговор») [6, С. 283–285], содержащий весьма интересную информацию, а также письма шведского короля Густава Адольфа, адресованные шведскому наместнику в Новгородских землях Якобу Делагарди, частично опубликованных Г. А. Замятиным [7, С. 20–33]. Данные источники предоставляют возможность выяснить значение декабрьского посольства архимандрита Никандра в деле передачи русского престола шведскому королевичу.

Идея отправки посольства в Швецию возникла уже летом 1611 г., когда в Новгороде ожидали приезда одного из сыновей шведского короля Карла IX, которого, как считали новгородцы, поддержит вся страна. Из этого следует, что Новгород стремился к разрешению не только собственных, но и общегосударственных проблем, отведя себе роль лидера.

Что побуждало новгородцев снаряжать посольство, об этом говорит донесение Делагарди королю от 3 октября 1611 г. В Новгород прибыли из-под Москвы дворяне, сообщившие важные новости; речи одного дворянина Делагарди даже послал королю. По словам этого дворянина, бояре, собравшиеся под Москвой, разъехались по поместьям, так как Ив. Заруцкий после убийства казаками П. Ляпунова стал принуждать их к присяге сыну Лжедмитрия, убитого в Калуге; оставшиеся из дворян выразили желание, чтобы один из сыновей шведского короля стал их великим князем. Если они услышат, что королевич на пути в Московское государство, они все передадутся ему и примут его достойным образом [3, С. 17–18].

Посольство было сформировано к зиме и 25 декабря 1611 г. отправилось в Стокгольм, чтобы просить Карла IX «дать из двух сынов своих королевичей князя Густава Адольфа или князя Карла Филиппа, чтобы <бысть> им государем Российским» [6, С. 284]. В «Приговоре» предоставлен полный перечень участников посольства — в основном состоятельных купцов, которые

много путешествовали и бывали и в Стокгольме, и ни одного опытного дипломата, которые в тот момент находились в Москве [6, С. 283–284]. Состав посольства свидетельствует о том, что идея возведения на российский престол шведского принца исходила, прежде всего, из купеческой среды, заинтересованной в укреплении торговых связей со шведским королевством и, что, на мой взгляд, более важно, хорошо знавшей пути в Стокгольм. Также это свидетельствует об определенном рода спешке, которая, скорее всего, была обусловлена стремлением новгородцев воспользоваться трудным положением Москвы, оккупированной поляками, и решить вопрос о власти до тех пор, пока ситуация в столице стабилизируется.

Возникает вполне закономерный вопрос, почему такую ответственную миссию, выбрать кандидата на русский престол, вызвались решать новгородцы, и почему выбор пал именно на шведского королевича? Сами новгородцы объясняли это тем, что, во-первых, в данный период российское государство было неустойчивым от всякого рода самозванцев, а стабилизации ситуации в России могло способствовать избрание легитимным правителем представителя королевской династии, т.е. шведского королевича. Во-вторых, имелось постановление Совета Подмосковного ополчения П. Ляпунова (от 23 июня). На данный факт новгородцы делали основной упор, так как стремились подчеркнуть, что действуют не самовольно, а по указу Москвы. И, в-третьих, все прежние правители страны от Рюрика до Федора были Варяжского княжения, т.е., по представлению новгородцев, шведами [3, С. 21–22].

Однако осуществить поставленную задачу посольству не удалось. Как следует из письма Густава Адольфа, к тому времени провозглашенного королем Швеции, которое он написал новгородцам 10 января 1612 г., он был намерен занять русский престол, что означало бы объединение Швеции и России. Новгородское же посольство старалось склонить Густава Адольфа к возведению на российский престол его брата Карла Филиппа, которого следовало

отправить на предстоящие переговоры в Выборге, и тем самым не разделяло идею объединения двух государств, выдвинутую шведским королем [7, С. 27]. Новгородское посольство вернулось в Россию лишь в сентябре 1613 г., предварительно присягнув Карлу Филиппу как российскому государю, из чего следует, что оно, несмотря на свою прошведскую настроенность, до конца не допускало возможности объединения Швеции и России под властью одного правителя. Следует также добавить, что характер диалога новгородского посольства с шведским королем Густавом Адольфом до сих пор не вполне понятен и требует дополнительного изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб.: Блиц, 2008.
2. Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М.: Чарли, 1994.
3. Замятин Г. А. Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Молотов, 1942. // ОР РГБ. Ф. 618. Карт. 2. № 3.
4. Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М.: Институт российской истории, 2005.
5. Рабинович Я. Н. Первые посольства нового новгородского правительства Делагарди-Одоевского в Москву и Стокгольм в 1611 г. и судьба их участников // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. №2, 2012.
6. Дополнения къ актамъ историческимъ. Т. I. СПб.: Типографія II Отделенія Собственной Е. И. Канцеляріи, 1846.
7. Замятин Г. А. Къ вопросу об избраніи Карла Филиппа на русскій престол (1611–1616 гг.). Юрьев: Типографія Г. Лаакманъ, 1913.

**РУПРЕХТ ПФАЛЬЦСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО
(1619–1642 гг.)**

XVII век был ознаменован разнообразными конфликтами в европейской политической и социальной жизни. Встряске подверглась сословная элита, и возник эффект своеобразной миграции отдельных сословных групп, тогда, когда целые семьи превращались в настоящих изгоев. Семья пфальцских Виттельсбахов хорошо иллюстрирует поведенческую модель представителей элиты, оказавшихся в условиях острого кризиса. Портрет принца Рупрехта, бесспорно, остается самым притягательным образом в этом плодородном семействе Фридриха V. Последний с 1610 года был курфюрстом в своих наследственных владениях в Пфальце [1], в 1619 году за два месяца до рождения Рупрехта коронуется чешской короной, оказываясь в завязке Тридцатилетней войны. После Белогорской катастрофы Фридрих вместе с семьей спешно покидает Богемию, а в 1623 году имперским эдиктом лишается всех своих владений и титула [2].

На примере Рупрехта мы видим желание восстановить сословную репутацию своей семьи, династии. Принц представляет собой своеобразное сочетание двух качеств: личное благородство, дворянская сущность, что особо проявляется в его военной карьере, и стремление к сословной адаптации посредством сословно-родственной солидарности.

Начнем с географического пространства действий принца. Первые двадцать лет его жизни в непосредственной близости от Пфальца — Нидерланды и северо-западная Германия. Англию же

можно рассматривать как продолжение, прыжок на новую ступень в социальной лестнице. Однако свой путь по ней он начинал в упомянутых Нидерландах.

В первую очередь тут сыграла роль система родственно-династических связей (Виттельсбахи и дом Оранских). В 1620 году семья Фридриха V уехала в Голландию, где их принял у себя Мориц Оранский. Отметим, что военная карьера Рупрехта изначально была связана с нидерландским театром военных действий, куда пригласили участвовать тринадцатилетнего мальчика. В 1633 году состоялась его первая, но довольно краткая кампания — взятие Райнберга [3, Р. 28]. По этому поводу в Гааге устроили триумф штатгальтеру — Фредерику-Генриху, Рупрехт тоже не был обделен вниманием.

После этого мальчик посчитал свою жизнь в Лейдене утомительной и поступил на службу в лейб-гвардию штатгальтера. В качестве простого гвардейца, он участвовал в трех военных операциях, в том числе в осаде Левина и Тинина, был ранен [3, Р. 21]. Он вернулся из второй кампании, овеянный славой. По возвращении из Англии Рупрехт снова в армии штатгальтера. В то время Фредерик-Генрих осаждал город Бреда, и в течение всей осады и Рупрехт, и его брат показали себя энергичными и активными военными.

Стоит отметить, что с раннего возраста Рупрехт понял: многое зависит от его личных качеств. Он умел очаровать, заставить собой восхищаться, рано проявил независимость своего характера, изучение языков он считал для себя полезным. К тринадцати годам мог быть понят практически во всей Европе [3, Р. 11].

Все эти качества помогли ему и тогда, когда он был отправлен в Лейденский университет. По дороге они остановились на два дня в Дюссельдорфе. За время пребывания там принц сделал довольно много посещений, показав понимание всей важности таких мероприятий [4, Р. 325]. В Лейдене принц Рупрехт скоро взял кредит,

завел особо важные и дружественные связи. Сошелся с принцем Ландсбергом, который составил ему компанию на его недолгое обучение [4, Р. 326].

В ходе немецкой войны демонстрировался настоящий сословный интернационал, когда разность политических и религиозных взглядов отнюдь не меняла сословную сопричастность. Вновь на землях Германии Рупрехт оказывается в ходе кампании по возвращению Пфальца. После поражения в битве при Флото в 1638 году его взяли в плен [5, Р. 38] и перевезли в Линц на Дунае под присмотр графа Кюфшштейна [3, Р. 41]. Происхождение и личные качества принца обеспечивали ему достойные условия. Он был ограничен в контактах со старыми друзьями, но не вел затворную жизнь. Ему оказывала симпатию дочь хозяина — Сюзанна. Кроме того, к удаче Рупрехта эрцгерцог Леопольд проезжал через Линц и посетил принца. Между ними сложились быстро дружеские отношения на основе общих интересов и в силу небольшой разницы в возрасте. Леопольд был очарован принцем, и дружба между ними продолжалась до конца их дней [3, Р. 46].

Благодаря заступничеству эрцгерцога перед императором Рупрехту разрешили покидать свое место заключения сроком в три дня. Этим пользовались многие князья, которые приглашали его к себе. Среди них, как ни странно, был граф Кевенхеллер, являвшийся одним из злейших врагов отца Рупрехта. Принц нашел дом графа «самым привлекательным местом», где его «очень щедро развлекали» [3, Р. 46].

При освобождении Рупрехта Иоганн-Георг I в честь него собирался устроить банкет, но принц отказался пить, тогда удивленный и возмущенный курфюрст предложил охоту в качестве развлечений [3, Р. 55]. Следует вспомнить исторически сложившуюся ситуацию, представлявшую собой некое противостояние пфальцских Виттельсбахов и саксонских Веттинов. Очевидно, это каким-то образом повлияло на Рупрехта и его дерзкое поведение в отношении курфюрста.

Среди немецких князей были у Рупрехта и недоброжелатели. Это, прежде всего, герцоги Баварские. Сама герцогиня чуть ли не на коленях умоляла императора не выпускать отпрыска враждебной ветви Виттельсбахов [6, Р. 101]. Здесь нет ничего удивительного, так как герцоги баварские не хотели увеличивать шансы на возвращение Пфальца исконным владельцам.

То, что Рупрехт еще в свое первое пребывание на островах заводит новые и важные знакомства, уже примечательно. Принц видит в Англии перспективу для своего дальнейшего роста в военной и социальной карьере. В свое первое посещение Англии он стал любимцем королевы и ее дам. Генриетта испытывала надежды на переход Рупрехта в католичество. В свою очередь Рупрехта действительно увлекал художественный аспект этой конфессии. За последним моментом с тревогой наблюдал молодой курфюрст. Он писал, что Рупрехт «всегда был с Королевой, ее дамами и ее папистами» [6, Р. 79].

В армии штатгальтера Нидерландов Рупрехт встретил англичан, с которыми был уже знаком — Этли, Горинга, лордов Нортгемптона и Грандисона — и тех, с кем еще будет суждено воевать в годы гражданской войны, как в качестве друзей, так и в качестве врагов [3, Р. 34].

У семьи курфюрста имелся богатый друг-покровитель лорд Кравейн, который присматривал за молодыми принцами и поддерживал их предприятия материально. В плен после битвы при Флото Рупрехт попал вместе с Кравейном и Ференцом. Первый заплатил за свое освобождение к тому времени двадцать тысяч, но еще больше он предлагал за то, чтобы остаться вместе с Рупрехтом [3, Р. 41]. Однако мальчика изолировали от друзей.

Теперь же выделим две важные фигуры, занимавшие самое высокое положение в сословной иерархии — король и император. Близость принца к первому это триумф социальной карьеры принца. А признание второго — показательный факт: Рупрехт ищет если не союзников, то доброжелателей среди даже вражеского

лагеря в своей борьбе за возвращение утраченных прав и привилегий.

Фридрих V знал о симпатии Карла I Стюарта к семье сестры. Перед своей смертью в 1632 году он написал Карлу письмо, где просил его присмотреть за своей женой и детьми [5, Р. 24–25]. В том же году перед Рождеством Елизавета так же просила Карла о его протекции для ее многочисленных детей [5, Р. 26].

После смерти Фридриха, став главой семьи, Карл Людвиг отправился в Англию, дабы заручиться поддержкой своего дяди. Отправленный вслед за ним Рупрехт затмил своего брата. По словам того же Томаса Роя, Его Величество с удовольствием общался с Рупрехтом, потому что принц никогда не бывал простым в своей речи. С королем они нашли и общую точку соприкосновения в любви к искусству.

Елизавета предпринимала отчаянные, но тщетные попытки вернуть сына на континент. Она знала, что тот строит вместе с королем авантюрный план колонии на Мадагаскаре. Для Елизаветы же он был только «солдатом короля и брата». Она писала Рою, что ее сын «не должен бродить по миру, как странствующий рыцарь» [3, Р. 25]. Сам принц относился к увещаниям родственников равнодушно и не распространялся насчет своих планов.

Помимо этого, они в сопровождении короля посетили Оксфорд [6, Р. 71]. Новые кампании штатгальтера и участие в них Рупрехта более чем устраивали Елизавету. Карл спонсировал кампанию по возвращению Пфальца и, наконец, отпустил братьев. Они в июне 1637 года отправились из Гринвича в Гаагу. В день отбытия Рупрехт охотился утром с королем и заявил, что готов сложить кости в Англии [7].

Контакт с Карлом I был потерян с взятием Рупрехта в плен. Новости в Англии были получены с тревогой, и даже преувеличивали всю тяжесть проигрыша и ранений Рупрехта.

В 1640 году благодаря заступничеству кардинала Испании ему все-таки разрешили посещения. В 1641 году король Карл отправил

Томаса Роя в Вену, дабы уговорить императора освободить Рупрехта. Это состоялось, когда принц пообещал не поднимать меч против империи. Тут Рупрехт опять же не сразу поддался уговорам Роя, он боялся, что пойдет против своей чести, как он писал в своих трех письмах, обращенных к другу матери, в период с августа по октябрь 1641 года [3, Р. 53].

Елизавета была обеспокоена дальнейшей судьбой сына, но в 1642 году началась гражданская война в Англии и он, наконец, получил занятие, как и желала мать.

В плену у католиков с Рупрехтом обращались обходительно, а в феврале рассматривалась встреча императора Фердинанда III и принца, которая все же не состоялась. В 1640 и 1641 годах были сделаны некоторые уступки. Так он провел в плену два года.

Император согласился поставить условия освобождения. Изначально встал вопрос перехода в католичество, которое принц твердо отверг. Затем император заговорил о том, чтобы Рупрехт просил прощение за свои действия против Империи [6, Р. 98]. Сделать это означало бы для принца отрицать права брата на Пфальц, поэтому Рупрехт холодно ответил, что презирает просьбу о прощении за то, что «он выполнял свой долг» [3, Р. 43]. Наконец, император пригласил его к себе на службу бороться против Франции. Для Рупрехта после принятия на службу императору последовало бы неизбежное противостояние так же и шведам, и протестантским князьям. Рупрехт снова отказался и посчитал это оскорблением.

Когда в 1641 году король Карл заговорил об освобождении Рупрехта, император сам колебался, ему импонировал молодой принц, который осмелился бросить вызов. После завершения всех переговоров на неделю Рупрехт был задержан в Вене, опять же произведя впечатление на императора и двор своими любезными и взвешенными ответами на вопросы императора [3, Р. 55].

Подводя итоги, можно сказать, что в обозначенные годы Рупрехт Пфальцкий, с самого детства и не по своей воле оказавшийся

в положении изгнанника, направлял всю свою энергию к получению сословной аффе́кции, восстановлению репутации в сословно-дворянском мире Европы. Да, Рупрехт не приобретет определенного территориального плацдарма, его жизнь станет одним большим «кавалерским» туром по всему миру. Однако будущий герцог Камберлендский благодаря личным качествам, умелому использованию родственных и дружеских связей, внутреннему страстному желанию, с успехом вписался в сословную структуру, добившись собственного признания современниками. И комбинация таких факторов как личное благородство и сословно-родственные привилегии в этом плане особо показательны для годов Тридцатилетней войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schaab M. Geschichte der Kurpfalz. Band 2: Neunzeit. Stuttgart, Berlin. 1992. P 78–80.
2. Веджвуд С. В. Тридцатилетняя война. Москва, 2012. С. 182.
3. Scott E. Rupert Prince of Palatine. New York, 1900.
4. Schmidt F. Geschichte der Erziehung der pfälzischen Wittelsbacher. Berlin, 1899.
5. Spenser Ch. Prince Rupert. The Last Cavalier. London, 2007.
6. Warburton E. Memoirs of Prince Rupert, and the Cavaliers. Vol. 1. London, 1849.
7. Gower R. Rupert of the Rhine. A biographical sketch of the life of Prince Rupert, prince palatine of the Rhine, duke of Cumberland, etc. London, 1890.

ЧЕРНЫШОВА А. С.
Московский государственный университет

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА XVII ВЕКА
В СОЧИНЕНИИ АВРААМА ДЕ ВИКФОРА
«ПОСОЛ И ЕГО ФУНКЦИИ»**

Работа дипломата окутана ореолом тайн и загадок. Зачастую мы имеем узкое представление о миссиях дипломатических представителей XVII века. В полной мере оценить особенности работы дипломата времен Людовика XIV можно лишь при изучении всех сторон дипломатической службы. Одним из первых, кто посвятил свое сочинение дипломатической практике бурного XVII века, был Авраам де Викфор.

Скажем несколько слов о его биографии. Авраам де Викфор родился в Голландии, в семье знаменитого купца. Получив юридическое образование в Лейдене, он проходил службу во Франции при дворе французского короля Людовика XIII, выполняя личные поручения Мазарини. Однако в 1658 году Викфор был вынужден покинуть Францию [1, С. 470]. Он поселился в Голландии и прожил там до конца своих дней. С 1658 по 1672 годы Викфор исполнял обязанности переводчика, секретаря и историографа [1, С. 470] в администрации Великого Пенсинария Яна де Вита. Окончил свои дни он в тюрьме в Гааге в конце XVII века.

Викфор также много лет проработал в качестве официального дипломатического представителя и библиографа одного из немецких герцогов при французском дворе [2, Р. 1329]. Викфор занимался поиском и изданием текстов договоров и сочинений древних авторов, а также переводами сочинений современных ему деятелей [3, Р. 188], в основном путешественников. Благодаря своей эрудиции и талантам библиофила он снискал уважение и почет своих современников.

Викфор известен как автор многих работ, однако в данном докладе речь пойдет о сочинении «Посол и его функции». Этот трактат был создан в начале 1680-х на французском языке XVII века, так называемом классическом новофранцузском, и вышел в печатном виде уже после смерти Викфора в 1680–1681-х гг. Сочинение «Посол и его функции» состоит из двух томов. Первый том включает в себя 30 глав, второй — 17. В последующие столетия сочинение выдержало множество переизданий и было переведено на немецкий и английский языки. Этот факт свидетельствует о европейской популярности произведения Викфора. Многие дипломаты XVIII–XIX, а порой и XX века ссылаются на эту работу Викфора [4, Р. 92; 5, Introduction].

«Посол и его функции» по праву можно считать учебником по дипломатии. Викфор зафиксировал знакомые ему профессиональные реалии повседневности дипломатической практики XVII века. Его сочинение включает в себя как теоретические обоснования и анализ современных ему событий [4, Р. 92], так и рекомендации по многим вопросам, связанным с работой дипломата. Особенно интересна тезисная форма изложения материала, схожая по стилю с трудами математиков и физиков [4, Р. 97]. Можно сказать, что это одна из первых специальных работ, посвященных такому явлению, как дипломатия в виде практики, действующей в режиме живого реального времени, что, на мой взгляд, особенно интересно исследователю.

Структура моего исследования была в большей степени подсказана содержанием труда Викфора. Эта работа, по мнению самого Викфора, была создана с целью ознакомить дипломатов и государей с жизнью дипломатического представителя и придать этой службе более четкие и определенные рамки [6, Р. 4]. Этот факт свидетельствует о накоплении больших знаний по дипломатической практике в XVII веке и вместе с тем о неразработанности данной темы в трудах современных Викфору теоретиков дипломатии.

Он был первым, кто создал труд, целенаправленно посвященный одному узкопрофильному предмету.

На протяжении всего сочинения Викфор сетует на многочисленные сложности в работе дипломата. Мне удалось распределить указанные Викфором в тексте трактата специфические особенности дипломатической практики на три группы. Это: 1) отсутствие единой четкой классификации послов. Это было связано со многими моментами в международной европейской политике XVII века [7, Р. 20]. Одними из таких моментов стали формирование этнонациональных государств [8, Р. 67] и появление новых государственных образований. С ними приходилось считаться и уметь работать дипломатическим представителям всех стран. Этот сложный процесс Викфор описывает в своем сочинении. 2) отсутствие единой юридической терминологии. По мнению С. Неффа, многие понятия современного международного права занимали в трудах теоретиков разное место [9, Р. 98–101], однако единого четкого варианта не существовало. Формирование четких понятий в это области — одна из главных задач международных отношений, по мнению Викфора [6, Р. 824]. 3) отсутствие четко установленного понятия «суверенное государство». Этот термин только начинает формироваться в XVI–XVII веке [10, С. 43].

Вопрос о том, кого можно считать послом, довольно остро встал именно в XVII веке. Сам Викфор пишет о том, что все государства используют послов, однако едва ли кто-либо знает точно, кто такой посол, какие качества ему присущи, какие права ему принадлежат и каковы признаки его статуса [6, Р. 1]. До него никто не написал труда, который бы раскрыл ответы на эти вопросы, что еще более удивляет Викфора. Викфор подробно описывает реальные дипломатические ранги XVII века, тем самым фиксируя установление определенных бюрократических явлений, которые, однако, не вошли в стадию институционализации и финального официального оформления.

Итак, следует в рамках данной работы выделить те черты, формирующие образ дипломатического представителя, которые указал сам Викфор. В первую очередь следует определить, кто такой дипломатический представитель. Посол, или дипломатический представитель, как утверждает Викфор, это «публичный министр, которого правитель посылает в другую державу, чтобы там представлять свою персону, согласно своему праву власти, верительным грамотам или же по какому-либо поручению, характер которого известен отправителю» [6, Р. 5]. Викфор выделяет две крупные группы дипломатических представителей: первого и второго порядка. Представители первого порядка — это непосредственно послы. Положение посла обеспечивается личным доверием монарха, тем самым послу придается статус публичного министра, обладающего репрезентативными функциями т.е. он он представляет персону правителя. Репрезентативная функция посла подтверждается личным доверием монарха, которое обозначается в виде официальных документов [6, Р. 10]. Викфор упоминает такие статусы, как обычный, или постоянный посол, чрезвычайный посол, посол повиновения и даже женщину-посла. Однако функции их столь похожи, что Викфор зачастую не видит между ними существенной разницы.

Послы второго порядка, отмечает Викфор, обладают рядом отличий от послов первого порядка. Во-первых, они не имеют права исполнять репрезентативные функции и являются лишь «исполнителями» определенных задач своей миссии. Во-вторых, Викфор утверждает, что все послы второго ранга являются переговорщиками (Negotiers), т.е. занимаются непосредственно дипломатической деятельностью — ведут переговоры по какому-либо вопросу, касающегося интересов своего государя [6, Р. 12].

Статус дипломата и характер его миссии обычно официально указывается в документах посла. Их существует великое множество, и их знание чрезвычайно важно для совершения успешной дипломатической миссии, считает Викфор.

Приведенный выше материал — это описанная Викфором весьма условная классификация, которая в XVII веке проходила ежечасную проверку постоянными изменениями статусов дипломатов и отсутствием единого европейского «формата» дипломатических представителей.

Также следует определить, кто подходит для посольской службы. С точки зрения Викфора, в области, как бы мы сейчас сказали, международных отношений не было специально обученных специалистов. Человек, который участвует в дипломатической миссии, вынужден набираться опыта только в многочисленных поездках и миссиях при дворе [11, Р. 211], что, безусловно, создавало еще больше трудностей в непростой профессии дипломата. Викфор в своем сочинении создает новый образ дипломата, пригодного для исполнения дипломатической службы в непростых условиях XVII века. Этот образ складывается из многих компонентов, таких, как социальное происхождение, возраст, образование, моральные качества. Совокупность этих признаков, по мнению Викфора, может дать неплохой старт для дипломатической карьеры.

Однако для того, чтобы стать профессионалом, дипломату еще предстоит многому научиться. Пределом недостижимого совершенства Викфор определяет такую личность, как идеальный посол. Для того чтобы стать идеальным послом, по мнению Викфора, нужно обладать такими «практическими навыками», как приятная внешность, учтивые манеры, приятная речь, знания этикета и актерское мастерство [6, Р. 11], и уметь применять эти знания на практике ради успешного достижения своей дипломатической миссии [12, Р. 3].

Решения посла часто ставят вопрос о его верности и компетентности. Викфор настаивает на том, что интересы, которые преследует правитель, пославший своего представителя, для последнего должны стоять выше всего. Исполнение поручений государя — задача номер один для посла. И она должна быть выполнена, несмотря ни на какие преграды. Идеальный посол,

с точки зрения Викфора — это посланник мира и почетный шпион в одном лице [12, Р. 10]. Викфор сурово предупреждает о том, что шпионов вешают за их действия [6, Р. 282]. Однако он не отрицает того факта, что в тех случаях, когда шпионаж необходим для соблюдения интересов своего государя, он может быть оправдан. Эта мысль может показаться дикой с точки зрения морали, однако Викфор не видит в ней ничего дурного. Вопросы интересов государя, по убеждению Викфора, порой стоят выше моральных соображений.

Викфор подтверждает принципы «темной дипломатии», т. е. дипломатии заговоров, обманов, подкупов и прочих вещей, которые традиционно связывают со шпионажем. Однако он упоминает, что посол должен избегать хитрости, а также не поддаваться интригам при дворе своего и принимающего государства, особенно в те, которые грозят потрясениями государству, где посол пребывает с миссией [6, Р. 89]. Умелое лавирование среди множества тайных и опасных моментов, присущих работе шпиона, по мнению Викфора, отличают настоящего посла. Этот факт касается не только «темной», но и «светлой» дипломатии.

В своем сочинении Викфор описывает реалии дипломатической практики XVII века. Его трактат — это схема действий, пособие, учебник, практическое руководство для того, как нужно действовать в непростых рамках задач, которые ставят перед дипломатами проблемы межгосударственного общения. Столь тщательно прописанные пункты, с точки зрения Викфора, могли помочь тем, кто собирался связать свою жизнь служению интересам государя на внешнеполитической арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советская Историческая Энциклопедия. Т. 3. М., 1963.
2. La Rousse. Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle. Vol. 14. Paris, 1875.

3. Perrin-Marsol A. Abraham de Wicquefort, diplomate érudit au service du duc Auguste de Wolfenbüttel (1648–1653). 187–209 // FRANKREICH–FORSCHUNG. Kultur — Gesellschaft — Regionen. ZEITSCHRIFTENINHALTE. 2009, Jahrgang 17, Heft 1. HYPERLINK «http://www.ub.uni-mainz.de/Dateien/ztsch_109.pdf»http://www.ub.uni-mainz.de/Dateien/ztsch_109.pdf (Последнее обращение — 15.05.13).
4. Keens-Soper M. Wicquefort // Berridge G.R. Diplomatic Theory from Machiavelli to Kissinger. New York, 2001.
5. Трактат о посольствах и послах. / Пер. с французского Е. В. Лавровой. М., 2006.
6. Wicquefort A.de. L'Ambassadeur et ses fonctions. La Haye, 1680–1681. Livre 1.
7. Kugeler H. R. I., Phil D. 'Le Parfait Ambassadeur'. The Theory and Practice of Diplomacy in the Century following the Peace of Westphalia. Oxford, 2006. HYPERLINK «<http://research.frick.org/montias/browserecord2.php?-action=browse&-recid=1503>»<http://research.frick.org/montias/browserecord2.php?-action=browse&-recid=1503> (Последнее обращение — 15.05.13).
8. Хачатурян Н. А. «Король — император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011.
9. Neff S. C. War and the law of nations: a general history. Cambridge; New York; Melbourne, 2005.
10. Левин Д. Б. История международного права. М., 1962.
11. Mattingly G. Renaissance diplomacy. Boston, 1955.
12. Wicquefort A. de. L'Ambassadeur et ses fonctions. La Haye, 1680–1681. Livre 2.

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
МЕНТАЛЬНОСТИ:
МИФЫ, ОБРАЗЫ,
ИДЕНТИЧНОСТИ, СИМВОЛЫ

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КОНФЛИКТОВ МЕЩАН И ЕВРЕЕВ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Цель данной работы — выявить причины конфликтного существования мещан и евреев в Великом княжестве Литовском. Источниковая база, позволяющая судить о предмете настоящей работы, обширна. Это памятники русско-литовского законодательства в отношении евреев (великокняжеские привилегии, грамоты, статуты), многочисленные актовые материалы (частноправовые сделки между евреями и мещанами) и делопроизводственная документация (жалобы, заявления, судебные решения), почерпнутые российским историком и юристом С. А. Бершадским из Литовской Метрики и опубликованные в двух томах «Русско-еврейского архива» в 1882 году [1; 2].

Проблемам интеграции еврейских общин в литовский социум в отечественной науке уделено не так много внимания. Труды ряда дореволюционных исследователей — вышеупомянутого С. А. Бершадского [3], профессора М. К. Любавского [4], юриста и общественного деятеля М. Г. Моргулиса [5], историков Ю. И. Гессена [6] и С. М. Дубнова [7] — не потеряли актуальности и по сей день. Во многом это обусловлено замалчиванием еврейского вопроса в советской исторической науке. Ряд работ, написанных во второй половине XX века израильскими специалистами по истории литовских евреев — С. Эттингером и Х. Г. Бен-Сассоном — были переведены на русский язык [8]. На современном этапе предметом исследований становятся различные аспекты темы настоящего доклада. Такие, как характер взаимодействия евреев с различными

сословными группами Литвы [9], этнокультурный портрет еврея в представлении жителей Восточной Европы [10].

Согласно наиболее распространенной точке зрения, заселение евреями литовских земель началось во второй половине XIV века в рамках их массовой эмиграции из стран Западной и Центральной Европы. Причиной этому стали жестокие преследования еврейского населения по обвинению их в причастности к распространению эпидемии чумы, охватившей Европу в середине XIV столетия. В Великом княжестве Литовском первые еврейские общины появились в западных городах — Бресте, Луцке, Владимире Волынском, Киеве, Гродно. С расширением государства на восток множились и еврейские поселения. К 1566 году, по данным ревизий королевских имений, в Литве проживало около двенадцать тысяч евреев [2, С. 335]. Однако некоторые исследователи говорят о неполном учете королевскими ревизорами еврейского населения и называют куда большие цифры — порядка двадцати тысяч человек.

Особый статус литовских евреев как класса свободных жителей закрепили грамоты Великого князя Витовта от 1388 года [1, С. 3–25]. Грамоты обеспечили евреям свободную торговую и ремесленную деятельность наравне с мещанами, а также владение землей на правах собственности и аренды. Передав гражданские дела в ведение еврейских общинных учреждений, грамоты также предоставили еврейским подданным право обращаться в великокняжеский суд. Кроме того, евреи получили гарантии личной и имущественной неприкосновенности, а также религиозную свободу. В особых случаях великий князь гарантировал евреям заступничество.

Евреи также были принуждены разделить с мещанами налоговые обязательства. Тяжелым бременем ложились на евреев-налогоплательщиков общегородские и специальные еврейские подати. Так, с 1514 года еврейские общинники уплачивали «податок

звыклый» в размере тысячи червонных золотых [3, С. 393]. Кроме того, князья нередко прибегали к займам у еврейских общин и не всегда возвращали положенную сумму в положенный срок [3, С. 393]. Помимо этого, евреи-общинники были обязаны делать взносы на содержание общинных учреждений и духовных лиц, выкуп пленных, помощь нуждающимся членам общины [3, С. 338]. Тяжелейшие условия, в которые были поставлены рядовые евреи в связи с существовавшей системой эксплуатации, часто приводили к неспособности еврейских общин выплатить подати в городскую казну. Городские власти расценивали сей факт, как уклонение от обязательств и через суд добивались разрешения подобных вопросов. В особых случаях великий князь освобождал еврейских подданных от некоторых налоговых выплат [2, С. 43].

Главным истоком мещанско-еврейских противоречий являлась хозяйственная активность евреев. Во-первых, с распространением в Литовском государстве магдебургского права неограниченная прежде коммерческая деятельность стала регламентироваться. В связи с этим еврейские купцы и ремесленники, сопротивлявшиеся городскому корпоративному строю, оказывались в положении «нелегалов» [8, С. 132]. Со стороны городской администрации и мещан посыпались жалобы на еврейскую конкуренцию, приносившую «великие тяжкости и шкоды» цехам и гильдиям [1, С. 230].

Во-вторых, источников раздоров стала откупная деятельность. В Литовском княжестве, широко распространилась практика отдачи доходных статей — таможенных (мытных), питейных, соляных сборов — на откуп. И великие князья стремились передать в аренду эти источники обогащения исполнительным и предприимчивым евреям. Ведь еврейские откупщики, как говорил Сигизмунд Август, активно способствуют «приумножению казны через повышение откупных платежей» [3, С. 403]. Такая избирательность короля стала причиной недовольства всего литовского общества в целом. М. К. Любавский, сделав вывод о преобладании

евреев в сфере коммерции и многочисленности еврейских общин, говорил об их «экономическом засилии». Объяснение этому профессор видел в «исконных свойствах» евреев — подвижности, изворотливости, энергии и умении пускать в оборот капиталы [4, С. 119]. С. А. Бершадский же считал неправомерными подобные суждения, поскольку, по его подсчетам, процент состоятельных евреев в Литве в XVI веке был незначителен [3, С. 339].

Недовольство литовских горожан еврейскими откупщиками и их подчиненными было достаточно распространенным явлением, судя по частоте упоминаний данного факта в актовых книгах Метрики. Чтобы получить некоторое представление о характере жалоб и претензий мещан, обратимся к сведениям ряда источников. К примеру, обвинения мещан в отношении соляных откупщиков-евреев заключались в том, что те чинили «кривды и шкоды въ продаванью соли», устраивали поборы «нетъ ведомо... за якое мыто», конфисковывали «соль..., купленную... на потребу...», продавали «соль... въ толпахъ не зуполныхъ, але всю... в отиркахъ» [2, С. 104–112].

Однако привлеченные источники не позволяют сделать вывод об этнической подоплеке претензий мещан. Отмечается тот факт, что слово «жид» в документах Литовской Метрики не носило уничижительного характера и не сопровождалось соответствующими эпитетами, как это было в польской правовой традиции [3, С. 396]. Имели место и коллективные жалобы мещан и евреев на злоупотребления еврейских мытников, корчмарей, сольничих. [2, С. 99]. Говоря о реакции мещан на незаконную деятельность некоторых еврейских откупщиков, нельзя не упомянуть трагический случай 1564 года. Мещане города Нарвы, столкнувшись с превышением полномочий именитого откупщика Исаака Бродавки, обвинили его слугу в убийстве христианской девочки и расправились с ним [2, С. 129–130].

Данное событие раскрывает и другую сторону мещанской неприязни к евреям — религиозную. Обвинения евреев в ритуальных

убийствах — кровавые наветы — одно из самых драматичных явлений еврейско-христианского сосуществования в целом. Укоренившееся в обывательском сознании представление о евреях, предавших христианского Бога, становилось инструментом давления недовольных горожан на неудобных соседей. Обвинения евреев в использовании христианской крови в ритуальных целях и осквернении христианских святынь звучали настолько часто, что литовским королям приходилось особыми грамотами и указами защищать еврейское население. Впервые уголовную ответственность за обвинения религиозного характера в отношении евреев в литовском законодательстве вводили грамоты Витовта [1, С. 19]. Согласно выданной евреям в 1566 году грамоте, христианин мог уличить еврея в совершении ритуального убийства только в присутствии четырех свидетелей-христиан и трех — евреев [2, С. 174]. Эта мера была принята с целью противодействия стремлению мещан выжить евреев из городов. Однако любопытно, что порой распространителями различных слухов были сами евреи. Например, в 1539 году некий тыкотинский еврей свидетельствовал против своих единоверцев в том, что они занимаются торговлей христианскими детьми, совершают массовые ритуальные убийства [3, С. 416].

Слухи приписывали евреям работорговлю, насильственное обращение христиан в иудаизм. Конечно, большая часть этих слухов были клеветой. Однако случаи принятия христианами иудаизма имели место. Литовские власти реагировали на данный процесс крайне негативно. Одним из королевских указов вероотступники предавались суду с конфискацией их имущества [1, С. 226].

Говоря о мещанско-еврейских отношениях, необходимо иметь в виду, что городское сословие Литвы было неоднородно. На это обращал внимание С. А. Бершадский, когда говорил, что степень лояльности горожан к евреям зависела от уровня состоятельности первых [3, С. 416]. Богатые горожане вели с евреями совместные крупные торговые операции, поручались за них. Однако столь же

обыкновенными были и мелкие сделки. Об отсутствии каких-либо стеснений в мещанско-еврейском взаимодействии свидетельствует огромное количество частноправовых актов, содержащихся в Литовской Метрике. Другое дело, что в экстраординарных случаях заинтересованные лица апелировали к укоренившимся в массовом сознании стереотипам и направляли их в нужное русло. Поэтому наряду с добрососедскими устремлениями, основывавшихся на взаимовыгодных отношениях горожан и евреев, имели место взаимное недоверие, презрение.

Итак, мещанско-еврейские противоречия были порождены рядом факторов. Высокая конкурентоспособность евреев, благосклонность власти, которым пользовались еврейские откупщики, отчужденность от цехов и гильдий, периодическое невыполнение совместных с горожанами обязательств являлись основными причинами конфликтного сосуществования мещан и евреев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бершадский С. А. Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России. СПб.: Издание Общества распростран. просвещ. между евреями в России, 1882. Т. 1.
2. Бершадский С. А. Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России. СПб.: Издание Общества распростран. просвещ. Между евреями в России, 1882. Т. 2.
3. Бершадский С. А. Литовские евреи. История их юридического и общественного положения в Литве. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1883.
4. Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства. М.: Московская художественная печатня, 1915.
5. Моргулис М. Г. Кагал, его историческое происхождение и магдебургское право // Вопросы еврейской жизни. Собрание статей. СПб.: Склад издания в книжных магазинах «Помощь» И. Е. Козлова, 1903. С. 343–403.
6. Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. М.: Евр. Ун-т; Иерусалим: Gesharim, 1993.

7. Дубнов С. М. Краткая история евреев. М.: Сварог, 1996.
8. Очерки по истории еврейского народа / под ред. С. Эттингера. Тель-Авив: Изд. Ам овед, 1972.
9. Шаучунайте-Вербицкене Ю. Ограничения еврейского ремесла и торговли в городах Великого княжества Литовского // Материалы Одиннадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М.: Пробел-2000, 2004. С. 131–140.
10. Белова О. В., Петрухин В. Я. «Еврейский миф» в славянской культуре. М.: Гешарим: Мосты культуры, 2008.

УДК 94(439).02

ШОХИН А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГУННСКОГО МИФА И «ДЕЯНИЯ ВЕНГРОВ» АНОНИМА

Гуннский миф — это традиция возведения генеалогии венгерского народа и королев династии Арпадов к гуннам. Первым источником, зафиксировавшим в окончательном виде эту концепцию, являются «Деяния венгров» Симона Кезаи. Гуннский миф сформировался не сразу, и чтобы выделить этапы генезиса и причины его появления, необходимо обратиться к самой ранней из сохранившихся венгерских хроник — «Деяниям венгров» Анонима. Ее автор в прологе называет себя, как «магистр, названный П., нотариус доброй памяти славнейшего короля Венгрии Белы» [1, Р. 1–2; 2, С. 89]. В историографии давно ведется спор о том, чьим нотариусом был автор: Белы I (1061–1063), Белы II (1131–1141), Белы III (1173–1196), Белы IV (1235–1270). В настоящее время доминирует точка зрения, согласно которой Аноним был нотариусом короля Белы III. Мы также следуем этой трактовке, принимая во внимание аргументацию

ее сторонников: особенности языка, топография, отношение к контексту правления Бельи III [3, С. 120–128; 4, Р. 15–20].

Аноним не считает предками венгров гуннов, а признает скифскую генеалогию в соответствии с западными хрониками. Однако Альмош изображается как потомок короля Аттилы, правившего той самой страной, которую завоевали вышедшие из Скифии венгры, неоднократно подчеркивается мотив наследства Аттилы.

Стоит отвергнуть такие объяснения появления этого сюжета, как вера автора в гуннское происхождение венгров или необходимость легитимации власти Арпадов над Паннонией. Первое предположение не имеет поддержки в тексте источника. Обращение к наследству Аттилы излишне для обоснования власти. Короли и знать Венгрии владеют землей в первую очередь по праву завоевания. Отношение Анонима хорошо передается следующим пассажем: «Как говорят наши менестрели: они земли все себе приобрели, и доброе имя стяжали. Что еще?» [1, Р. 64–65]. Память о правлении Аттилы была лишь аргументом в пользу избрания именно Альмоша, как его потомка, вождем в поход на Паннонию, но не причиной переселения [1, Р. 16–17]. У противников появления потомка Аттилы вызывает страх [1, Р. 34–35]. Но диалоги и описания указывают на то, что речь идет не о правах, а грозной репутации Аттилы, которая переносится на весь его род.

Описание довенгерской Паннонии содержит много деталей, заимствованных из хроник крестоносцев и германского эпоса. В частности, такие топонимы как «страна Аттилы», «город Аттилы» [5, Р. 368, 384, 388, 389; 6, Р. 130]. Исследователи часто обращали внимание на сходство этнической и политической карты довенгерской Паннонии «Деяний» с Балканами XII–XIII вв., особенно в отражении литературы крестоносцев [3, С. 124; 4, Р. 12–19; 6, С. 320–330]. Обычно это объясняется лишь характерной для историков этой эпохи склонностью к модернизации, а также недостатком располагаемых ими источников. Хотя эти замечания

справедливы, они не объясняют, почему Аноним уделяет столько внимания теме наследства Аттилы и пренебрегает сообщениями ученых латинских хроник, в пользу ментальной географии крестоносцев и германского эпоса. Так магистр П. игнорирует мораван и Велико-моравскую политику, хотя должен был знать о них из хроники Регинона Прюмского [8, С. 67–68; 9, Р. 290]. Зато он населяет Венгрию народами, которые мы находим в свите короля Этцеля и среди врагов крестоносцев на Балканах. Так маловероятно существование влахов на территории Венгрии как в довенгерскую эпоху, так и во времена предполагаемого создания «Деяний» [7, С. 180–186].

Мы считаем, что перенос балканских реалий на довенгерскую Паннонию в сочинении Анонима стал возможен благодаря использованию автором образа «страны Аттилы». Этот регион, если обратиться к «Песни о Нибелунгах», содержит маркеры, указывающие на него как на границу западнохристианского мира. Он охватывает те страны и народы, которые мы сейчас часто включаем в «Восточную Европу». В первую очередь это этнография и топонимика Среднего Подунавья, но также Балкан и Руси. Паннония при этом является своего рода «центром периферии» самой важной точкой на этом пограничном пространстве. Возможно, это связано с тем, что через Венгрию проходили маршруты крестоносцев на Балканы. Здесь начинались первые трудности (плохо знакомая местность, опасные дунайские переправы, первые крупные столкновения с местными жителями), но и последним местом, где им оказывали гостеприимство, был двор венгерского короля [10, С. 7–14, 28–35, 38–40].

Важно, что эпический Этцель — славный, могущественный правитель, а не бич христианского мира (хотя он, безусловно, язычник). Такой герой в качестве предка Арпадов гораздо более желателен, чем образ короля гуннов, свойственный ученой традиции. Обращаясь к венгерским королям и знати, Аноним не просто предлагал им занимательный и героический образ прошлого.

Королевский нотариус пытался найти их место как общности в пространстве кургуазного и рыцарственного Запада, не только достойное, но и достаточно убедительное как для иностранцев, так и для самих венгров, все более подчинявшихся соответствующим нормам и языку со времен короля Белы III.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anonymi Bele Regis Notarii Gesta Hungarorum = Deeds of the Hungarians // Anonymous and Master Roger / ed. and transl. by Bak J., Rady M., Veszprémy L. Budapest, 2010. P. 1–130.
2. «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2007. № 1/2. С. 87–98.
3. Дьерффи Д. Время создания Анонимом «Деяний венгров» и степень достоверности этого сочинения // *Летописи и хроники* (1973). М., 1974. С. 115–128.
4. Madgearu A. The Romanians in the Anonymous Gesta Hungarorum. Truth and fiction. Cluj-Napoca, 2005.
5. Песнь о Нибелунгах / Пер. Ю. Б. Корнеева // *Западноевропейский эпос*. Л., 1977. С. 240–495.
6. Arnoldi Chronica Sclavorum. Hannover, 1868.
7. Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997.
8. Козлов С. А. К вопросу о датировке появления печенегов в Нижнем Подунавье // *Византийский временник*, М., 2012. Т. 71(96). С. 57–73.
9. Macartney C. A. The Attila Saga, the Hun chronicle and T. // Macartney C. A. *Studies on Early Hungarian and Pontic History*. Cambridge, 1999. P. 219–350.
10. Лучицкая С. И. Народы Балкан в эпоху крестовых походов // medieval.hse.ru/announcements/81785531.html (последнее посещение — 8.05.2013).

ГРИЗОВСКАЯ Д. В.
Тверской Государственный Университет

**«ВЕНЕЦИАНСКИЙ МИФ» В ТРАКТАТЕ
ГАСПАРО КОНТАРИНИ «О МАГИСТРАТАХ
И УСТРОЙСТВЕ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»**

«Мне часто приходилось замечать, как многие чужеземцы, благоразумные и сведущие в науках мужи, впервые попадая в Венецию и созерцая величие этого города, приходят в такой восторг и восхищение, что, судя по их виду, они не могут представить себе ничего более удивительного и прекрасного» [1; С. 50]. Так начинается трактат, одного из высших иерархов католической церкви, выходца из знатного венецианского рода, итальянского кардинала — Гаспаро Контарини (1483–1542 гг.), чьи сочинения считаются хрестоматийными в своем жанре и немало способствовали распространению так называемого «венецианского мифа», представлений об оптимальном государственном строе, выработанном Венецианской республикой. По мнению Э. Мюира, был и «анти-миф», последователи которого (в частности Л. Ларуш и адепты его Шиллеровского института) не раз обвиняли Контарини и всех венецианцев в том, что они, проведя свои идеи в Англии, заложили фундамент господства современной плутократии [1; С. 42].

О генезисе, распространении и интерпретации «венецианского мифа» существует определенная историографическая традиция, но мной пока изучены немногие российские и зарубежные исследования. Представляется, что по сравнению с другими сочинениями Г. Контарини, трактат об устройстве Венецианской республики, а именно вопрос о наличии обоснований политического превосходства Светлейшей, неполно освещен в отечественной историографии.

Цель данного доклада — выяснить, какие доводы и аргументы приводит Г. Контарини для оправдания превосходства Венецианской республики. Трактат был впервые опубликован еще в XVI в., и до конца XVI в. уже было 8 изданий текста на латинском языке; на английском — в 1599 г. Интересно, что сочинение Контарини имело большой успех, оно почти сразу было издано на четырех языках и было использовано в публицистике английской, американской и французской революций. Эта книга сразу же легла в основу описания институтов республиканского правления в Венеции. На русском же языке трактат впервые был издан только в 2013 г., перевод был выполнен специалистом по истории и культуре ренессансной Италии М. А. Юсимом.

Необходимо также сказать и о структуре анализируемого источника. Документ состоит из 5 книг, каждая из которых посвящена одному из аспектов венецианского политического устройства, что позволяет понять специфику каждого из них.

Венецианский миф существовал и до Контарини, его смысл состоял в том, что Светлейшая представлялась как непосредственная наследница свобод времен римской республики, никогда не была в подчинении у иностранных государств и являет собой наиболее справедливое и свободное общество в мире «третий Рим» [2]. Венецианский миф был широко распространен и за пределами Венеции, хотя политические враги республики много делали для того, чтобы создать и распространить антимиф, то есть показать Венецию коррумпированной тиранической олигархией, держащей в страхе население и широко использующей политический террор и подкуп для осуществления своих целей в других государствах.

Л. А. Чечик, считает, что культ овечьего мифом государства стал составной и притом весьма значимой частью целенаправленной политики Венецианской республики уже в XIV–XV вв. [3; С. 1]. Так, по мнению автора, само государство явилось изначально творцом венецианского мифа, в основных компонентах

которого главным стало представление о Венеции как о связующем звене между Западом и Востоком; социальная стабильность торгово-аристократической республики, защитившей права и свободы каждого гражданина, а также особая культура Венеции. Анализируя живопись Светлейшей эпохи Возрождения, автор приходит к выводу, что республика создает уникальный прецедент ментальной толерантности [3; С. 2], изображая Восток не «дикими варварами», а как представителей иной культуры, иного принципа государственного устройства и дипломатической службы.

Мы полагаем, что текст трактата дает возможность усомниться в утверждении венецианцев об «идеальном» государственном устройстве Республики.

Сам Контарини, которого считают творцом мифа, в том смысле, что он оформил эту модель государственного устройства в виде политического трактата, опровергает подобное утверждение, то и дело вставляя замечания о том, что тот или иной институт утратил свою силу, например, третья категория преконсульторов. Прочитую: «Эти люди были в большом почете у наших предков, когда венецианское мореплавание находилось в зените. Когда же его значение уменьшилось, и старания наших сограждан обратились на приращение сухопутных владений, роль этого магистрата также ослабла». Далее Контарини пишет о магистрате авогардоров: «В былые времена магистрат авогардоров имел большой вес и пользовался неслышанным уважением» [1; С. 104, 113], что те или иные обычаи уже невозможно соблюдать (ранее на должности мудрецов (преконсульторов), ведавших морским делом избирали мужчин, «превосходящих других как опытом, так и авторитетом, и достоинством», то теперь «на эти должности избираются юноши, едва достигшие зрелости». Претерпел изменения и институт судебного производства, вот что пишет Контарини: «Раньше оба должностных лица выступали перед коллегией, и каждый защищал свое решение. Однако вследствие медленности такой процедуры постепенно перешли к тому, что ... их мнения передаются в положенный

законом день через нотариуса» [1; С. 103–104, 125]. Конечно, эти замечания отчасти нейтральны, но можно предположить, что автор трактата сожалеет, ностальгирует по старым временам. Это объясняется влиянием распространенного в то время тезиса об утрате изначального совершенства предметами, вещами, институтами и т. д., но не тем, что автор знаменитого трактата намеренно пытался найти несовершенства в государственном устройстве Светлейшей [4].

Изменения в государственном устройстве Контарини объяснял эволюцией политических институтов, говоря, что устаревший институт совершенен для времени его создания и лишь нуждается в доработке, но не в упразднении. Прочитируем: «Итак, в связи с тем, что вскоре власть Венеции безмерно возросла, один и тот же магистрат уже не мог заниматься и городскими, и внешними делами. Поэтому и был учрежден новый, как и новая Коллегия сорока мужей» [1; С. 127].

Далее Контарини обращается к широко распространенной метафоре, объясняющей, как предки-основатели Венеции подражали в ее устройстве совершенству человеческого тела: знать — глаза, которые видят и руководят действиями остальных; низшие, менее благородные части организма — плебс, который подчиняется приказам высших [1; С. 79]. Если бы Контарини оставил эту мысль без объяснения, то противники венецианского мифа ликовали, так как это лишь подтверждает их утверждение о том, что венецианцы способствовали становлению и развитию плутократии. Однако автор трактата поясняет, что и глаза, и конечности нуждаются друг в друге для выживания, что и обеспечивает уникальное венецианское государственное устройство.

Проанализированный текст позволяет выделить несколько авторских обоснований превосходства Венецианской республики:

1) Географическое положение Венеции («...человеческая память не знала города, основанного в таком удобном, надежном и невероятном месте. Расположение Венеции обретено скорее Божьим промыслом, нежели человеческим разумением...») [1; С. 50–51];

2) Устройство государства («Этим-то замечательным особым устройством Венеция, как я полагаю, отличается и превосходит всю древность, ибо если и были некоторые республики, затмевающие ее блеском власти, обширностью владений, военными порядками и воинской славой, ни одна из них не сравнится с ней своим укладом и законами, направленными на благо и процветание жителей») [1; С. 53];

3) Форма правления — республика («...наши предки, которые основали Венецианскую республику, были наделены удивительной мудростью и редкостным достоинством, потому что они не упустили ничего, что надлежит к правильному устройству государства») [1; С. 61];

4) Крепкое гражданское общество («...люди с самого начала собрались в гражданское общество и стали прилагать усилие для хорошего и правильного устройства своей жизни...») [1; С. 56– 57];

5) Народовластие («Вообще нет более важного признака республики, чем принадлежность власти множеству людей, и так как республика состоит из граждан, среди которых царит полное равенство, никак невозможно допустить, чтобы у них не было равного доступа к почетным должностям») [1; С. 75] и т. д.

Современные историки объединяют все эти аспекты в одно понятие «венецианский миф»: красота, религиозность, свободолюбие, республиканский дух и т. д. Следует сказать, что Контарини не изобрел венецианскую политическую идеологию, он лишь привел в систему и придал согласованность «мифам», формирующим сознание населения Венеции на протяжении столетий. Об этом свидетельствуют слова самого Контарини: «...я решил написать о нашей республике, чтобы всякий мог без труда понять, хорошо или плохо она устроена...» [1; С. 55].

Тем не менее, особый феномен Венеции, связанный с ее политической устойчивостью, существовал и при его оценке весомую роль играют доводы, которые приводили современники [5]. Одним из них был Гаспаро Контарини, его обоснования не лишены

идеализированной окраски, но многое, о чем он пишет, способствовало долговечности республиканских учреждений (система выборов, разветвленная судебная система, сочетание разных форм власти и т. д.).

Многое из опыта Венецианской республики дошло до наших дней, порой не напрямую, а в виде отдельно заимствованных элементов (например, структура дипломатической службы, наиболее распространенные сейчас методы налогообложения и т. д.), но именно теми путями, посредством которых передается культурный опыт, через оценки, пересказы и трактаты, которые формируют мнения и представления общества в каждую историческую эпоху.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Контарини Гаспаро. О магистратах и устройстве Венецианской республики / Пер. с лат., вступ. статья и коммент. М. А. Юсима. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013.
2. Берк П. Язык и идентичность в Италии Нового времени / пер. с англ. Е. Островской, Ю. Кагарлицкого. М., 1999. № 36.
3. Чечик Л. А. «Свой–чужой» в «дипломатической» живописи Венеции эпохи Возрождения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.actual-art.org/k2010/st2010/96-viz/199-svoj-chuzhoj.html> (дата обращения: 17.09.2013).
4. Разумов Г. А. Венеция: миф и реальность. [Электронный ресурс]. URL: http://world.lib.ru/r/razumow_g/atlantidi-8.shtml (дата обращения: 17.09.2013).
5. Мюир Э. Венецианский миф // Контарини Гаспаро. О магистратах и устройстве Венецианской республики / Пер. с лат., вступ. статья и коммент. М. А. Юсима. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013.

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗА ВЕНЕРЫ В «О ЖИЗНИ» (1489) МАРСИЛИО ФИЧИНО¹

Уже в сочинениях античных философов-платоников идея формирующего воздействия, оказываемого подлинным умозрением на душу человека, передается, в том числе, посредством использования определенной языковой стратегии при описании мира видимых явлений. Так, например, Плотин в «О бесстрастии бестелесных» (III, 6, 4, 41–43, 47–52), стремясь передать чисто метафизическую идею, оказывается в зависимости от суггестивной силы выбранного им образа и описывает отношения представимые только в сфере подлунного мира: «Сама природа эйдоса должна быть энергией и действовать одним своим присутствием, как если бы гармония сама собой приводила в движение струны... Причины движения аналогичны музыканту, а подвергающиеся воздействию тела из-за испытываемого ими аффекта будут схожи со струнами. Потому что и здесь не гармония что-то испытала, а струна, ведь без повеления гармонии струна не пришла бы в движение, даже пожелай этого музыкант». Особый интерес с этой точки зрения представляет использование образов планет, античных богов, демонов — таких сущностей, чей статус с точки зрения принадлежности к подлунному или умопостигаемому миру в платонической традиции оказывается неоднозначен [1, Р. 28]. В настоящем сообщении будут рассмотрены различные контексты

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Объективность, достоверность и факт в гуманитарных науках раннего Нового времени: историческая реконструкция и пути рецепции» при финансовой поддержке РГНФ (проект 12-03-00482а, 2012-14 гг.).

использования образа Венеры в медико-астрологическом трактате «О жизни» (*De Vita libros tres*, 1489) виднейшего представителя итальянского неоплатонизма Марсилио Фичино, и проблема их соотношения между собой [1].

В исследовательской литературе давно были выдвинуты и обоснованы положения, что Фичино, с одной стороны, наследует схоластической медицинской традиции, искавшей причины изменений, в том числе патологических, «микрокосма» в философски и теологически фундированном устройстве «макрокосма», а с другой — никогда не стремится артикулировать противоречия между авторитетами, писавшими о первой и второй сферах [2, Р. 549–554]. Возможность же для христианина говорить об умопостигаемых вещах языком материальных подобий и полагать одни чувственно воспринимаемые тела более духовными, чем другие, была освящена авторитетом Аквината (*ST*, I, 51, 2, ad. 3): «В самом деле, как в Писании свойства умопостигаемых вещей (*res intelligibiles*) описываются через подобия чувственно воспринимаемых вещей (*ressensibiles*), точно так же чувственно воспринимаемые тела — посредством силы Божией — формируются ангелами таким образом, что становятся подходящими для представления умопостигаемых свойств (*proprietas intelligibiles*) ангела». В таких парадигмальных для Фичино традициях, как платонизм и герметизм, существовали различные мнения о том, является ли Венера планетой, связанной с безличной космической силой, аллегорическим указанием на характер взаимосвязи дольного и горнего мира или антропоморфным божеством [3, Р. 123–124; 4, Р. 73–75]. Поэтому логично предположить, что Фичино охотно использовал экзегетический инструментарий своей эпохи для сглаживания противоречия данных позиций, согласования их с христианской ортодоксией. Однако выявление релевантных контекстов образа Венеры в сочинениях Фичино — только первый шаг к пониманию мысли флорентийца; не менее важно охарактеризовать общность аргументативных задач, инициировавших его интерес к данному материалу.

Обратимся к особенностям репрезентации образа Венеры в сочинении флорентийца. В самом начале «О жизни» (I, 1, 9–13) он пишет: «Является и благодатная Венера — мать Граций, [благодатных Дев], которая своими животворящими и несущими радость лучами столь совершенно все устраивает и украшает, что всякая вещь... обращается во благо» [1]. В другом фрагменте первой книги «О жизни» (I, 7, 7–25) Венера предстает как персонаж аллегорического повествования о вреде соития и в этом качестве «грозит Музам», порождает в союзе с Приапом «чудовище», враждебное «уму» (*ingenio*) [1]. Через несколько абзацев в той же главе трактата (I, 7, 41–50) Венера прямым текстом называется планетой, благоприятствующей созерцанию и красноречию. Далее в «О жизни» (I, 20, 1–14) Фичино пишет, что именно влияние (*influxio*) Венеры и Юпитера позволило ему совершить «открытие» (*inventio*): он изготовил лекарство, выводящее излишки гуморов, отчасти подражая библейским магам, отчасти по вышеназванному вдохновению [1]. Об астральных влияниях, сопутствующих изготовлению талисманов и иным формам «низовой» магии, он был хорошо осведомлен: о них говорится в средневековом трактате «Пикатрикс» и не только [2, Р. 549–554]. Очевидно, что новаторством Фичино считает само сочетание герметико-окультичных и медицинских практик, но оно опосредуется именно астрологическим уровнем, а не традицией и даже не подражанием волхвам в выборе «ингредиентов». Таким образом, уже в первой книге трактата образ Венеры используется и для обозначения физической реальности (планета, космическая сила), и как составной элемент тропов, эрудитской игры с читателем.

Еще более интересную двойственность образ Венеры приобретает во второй книге трактата [1]. Фичино вкладывает в уста божества пространное прорицание, оговариваясь, что она не обманывает (*ludens*) старцев, но подшучивает над ними, и после дает ему пространное толкование (II, 14, 4–19). Флорентиец поясняет, что юный и животворный дух (*spiritus juvenilis et vividus*) вливается

в нас через запахи, цвет, использование и пребывание среди зеленых вещей, находящихся под покровительством Венеры. Статус этого толкования вполне серьезен, ведь в нем выражены основные идеи симпатической медицины, обсуждаемой во многих других местах сочинения: «если мы стремимся сохранить жизнь, что крепнет в духе, и притязаем на небесные дары, пусть он постоянно поддерживается ароматными, стойкими и светлыми вещами» (II, 14, 79–81). Однако уже в следующей главе Фичино пишет, что прорицание Венеры было прервано Меркурием — покровителем речей (*sermones*). Он говорит, что Венера дает старцам одно вредоносное наслаждение (*voluptam*), которое иссушает их, пока не останется одна пустая оболочка, как если бы в них вставили скрытую трубку: «Разве вы не видите, что Венера производит новое бытие (*esse recens*), наделенное жизнью и чувством, из вашей материи?» (II, 15, 27–29). Меркурий даже несколько раз называет ее блудницей (*meretrix*), потому что ее всегда можно видеть приукрашенной румянами и нарядами, и она любит представлять перед толпой (*vulgus*). Сравнивая Венеру и Сатурна, он говорит, что оба они вредны для земной жизни, но Сатурн хотя бы дает взамен нее жизнь небесную и вечную, «побуждая ум, беременный его семенами, к рождению» (II, 15, 70–75). Признавая действенность симпатической медицины, находящейся под покровительством Венеры, Меркурий призывает заменить ее той, что находится под покровительством Юпитера.

Представление о двойственности Венеры в платонизме восходит к диалогу Платона «Пир» (180с–185с), где говорится о Венере Небесной, рожденной Сатурном без матери, и Венере Пошлой, рожденной Дионой и Юпитером. В своем «Комментарии на “Пир” Платона» Фичино пишет об этих двух Венерах: «Одна есть мышление (*intelligentia*), которое мы полагаем в Ангельском уме. Другая есть порождающая сила (*vis generandi*), данная Мировой душе... Одна вначале заключает в себе сияние (*fulgor*) божества; затем передает его второй. Та же переносит искры этого сияния в материю

мира» [5. С. 157]. Согласно Фичино, оба божества репрезентируют процессы достойные похвалы и следуют «божественному образу» (*imago divina*). Однако очевидно, что в «О жизни» Фичино в строгом смысле не следует ни тексту Платона, ни своему комментарию, хотя двойственность образа Венеры сохраняется.

Пояснить подобное обращение Фичино с образом Венеры может исследование других случаев имагитивной аргументации в сочинениях флорентийского мыслителя. Так, например, в «О жизни» (III, 17, 55–58) он описывает астральные влияния, действующие на фигуры талисманов при их изготовлении благодаря космическому принципу симпатических соответствий, используя образ консонирующих струн (*fides*) [1]. В речи Меркурия из второй книги (II, 15, 101–107) настроенная лира и звуки голоса описываются как средство обратить дух (*spiritus*) к умеренности, поскольку утверждается, что они подобны друг другу. Тот же образ возникает, как отмечает Т. Катинис, и в Фичиновой «Платоновской теологии» (XII, 4), иллюстрируя принцип взаимодействие ума и Бога [6, P. 79]. Еще в одном медико-астрологическом сочинении Фичино — «Совете, как противостоять чуме» (47v) — на примере консонирующих струн объясняется, что здоровый человек легче заражается от больного, если у них обоих схожая телесная конституция. Как видно во всех трех случаях, материальное подобие призвано заменить причинную связь, но статус обосновываемых положений совершенно разный.

Однако если мы обратимся к предшествующей платонической традиции, то обнаружим, что подобный образный язык также актуализирует там совершенно разные контексты. У самого Платона в «Федоне» (85e–86d) образ настроенной лиры используется одним из участников диалога против сократической теории о бессмертии души. В одном из фрагментов «Эннеад» Плотина (IV, 4, 41, 1–9) резонирующие струны иллюстрируют чисто физическое взаимодействие внутри мира природы. А в «Сентенциях об умопостижении» (18) Порфирия данный образ призван объяснить, как душа

воздействует на тело, не причиняя ему страданий. То есть Фичино рецепирует из культурной традиции именно расхожий образ, отсылающий к множеству авторитетных для него контекстов и ни к одному из них в точности.

Получается, что попеременное придание образу Венеры платонических и герметических смыслов открывает перед флорентийцем важные аргументативные возможности. Так, например, в «О жизни» (II, 14, 4–15) Фичино пишет, что Венера, питающая (*Venusalma*) обращается к старцам — и к самому Фичино — с прорицанием, суть которого в утверждении связи между радостным времяпрепровождением, наслаждением (*voluptas*) в садах Венеры и *mens* – умственной деятельностью [1]. Ее речи не чужда словесная игра: «*Vobis autem maior mentamenti vitae que prodest, diminuta nocet*». В данном случае обыгрывается слово «*mentula*», обозначающее мужской детородный орган, зашифрованное во фразе «*diminuta menta*». Буквально это выражение перевести невозможно, но смысл его весьма прозрачен в контексте всей речи Венеры: лучше пребывать в зеленых лугах среди мяты (*menta*), предаваясь любви божественной, что полезно для ума (*mens*) и для жизни (*vita*), чем проводить время в плотских утехах. Интересно, что с этой речью Венера обращается к старцам (и к Фичино-священнику), поэтому дидактический и даже медико-симпатический смысл данной сентенции несоизмерим с платонической философской идеей, заключенной в ней. Тем самым медицинским рекомендациям о необходимости прогулок, правильном питании и режиме, многократно проговоренные Фичино, посредством словесной игры неожиданно придается трансцендентальный смысл. Получается, что базовые идеи платонизма: например, противопоставление небесной и плотской любви – можно прозреть почти в любой ситуации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ficino M. Three books on life: A Critical Edition and Translation with Introduction and Notes / Ed. by Carol V. Kaske and John R. Clark. Tempe; N.Y.: University Press, 1988.
2. Copenhaver B.P. Scholastic Philosophy and Renaissance Magic in the De vita of Marsilio Ficino // Renaissance Quarterly. 1984. Vol. 37. № 4. P. 523–554.
3. Allen M. J. B., Ress V., Davies M. Marsilio Ficino: his theology, his philosophy, his legacy / M. J. B. Allen, V. Ress, M. Davies / Ed. by Michael J. B. Allen and Valery Rees with Martin Davies. Leiden. etc.: Brill, 2001.
4. Garin E. Lo zodiaco della vita: La polemica sull'astrologia dal Trecento al Cinquecento. Roma; Bari: Laterza, 1976.
5. Эстетика Ренессанса: Антология. В 2-х т. Т. 1 / Сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. М.: Искусство, 1981.
6. Katinis T. A humanist confronts the plague: Ficino's Consilio contra the pestilentia // Modern Language Note. 2010. Vol. 125. № 1. P. 72–83.

УДК 94 (44).033

ПРИХОДЬКО Е. Д.

Московский государственный университет

ВОСПРИЯТИЕ ЗАПАХА В КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Современная западная культура из всех человеческих чувств уделяет обонянию наименьшую роль, несмотря на его важнейшую функцию в нашем эмоционально-сенсорном восприятии. Объяснений тому несколько: во-первых, запах не поддается абстрактной репрезентации, ведь обоняние не создает объект, как-то делают зрение и слух. Связано это с отсутствием самостоятельных лексических единиц, обозначающих ольфакторные ощущения — мы можем констатировать приятный или неприятный запах, или же прибегнуть при описании к вкусовым качествам [1, С. 19–36].

Проблематика запаха, таким образом, ставится ниже рационального уровня, ведь ученые едва ли могут дать представление о запахе минувших столетий. Однако, запах как утраченная культурная ассоциация (память, образ, изображение) вполне передаваем.

Во-вторых, в определенный момент в обществе «старого порядка» прочно сложился стереотип об ограниченной природе человека. Его развитая способность воспринимать запахи, влияющие на психоэмоциональное состояние, сопоставлялась с инстинктами животного. В этом обществе видело угрозу социальному порядку, рассматривая индивида с чрезмерно развитым обонянием склонным к низменным потребностям [2, С. 48]. Существует также другая аналогия с животным миром: через умерщвление животных и растений люди присваивают себе чужие запахи для привлечения сексуального партнера. И этот запах срабатывает не только как афродизиак, но и как напоминание партнеру о смерти, то есть речь идет об инстинкте размножения.

В связи с этим академические теории запаха оказались на периферии исследований, как и само чувство обоняния, в то время как культ зрения на Западе обеспечивает абсолютно серьезное отношение к исследованиям, посвященным зрению и визуальной реальности.

Поэтому нам представляется тема восприятия запаха в культуре Западного Средневековья обширной и многогранной, как и методы ее исследования. В качестве источника исследования был взят трактат Симона Барба, парфюмера-перчаточника и владельца собственной лавки в Париже. Его первый труд «Французский парфюмер, который разъясняет все способы получения цветочных ароматов и создания всех видов парфюмерных композиций наряду с секретом переработки табака в пудру и придания ей всех видов запахов» представляет собой рецептурный сборник [3] и включает помимо собственно рецептов также пространственные рассуждения автора о природе многих компонентов и о цели своего труда.

Таким образом, изучение запахов на основе трактата «Французский парфюмер» — это не только описание того, как, когда и кем использовались ароматические вещества и их производные. Это также исследование в рамках социальной и экономической истории с выявлением роли специй и пряностей (Барб подчеркивает, что основные компоненты можно приобрести только в лавке бакалейщика, где осуществляется реализация импортированных товаров), товарооборота между Востоком и Западом, развитием гильдии перчаточников-парфюмеров [4].

Трактат был одним из первых нам известных произведений представителя гильдии перчаточников-парфюмеров, осветивший ремесло изготовления ароматических веществ как отдельную сферу производства, ибо 15 марта 1656 года гильдия перчаточников Парижа получила новый статут, согласно которому «перчаточники стали парфюмерами» [5, Р. 606]. Однако, вплоть до королевской грамоты января 1614 г., когда перчаточникам было пожаловано разрешение именоваться и объявлять себя как перчаточниками, так и парфюмерами [5, Р. 610], представляется практически невозможным обозначить лица, осуществляющие производство и реализацию ароматов. И действительно, в этой сфере были задействованы ремесленники, деятельность которых пересекалась: торговцы духами (*aromatarii*), торговцы травами (*herbarii*), бакалейщики (*speciarii*) и аптекари (*apothecarii*), перчаточникам же, согласно статуту 1582 г. было разрешено ароматизировать и украшать свои товары, однако же, права продавать духи, которые они сами и производили, они не имели.

Указанные в трактате ароматические вещества, эссенции, перечень специй и пряностей, которые можно приобрести в лавке бакалейщика, духи, употребляемые внутрь, рецепты пудр и мазей для помандеров и саше свидетельствуют не только о развитии индустрии роскоши, но и демонстрируют медицинские представления эпохи. Так, по мнению средневековых врачей жизненно

необходимым было поддерживать баланс между жизненными соками, гуморами, которые ассоциировались с четырьмя стихиями: теплая и влажная кровь подобна воздуху, желчь желтоватая, теплая и сухая — огню, холодная и влажная флегма — воде, а желчь черная, или холодная и сухая меланхолия — земле [6, С. 255]. Гуморы дополнялись флюидами, а именно животными, жизненными «духами», которые, как считалось, путешествуют по всему телу, выполняя функцию жизненного дыхания и соединяя все важные органы [6, С. 257]. В связи с этим до второй половины XVIII в. воздух рассматривался как стихия и средство для пассивного переноса чужеродных частиц, влияющих на здоровье организма [7, С. 144]. Считалось, что несвежий воздух, зараженный чумными испарениями, мог ускорить гниение, нарушая тот самый баланс гуморальной системы.

Человек как микрокосм в окружающей среде был подвержен, таким образом, постоянной опасности. Существовали многочисленные теории заражения, так называемые теории миазмов, согласно которым заболевания распространяются не через личный контакт, а посредством окружающих индивида эманаций: испарения почвы, смешанные с выделениями растений и животных наряду с миазмами разлагающихся трупов, испорченных продуктов и испражнений — все это в сочетании создавало неблагоприятную атмосферу для здоровья индивида [8, Р. 13]. Причиной чумных заболеваний считались невидимые живые размножающиеся возбудители, «контагии», которые могут заразить индивида через непосредственный контакт, либо воздействовать на расстоянии, по воздуху, подобно перцу или ирису, которые, как известно, называют чиханье.

Одним из эффективных средств борьбы с гнилостным, чумным воздухом были ароматические вещества. Эстетическая составляющая благовоний, специй еще более усиливалась приписываемыми им терапевтическими свойствами [8, Р. 113]. Для «ревитализации»

или оздоровления дурного воздуха носили при себе саше, внутри которых помещались пудры из различных растений с добавлением животных веществ, помандеры и «oiselets de Chypre» — сложно переводимое понятие [3, Р. 99]. Скорей всего, это изготовленные из ароматного теста фигурки в виде птиц, которые либо помещались в маленькие клетки или коробки и носились при себе, выполняя функцию помандера (об этом ниже), или сжигались как благовония. Современная транслитерация слова «помандер» берет свое начало от термина «pomme d'ambre» — специальный сосуд для ароматических веществ (чаще всего амбра, мускус, циветт), представляющий по форме резной металлический шар, в форме яблока или апельсина, разделенного на дольки, каждая из которых содержала душистое вещество.

Считалось, что употребляемая пища также влияет на баланс гуморов индивида и имеет незамедлительный и действенный эффект. Специи же, как составная часть употребляемого внутрь, ввиду их диковинного происхождения наделялись терапевтическим эффектом. Во «Французском парфюмере» Барба один из трактатов посвящен рецептам составления духов, пригодных для употребления внутрь (*Traité des parfums bons pour la bouche*), где мы встречаем статьи об амбровой эссенции (во введении Барб предупреждает, что из трех основных ингредиентов, применяемых в парфюмерии, амбра — единственная, пригодная для употребления внутрь), эссенции на основе гипокраса (гипокрас как тонизирующий напиток, получаемый из настойки гвоздики, измельченного кориандра, имбиря с добавлением корицы и обычной или черной амбры), россоли (приятный напиток, составленный из жженой водки с корицей, в который добавляют иногда духи для лучшего вкуса) или о парфюмированном ликере.

В трактате мы также встречаем рецепт знаменитой туалетной воды «Вода королевы Венгерской» на основе розмарина, до сих пор применяемой домами нишевой парфюмерии. Эти духи наделялись,

прежде всего, целебными свойствами. Согласно легенде, страдающей от подагры и частичного паралича венгерской королеве Елизавете Польской (которой к тому времени было около 70 лет), преподнес целебное средство один странствующий монах (также есть версия, что это был придворный алхимик), после чего королева так помолодела, что ей сделал предложение польский король [9, Р. 95]. Помимо применения внутрь для улучшения памяти, сил, бодрости, успокоения нервов, «Вода королевы Венгерской» также годилась и для наружного применения: от боли в ушах, от брюшных болей, для укрепления зрения и при опухолках, ушибах и ожогах.

Изучение запахов напрямую связано с религиозным аспектом, ведь приятный запах в восприятии людей был зачастую связан с сакральным, божественным образом. Так, со времен античности божества представлялись сладостно-пахнущими созданиями, вертикальную связь с которыми можно было установить посредством запаха благовоний. Идея о том, что ладан и благовония должны преподноситься богам, была непоколебима. С появлением христианства практика организации запахов прочно заняла свое место в создании сакральных пространств, где в едином целом были сплетены архитектурные формы и священные изображения, литургическая утварь, обрядовые жесты и драматургия света [10, С. 6]. Так, создание сакральных пространств во многом обязано постоянному сопряжению и интенсивному взаимодействию иерофании (термин, введенный теоретиком культуры и антропологии М. Элиаде, обозначающий некое явление как проявление священного, в данном случае мистическое) и иеротопии (термин А. М. Лидова, плод ума и рук человеческих, направленный на создание сакральных пространств) [10, С. 10]. Сфера создания запахов, предполагающая каждый раз особое сочетание каждень, благоухания восковых свечей и ароматического масла в лампадах, играет огромную роль в восприятии храмового пространства. Христианская культура унаследовала в этой сфере великие традиции

Древнего Востока, воспринятые через богослужебную традицию ветхозаветного храма [10, С. 13].

В данной статье мы попытались осветить феномен запаха и его восприятие через ремесло парфюмера, не ограничившись перечислением ароматических веществ и их производных, имевших место в повседневной жизни людей, но и затронув вопросы медицинских и религиозных представлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиммель Г. Из «экскурса о социологии чувств» // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1 / Под ред. О. Б. Вайнштейн. М., 2010. С. 19–36.
2. Классен К., Хоувз Д., Синнотт Э. Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1 / Под ред. О. Б. Вайнштейн. С. 43–51.
3. Barbe S. *Le Parfumeur françois, qui enseigne toutes les manières de tirer les odeurs des fleurs; & de faire toutes sortes de compositions de parfums. Avec le secret de purger le tabac en poudre; & le parfumer de toutes sortes d'odeurs.* Amsterdam, 1696.
4. Freedman P. *Out of the East : Spices and the Medieval Imagination.* Yale: University Press, 2009.
5. *Les métiers et corporations de la ville de Paris / Publ. par R. de Lespinasse. V. III (XIVe–XVIIe siècle).* P., 1897.
6. История тела. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения / Под. ред. А. Корбена, Ж. Ж. Куртина, Ж. Вигарелло М., 2012.
7. Гулимова В. «Пять носов» человека // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1 / Под ред. О. Б. Вайнштейн. С. 122–170.
8. Corbin A. *The Foul and the Fragrant. Odor and the French social imagination.* Paris, 1988.
9. Le Guerier A. *Le parfum, des origins à nos jours.* Paris, 2006.
10. Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы парадигмы в византийской культуре. М., 2009.

САЖНЕВА (РУЦКАЯ) М. Б.
Московский городской библиотечный центр

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ: СОТВОРЕНИЕ МИФА

Ни один взрослый человек не станет молиться Перуну или Зевсу, услышав гром и увидев молнию. То же самое можно сказать и про мифы, касающиеся людей. Чем больше известно о человеке, тем меньше его мифологизируют. Вместо домыслов о том, что неизвестно, возникает отношение к человеку благодаря знаниям о его поступках. Но мифы устойчивее знаний, и нередко подменяют их.

Последнее время тема мифов применительно к историческим личностям поднимается очень часто. Как правило, подобные труды называются «Историческая личность: миф и реальность». В связи с этим возникают несколько вопросов. Миф противопоставлен реальности? Как они соотносятся между собой? Можно ли исследовать реальность отдельно от мифа? Есть ли методика выявления реальности из мифов о человеке?

Подобные книги о личностях строятся по следующему принципу — рассматриваются несколько «мифов», про каждый из коих исследователь выясняет, каким образом они появились, а затем они либо развенчиваются, либо подтверждаются. Такой подход кажется вполне оправданным, но недостаточным, поскольку речь идет лишь о частностях, а общей картины не видно.

В историографии есть две противоположные точки зрения на Ричарда Львиное Сердце. Первая, идеализирующая английского короля, берет начало из литературной традиции, в частности из романтизма. В это же время появляется и противоположная романтической традиция, заложенная К. Марксом, который склонен видеть в Ричарде лишь неудачливого политика и рыцаря «с сердцем

льва и головой осла» [1, С. 10], и продолженная Ж. Б. Ж. Шампаньяком [2].

На рубеже XIX–XX веков позиция Маркса и Шампаньяка прочно закрепилась в историографии, и Ричарда считали никуда не годным государем, вменяя ему в вину его постоянное отсутствие в собственном королевстве и нежелание заниматься внутренней политикой. «Он ограбил Лондон, разорил Англию ради своих крестоносных предприятий, запутал управление, растратил невероятное количество денег, запасов и живых человеческих сил. В свой замечательный век, уже начавший жить интенсивной жизнью организованного мирного труда, он развивал войну и поощрял войну... Он был правитель жестокий и суровый, за малейшую провинность готовый топить и вешать матросов и солдат. Не был он идеалом и крестоносного дела, в нем он видел лишь авантюру, обогащение и славу» [3, С. 5] — приводит О. А. Добиаш-Рождественская наиболее характерные для периода написания книги (1925 г.) мнения о Ричарде, которые она отчасти разделяет.

Одновременно с биографией Добиаш-Рождественской выходит исследование К. Норгейт [4], и с этих двух книг начинается переосмысление личности английского короля. Уже в 1918 году в своей книге «Эпоха Крестовых походов» [5] Добиаш-Рождественская выявляет в Ричарде прежде всего личностные качества, затем дает им оценку и определяет их место в его биографии. Не упускает автор и культурного контекста эпохи: «Своеобразной чертой этой войны было чередование военных действий и куртуазно-рыцарских отношений крестоносцев с турками, Ричарда с Саладином» [3, С. 79]. В обеих книгах, посвященных Крестовым походам, О. А. Добиаш-Рождественская пытается представить личность Ричарда прежде всего, как человека, а потом уже как короля и крестоносца.

В 1960-х гг. начинается новая волна интереса к Ричарду. Очень важное исследование Б. Броутона «Легенды о короле Ричарде I Львиное Сердце. История источников и варианты» [6], появляется в 1966 г. В нем говорится о наиболее популярных легендах, ходивших

как при жизни Ричарда, так и после его кончины. Например, в легенде о том, что Ричард стал непосредственной причиной гибели своего отца, и тот «указал» на сына как на своего убийцу за счет крови, которая пошла из носа у трупа, когда Ричард подошел к нему, автор усматривает мотивы «Песни о Нибелунгах», где у убитого Хагеном Зигфрида открывались раны при приближении его убийцы.

В 1970 г. выходит книга английского историка У. Н. Питтенджера «Ричард Сердце Льва. Крестоносный король» [7], в которой автор рассматривает биографию Ричарда как образец жизни людей его круга и его эпохи. Важно подчеркнуть, что автор впервые в историографии говорит о том, что в случае с Ричардом очень трудно отделить факты от легенды. Еще одно важное замечание, сделанное им о Ричарде, заключается в том, что «многие материалы легенд о нем отражают подлинное историческое впечатление, оставленное им» [7, Р. VIII]. В 1976 г. выходит биография Джиллингхема [8], в которой автор рассматривает своего героя, прежде всего, как воина. Он стремится понять, как мог Ричард совмещать в себе черты расчетливого и хладнокровного полководца и рыцаря, готового к личным подвигам. В книге намечается также и другое противоречие, касающееся восприятия англичанами этого короля — «хотя он не говорил по-английски, и Англия была ему не интересна, он был первым после норманнского завоевания английским королем, ставшим фольклорным героем..., из всех английских королей наиболее естественно вписавшимся в легенды и баллады» [8, Р. 12].

Однако наиболее полным исследованием последних 50 лет является биография Ричарда Р. Перну [1]. Особенно ценна в ней для данной темы последняя глава книги «По ту сторону истории. Легенда» глава того же содержания отнесена в конец и в книге О. А. Добиащ-Рождественской; у нее она называется «Миф о Ричарде». В этой главе описаны легенды и песни, сложенные о короле после его смерти.

Одно из последних исследований принадлежит немецкому историку У. Кесслер [9]. В биографии Ричарда она рассматривает его политическую деятельность, опровергая устоявшееся представление о нем как о плохом политике; более того, она утверждает, что «нельзя сказать, что в его случае произведен анализ источников и отсутствует только синтез. Специалисты в данном случае оказались настолько некомпетентными, что все этапы его жизни оцениваются лишь фрагментарно и относительно. Как историческая личность Ричард нам совершенно не знаком, так как его образ скрыт за толщей неисследованного материала. При этом отличительной чертой вымышленного образа Ричарда является отрицание его политических способностей» [9, С. 409]. По мнению автора, «главной особенностью жизни Ричарда Львиное Сердце было искусство выживания в сфере власти. Ричард не был политиком-неудачником, потому что он хотел сохранить власть, и он ее сохранил» [9, С. 412]. Автор делает упор на дипломатическую деятельность Ричарда, на союзах, созданных им против короля Франции, в том числе и в плену.

Как можно видеть из приведенного выше краткого историографического обзора, Ричард Львиное Сердце был очень богатным персонажем для любителей жанра биографии. Однако мифы о нем давно слились с его образом настолько прочно, что, отделяя их от его личности, мы рискуем потерять и то, и другое. Есть, конечно, более-менее очевидные легенды, от выявления которых образ «реального» Ричарда не очень пострадает, например, легенда о его встрече с Робинот Гудом, но их крайне мало. В связи с этим куда более продуктивным представляется посмотреть, как миф о короле Англии складывался во время его жизни.

Ричард Львиное Сердце был очень известной личностью во всем современном ему европейском мире. Упоминания о нем есть в хрониках всех европейских государств. Во время своего десятилетнего правления он успел побывать во многих странах, а его поступки затронули Англию, Францию, Палестину, Наварру,

итальянские земли, Священную Римскую Империю и Австрию. Очень многие видели его лично, а те, кто не видел, в большинстве своем слышали о нем.

Сохранилось очень большое количество источников разных жанров, в которых он упоминается — как хвалебных, так и поносящих его. Иногда это свидетельства одного и того же человека. Примером такого непостоянства взглядов может служить трубадур Бертран де Борн, который восхищался военными талантами Ричарда и восхвалял его до тех пор, пока тот не осадил и не захватил его замок. Тогда Бертран стал писать сервенты, в которых Ричард выступал как плохой сеньор. После возвращения замка его хозяину хвалебные песни возобновились. Эти произведения не являются мифом, они — выражение отношения к поступкам Ричарда. Впоследствии эти сервенты и многие другие свидетельства послужат хорошим материалом для подпитки мифа «Ричард — король, умеющий только воевать», но на тот момент это всего лишь мнение обиженного вассала.

На мой взгляд, источником, наиболее точно отражающим рождение мифа о Ричарде, являются хроники неанглийского и не-французского происхождения. Именно в них отразились самые яркие события жизни английского короля с точки зрения его современников, о которых знали все, кто хоть немного был осведомлен о событиях в мире.

Чаще всего в этих хрониках находили отражение крестовый поход и последовавшее за ним пленение Ричарда герцогом Леопольдом Австрийским. Нередко даже сам факт того, что Ричард стал королем Англии, не присутствует в них, или не сообщается о том, что крестовый поход начался, и кто в него отправился, однако неизменно можно видеть фразу: «Ричард король Англии, возвращаясь из крестового похода, был взят в плен». То есть, пленение крестоносца стало для хронистов более значительным событием, чем сам крестовый поход. Однако уже при жизни короля эти события начинают обрастать совершенно нехарактерными для

хроник деталями, так, в одной из них говорится, что английский король был пойман «в городе Вене, сидящий над огнем и вместо слуги жарящий курицу» [10, S. 857]. Разумеется, хронист не мог знать таких подробностей. Либо он написал это, потому что ему рассказали, либо он сам это досказал. Возможно, он записал это, чтобы показать еще большую несправедливость плена — рыцарь был схвачен не в честном бою.

Итак, два наиболее важных события в жизни английского короля с точки зрения современного ему человека — это крестовый поход и плен. Крестовый поход — в силу значимости этого события для христианского мира, плен крестоносца — потому что это событие было из ряда вон выходящим. При этом любопытно, что очень немногие хронисты вспоминают, что Ричард сам был виноват в пленении, потому что совершенно несправедливо оскорбил герцога Леопольда Австрийского, и если рассматривать этот плен как продолжение «поединка», начатого в Палестине, то он будет вполне правомерным. Что же касается самого крестового похода, то его результаты были крайне скромными, а сам Ричард рассматривал остановку войны с Саладином как временную и необходимую для того, чтобы остановить разорение его земель королем Франции.

Однако в хрониках эта картина искажается, и нам предстает король-крестоносец, несправедливо захваченный в плен. В последствии именно эти два события стали основой образа Ричарда, к которой затем прибавилась легенда о том, что в плену его случайно нашел паж-менестрель и другие мифы, дожившие до XIX века в уже прочно устоявшемся образе Ричарда, как короля-рыцаря, храброго, воинственного, блестящего военачальника, но не имевшего ни малейшего представления о том, что такое политика и государственные дела.

На мой взгляд, понимание процесса мифотворчества может помочь прояснить его суть, ответить на многие вопросы в восприятии исторического факта или личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Перну Р. Ричард Львиное Сердце / Пер. с фр. А. Г. Кавтаскина; Под ред. А. П. Левандовского. М.: Мол. гвардия; Палимпсест, 2000.
2. Champagnac J. B. J. Richard Coeur-de-Lion: duc de Normandie, roi d'Angleterre Paris, 1854.
3. Добиаш-Рождественская О. А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце М., 1991.
4. Norgate K. Richard the Lion Heart. London, 1924.
5. Добиаш-Рождественская О. А. Эпоха крестовых походов. М., 1918.
6. Broughton, Bradford B. The legends of the king Richard I Coeur de Leon. A study of sources and variations to the year 1600. The Hague-Paris, Mouton, 1966.
7. Pittenger W. N. Richard the Lion-hearted, the crusader king. London, New York, 1970.
8. Gillingham J. Richard the Lion Heart. London, 1976.
9. Кесслер У. Ричард Львиное Сердце. Король. Крестоносец. Авантюрист. Харьков-Ростов, 1996.
10. *Annales Bremenses* // *Monumentae Germaniae Historica*, T. 17. S. 854–858.

**«СЛАВЯНСКОЕ ЦАРСТВО» МАВРО ОРБИНИ
В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКИХ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ XV–XVI вв.**

В 1601 г. в Пезаро был издан труд дубровницкого бенедиктинца Мавро Орбини (сер. XVI–1611), целью которого являлось цельное изложение древней славянской истории.

Попытки реконструкции его биографии всякий раз говорят о том, что Орбини находился под влиянием интеллектуального кружка, сложившегося вокруг высокообразованной и состоятельной дамы Цветы Зузорич (итал. Флора Цуццери), который объединял многочисленных поэтов и деятелей культуры [1, С. 389]. Действовавший с 1570 по 1583 гг. литературный салон привлек «лучшие умы ренессансного Дубровника», в частности, португальского сефарда Дидака Пирра и Савко Бобальевича [2, С. 62], чьему роду Орбини во многом посвятит свой труд. Дидак Пирр примечателен для нас тем, что посвятил Симону Флори, загадочному дяде Орбини, небольшой отрывок в стихотворении, где воспел неустрашимость и мужество прибывшего из Иллирии Флориса [3, С. 232].

Представляет весьма заманчивым сделать смелое предположение о родстве Орбини, происходившего из семейства Флори [4, С. 96], и держательницы салона Цветы Зузорич, итальянское имя которой (Flora) является аналогом хорватского (Cvjeta). Именно она могла открыть ему двери в тот удивительный мир, который сформирует Орбини как историка.

Переходя непосредственно к труду, необходимо сказать, откуда славяне, по мнению историка, получили свое имя. Следуя

тенденции, закрепившейся в восточно-европейской историографии [5, С. 28], Орбини утверждает, что произошло их имя «не от чего иного, как от «славы» [3, С. 116]. Большинство польских и чешских историков отдавало предпочтение более притягательной «славной теории», которая помогала им возвеличивать деяния предков [5, С. 29].

Называя прародиной славян Скандинавию, Орбини, по замечанию А. С. Мыльникова, вступил в борьбу с нордизмом, или готицизмом, получившим к концу XVI в. распространение в европейской историографии, и согласно положениям которого, готы-шведы дали начало многим европейским народам, в частности бургундам, венедам и дакам, которых Орбини относит к народам славянским [6, С. 268–269]. Поэтому скандинавская этногенетическая версия происхождения славян в труде оказалась перевернутым нордизмом, своеобразным антиготицизмом [6, С. 270].

Сторонников готицизма, на которых в своем труде ссылается Орбини, можно назвать достаточно: это и Эней Сильвий Пикколомини, и Альберт Кранц, и Вольфганг Лациус [7, Р. 75–76]. Выделяются основные причины обращения авторов к готскому прошлому: во-первых, это являлось средством легитимации королевской власти, а, во-вторых — подчеркивало преемственность между классической античностью и настоящим, к чему так стремился Орбини [7, Р. 78–80].

Поэтому, наш взгляд, историк не столько вступил с готицизмом в борьбу, сколько приспособил его для великой славянской истории. отождествление готов и славян предпринято Орбини для того, чтобы указать, например, что именно непобедимым славянам удалось захватить Рим, положив конец римской гордости. Разумеется, Аларих, Теодорих, Одоакр и прочие предводители варваров в труде Орбини фигурирует как славянские короли. Подобную теорию высказывает историк Зденко Златар [8, S. 27].

Орбини называет Иафета человеком, от которого пошло славянское племя. После Всемирного потопа он сначала удалился

в Азию, а потомки его, уже позднее, проникли в Скандинавию. Спустя время они решили уйти, поскольку «великая Скандинавия уже не могла их вместить» [3, С. 33].

Искания праотца славян в Библии явились не уникальной особенностью концепции Орбини, а «продолжением генеалогических домыслов не только латинских и греческих, но и арабских средневековых историков» [5, С. 22–23]. Среди далматинских авторов первым, кто обратился к Священному писанию в поисках предков был Винко Прибоевич, который праотцом славян представил Фираса, седьмого сына Иафета [9, С. 139–140].

Несмотря на выступления некоторых историков против попыток связать славян с теми или иными библейскими персонажами, именно в XVI в. поиски ветхозаветных славянских праотцов усилились. При всех разногласиях между учеными, суть вопроса сводилась к установлению имен тех потомков Иафета, которых можно было бы принять за прародителей славян [6, С. 22].

Нужно сказать, что споры между сторонниками и противниками автохтонности европейских народов также имеют давнюю историю [5, С. 323]. Орбини ловко лавирует между двумя точками зрения: одна часть народов (готы, вандалы, бургунды и т. д. выходят из Скандинавии), другая — является автохтонными жителями Балкан (фракийцы, иллирийцы).

Итак, после ухода из Скандинавии, славяне обосновываются в Сарматии, где берут свое имя [3, С. 32]. Скандинавское происхождение имеют многие могущественные народы, такие как славяне вандалы, авары, аланы, бастарны, бургунды, веныды (генеты), верлы (герулы), вестготы, гепиды, геты, гирры, готы, даки, квады, маркоманы, меланхлены, норманны, остготы, певкины, скирры, укры (ункраны), фенны (финны) и шведы [3, С. 16]. К автохтонным славянским народам относятся фракийцы и иллирийцы, которые говорили на том же языке.

Нами были выявлены три общие черты, которые связывают многочисленные славянские народы в единое, пусть и ско-

рее духовное, целое: это общий язык («Единство языка в древности, — по мнению Орбини, — доказывает единство рода» [3, С. 199]), представление о едином происхождении и общие черты характера (непокорность, храбрость и т. д.).

Средневековые мыслители полагали, что gens или patio, имеющие свой язык и закон, должны быть суверенным политическим организмом. Роберт Бартлетт подчеркивает четыре пункта отличия — род, язык, законы и обычаи, которые обосновывают притязания народа на суверенитет государства [10, Р. 51–52]. Орбини выдвигает на первое место язык (lingua), на котором говорят потомки Иафета (patio), у которых есть множество обычаев, например, никогда не задерживаться на одном месте [3, С. 34–35] (consuetudines). Если говорить о leges — то можно привести пример верлов, о которых Орбини говорит следующее: «У них были жрецы, множество законов и обычаи, не похожие на другие» [3, С. 154]. Можно сделать предположение, что Орбини продолжил европейскую средневековую традицию [10, Р. 52].

Говоря о воинственности и непокорности славян, Орбини хотел показать, что вопреки итальянской традиции связывать славян с рабами, славяне — отважные воины. Острые критики славянских историков направлялось в адрес итальянских ученых, которые, начиная с Флавио Бьондо, употребляли форму «склави» [5, С. 35]. И если историки до Орбини говорили о злонамеренности итальянцев, недостаточности их информированности и искажении латинского языка [5, С. 35], то Орбини замечает, что неприязнь итальянцев, в первую очередь живущих на Адриатическом побережье, можно объяснить тем, что «они в прошлом сильно пострадали от славян и были ими почти полностью разорены» [3, С. 115].

Нами уже было отмечено, какую популярность имела готическая теория в Европе, теперь же необходимо сказать о ее распространении на Балканском полуострове. Памятник XII в. «Летопись попа Дуклянина» повествует о расселении готов, пришедших с севера, которые для автора были равнозначны славянам [11, С. 192].

«Хроника Фомы Сплитского», написанная во второй половине XIII в. архидьяконом сплитской церкви Фомой явилось, во-первых, итогом трудов самого хрониста и его предшественников по изучению далматинских древностей, а, во-вторых, труд являлся «непререкаемым источником сведений о далматинской античности и раннем Средневековье вплоть до второй половины XVII в.» [11, С. 716] Описывая то, как куреты, автохтонное население Хорватии, смешалось с пришедшими из Полонии и Тевтонии готами-славянами [12, С. 35–36], хронист отделяет население Сплита и приморских городов от варваров, заселивших хорватские земли.

На протяжении XV в. готическая теория преобладала, и в 1525 г. перед жителями города Хвар предстал Винко Прибоевич, выступивший с трактатом «О происхождении и успехах славян» [11, С. 740]. У Прибоевича, как магистра теологии и доминиканца, не возникало вопросов, с чего должен начинаться его труд: с библейского потопа [13, Р. 186–187]. Высказав теорию о славянах как автохтонных народах, произошедших от Фираса, который традиционно считался прародителем фракийцев [13, Р. 189], Прибоевич таким образом породнил славян с иллирийцами, македонцами, готами, сарматами и т. д., доказывая это общностью языка, на котором все они говорят. Проведя некоторое время в Ягеллонском университете в Кракове, Прибоевич почерпнул многие идеи, популярные в среде польских гуманистов, на которых позже опирался Орбини [13, Р. 184–188]. Именно данный труд оказал наибольшее влияние на Орбини, что отмечается всеми исследователями.

Итак, концепция славянского этногенеза, представленная в труде Орбини, в целом, является гармоничным элементом европейской историографии средних веков и раннего нового времени. Исследовательница Зринка Блажевич замечает, что структурно и функционально «Королевство славян» вписывается в нормативную историографическую традицию [14, S. 98].

Проводя не критический отбор источников, Орбини часто включает в свой труд противоречащие друг другу факты, а также

многовариантные трактовки одного и того же события или вопроса. Тем не менее, некоторую критику он допускает: какие-то сюжеты он принимает за правду, включая в свой труд, какие-то отбрасывает, иногда комментируя их и доказывая, что они не являются объективными. Как справедливо отмечает А. С. Мыльников, «вопрос о методах использования и трактовки Орбини источников нуждается в отдельном рассмотрении» [6, С. 270].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. Фрейденберг М. М. Дубровник и Османская империя. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989.
3. Орбини М. Славянское царство. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
4. Макушев В. В. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб: Императорская Академия Наук, 1867.
5. Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб: Петербургское Востоковедение, 1999.
6. Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб: Петербургское Востоковедение, 1996.
7. Dumanov B. The Gothic Fiction in the Formation of the National Historical Schools of Europe // *Archaeologia Bulgarica*, XIII, 2 (2009). Sofia: NOUS Publishers LTD, P. 73–88.
8. Zlatar Z. Kraljevstvo Slavena u međunarodnom politikom, ekonomskom i kulturnom kontekstu (o. 1550–1610.) // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu*, Vol. 43. Zagreb: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu FF-press, 2011, Str. 15–36.
9. Pribojević V. O podrijetlu i slavi Slavena. Zagreb: Golden marketing: Narodne novine, 1997.
10. Bartlett R. Medieval and Modern Concepts of Race and Ethnicity // *Journal of Medieval and Early Modern Studies* 31:1, (Winter) 2001. Durham: Duke University Press, 2001, P. 39–56.

11. История литератур западных и южных славян. Том 1: От истоков до середины XVIII века. М.: Индрик, 1997.
12. История архиепископов Салоны и Сплита. М.: Индрик, 1997.
13. Madunić D. Strategies of Distinction in the Work of Vinko Pribojević // Whose Love of Which Country? Composite States, National Histories and Patriotic Discourses in Early Modern East Central Europe / Leiden: Koninklijke Brill NV, 2010, P. 177–202.
14. Blažević Z. Intertekstualni odnosi između Orbinijeva Kraljevstva Slavena i latinskih historiografskih djela Pavla Rittera Vitezovića // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu, Vol. 43. Zagreb: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu FF-press, 2011, Str. 97–112.

УДК 94:792 (410.1)

ЗАРУБИНА Т. М.

Северный арктический федеральный университет

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНГЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКОВ В ПЬЕСАХ АНГЛИЙСКИХ ДРАМАТУРГОВ

Пьесы английских драматургов ренессансного периода являются ценными источниками для историков, изучающих социальную повседневность второй половины XVI – первой половины XVII вв. Часто художественная литература становится незаменимым помощником при необходимости познания различных аспектов общественной жизни. По мнению С. О. Шмидта художественное произведение может дать нам представление о таких «явлениях каждодневного обихода, которые просто не фиксировались в традиционном наборе письменных источников». [1, С. 46].

Драматурги в своих пьесах часто отражали проблемы и пороки современного им общества. Они были талантливыми обличителями тяжелой действительности. Авторы касались тех тем, которые были наиболее близки и интересны публике. Зрителям было интересно наблюдать в театре жизненные случаи, списанные с действительности. В данной статье будет рассмотрено осуждение табакокурения и ростовщичества в пьесах. Эти проблемы, наряду с такими пороками как проституция, обжорство и пьянство подвергались наиболее резкой критике в произведениях драматургов. Данная тематика должна была нравиться зрителям. Табакокурение было модным занятием, по поводу полезности которого не утихала полемика, а ростовщичество являлось нормой жизни и тяжелым бременем для многих.

Табакокурение было новшеством, которое быстро превращалось в привычку. Оно подверглось резкой критике пуритан. Анализ театральных пьес показывает, что драматурги также готовы были реагировать на эту проблему.

Завезенный в Англию в XVI веке табак стремительно набирал популярность как среди мужчин, так и среди женщин. [2, Р. 75]. Курение табака настолько прочно вошло в повседневную жизнь англичан, что стало неотъемлемой частью их культуры. Такой вывод можно сделать, обратившись к драматическим произведениям, в которых курение упоминается достаточно часто. Многие известные драматурги заостряют на табакокурении свое внимание, рисуя это заморское приобретение черными красками, развенчивая миф о его пользе. Б. Джонсон, Ф. Бомонт, Д. Флетчер, Т. Деккер и другие драматурги восхваляли и критиковали данную привычку, отражая, в своих произведениях отношение к табакокурению в английском обществе в указанное время.

На стремительный рост популярности табака указывают слова из пьесы Б. Джонсона «Каждый по-своему»: *«он смеет критиковать и бранить качество травы, которая всеми принята:*

при дворе у принцев, в парламенте у дворян, в будуарах у дам, в казармах у солдат!» [3, С. 379]

Табак подавался за столом после обеда, практика предоставления всего необходимого для курения была распространена во многих гостиницах. [4, Р. 187].

Оценку последствий табачной зависимости дает Бен Джонсон в «Варфоломеевской ярмарке», излагая аргументы противников пагубной привычки: «Легкие курильщика гнилы, печень пятниста, мозг закопчен, как задняя стенка этой самой трактирной кухни, все тело внутри черно, как противень...» [5, С. 621].

В пьесе Б. Джонсона «Каждый по-своему» можно столкнуться с двумя полярными точками на табакокурение. Авторы воспользовались излюбленным приемом противопоставления и перенесли на страницы реальную полемику, развернувшуюся в Англии. Один из героев пьесы Бобддил боготворит заокеанскую траву, так как, по его мнению, она может быть использована как противоядие и средство от многих болезней. Его противник водовоз Коб был побит за антитабачную речь, в которой клеймил это пустое и вредное занятие: «*Он никуда не годен, только разве с ног сбить человека и наполнить его дымом и пеплом... Это немногим лучше крысиной отравы или серной кислоты!*» [3, С. 368]

Спрос на табак рождал предложение, часто не качественное, нечестивые торговцы стремились нажиться на торговле табаком, занимаясь фальсификацией. [4, Р. 78].

Легкий намек на подобную подделку находим в словах трактирщицы Урсулы из пьесы «Варфоломеевская ярмарка», знающей толк в том, как извлечь деньги из продажи мяса, пива и табака — самых востребованных продуктов: «*Надо мне трехпенсовую трубку, набитую полфунтом моего табака с четвертью фунта белокопытника для крепости*».

Можно представить какую выгоду могли извлечь мошенники, если им удавалось сберечь четверть с каждого фунта чистого табака. Данное упоминание не единственное, при каждом удобном

случае Джонсон и другие драматурги напоминают зрителям, что часть их денег оседает в карманах хитрых торговцев.

Драматург и памфлетист Томас Деккер, в одной из своих сатир «Семь смертных грехов Лондона» делает главными действующими лицами самые недостойные качества человека, показывая в одной из частей сатиры, которая носит название «Триумф Лени» недостойное поведение курящих людей. [6, Р. 32]

Одна из эпиграмм Джона Дэвиса — а именно эпиграмма «О табаке» целиком посвящена проблеме табакокурения. Произведение снова построено на противопоставлении мнений сторонников и противников вредной привычки. Сторонники привычки настаивали на том, что «табак очищает артерии, лечит подагру, помогает при жестком дыхании, если причина в зубах или желудке». Но Дэвис также отмечает это трава:

*«...не так безобидна,
Не настолько чудесна
Это табак, чья сладость значительно коптит
Адские мучения зубов с легкостью открываются
Уходя внутрь, высушивает слизистую
Мать и кормилица каждого недуга...»* [7, Р. 32].

Таким образом, произведения Б. Джонсона, Ф. Бомонта, Д. Флетчера, Т. Деккера, куда авторы перенесли негативные и восторженные высказывания о «чудесной траве», могут дать нам представления о полемике, развернувшейся вокруг вопроса о пользе табакокурения. Данные примеры лишь малая часть из большого комплекса наследия английских драматургов, где затронуты проблемы, порожденные курением и взгляды на эту привычку. Тот факт, что наиболее образованные люди обращались к этому вопросу, подтверждает, что появление табака породило резонанс в обществе.

Драматурги многократно делали объектом своего внимания ростовщичество. Такая ситуация сложилась не случайно, ростовщичество было достаточно серьезной проблемой для Англии XVI–XVII в. Во второй половине XVI – 40-х гг. XVII вв. особенно остро

стоял вопрос ограничения ростовщического процента, многие страдали от деятельности кредиторов.

С. Криттенден поясняет, что ростовщичество несло в себе негативную окраску и ассоциировалось с незаконными, антигуманными действиями. В деятельности ростовщиков не видели пользы, против них существовало сильное предубеждение, их репутация казалась сомнительной. Все кредиторы были заложниками стереотипов. [8, Р. 4]. Всеобщее недовольство злоупотреблениями ростовщиков выразили в пьесах такие драматурги как У. Шекспир, Б. Джонсон, Т. Деккер, Ф. Бомонт, Д. Флетчер.

Человек, занимающийся подобной деятельностью, по мнению Т. Деккера собственноручно выкладывает себе дорогу в ад: «Поручительство и Отречение кладут в свои руки, возможно, завоюют немного серебра, но они получают части собственного уничтожения. Богатство так получаешь, как выращиваешь дерево в разгар зимы, оно не зацветет» [6, Р. 36].

Порицая Грех Лжи, Деккер подчеркивает, что: «У нее (Лжи) есть законные сыновья, это Ростовщики ... они все являются общественными Посредниками...». Люди, занимающиеся кредитом, считает автор, связаны с Преисподней: «Все те, кто может легко дать в Руки, произошли от ада...» [6, Р. 37].

В пьесах английских драматургов часто фигурируют жадные и бессердечные евреи-ростовщики. Но евреи были официально изгнаны из Англии в XIII веке. Поэтому авторы не могли испытывать личную ненависть к евреям, считает Д. Филипсон. Евреи выступали у них прототипом английских ростовщиков: «Драматург ... видел общепринятое мнение о репутации евреев как ростовщиков, и возможно удовлетворял любовь к преувеличению и предрассудкам толпы». [9, Р. 22].

В английских пьесах второй половины XVI – начала XVII века среди действующих лиц часто встречаются ростовщики. Например, ростовщик Грошевый в пьесе Б. Джонсона «Склад новостей» рассказывает, что говорят о нем в городе:

*«...Оборванец он, даже и во сне
Не ел прилично: продает подарки,
Жаркое, рыбу, дичь и существует,
Как крыса стара, засохшей коркой». [10, С. 501].*

Основная задача пьесы заключалась в том, чтобы показать скупого, прижимистого ростовщика. Его характер обстоятельно описан, К. Марло, жадность превалирует над другими качествами:

*«...Я был усерден в иудейской вере,
Был бессердечным, алчным негодяем,
Что ради денег мог продать я душу.
Сто на сто брал всегда как ростовщик...» [11, С. 349].*

О беспредельной жадности ростовщиков также писали Ф. Бомонт и Д. Флетчер в пьесе «Жена на месяц»:

*«То, что (делает) с золотом процентщик:
Бессмысленно глазами пожирать
И в сутки раз ощупывать руками,
Чтоб пальцы поразмять» [12].*

В пьесе Ф. Бомонта и Д. Флетчера «Ночное приведение или ворюшка» «подлый ростовщик» Олграип был разыгран Эйлетом, думая, что попал в ад, он зарекается не давать больше деньги под процент:

*«...Возвращу я
Все закладные, перестану деньги
Ссужать под ростовщический процент,
Жить буду целомудренно, хоть прежде
Блудил и на самом краю могилы...» [13].*

Образ ростовщика также хорошо прорисован в пьесах: Ф. Бомонта, Д. Флетчера «Женись и управляй женой», «Ночное приведение или ворюшка», Т. Мидлтона «Безумный мир, господа!» и других произведениях.

Драматурги достаточно эмоционально и с предубеждением изображали ростовщиков, они всегда были наделены определенным набором сугубо негативных качеств, что дает нам понять отношение основной части общества к данной категории населения.

Таким образом, пьесы английских драматургов второй половины XVI – первой половины XVII вв. являются достаточно содержательным источником по социальной истории времени поздних Тюдоров и ранних Стюартов. Затрагивая в пьесах многие проблемы, драматурги стремились привлечь внимание и удовлетворить запросы зрителей, преследуя часто лишь материальный интерес. Авторы драматических произведений использовали стереотипы, критиковали и восхваляли, стремясь сделать пьесу интересной для разнородной публики, которая в случае успеха пьесы приносила труппе неплохой доход. Драматурги реалистично описывали негативные последствия табачной зависимости и высмеивали ненавистных ростовщиков. Герои пьес, имеющие страсть к курению редко были положительными персонажами. Ростовщики часто попадали в ситуации, в ходе которых проявляли себя далеко не с лучшей стороны. Таким образом, драматурги в пьесах активно обращали внимание на социальные проблемы, что делало эти проблемы предметом общественного обсуждения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49.
2. Stephenson H. T. The Elizabethan people. New York, 1910.
3. Джонсон Б. Каждый по-своему / Пер. П. Соколовой // Б. Джонсон Драматические произведения. Том II. М., – Л., 1933. С. 275–455.
4. Synge B. M. A short history of social life in England. London, 1928.
5. Джонсон Б. Варфоломеевская ярмарка / Пер. Н. Н. Соколовой // Б. Джонсон Драматические произведения. Том I. М.,–Л., 1931. С. 565–731.
6. Thomas D. The Seven Deadly Sins of London. London, 1606.
7. Epigrammes // Sir John Davies Complete Poems. London, 1876.
8. Crittenden S. H. Usury: or interest, premium and discount. A lecture delivered before the students Crittendens Philadelphia Commercial College. Philadelphia, 1863.
9. Philipson D. The Jew in English Fiction Cincinnati. 1903.

10. Джонсон Б. Склад новостей / Пер. Т. Левита // Б. Джонсон. Драматические произведения. Том II. М.,–Л., 1933. С. 455–655.
11. Марло К. Мальтийский еврей / Пер. В. Рождественского // К. Марло Сочинения. М., 1961. С. 279–389.
12. Бомонт Ф., Флетчер Д. Жена на месяц / Пер. Ю. Корнеева. Режим доступа: http://lib.ru/INOOLD/BOMONT/b_f_wife.txt [дата последнего обращения 18.02.2012].
13. Бомонт Ф., Флетчер Д. Ночное приведение или воришка / Пер. П. Мелковой. Режим доступа: http://lib.ru/INOOLD/BOMONT/b_f_ghost.txt [дата последнего обращения 27.02.2012].

УДК 94(430).03

ЛУРЬЕ З. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

ЛЮТЕРАНСКИЙ ДРАМАТУРГ XVI в. И ЕГО ПУБЛИКА

В период конфессионализации складывается феномен нового театра, отраженный как в протестантской, так и католической традиции. Автором произведений зачастую являются представители интеллектуальной элиты, главным образом, школьные педагоги и порой иные образованные бюргеры (например, хронист Ханс Залат). Поучительный характер текстов, отражение классического идеала и гуманистическая риторика (тем более, в отношении неолатинской драматургии) ставят вопрос об «элитарном» характере этой традиции. Однако такое представление — один из стереотипов, следствие филологически ориентированных исследований [1, S. 11–32]. Театр выполняет широкие социальные функции, что очевидно уже в ходе Реформации, когда постановки оказываются катализаторами городских волнений (студенческая постановка 1521 г. в Виттенберге; скандальная «Башня священников» в Эрфурте;

сатирические фастнахтшпили 1522 г. в Нюрнберге и тех же лет в Цвикау и Штральзунде; прореформационные пьесы Николая Мануэля 1520-х гг. и т.д.). Цели постановок созвучны интересам их творцов: и поскольку именно школы выступают центром церковных реформ в регионе, то педагоги стремятся к воспитанию самой широкой аудитории. Дополнительным стимулом для обращения к театральному ремеслу является материальный фактор (за постановку городской совет платил несколько золотых гульденов), а также возможность повысить свой статус. Таким образом, необходимо говорить о школьном театре в общегородском контексте — в рамках процесса коммуникации между «элитами» и профессионального преобразования общества [2; 3].

С самого начала своего развития немецкий гуманистический школьный театр выступает средством коммуникации между интеллектуальной элитой и горожанами. Так, первая постановка «Евнуха» Теренция, организованная 1 марта 1500 г. Лаврентием Корвиным, ректором духовного училища св. Елизаветы в Бреслау, происходила в здании ратуши. В магдебургских уставах, уставах Стратбургской имназии и т.д. отражены регулярные постановки городского уровня. Таким образом, члены городского совета, вероятно, присутствовали на постановках. Сами гуманисты стремились вытеснить своими постановками традиционные театральные практики общегородского масштаба. Так, «Юдифь» Сикста Бирка или «Притча о блудном сыне» Буркарда Вальдиса, написанные в ходе реформ немецких школ в Базеле, были поставлены во время Карнавала. Постановки произведений Бирка в Аугсбурге также были приурочены к началу Великого Поста и, тем самым, выступали аналогом языческой германской традиции. Иоахим Греф постулируют свои тексты как достойную замену фрайбургскому театру. Пауль Ребхун относит свою «Сусанну», а Ганс Аккерманн — «Пьесу о блудном сыне» к числу фастнахтшпилей. «Школьный порядок» Макдебурга 1553 г. предписывает постановку немецкоязычной драмы в феврале и латинской драмы — в сентябре. Иероним

Вольф в 1557 г. также предписывает такой порядок постановок: в канун Великого поста и в конце августа (на праздник св. Варфоломея). Представитель уже сформировавшейся протестантской театральной традиции Георг Ролленгаген указывает, в первую очередь, на полезность постановок для города и лишь во вторую — для юношества. Безусловно, масштаб постановок несколько не приуменьшает образовательное значение школьных постановок для воспитания юношества и, в том числе, для обучения учеников навыкам декламации и тренировки их памяти, однако делает его составляющим более масштабной цели — формирования христианской городской общины.

Характерно и место проведения постановок. Так, постановки базельских гуманистов 1520–1530-х гг. проходили на рыночной площади. В частности, сообщение медика и писателя Феликса Платера о постановке «Сусанны» Бирка уточняет, что фонтан, находящийся там, был использован как место купания героини. Польский гуманист Бартоломей Лешке адресовал свое произведение сообществу граждан и молодежи с надеждой на то, что драма будет ставиться на открытом месте или рынке. Виндсхаймерская хроника за 14 марта 1568 г. содержит сообщение о постановке перед зданием ратуши «Комедии о Короле Артаксерксе и Есфири». После этого 21-го числа эта же постановка была осуществлена в Доме Танцев для всей городской общины. В Нордхаузене на площадке для танцев также устраивались общегородские постановки. В Бранденбургском школьном порядке 1564 г. представления предписывается разыгрывать перед городским советом, министрами и учеными мужами. Постановки при этом могли быть организованы и в здании школы: в Аугсбурге и в Страсбурге театральные постановки происходили во дворе школы (св. Анны и страсбургской гимназии, соответственно). Однако это не свидетельствует об элитарности зрелища: среди зрителей присутствовали «образованные теологи, другие господа и горожане» [4, S. 26]. Таким образом, состав аудитории

должен был быть достаточно широким, и даже не сводящимся к представителям городской элиты.

Тексты драм содержат более конкретные указания на состав целевой аудитории. Пауль Ребхун указывает, что его «Сусанна» была поставлена в Кале в феврале 1535 г. и в конце апреля 1537 г. в Цвикау перед жителями города. В 1538 г. в типографии Себастьяна Вормса появляется «пиратское» издание 1538 г. «Сусанны», в котором текст передан подстрочником: очевидно, он был записан со слуха. Сам Ребхун обращается к «старым или молодым, равно как к богатым и бедным», мужчинам и женщинам, и представителям различных социальных слоев — господам и рыцарям. Опубликованный пролог драмы указывает на существование герольда — что характерно для представлений, адресованных широкой аудитории: специально обученный мальчик должен был предварять представление кратким пересказом содержания постановки и оглашением всех имен действующих лиц, «чтобы все было понятно». «Сусанна» 1532 г. Бирка не выделяет отдельно категории зрительской аудитории, но очевидно, что автор обращается к представителям некоей общности (вероятно, городской общины), к которой причисляет и себя. В редакции «Ваала» от 1535 г. Бирк, особенно выделяя образованных бюргеров, обращается ко «всем жителям города». «Иосиф» также полезен «каждому», «нашему городу и земле». «Юдифь» адресована «молодым гражданам», вероятно, патрициям. Ганс Аккерман видит Товит примером «для всех». Греф в «Юдифи» несколько конкретизирует свою публику: это лютеранские подданные, в первую очередь, его покровителей курфюрста Иохансена фон Ангальта и соборного пробста Магдебурга Георга. Среди аудитории других его пьес перечислены мастера и подмастерья, рыцари и другой «рабочий люд». Другой магдебургский драматург, уже второй половины XVI в., Иоганн Ролленгаген, перечисляет целевую аудиторию, в которую входит городская магистратура и остальные горожане, включая женщин, молодых девушек и даже «глупцов».

Нужно сказать несколько слов о различиях в аудитории немецких и латинских спектаклей. Очевидно, что немецкоязычный театр обращался к самой широкой публике. Пауль Ребхун, Иоахим Греф, Сикст Бирк (до 1536 г.), будучи преподавателями латинских гимназий, работают с немецким языком. В предисловии к своему «Лазарю» Греф сопоставляет свое произведение со средневековыми немецкоязычными хорами, утверждая, что народный язык веселее и легче слушать. Латинский же язык предполагал более рафинированную публику: авторы неолатинских постановок главным образом ориентировались на городскую патрициат, что подтверждается многочисленными посвящениями в печатных версиях текста. Разницу в аудитории немецко- и латиноязычных спектаклей хорошо иллюстрирует пример магдебургской гимназии. Иоганн Баумгарт в «Суде Соломона» (1561) указывает на практику трех ежегодных постановок в Магдебурге: неолатинской комедии, поставленной в сентябре перед академическими кругами, немецкой пьесы, поставленной перед городским советом в зимнее время, и еще одной — общегородского масштаба, организованной под открытым небом в летнее время. Ректор гимназии Георг Ролленхаген в посвящении к своей «Товит» (1576) указывает на ежегодную практику закрытой школьной постановки на латинском языке (осенью) и немецкоязычной, предназначенной, главным образом для городского совета в летнее время. Тем не менее, надо оговорить, что даже аудитория латиноязычных постановок не сводилась исключительно к «интеллектуальной элите»: интерлюдии на немецком языке, реплики герольдов и специальные программки, кратко пересказывающие сюжет произведения свидетельствуют о присутствии достаточно широкой аудитории [5].

Аудитория произведений, безусловно, расширялась за счет появления печатной версии: поэтому в ходе подготовки произведений к публикации авторы «вычищают» сведения о конкретной аудитории (так, ранние тексты Бирка содержат эту информацию, тогда как более поздние — нет). Тот факт, что, например, большинство

текстов Грефа содержит указание на процесс «чтения», указывает на его внимательное отношение именно к книжной ипостаси своего текста. Публикация и переиздание отдельных текстов обычно свидетельствуют об их популярности и, скорее всего, были обусловлены желанием общины или школы видеть данное произведение поставленным на сцене. Так, издание «Сусанны» в Цвикау обусловлено подготовкой городской постановки. Популярный «Иаков» Грефа переиздается в Магдебурге дважды в 1535 г. В Страсбурге в том же году была переиздана и затем поставлена «Юдифь» Бирка. В 1545 г. в Халле был напечатан «Анабион» Сапида, что сделало возможным его постановку при участии Грефа в октябре 1544 г. Такие переиздания порой служат единственным указанием на театральную жизнь города XVI в.: театральные афиши для этого периода — явление крайне редкое (одним из исключений являются афиши в Ростоке 1520 г.): информация о постановках, в основном, размещалась у здания ратуши и сохранилась весьма отрывочно. В XVII в. афиши становятся одним из ярких проявлений культуры барокко: изысканно и порой избыточно стилизованное они настойчиво созывают публику на организуемое представление. Афиши, часто содержащие иллюстрации, являются отдельным источником по собственно сценическому действию. Для XVI в. мы можем восстановить характер представления только в общих чертах, основываясь на авторских ремарках. Они, кстати, тоже не так часты, и одним из приятных исключений является описание постановке Александра Зайтса 1539/1540 г.

Итак, сохраняя нормы внутригородской коммуникации, которые предлагала традиционная сцена, протестантские интеллектуалы используют ее потенциал для образования и воспитания. Театр становится инструментом конфессионализации, с одной стороны, а, с другой, отражением конфессиональных процессов в обществе. Представление о функциях и задачах нового театра формируется в ходе рефлексий на средневековую и, главным образом, античную традицию и тесно связано с задачами, поставленными перед обществом в процессе конфессионализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Michael W. F. Das deutsche Drama der Reformationzeit. Bern; Frankfurt a/M; Nancy; New York: Peter Lang, 1984.
2. Asmyte I. The social function of the theatre in Sixteenth and Seventeenth century Germany // Pacific Northwest Conference on Foreign Languages. 1965. Vol. XVI. 84–94.
3. Tschopp S. S. Frühneuzeitliche Medien Vielfalt. Wege der Popularisierung und Instrumentalisierung eines historisch begründeten gesamischweizerischen Bewusstseins im 16. und 17. Jahrhundert // Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit (1450–1700) / Hrsg. von Wolfgang Harms und Alfred Messerli. Basel: Schwabe, 2002. S. 415–442.
4. Levinger H. Augsburger Schultheater unter Sixt Birck (1536–1554). Diss. Erlangen: Otto Elsner Verlagsgesellschaft m. b. D. Berlin, 1931.
5. Bloemendal J. Early Modern Latin Drama, its Effect on the Audience and its Role in Forming Public Opinion // Neo-Latin drama: forms, functions, receptions / Ed. J. Bloemendal, P. J. Ford. Hildesheim, Zurich and New York: Olms, 2008. P. 7–22.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО
В СРЕДНИЕ ВЕКА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ МЕРОВИНГОВ В «ХРОНИКАХ ФРЕДЕГАРА»

«Хроники Фредегара», созданные между 655 и 659 гг. [1, С. 4] — важнейший источник по истории Меровингской Галлии. Произведение это представляет собой компиляцию из трудов Ипполита Римского, Иеронима Стридонского, Идация, Исидора Севильского и Григория Турского, дополненную оригинальным повествованием о периоде с 584 по 642 г. В компилятивную часть «Хроник» составителем введена нигде ранее не задокументированная легенда о происхождении франков, подобно римлянам, от троянцев [2, Р. 45–47; 93]. В «Хрониках» сообщается, что беглец из павшей Трои, мифологический прародитель римлян Эней, и Фрига, один из легендарных предков франков, — братья [2, Р. 47].

Эта легенда, становившаяся неоднократно предметом научных исследований [3; 4; 5, Р. 33–35], вероятно, значительно старше «Хроник Фредегара». Как полагают одни историки, предание могло появиться в IV в., когда франки стали занимать высокие посты в позднеримской администрации [6, Р. 27, п. 17], для того, чтобы обосновать равенство франков римлянам. Другие ученые считают, что легенда возникла из древних представлений о том, что галлы происходят от рассеявшихся после взятия Трои греков [6, Р. 27, п. 18]. Об этом сообщается в «Деяниях» Аммиан Марцеллин, цитировавшего греческого историка Тимагена [7, С. 76].

Каковы бы ни были причины возникновения этой легенды, многие историки сходятся во мнении, что введя ее в текст «Хроник», автор представил франков законными наследниками римлян, и с этого момента вопрос о возвращении империи на Запад

более подниматься не мог. Франки по происхождению равны римлянам, а значит и их правление в Галлии столь же законно, как и власть константинопольских императоров [8, С. 395].

Но действительно ли легенда о связи франков с троянцами выполняла эту функцию? Одно ли троянское происхождение придавало правлению Меровингов в Галлии легитимное основание с точки зрения автора «Хроник Фредегара»?

Как кажется, предание о троянском происхождении франков в «Хрониках Фредегара» — не более чем часть сюжета *origo gentis*, часто встречающегося в исторических произведениях раннего средневековья. *Origines gentium* часто объясняли этимологию названия народа и выстраивали этническую идентичность путем установления связей истории народа с библейским и римским прошлым. Все составные части такого повествования присутствуют в «Хрониках Фредегара». В пятой главе первой книги автор вписывает франков в контекст библейской истории, сообщая, что одним из народов, произошедших от Иавана, были приамы, от которых впоследствии произошли франки. Во второй и третьей книги автор «Хроник Фредегара» связывает франков с римлянами общим троянским прошлым. *Origo gentis francozum* не так оригинально. Не только франки возводили свое происхождение к выходцам из Трои, кроме франков, это делали и вестготы. В «Гетике» Иордан повествует о том, что легендарный пращур готов Телеф был женат на сестре Приама.

Едва ли можно утверждать, что легенда о троянском происхождении франков ставила их в особое положение по отношению к другим германским народам. Предание о том, что предки франков бежали из павшей Трои — только элемент *originis gentis*, документирование которого было важнейшим этапом формирования этнической идентичности франков, но не придавало власти Меровингов законного основания.

Григорий Турский, который может быть знал о существовании предания [6, Р. 27, п. 19] о троянском происхождении франков,

не ввел его в текст своей «Истории франков»: он создавал не национальную историю, как Фредегар, а церковную.

На историческую концепцию Григория Турского заметное влияние оказало видение истории Сульпиция Севера, который, наблюдая распространение арианства в Галлии, проникся эсхатологическими страхами [9, С. 69]. Григорий Турский воспринял взгляды Сульпиция Севера. Поэтому для него Хлодвиг, которого он называет «новым Константином», — восстановителем позднеримского религиозного миропорядка [9, с. 70]. Ортодоксальное вероисповедание Хлодвига делало его законным правителем с точки зрения Григория Турского.

Автор «Хроник Фредегара» не придавал большого значения церковной истории и позднеантичному религиозному миропорядку: компиляция первых шести книг произведения Григория Турского в «Хрониках Фредегара» практически не включает в себя сюжетов, посвященных истории церкви. Объяснение этому можно найти в том, что к середине VII в., когда составлялись «Хроники», все религиозные противоречия были преодолены. Даже цитадель арианства — Испанское королевство вестготов — приняла в 589 г. при Реккареде I никейское вероисповедание.

По этой же причине «Хроники Фредегара» не могли перенять из «Истории франков» Григория Турского модель «религиозной» легитимации власти Меровингов как потомков Хлодвига, «нового Константина», восстановителя позднеантичного религиозного миропорядка. Для придания власти династии законного основания в «Хрониках Фредегара» появилась другая легенда.

«Хроники Фредегара» книга III, глава 11 (пер. авт.) [2, р. 95–97]

Когда Хильдерик, сын Меровея, унаследовал власть своего отца, будучи чрезмерно распущенным, он стал развращать дочерей франков. Возмущенные этим, они свергли его с престола. После того, как это случилось, преданный Хильдерiku франк Виомад, которого король некогда освободил вместе с матерью из гуннского плена, узнав,

что франки намереваются убить его спасителя, разделил пополам с Хильдериком ауреус и сказал ему: «Беги в Тюрингию и скройся где-нибудь там. Если я смогу унять гнев франков, я пошлю тебе в качестве знака свою половину золотого; если я не смогу, дай мне знать, где ты, куда бы ты ни отправился. Когда я тебе пришлю мою часть монеты, и она вместе с твоей составит ауреус, со спокойной душой возвращайся на родину». Поселившись в Тюрингии, Хильдерик укрылся у короля Бизина и его жены Базины. Франки же тогда единодушно признали своим королем Эгидия, а преданный Хильдерик Виомад был сделан его наместником. По его совету Эгидий обложил податью в один золотой всех франков. Они без возражений ее платили. Тогда Виомад снова обратился к Эгидию, говоря: «Тот народ, управлять которым ты мне поручил, дик; он недостаточно обременен налогами и свирепствует от гордости. Прикажи франкам платить три золотых». И это франки стали покорно исполнять это, говоря: «Лучше уж нам платить три золотых, чем вести невыносимую жизнь при Хильдерике». Виомад вновь обратился к Эгидию: «Франки желают восстать против тебя. Если ты не убьешь многих из них, тебе никогда не укротить их нрава». Виомад под вымышленным предлогом послал к Эгидию сто избранных им франков, а Эгидий, по совету Виомада, приказал их убить. Виомад украдкой обратился к франкам: «Вам не достаточно податей, которые вы платите? Доколе вы будете терпеть, что равных вам избивают как скот?» Франки в один голос ответили ему: «Если бы мы могли где-нибудь отыскать Хильдерика, мы вернули бы ему королевскую власть. Может быть при нем, мы избежали бы этих напастей». Тогда Виомад немедленно отправился к Эгидию и сказал: «Теперь франки покорились твоей власти». Еще он дал ему совет, сказав, что можно договориться с соседними племенами и отправить императору Маврикию послов, с требованием выплатить сорок тысяч солидов, чтобы эти народы признавали власть императора. Добавляя, он произнес: «Служа тебе, я заслужил лишь несколько солидов; у меня, твоего слуги, мало денег, и я хотел бы отправить с посольством своего человека, чтобы в Константинополе он заработал их для меня». Получив для этого предпрятия в дар от Эгидия пятьдесят золотых монет, он спрятал

в мешке, набитом вместо солидов свинцом, свою часть ауреуса, разделенного им пополам с Хильдериком, и отправил своего слугу с этой сумой вместе с посольством [в Константинополь]. Тогда уже было известно, что Хильдерик находится в Константинополе; слуга Виомада прибыл в город вместе с послами, получив указания прежде, чем они явятся к императору, известить Хильдерика о том, что Эгидий, которому самому должно посылать деньги в государственную казну, требует, чтобы император платил ему дань. Когда Хильдерик передал это императору, тот пришел в ярость и негодование, и, когда послы Эгидия, против которых он уже был настроен этими словами, предстали перед ним, он приказал заточить их в темницу. Хильдерик сказал императору: «Позволь мне отправиться в Галлию, и я отмщу Эгидию за оскорбление, нанесенное тебе». Маврикий щедро одарил его, и Хильдерик морем вернулся в Галлию. Когда слуга Виомада рассказал своему господину об этом, Хильдерик уже добрался до Бара и был укрыт его жителями. По совету Виомада, Хильдерик за это щедро одарил всех жителей Бара. Затем все франки снова признали его королем, и он много раз сходилась с Эгидием в битвах и нанес римлянам много поражений.

Представляется, что эта легенда показывает Хильдерика наместником константинопольского императора в Галлии. Утратив по законам племенной этики власть, Хильдерик получил ее назад от высшего политического авторитета эпохи — римского императора.

Как представляется, в «Хрониках Фредегара» легитимность Меровингов основана на преемственности с позднеримскими политическими структурами. Меровинги представлены восстановителями позднеантичного политического порядка.

Можно предположить, что легенда появилась в «Хрониках Фредегара» из-за проблем, вставших перед династией Меровингов с конца 630-х гг. В 639/4 г. от королевства франков отложилась Тюрингия, а мятежный герцог Радульф незаконно провозгласил себя королем. А в 656 г. произошло беспрецедентное событие: после смерти сына Дагоберта I, Сигиберта III на престол взошел король

не из династии Меровингов. Майордому Гримоальду, служившему при Сигиберте удалось убедить своего господина усыновить его, Гримоальда, сына, а родившегося впоследствии родного сына Дагоберта отдать в монахи и отправить в Ирландию.

Таким образом, в середине 650 г., когда повествование Фредегара прервалось, положение династии Меровингов впервые пошатнулось. До окончательного ее падения было еще столетие, однако легенда, доказывающая законность ее правления была уже необходима.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горелов Н. С. Византия и восток в «Хронике» Фредегара: дисс. на соиск. Учен. степ. канд. ист. наук.: 07.00.03. СПб., 412 с.
2. *Chronicarum, quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri quattuor.* / Edidit B. Krusch. MGH. SS rer. Merov. 2. Hannover, 1888. P. 19–193.
3. Ewig E. Trojamythos und fränkische Frühgeschichte. // *Die Franken und die Alemannen bis zur «Schlacht bei Zülpich».* / Unter den Leitung von D. Geuenich (496/97). Berlin, 1998. S. 1–30.
4. Anton H. H. Troja-Herkunft, origo gentis und frühe Verfaßtheit der Franken in der gallisch-fränkischen Tradition des 5. bis 8. Jahrhunderts. // *MIÖG.* 2000. Bd. 108. S. 1–30.
5. Wood I. N. *The Merovingian Kingdoms (450-751).* London — New York, 1997.
6. Dörler P. *The Liber Historiae Francorum — a Model for a New Frankish Self-confidence.* // *Networks and Neighbours.* 2013. Vol. 1. № 1. P. 23–43.
7. Аммиан Марцеллин. Римская история. / Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб., 2000.
8. Дюмезиль Б. Королева Брунгильда. / Пер. М. Ю. Нестерова, под ред. А. Ю. Карачинского. СПб., 2012.
9. Старостин Д. Н. Проблема регионального самосознания в «Истории» Григория Турского // *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени* / под ред. Г. Е. Лебедевой. 2012. Вып. 9. С. 64–73.

СЯМТОМОВ И. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ ВЕСТГОТОВ

На данный момент в отечественной историографии существует доминирующее положение, которое характеризует поздний период существования вестготского королевства. Вслед за испанскими исследователями отечественные специалисты выдвигают на первый план такие термины, как «Теократическая монархия вестготов» [1] и «Вестготская симфония» [2]. Не будем обсуждать то, правомерно ли вообще использовать применительно к VII веку понятия монархии и теократии, а попробуем разобраться, на чем базируется принцип так называемой вестготской симфонии, породившей, если верить Аурову [1, С. 75–78], феномен теократического правления в Толедском королевстве. Во второй части мы обратимся к мало представленным событиям последних 40 лет существования королевства вестготов и попробуем проследить процесс идеологического кризиса королевской власти.

Вестготская симфония — это идеологическая система королевской власти, созданная Исидором Севильским на IV Толедском соборе 633 года [3]. В основе этой системы лежал принцип союза епископата и короля. На момент начала собора престиж королевской власти упал, во многом из-за узурпации трона королем Сисенандом. Ради создания ореола легитимности король вестготов пошел на сговор с епископатом, который утвердил его как истинного, праведного короля. Все решения собора были изданы в виде эдиктов, а после включены в состав «*Liber iudiciorum*» [4]. Эти события, по сути, стали узаконенным прецедентом, который породил новую идеологическую формулу о взаимоотношениях

христианского населения королевства (в лице епископата) и праведного короля.

Прекрасная философская идея шла в разрез с реальностью вестготского королевства, поскольку не учитывала факт существования третьей силы — знати, которая стремилась к обособлению. Магнаты как готского, так и римского происхождения, независимо от новых церковных установок стремились закрепить свои права на самостоятельность. И здесь мы можем видеть то расхождение между идеальными и реальными событиями, которые станут причиной разрушения вестготской симфонии. Несмотря на стабильный период правления Хиндасвинта и Рецесвинта, издание «*Liber Iudiciorum*» и стабильно собирающиеся соборы, королевская власть становилась все слабее. Вамбе, новому королю, уже пришлось столкнуться не с отдельными мятежными дуксами и комитами, а с целой оппозицией магнатов, во главе которых стоял дукс Павел. Важно также то, что мятеж Павла был поддержан отдельными представителями епископата, среди которого уже не было прежнего единства. «История короля Вамбы» [5] дает нам картину тех событий. После победы Вамба жестко обошелся с восставшими, и весь остаток его правления был направлен на то, чтобы подавить любое несогласие с королевской властью. Во время похода против Павла явственно обозначились проблемы в организации вестготского войска. Вамба отдал приказ, по которому люди, сразу не выполняющие свой воинский долг в случае вражеского нападения, теряли свою свободу [4, L. 9.2.8]. Это позволило восстановить воинскую организацию, но возмутило светских магнатов, которых обязали выставлять свои отряды под угрозой казни и конфискации имущества. Еще одним из решений был отказ от практики сбора общеспанских соборов после XI собора в Толедо, который носил характер провинциального и был направлен на обсуждение положения провинциального клира [6, С. 19]. Тем самым Вамба отказывал епископату в былом влиянии на королевскую власть. Это привело к тому, что клир вступил в прочный союз с магнатами.

В итоге заговор епископата и знати прервал правление Вамбы. 14 октября 680 г. Эрвигий дал испить Вамбе напиток из саротамнуса, и король потерял сознание. Так как создавалось полное впечатление, что король с минуты на минуту умрет, его соборовали и по вестготскому обычаю, надели на него монашескую одежду. Когда через несколько часов Вамба очнулся, его принудили подписать отречение от престола и отослали его в монастырь [7, С. 328.]. На престол посадили Эрвигия, первого короля, при котором кризис государственной идеологии обозначается особенно сильно. Об этом могут свидетельствовать эдикты XIII Толедского собора [3, соп. XIII; 4, L. XII.1.3], который был собран им по приходу к власти (в 683 году они будут включены и в Вестготскую правду). Этот собор, по сути, оставлял короля в подчиненном положении относительно епископата и магнатов. Формируется система, при которой все старые установления остаются в силе, то есть исидоровская система признается действующей хотя бы на бумаге. Между тем, дабы не совершить ошибки, следует поставить под сомнение реальность существования симфонии, по крайней мере, применительно к последним десятилетиям существования королевства вестготов. Так, выглядит сомнительным, что исидоровский идеал римского общества поздней империи мог найти выражение в реальности конца VII века. Особенности развития городов и поселений VII века, достаточно ярко представлены у отца отечественной испанистики Корсунского [8], сомнительно, что на фоне развития аллода и слияния его с римскими формами землевладения, формирования новых категорий зависимого населения и общего упадка городов, могло происходить складывание однородного общества – основы системы Исидора. С уверенностью можно говорить лишь о слиянии элит: мятеж Павла, поддержанный как готами, так и римлянами, показал это.

В любом случае вестготские короли оказались в осадном положении, их попытки укрепить свою власть не достигали успеха, в итоге приходилось идти на компромисс со знатью и епископатом.

Последние вестготские короли преуспели и в поиске новых врагов, которые по идее должны были воскресить старые исидоровские идеалы. Эрвигий и его зять Эгика прославились антииудейским законодательством, который рисовал образ нового врага внутри вестготского королевства. Несмотря на то, что прошлые вестготские короли так же издавали законы, направленные против евреев, именно при Эрвигии и Эгике еврейское законодательство достигает своего пика. По мнению Клауде [6 С. 20], кульминации антииудейское законодательство достигло только на XVII Толедском соборе 694 г. при правлении Эгика. Тогда было выяснено, что испанские иудеи вступили в сношения со своими зарубежными единоверцами, чтобы устроить заговор против государства вестготов. Они якобы подталкивали сирийских и египетских арабов к нападению на Испанию. Имея повод, вестготские короли максимально жестко обошлись с евреями, хотя это и не помогло им в деле стабилизации королевства. При Эгике мы можем видеть последнюю попытку усиления своей власти после подавления мятежа Сунифреда [6, С. 20]. Усугубляло положение то, что Сунифреда поддержал Сисиберт, глава вестготского клира, епископ Толедо. После подавления мятежа Эгика посчитал нужным усилить притеснения дворянства и епископата. Для этого, видимо, и были соборы XVI и XVII Толедские соборы, в которых наравне с епископатом участвовали и представители знати. Эти соборы все менее напоминают христианские Вселенские соборы, по сути уже перерождаясь в средневековые кортесы. XVI собор во многом является знаковым, поскольку эдикты, изданные на нем, хоронят последние элементы вестготской симфонии Исидора Севильского. В соответствии с решениями этого собора [3, соп. XVI] король получает свою власть от Бога напрямую, посягательства на его авторитет есть грех против Бога. Тем самым влияние епископата на короля уничтожалось полностью. Эгика так же узаконил свое право самостоятельно назначать епископов, провозгласив себя ставленником Бога на земле.

Окидывая взглядом последние десятилетия существования вестготского королевства, мы можем видеть, что идеологические модели Исидора Севильского с годами все более ослабевали, а его проект общественного устройства — «Вестготская симфония» — оказался нежизнеспособным. Короли, оказавшись в условиях идеологического кризиса, просто отказали в доверии епископату и их философским идеям, во многом подготовив почву для дальнейшего падения вестготского королевства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вестготская, правда (книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012.
2. Марей Е. С. Феномен «вестготской симфонии» в 75-ом каноне IV-го Толедского собора 633 г. (к проблеме перехода к средневековой государственности) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. № 3(11).
3. Concilios visigoticos y hispano-romanos. / Ed. por. J. Vives., T. Marin Martinez, G. Martinez Diez. Barcelona, Madrid, 1963.
4. Leges Visigothorum. / Ed. Karolus Zeumer. // Monumenta Germaniae Historica: legume Sectio. I. Hannoverae et Lipsiae, 1902.
5. Юлиан Толедский. История короля Вамбы // Кентавр. Centaurus. (Studia classica et medievalia). 2006. № 3. С. 204–232.
6. Клауде Д. История вестготов. М., 2002.
7. Циркин Ю. Б. Античные и раннесредневековые источники по истории Испании. СПб., 2006.
8. Корсунский А. Р. Готская Испания. М., 1969.

ГАЙВОРОНСКИЙ И. Д.
Санкт-Петербургский государственный университет

**НЕЗАМЕЧЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ИМПЕРИИ?
КАРОЛИНГСКИЕ ХРОНИКИ
О ПРИЗВАНИИ КАРЛА ТОЛСТОГО
В ЗАПАДНО-ФРАНКСКОЕ КОРОЛЕВСТВО**

В 885 году франкские земли в последний раз были объединены под властью одного монарха. Это событие стало следствием непростой династической ситуации: на рубеже 70-х – 80-х годов IX столетия, не оставив наследников, ушли из жизни сразу три представителя Каролингской фамилии — король Италии Карломан (877–879), король восточных франков Людовик III (876–882) и его тезка из западной ветви Каролингского дома Людовик (879–882), получивший в истории тот же порядковый номер. В конце 884 года на охоте погиб второй правитель Западно-франкского королевства Карломан (879–884). К тому моменту в живых оставалось только два представителя Каролингского рода: 5-летний сын Людовика II Заики (877–879) Карл и 45-летний Карл III Толстый (император с 881 года, король восточных франков — с 882 года), правивший на франкском востоке. В этой ситуации знать Западной Франкии предпочла ребенку умудренного опытом представителя восточной ветви: по призыванию собрания аристократии Карл Толстый стал правителем Западно-франкского королевства, объединив, таким образом, под своей державной дланью все франкские земли.

Данные события часто интерпретировались научной и научно-популярной литературой как очередное восстановление Империи Карла Великого [1, С. 49]. Однако датируемое 885 годом пришествие в Западно-франкское королевство императора Карла Толстого (884–887) — лишь бледная тень по сравнению с 800

и даже с 875 годом. Номинально Франкская империя снова предстала единой: на короткое время владения Каролингского дома отошли под власть единственного способного к правлению представителя королевского рода — Карла Толстого, потомка восточной ветви Каролингов. Тем не менее, то, что для нас является давно усвоенной аксиомой, могло быть совершенно неочевидным для современников тех событий.

Между тем, Карл Толстый так и не сумел поставить под свой контроль ситуацию на всей огромной территории Франкской империи. Норманнское вторжение продолжалось, и в 885 году викинги под руководством своего вождя Зигфрида оказались под стенами Парижа. Император, находившийся на востоке, предпочел не оказывать существенной помощи Западной Франкии, куда в 884 был призван аристократией, большую часть времени проводя на востоке Франкской державы [2, С. 125]. Итогом стало возвышение маркиза Нейстрии, графа Парижа Эда из рода Робертинов и первое в истории отстранение Каролинга от власти: Карла Толстого лишила титула франкская знать, предпочтя видеть королями Эда Парижского (888–898) и Арнульфа Каринтийского (887–899), воцарившихся на западе и востоке Франкии соответственно. Первый вообще не являлся *dominus naturalis*, то есть правителем от природы, согласно праву крови [3, С. 90], второй же был незаконнорожденным сыном Карломана, отца Карла Толстого.

Что же заставило франкских нобилей, на том историческом этапе уже вершивших судьбу трона, отказаться от Каролингов в качестве своих покровителей и арбитров в спорных вопросах? Чем явилось правление Карла Толстого в Западной Франкии и во всей Империи? Обсуждение всего этого невозможно без рассмотрения того, как восприняли династический сдвиг 884–885 годов современники событий — франкские анналисты.

Основными источниками информации о событиях 884–885 годов в западной части франкского мира являются Вестаинские анналы [4], автор которых неизвестен, в восточной же — Фульдская

хроника Мегинхарда [5]. Нам предстоит ответить на вопрос, какие схемы отображения действительности предложили авторы этих памятников, и каковы истоки их интерпретационных построений. Это поможет понять, чем явилась фигура императора Карла III Толстого как для Западно-франкского королевства, так и для всего каролингского мира. Интересующие нас фрагменты — это записи обеих хроник за 884 год, когда Карл Толстый был призван в Галлию, и за 885, когда он принял присягу от западных франков.

Рассматривая материал хроник, писавшихся на западе и востоке франкского мира, мы сталкиваемся со скупостью записей за 884 и 885 годы [6]. Нет ни бичевания Карла, ни попыток выставить его в более-менее благоприятном свете. Молчание Мегинхарда, автора восточной, Фульдской хроники, можно было бы объяснить универсалистскими претензиями восточной ветви Каролингов: автор анналов Фульдского монастыря мог воспринимать доминирование Карла Толстого во всей Франкии как само собой разумеющееся, и опущение сведений о подчинении Галлии могло бы означать, что, по мнению Мегинхарда, верховенство над ней Карлу дает уже сам императорский титул. Но тогда бы автор западно-франкской, Вестаинской хроники отличился бы, в свою очередь, более жесткой риторикой. Вестаинские же анналы, напротив, очень спокойно отзываются как о приобретении Карлом императорской короны в 881 году [4, S. 51], так и о самом монархе, суля ему Царство Небесное по окончании земной жизни [4, S. 64]. Несмотря на все попытки Мегинхарда выставить Карла Толстого настоящим римским императором, использование им античных терминов «императорская власть» [5, S. 103] и «тирания» [5, S. 103], которой летописец называет власть Годфрида Норманнского, в той части анналов, в которой описываются события 884–885 годов, сквозит явное равнодушие как к самой власти Каролингов и личности монарха, так и к династическим коллизиям, приводящим к перераспределению территорий между членами Каролингской семьи.

Та же ситуация прослеживается и в Ведастинских анналах. На историческом полотне безраздельно царят норманны, превращающиеся едва ли не в главных действующих лиц, силу, олицетворяющую неумолимый фатум. И франкская история превращается в испытание монархов норманнами, в которых королевская власть выступает в роли явного статиста, теряя былое величие, сравнимое даже с величием Карла Лысого (843–877), после обретения императорского венца в Риме в 875 году объединившего франкские земли под одним скипетром.

Но не одни северные варвары повинны в бессилии Каролингов: отсутствие всякого интереса к обретению Карлом Толстым как императорского достоинства, так и власти над всеми франкскими землями может быть объяснено осознанием анналистами ускорения распада всего того миропорядка, который был создан еще первыми представителями Каролингской династии. Вслед за 843 годом последовал 877, когда вновь, казалось бы, обретенное единство рассыпалось, как картонный домик. Можно предположить, что это стало в глазах интеллектуальной элиты неким рубежом, итогом предшествующего распада единой Империи. Полемический задор, характеризовавший анналистов Хинкмара, архиепископа Реймского (806–882) и Мегинхарда, высказавших в анналах различное отношение к имперской коронации Карла Лысого в 875 году [5, S. 83–85; 7, S. 126–127], угасал на глазах одного поколения. Значительно повлиявший на политику Карла Лысого Хинкмар к тому моменту уже умер, а пыл Мегинхарда, с которым он в 875 году ругал Карла Лысого, затухал от года к году. Кроме этого, и Хинкмар и Мегинхард относились к тому поколению интеллектуалов, которое уже не застало Империю во времена единства и согласия, которые были характерны для позднего Карла Великого (768–814) и раннего Людовика Благочестивого (814–840).

Что касается способов отображения действительности, предложенных авторами рассмотренных хроник, то методы римского историописания еще сохранялись в них (нужно отметить,

что и автор Вестаинских анналов использует столь любимый Мегихардом термин «тиран»), но уже не составляли метод создания идейно цельной схемы интерпретации действительности. «Каролингское возрождение», еще пронизывающее биографии и поэзию, уходило из анналистики, деградация которой началась в конце IX века. Политическое фиаско королевской власти делало все более невозможными ее апологию и вообще какое-либо концептуальное обоснование универсалистских притязаний Каролингской династии.

Начиная с рассматриваемого периода, во франкской литературе господствуют равнодушные по отношению потомкам Карла Великого настроения, переходящие к концу следующего, X столетия в критику отдельных представителей Каролингского дома. На этой почве в творчестве Рихера Реймского (между 940 и 950 — после 998) формируется новая концепция власти, согласно которой править франками должен человек, доказавший свое право на трон не происхождением, а деяниями на благо франкской знати и церкви [8; 9, С. 610]. Четыре тенденции прослеживаются, таким образом, в позднекаролингский период (охватывающий эпоху с конца IX по конец X веков): десакрализация образа власти: в глазах каролингских авторов франкские монархи лишаются своего священного ореола; дегероизация фигуры монарха, предполагающая отказ франкских интеллектуалов от идеи особой миссии государя; деперсонализация литературы: как таковые деяния ныне царствующих монархов перестают интересовать авторов текстов; наконец, самой важной тенденцией, на примере образов власти подводящей своеобразный итог развитию литературы «каролингского возрождения» является, если можно так выразиться, декаролиннизация образа власти: в глазах франкских писателей Каролинги перестают быть *domini naturales*, утрачивают монопольное право занимать франкский трон, на котором в тот период начинают появляться представители других родов.

Исходя из всего вышесказанного, автору статьи представляется, что ни аристократия Западно-франкского королевства,

ни франкская знать в целом, не рассматривали события 884–885 годов как восстановление единой Франкской империи. На деле в тот момент аристократия видела королем единственного возможного кандидата, Карла Толстого, ей, как она думала, выгодного (ставка делалась, в первую очередь, на удовлетворение частных интересов знати и защиту от внешней угрозы). Тот факт, что Карл не оправдал возложенных на него надежд, толкнул франкских магнатов на вынужденное (вследствие малолетства Карла Простоватого) отстранение законной династии от власти в Западной Франкии и избрание бастарда в восточной части Империи. И хотя в конце века на западе вновь воцарились потомки Пипина Короткого и Карла Великого, опасный для Каролингов прецедент был создан, и свидетельствовал он о все более стремительном распаде династической, социально-политической и культурной системы, созданной первыми представителями славной фамилии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Ю. Л. Бессмертного. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
2. Тейс Л. История Франции / Пер. с фр. Т. А. Чесноковой. Т. 2. М.: Скарabei, 1993.
3. Сидоров А. И. Ближний круг франкского короля в первой половине IX века: поведенческие идеалы и культурная практика (по материалам «Хроники» Нитхарда) // Средневековая Европа. Проблемы идеологии и политики. Сборник статей. М.: В. Секачев, 2000. С. 80–102.
4. *Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum recusi. Hannoverae et Lipsiae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1909.*
5. *Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / Post editionem G.H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum recusi. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1891.*

6. Гайворонский И. Д. Взгляд западных и восточных франкских хроник на призвание императора Карла III Толстого в Западно-франкское королевство // Журнал научных и прикладных исследований. 2013. № 6. Уфа: Инфинити, 2013. С. 31–33.
7. *Annales Bertiani* // MGH. *Scriptores rerum Germanicarum recusi*. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883.
8. Рихер Реймский. История. М.: РОССПЭН, 1997.
9. Гайворонский И. Д. К вопросу об образах власти в эпоху «каролингского ренессанса» // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). М.: Молодой ученый, 2013. С. 608–612.

УДК 94(430).022

КАНДЖА И. С.

НИУ Высшая школа экономики

ПОХОРОНЫ ГОСУДАРЕЙ В «ХРОНИКЕ» ТИТМАРА МЕРЗЕБУРГСКОГО: ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Правитель даже после своей смерти остается объектом важного символического действия — церемонии погребения. Ритуалы похорон государей в средние века с одной стороны, отвечали общепринятым правилам проведения таких обрядов, но, помимо этого, каждая церемония несла свои особые смыслы и коннотации, которые, в свою очередь, по-разному интерпретировались средневековыми авторами [1, С. 369].

Главная цель этой работы состоит в выявлении того значения и оценки, которую Титмар Мерзебургский, как автор «Хроники», придает погребальным ритуалам и символическим формам, какую роль они играют при «конструировании» автором исторической реальности внутри произведения. Таким образом, историку необходимо попытаться «увидеть» ритуал не только глазами власти,

иницирующей его и наполняющей необходимыми ей смыслами, но и глазами зрителя, иногда и участника этих церемоний, а также узнать, почему именно эти ритуальные действия, определенным образом интерпретированные Титмаром, оставались в памяти, по меньшей мере, некоторых из современников.

Основным источником для данного исследования является «Хроника», написанная в начале XI века Титмаром, епископом Мерзебургским (975–1018) [2; 3; 4; 5] — и охватывающая почти весь период правления Саксонской династии. Наряду с описаниями войн, борьбы за трон, политики императоров в восточных землях Германии в «Хронике» содержится немало как относительно подробных рассказов, так и беглых упоминаний о церемониях, ритуалах и праздниках, оформлявших власть правителя. Выразившийся в тексте «Хроники» взгляд Титмара Мерзебургского на политические церемонии, праздники и ритуалы и будет составлять предмет изучения в данной работе.

Погребальный обряд представлял собой, в первую очередь, литургическое действие, направленное на обеспечение вечного поминовения усопшему. Той же цели служил и выбор места захоронения [1, С. 370]. Для правителей Саксонской династии география погребений играет еще и легитимирующую роль: поскольку у первых германских королей не было царственных предков, то места их погребения должны были указывать на символическую связь с предыдущими правителями или на божественное происхождение их власти. Так, Оттон II был похоронен в базилике св. Петра в Риме [6, III. 25] — символическом центре западно-христианского мира, а тело Оттона III было захоронено в храме Девы Марии в Ахене [6, IV. 50–53], где был погребен великий предок Саксонских королей — Карл Великий.

Смерть зачастую настигала правителей вдалеке от желаемого места захоронения; в результате, телу государя необходимо было «путешествовать» сотни километров до того места, где должно было состояться уже окончательно погребение. Иногда транспортировка

тела могла занимать несколько месяцев, и, следовательно, тело государя за столь долгий период начало бы превращаться в тлен. Важно отметить, что до непосредственно погребения останков, уже умерший правитель должен был жить социально, символически и политически еще довольно большой промежуток времени [7, С. 323–326]. Титмар в «Хронике» приводит примеры того, как сохранялись от разложения тела властителей. Например, в случае с похоронами Оттона I и Оттона III применялась техника отдельного захоронения [7, С. 323–381; 8, Р. 31–35]: внутренности погребались на месте смерти — в ближайшей церкви (в Мемблене [6, II. 43] и в Аугсбурге [6, IV. 50] соответственно), а тела могли беспрепятственно перевозить к избранному самим государем или его преемником месту погребения: Оттон I избрал местом захоронения Магдебург [6, II. 43], Оттона III похоронили в Ахене [6, IV. 53].

Важно отметить, что промежуток времени между смертью правителя и захоронением его тела приобрел в тексте Титмара совершенно особые символические коннотации, несмотря на то, что промедление с захоронением тела короля было исключительно следствием несовершенства погребальных техник того времени. Однако на символическом уровне растягивание церемонии во времени скрывало глубину кризиса власти — особенно ярко это иллюстрируют смерть и погребение Оттона III, смерть которого намеренно держалась в тайне некоторое время [6, IV. 50]. Так, урегулирование конфликта между законным наследником (в глазах Титмара — будущим императором Генрихом II) и узурпаторами происходило именно в период между фактической смертью Оттона III и его же окончательной смертью — символической [9, Р. 70]. В общем и целом, этот период не воспринимался как кризис власти или вообще безвластие: умерший правитель продолжал существовать во плоти и даже править (эту иллюзию помогал поддерживать церемониал) [7, С. 323–324], так что королевство до самого момента захоронения тела государя пребывало под его властью. Однако Титмар, в свою очередь, полностью осознавал наступивший кризис

королевства в связи с тем, что у Оттона III не было потомства, и, следовательно, коронованного наследника. Для Титмара борьба за престол и длинный процесс похорон Оттона (более четырех месяцев) являют собою две стороны одного события, так как и в тексте «Хроники» конфликт между Генрихом и «узурпаторами» развивается на фоне погребальной церемонии императора. Для того, чтобы представить герцога Генриха легитимным наследником усопшего государя среди других претендентов, Титмар представляет Генриха «распорядителем» на похоронах Оттона III, то есть Генрих «играет» роль родственника, что, возможно, было важнее даже естественных кровных связей — ведь все общество основывалось на искусственном, театрализованном родстве [9, P. 70–71].

Описание церемонии похорон в «Хронике» стало для Титмара инструментом, предоставлявшим возможность оценить то или иное правление (точнее, намекнуть на свою оценку). Например, Титмар, расположив эпизоды о несправедных делах (с точки зрения хрониста) императора Оттона III (введение византийских обычаев, разграбление могилы Карла Великого) сразу перед рассказом о его же внезапной смерти, тем самым имплицитно указал на то, что преждевременная смерть явилась карой императору за его недостойные дела и дурной нрав [6, IV. 47–50]. Кроме того, Титмар может, например, отказаться передавать читателю христо-миметические аллюзии похорон Оттона III, явно неслучайно устроенных на праздник Пасхи [6, IV. 53]. Напротив, епископ считает это оскорбительным для церкви, по той причине, что светлый праздник не удалось провести должным образом из-за погребального обряда. Представляя читателю церемонию погребения в таком свете, Титмар выражает свое негативное отношение к императору, недостойному сравнения с Христом.

Церемония погребения правителя в X–XI вв. была, прежде всего, литургическим обрядом, помогавшим умершему обрести спасение. Однако каждый отдельный случай погребения обретал дополнительные смыслы и коннотации в зависимости от того

политического содержания, которым их хотел наполнить автор «Хроники».

В «Хронике» церемонии и ритуалы выступают, помимо прочего, как средство критики действий государей, как способ высказывания личного отношения Титмара к королям. Роль играет даже порядок выстраивания сюжетов в повествовании и объем приводимой информации.

Из политических церемоний, обрядов, ритуалов и инсигний автор складывает особые символические коды, окружающие фигуру правителя и задающие систему отношений между ним и его окружением. Значение, придававшееся Титмаром этим символам и ритуалам, варьировалось в зависимости от конкретной ситуации и от того, как Титмар представлял тот или иной обряд читателям. Так, под пером автора «Хроники», даже сугубо литургический обряд приобретал политические коннотации и любой ритуал рассматривался как «ход» в борьбе за власть между наследниками престола, королем и архиепископом, императором и папой, государем и герцогами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнаутова Ю. Е., Бойцов М. А. Погребение // *Словарь средневековой культуры* / под ред. А. Я. Гуревича. М., 2003. С. 364–372.
2. Трильмих В. Епископ из Мерзебурга Титмар и его «Хроника» // *Титмар Мерзебургский. Хроника*. М., 2009. С. 180–191.
3. Фортинский Ф. Я. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872.
4. Holtzmann R. *Einleitung // Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und Ihre Korveier Überarbeitung* / Hrsg. R. Holtzmann. Berlin, 1935.
5. Lippelt H. *Thietmar von Merseburg — Reichsbischof und Chronist*. Köln, 1973.
6. *Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korvier Überarbeitung. Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon* / Hrsg. von R. Holtzmann. Berlin, 1935 (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum, Nova Series, 9).

7. Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.
8. Bertelli S. The King's Body: Sacred Rituals of Power in Medieval and Early Modern Europe. Pennsylvania, 2001.
9. Warner D. Thietmar of Merseburg on Rituals of Kingship // Viator. Vol. 26, 1995. P. 53–76.
10. Buc Ph. The Dangers of Ritual. Princeton, 2001.

УДК 94(410)»1066/1154»

МЕДНИС С. С.

Санкт-Петербургский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО ПРАВА В ЛИНКОЛЬНЕ С НАЧАЛА X — СЕРЕДИНЫ XII вв.

Особенности формирования городского права Линкольна с начала X – середины XII века являются предметом дискуссии. Впервые подробно проблема была освещена в работе Дж. Хилла, который разделил на два этапа процесс формирования права в Линкольне, отметив, что «с середины VI – второй половины XI вв. для раннего Линкольна характерен период экономического и политического подъема, после норманнского завоевания — стремительного упадка» [1, P. 18]. Кроме этого, правовое становление Линкольна рассматривается автором в контексте топографических особенностей континуитета римского и британского владычества и социокультурного развития протогородского центра на восточной территории Англии. В этом факторе Дж. Хилл видит неоценимое подспорье для дальнейшего политического развития города.

Во внимание следует принять точку зрения Дж. А. Доига, который рассматривал вопрос развития городского права в Линкольне

как «нестабильный процесс после нормандского завоевания до правления Генриха II». При этом автор не отрицает, что предпосылки к оформлению судопроизводства и международной торговли возникли в период правления Канута Датского [2, Р. 261]. Следует отметить, что оба автора подчеркивают социальный и культурный подъем в городе до нормандского завоевания. Интересы горожан больше заключались в области оформления выгодных торговых сделок, внедрения успешных коммерческих решений, нежели в амбициозной попытке расширить городской центр и укрепить правовой и политический статус города [1, Р. 123; 2, Р. 34].

Во-первых, это было связано с тем, что Линкольн занимал выгодное географическое положение на территории восточной Англии. В X веке это способствовало участию города в активной торговле бассейна Северного моря. Во-вторых, к правлению Эдуарда Старшего на территории области Дэнло сформировался союз пяти бургов, в состав которого входил Линкольн. На территории города действуют датские установления в торговом праве, которые позже будут использованы англосаксами. Правовые нормы, фигурирующие в отношении торговли и судопроизводства, такие как единая мера весов для городов области Дэнло или наложение крупных штрафов при продаже некачественного сукна, не обособляли Линкольн от других бургов и отмечали его политическую и правовую состоятельность [3, Р. 245].

Изменения в политическом статусе города начинают происходить в середине XI века, когда стала усиливаться торговля Линкольна с датскими, фландрскими и фризскими городами. Из Линкольна в датские города экспортировалось сукно, что ставило этот торговый центр на их уровень [4, Р. 132]. В данном случае следует отметить не только талантливую работу купцов, но и усиление экспроприации из-за военных ставленников Канута Датского, которые стали налаживать военные структуры на территории Линкольна [4, Р. 134]. Действуя во благо, для укрепления торгового статуса города и считая, что усиление военно-административной

системы позволит ему не просто быть конкурентоспособным торговым центром, а стать ведущим городом в альянсе и на территории Восточной Англии, сеньориальная верхушка разрушала предшествующую урегулированную систему права.

Это выразилось в оформлении дуалистической правовой системы в Линкольне. Ее примером может служить закон из законодательных актов короля: «Кто вынесет незаконное постановление или неправосудный приговор по вражде или за взятку в областях датского права, тот по английскому праву пусть уплатит королю 120 шиллингов..., по датскому праву он подлежит штрафу за противозаконие в 5 датских марок...» [4, Р. 345].

Таким образом, во-первых, в ведении короля оказывается контроль над судами. Во-вторых, в период правления Канута Датского усиливается вассально-сеньориальная связь, англосаксы постепенно вытесняются из Линкольна, а датчане становятся владельцами земельных наделов в пределах города. Служба, за которую вассалы получали землю на данной территории, расценивается как консолидирующий фактор [4, Р. 100]. Кроме этого, за королем закрепляется статус единоличного сеньора Дэнло, датских и англосаксонских поселений на востоке.

В-третьих, к концу правления Канута Датского следует отметить взаимодействие короля с церковными кругами. На территории Линкольна усиливается церковная община. В данном случае духовенство выступает в качестве экспроприаторов, отнимая земли, которые прежде принадлежали купечеству и городу.

Попытка консолидации власти, усиление военно-административной структуры города и церкви отрицательно отражаются на проведении более успешной торговой политики Линкольном, так как начинается изменение политического и правового статуса города, которое благоприятно отражается на политике короля, нежели усиливает положение горожан.

Наследники Канута Датского ослабили свой интерес к Линкольну, так как началась борьба за власть, которая разыгрывается

на территории крупных городов — Лондона и Бристоля. Происходит ослабление местной знати, и усиливают свои позиции англосаксы при поддержке церкви.

В ходе завоевания Вильгельмом Англии в Линкольне усиливается кризис земельной собственности. Например, англосаксонская знать удерживала свои земли по правовым нормам, установленным Канутом, и до прихода Вильгельма происходила трансформация земельного держания за службу в статус типа французского аллода — наследственное владение. С приходом Вильгельма накладываются санкции за длительные незаконные сроки удерживания земли вплоть до ее отчуждения уже в соответствии с норманскими обычаями [5, Р. 265].

Прежде сильная военно-административная структура в Линкольне была ослаблена. В городе предпринимается попытка наладить торговлю с датскими городами, но ее реализация терпит неудачу, так как к тому времени был разрушен датский альянс, а Линкольн перестал быть конкурентоспособным торговым центром по причине оскудения ресурсов для поддержания овцеводства и сукноделия.

Церковь, прежде поддерживаемая Канутом Датским, вступает во взаимодействие с норманнской знатью в Линкольне [1, Р. 231]. При содействии клира в городе усиливается статус наместника короля — Гилберта Гентского. Его управление пошатнуло экономическое положение Линкольна. Ущемлялись права купцов, усилилась экспроприация их частной собственности. Например, им было уничтожено 166 купеческих домов, а на их месте был выстроен частокольный замок [6, Р. 95].

В середине – конце XI века усиливается юридический кризис, который заключается в том, что прежде датские правовые обычаи стали заменяться норманнским правом.

Нормандская правовая структура в Линкольне существенно отличалась от датских обычаев и тех, которые господствовали в городе до Канута Датского. Прежде всего, изменялся торговый

устав. Если в X веке для Линкольна была характерна укрепленная купеческая иерархия, налажен товарооборот, установлены цены в соответствии с нормами англо-датского торгового союза, то в период правления Вильгельма начинается преобразование торговой политики и судопроизводства в Линкольне. Во-первых, для города в этот период времени значительным становятся торговые пути в самой Англии. В соответствии с этим, город начал отставать от общей тенденции налаживания международных связей [7, Р. 87]. Линкольн потерял статус города, который связывал Англию с континентом в торговом отношении, и постепенно усиление торгового влияния с восточных территорий сместилось на юго-восток, где лидером стал Лондон и северо-запад, где важным торговым оплотом являлся Бристоль. Во-вторых, значительным становится влияние покровителей в лице нормандской знати, которая попала в опалу при дворе короля [1, Р. 211]. Они субсидировали город для поддержания своего собственного статуса и земель на восточной территории. Горожане начали принимать участие в политических вопросах, укреплять собственное положение как ремесленники, оставляя решать вопросы международного торгового характера более крупным городам. В соответствии с этим, правовые нормы стали пересматриваться в сторону внутригородского урегулирования торговых положений, что стало предпосылкой для создания сильной гильдейской структуры в Линкольне в начале XIII века.

Правовой или юридический конгломерат длится до начала гражданской войны между Стефаном и Матильдой. Норманнские правовые обычаи закрепились в этом регионе за время правления наследников Вильгельма.

В период войны между наследниками Генриха I целью Стефана стала попытка усилить военно-административные правовые нормы. Стала очевидна необходимость укрепить внутренний городской мир. Прежде в период правления Канута Датского эта попытка была предпринята для усиления Линкольна среди других городов области Дэнло на восточном побережье Англии. Теперь

подобное решение принимается, чтобы не разрушить новые для города ремесленные образования [8, P. 12].

В 1154 году Генрих II Плантагенет даровал городскую хартию Линкольну под предлогом благодарности горожанам, которые помогли Ранульф де Жернону вступить в город и взять в плен короля Стефана, т. е. выступили на стороне императрицы Матильды. Подобный жест — попытка привлечь город на свою сторону, и кроме того, остановить активное проявление группировок мятежников, которые остались на стороне короля Стефана.

В хартии прописан статус священников, которые стали занимать высшие должности в магистрате, и формально стали главами городского управления. В соответствии с этим, особенный вопрос в хартии занимали положение и функции представителей духовенства в жизни города (например, урегулировались владения — участки 15–20 акров — для епископов) [8, P. 38]. Церковь была избрана доминирующим звеном в городе, так как она стояла выше этнических противоречий [9, P. 136].

В заключение следует отметить, что формирование городского права в Линкольне на базе дуалистической датской и англосаксонской системы представляет собой уникальный случай на территории Англии. Формирование происходит в три этапа. Во-первых, период правления Эдуарда Старшего и Канута Датского, правление которых можно отметить как попытку установить континуитет в судопроизводстве и торговом праве своих скандинавских предшественников. Во-вторых, правление Вильгельма Завоевателя, при котором происходит преобразование дуалистической системы права. В-третьих, при Генрихе II начинается процесс инкорпорирования города в состав королевского домена. В этот период времени для урегулирования правового статуса Линкольна король передает церкви верховные должности руководства городом наравне с магистратом и судебной администрацией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hill J. W. F. *Medieval Lincoln*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
2. Doig J. A. *Political propaganda and royal proclamations in late medieval England*. London: Historical research, 1998.
3. Bartlett R. *England under the Norman and Angevin Kings*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
4. Bolton T. *The Empire of Cnut of the Great. Conquest and the consolidation of power in Northern Europe in the early eleventh century*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers and VSP, 2009.
5. Swanton M. J. *The Anglo-Saxon Chronicles*. London: Orion Publishing Group, 1996.
6. Morris J. *Domesday book: Lincolnshire, Yorkshire. Vol. XXXI*. Chichester: Phillimore & Co Ltd, 1985.
7. Pollock F. *The history of English law before the time of Edward I*. New Jersey: The Lawbook Exchange, 1996.
8. Gray B. W. *The royal Charters of the City of Lincoln from Henry II to William III*. // Original publication year: 1911. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
9. Stevenson S. *The Church Historians of England. The history William of Newburgh. The Chronicles of Robert de Monte*. L: Seeleys, 1861.

ПРОКОФЬЕВА Е. М.
Московский государственный университет

**ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В НОРВЕГИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.:
ПРИМЕР ОДНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ ТЯЖБЫ**

Основная источниковедческая проблема при изучении судебного процесса в раннесредневековой Норвегии состоит в том, что имеющиеся источники — саги, законы и документы — по-разному отражают этот предмет, смотрят на него с разного ракурса.

Сага преподносит судебный процесс в контексте основного конфликта, которому посвящено конкретное произведение; описание сильно зависит от ангажированности автора саги и сторон. Норвежские законодательные своды складывались под воздействием нескольких факторов. Во-первых, это рецепция римского права и влияние права церковного. Во-вторых, это кодификация областных судебных сводов (в середине XII в.) и общегосударственного законодательства (70-е гг. XIII в.), которые в отношении судебного и следственного процесса отражают переход от практики *accusatio* («Божий суд») к практике *inquisitio*. Благодаря своей казуистичности норвежские законы позволяют хорошо представить общую картину ведения всех частей следствия и суда, но отражают скорее некую идеальную конструкцию, весьма далекую от реалий.

Документы, напротив, отражают как раз действительную ситуацию на местах, но в них мало деталей и конкретики, в отличие, например, от французских судебных протоколов того же времени [1, С. 10]. Кроме того, чаще всего норвежские документы — это не протоколы, а записи результатов разбирательства, скрывающие необходимые подробности действий сторон конфликта, следственных и судебных органов и должностных лиц.

Крайне интересен вопрос, как сочеталась исторически устоявшаяся практика *accusatio* с нововведениями, приходившими из Европы. Сочетание двух названных выше практик, их соотношение, преобладание какой-либо из них зависело от локальных особенностей, от того, насколько местное общество сохранило традиционный уклад и структуру местного тинга, в какой форме оно отстаивало свои интересы. Конечно, особую роль играла удаленность представителей тяжущихся сторон от крупных центров — Осло, Бергена и других, рядом с которыми административная организация власти на местах чувствовалась сильнее.

Рассматриваемый документ был составлен в Осло 28 января 1302 г. Оригинал грамоты хранится в Норвежском государственном архиве, копия издана в первом томе норвежского дипломатария [2].

Предметом тяжбы был участок земли, который утратили некая Ботильд, и ее муж Гудбранд. Эту землю, относящуюся к угодьям хутора Гейри, взяла в аренду Аста, родственница Ботильд, а ее муж Симон затем сдал его в аренду третьему, не названному по имени лицу или лицам, тем самым нарушив закон, ибо субаренда, согласно «Земскому праву» 1274 г., была запрещена [3, VII 6]. Гудбранд потребовал от Симона незаконно получаемую тем арендную плату и пожаловался лагманну, что Симон его ограбил. Однако Симон отказался признать свою вину и ударил Гудбранда топором, от чего тот скончался или получил тяжелые увечья. Дальнейшее разбирательство между Астой и Ботильд привело к приговору суда, по которому к Ботильд перешел как участок земли, так и сумма, равная размеру арендной платы, которую Симон ранее успел собрать [2].

В начале XIV в. в Норвегии практически любое судебное дело, касающееся земли и земельных отношений, возбуждалось по инициативе истца. В документах факт возбуждения дела передавался посредством глагола «*kiægrði*» («жаловаться»). В данном случае Ботильд пожаловалась лагманну Осло, могущественному норвежскому

магнату и опытному юристу, Хауку, сыну Эрленда. В этом видна практика *accusatio*, так как при переходе к инквизиционной процедуре дело чаще всего возбуждалось государственными органами власти.

Intitulatio документа сообщает сведения об эмитенте, которым чаще всего оказывается, как раз лагманн. Если ранее последний избирался тингом, то с конца XII в. он уже назначался королем и был чиновником, стоявшим во главе судебного округа. Лагманн вершил суд, управлял судами своего округа, руководил работой тинга. В XIV в. тинги превратились в постоянно действующие, а не созываемые, суды общего права. Кроме лагманна и тинга, в рассмотрении дела принимали участие члены главной законодательной комиссии тинга — легретты. Согласно «Земскому закону» [3, VII 6], легретту избирали до начала работы собрания из числа призванных на тинг делегатов. Но в рассматриваемое время легретта уже назначалась лагманном, и, как правило, состояла из двенадцати человек. Ее участники работали не только на самом тинге, но и в качестве следователей, которые выезжали на места, допрашивали свидетелей и проводили дознание.

Дело рассматривалось в несколько стадий — предварительное следствие на месте события и судебное следствие на тинге в присутствии лагманна. Судебные действия также могли быть специализированы, и документы иногда позволяют увидеть процесс в более детализированном виде. В исследуемом документе можно проследить первое возбуждение дела, когда Гудбранд пожаловался на грабеж со стороны Симона, затем обращение Ботильд и Асты в суд с целью закончить процесс и получить приговор, и, наконец, жалоба самой Ботильд. Также в документе можно обнаружить косвенную отсылку на возбуждение дела об убийстве: существует факт, что Симон ударил Гудбранда топором, а затем ни тот, ни другой уже не принимали участия в судебном процессе, инициированном Ботильд. К сожалению, из-за плохой сохранности документального корпуса с полной уверенностью нельзя

утверждать, было ли возбуждено такое дело, или Симону удалось скрыться.

Видно, что разбирательство шло долго и решения по делу пришлось ожидать продолжительное время. Некоторые решения требовали документального подтверждения: так, лагманн Хаук, вынося свое определение, сослался на предшествующий приговор тинга. Это зафиксировано следующей формулой: «И поэтому с этим разобрались так, как вы прежде сказали». Иногда по мере рассмотрения дела появлялись вопросы, требующие дополнительного следствия. В рассматриваемой тяжбе оно не потребовалось, но мы можем зафиксировать саму его возможность: «Я и люди лэгретты присудили Ботильд шесть эйрирболей земли в хуторе Гейри без того, чтобы проводить следствие с надежными следователями о том, что Торгейр владел там меньшим». Каковы могли быть причины отказаться от проведения дополнительного следствия? В данном случае такой причиной стали неявка одной из сторон на тинг и достаточность принесенных свидетельств в пользу другой.

Проведение следствия, как предварительного, так и судебного, силами официально уполномоченных лиц — несомненный признак практики *inquisitio*, равно как и тот факт, что вынесение решения по делу могло производиться без участия одной из сторон. При практике *accusatio* контрагенты сделок и/или уполномоченные ими лица были обязаны присутствовать на тинге. Обязательное наличие свидетелей — также важная часть практики *inquisitio*. В данном деле задействовано несколько групп свидетелей. Халькелль, Торд и Аста подтверждают факт завещания участка земли в пользу Ботильд. Здесь есть несколько важных моментов. Во-первых, свидетелей трое, так как, согласно «Земскому закону», свидетельство одного человека ничего не стоит [3, I 3]. Во-вторых, свидетели дали свои показания, вероятно, в процессе предварительного следствия, поскольку в грамоте не упомянуто, что они свидетельствовали на тинге. В-третьих, в рассказе о первых двух

свидетелях есть важное уточнение — «присутствовали при этом дарении еще при его [Гудбранда — Е. П.] жизни» [2], то есть были очевидцами событий, что, несомненно, повышает ценность их свидетельств. Наиболее распространенная формула записи показаний свидетелей: «они присутствовали там и видели» или «они присутствовали там и слышали». Таким образом, свидетель — это, прежде всего, очевидец, а если такового нет, тогда разыскивают того человека, кто слышал показания от очевидца, как правило, своего отца [3, I 4].

Итак, в рассматриваемом деле на тинге в ходе судебного следствия присутствовало трое свидетелей — Торд Длинный, Амунди с Перевала и Хальвард с Расчистки-на-Уступе. Они дают показания о разговоре Гудбранда с Симоном, который привел к гибели первого. Письменная фиксация их слов начинается с фразы «они свидетельствовали своими речами перед богом» [2]; это формула присяги. Другой вариант клятвы: «свидетельствовал, положив руку на книгу» или «поклонился на книге»; под книгой подразумевалась Библия.

Те же свидетели привлекаются во время судебного следствия, чтобы подтвердить факт обращения Асты и Ботильд на тинг, однако только двое из трех. Возникает вопрос, почему теперь не упоминают третьего свидетеля. Дело в том, что клятвы или присяги были нескольких видов: приносились в одиночку, втроем, вшестером или дюжиной человек. Другого количества быть не могло. Согласно «Земскому закону», по делу, по которому следовало возмещение стоимостью в марку и менее, призываются к клятве по одному человеку с каждой стороны, а также свидетель, выбранный наугад [3, VI 8]. По всей видимости, Хальвард с Расчистки-на-Уступе как раз и был свидетелем, подобного рода, а действительно сведущие люди — это Амунди и Торд, которые продолжили давать показания. Хальвард же был нужен только для принесения действительной клятвы.

Смешение и взаимодействие старой и новой практик судебного процесса особенно ярко выражается в формуле приговора. Определение лагманна и решение тинга разделены между собой терминологически. Лагманн не выносил приговора, а, согласно устоявшейся традиции, лишь «говорил закон». Он не приговаривал, а предлагал справедливое и законное решение, за исполнением которого следили сами тяжущиеся стороны. Это признак старой практики, когда государство мало вмешивалось в частные судебные разбирательства. А вот приговор тинга был уже обязателен для исполнения, и за исполнением следил провинциальный чиновник — наместник-сюслуманн, обладавший полицейской властью.

Судебный процесс в Норвегии в первой половине XIV в. был сложным, комплексным и динамически развивающимся явлением. Он сочетал в себе черты как исторически устоявшейся судебной практики, зафиксированной в областных судебныхниках, так и нововведений, привнесенных из Европы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тогоева О. И. Языки Средневекового правосудия. М.: Наука, 2006.
2. *Diplomatarium Norvegicum*. In 22 vols. Kristiania, Oslo, Bergen, 1848–1972. Vol. I. Christiania, 1848.
3. *Magnus Lagabøtes landslov / Oversat av A. Taranger*. Kristiania, 1915.

**ВАЛАШКИЕ И МОЛДАВСКИЕ ГОСПОДАРИ (XIV вв.):
ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ ТИТУЛАТУРЫ**

Статья посвящена вопросу формирования представлений об идентичности правителей средневековых княжеств Валахия и Молдавия (XIV в.), а также их этнической самоидентификации в использовании этно-политической терминологии и титулов по данным грамот и других источников. Эти источники позволяют наиболее содержательно проследить способы саморепрезентации валашских и молдавских господарей, поскольку то, как они себя называли, является для нашей темы вопросом большой важности.

Представления об идентичности формируются на основе культурных стереотипов и идеологических настроек этноса на определенном этапе своего исторического существования (память о прошлом, идея единого территориального пространства, преемственности традиций, идея единого предка и т. д.). [1, С. 88; 2, С. 57–58]. Отдельное место в этом ряду занимает концепция формирования представлений об идентичности верховных правителей (господари) средневековых дунайских княжеств переданные титулами.

Во главе политической иерархии в средневековых Молдавии и Валахии стоял «воевода», который позднее стал называться господарем [3, С. 35]. Основной титул правителя княжеств — «domn» (от латинского dominus — господин, хозяин) [4, Р. 53]. Господарь считался всевластным повелителем всей страны и подданных. Следовательно, возникновение и утверждение полных титулов господарей есть результат накопления титулов, отражающие права,

статус и притязания правителя на завоеванные или присоединенные земли.

Титулы господарей менялись в зависимости от эпохи и тип источника, в которых они фигурируют. В Валахии, первый письменный памятник, содержащий сведения о титулах господаря — надпись на стене Епископского Собора в Куртя де Арджеш, согласно которой Басараб I Основатель (1330–1352 гг.) именуется «великий Басараб воевода» (*marele Basarab voievod*) [5, Р. 132]. Надпись не содержит данные о политическом статусе или религии господаря. Нет здесь и титула «господин» (*domn*), который неизменно присутствует в титулатуре Басараба в более поздних источниках.

Употребление термина «воевода» (военный предводитель на старославянском) [6, Р. 389] согласуется с традицией, которую Басараб унаследовал от предшествующих его на данной территории славяно-валашских князей и воевод — военно-политические лидеры догосударственных формирований князатов и воеводатов [6, Р. 349].

Предполагается что Басараб, по мнению других авторов, его отец Токомерий (*Thocomerius*) объединил валашские земли в единое централизованное государство (либо процесс был инициирован Токомерием и завершен его сыном) [7, Р. 247]. Следовательно, Басараб находился во главе нового централизованного государства (княжества), тогда как присутствие в титуле прилагательного «великий», можно объяснить его ключевой политической ролью в истории Валахии [5, Р. 393].

Термин «самодержец», который ассоциируется и с последующими валашскими господарями, впервые встречается на надгробном камне сына Басараба Николая I Александру (1352–1364 гг.) в церкви, построенной легендарным Негру Водэ, при монастыре в местности Кымпулунг [8, Р. 18]. Надпись содержит официальный титул господаря: «великий и самодержец господарь, Ио, Николай Александр воевода, сын великого Басараба воевода» (*marele și singurul stăpânitorul domn Io Nicolae Alexandru voievod, fiul marelui*

Basarab voievod) [8, P. 29; 9]. В этом титуле видны особые притязания на независимость и на идею политической преемственности государя как потомка основателя царства — Бассараба [10, P. 235].

Более того, в правление Николае I Александру, в результате перехода валашской православной церкви в подчинение Константинопольского патриархата и создание метрополии Унговлахии (1359 г.), распространяется титул «автократ», указывающий на особые полномочия, возложенные на господаря-помазанника [10, P. 29; 11, P. 158]. В переписке с Константинопольской патриархией, датированной 1359 г. Николае Александру фигурирует как «из благородного рода, великий воевода и господин всяя Унговлахии» (cel de foarte bun neam, marele voievod și domn a toată Ungrovlahia) [12, P. 60].

Этнополитическую коннотацию имеет формула «господин всяя Унговлахии» (domn a toata Ungrovlahia), встречающаяся чаще всего на страницах валашских грамот обозначаемого периода. Например, в грамоте-подтверждение землевладений монастыря Водица (1370 г.) преемника Николае Александру — Влайку. В них господарь титулируется: «Я во Христа Бога благоверный Владислав воевода, Божьей милостью, господин всяя Унговлахии» (Eu cel intru Hrisros Dumnezeu, binecredinciosul voivod Vladislav, din mila lui Dumnezeu domn a toata Ungrovlahia) [12, P. 302]

Этот титул фигурирует как основной не только в документах правления Влайку, но и его преемников. Латинский эквивалент титула: Voievoda Transaripus (Трансальпийский Воевода), отсылает к одному и тому же — владение Валахией [13, P. 235].

Свидетельством притязаний на политический суверенитет является употребление господарем синтагмы «Великий Воевода и Господин», которая присутствует в титуле Влайку запечатленной на окладе иконы Сф. Анастасии Афонской Великой Лавры: «Иоанн Владислав великий воевода, во Христа Бога благочестивый, господин и самодержец всяя Унговлахии. (Ioan Vladilav mare voievod, in Hrisros Dumnezeu credinciosul, domn si singur stapanitor

a toata Ungrovlahia) [14, P. 38] Из анализа титулатуры господаря Влайку Владислава следует, что она отражает флуктуации его политического статуса.

Не менее ортодоксален в плане идеи политической независимости, другой валашский господарь исследуемой эпохи — Мирча Старый (1386–1418 гг.). В полном титуле Мирчи Старого, впервые зафиксированном на грамоте-подтверждение земельных владений монастыря Козия (1387 г.) делается акцент на его правление как Унговлахией «владыка и господарь всея земли Унговлахской», так и «запланинскими землям к татарской стране», а также «Алмашом и Фэнэрашом, Хацегом, и Банатом Северином и обе стороны Подунавья и до великого града Дуростол владелец» [12, P. 322; 15, P. 16-17; 16.].

Употребление данных титулов особенно в ранних документах его правления, помимо того, что они подчеркивали его высокое социальное и политическое положение, выражали претензии на главенство над этими землями. Из чего следует, что господарь претендует на соответствие фактических территориальных владений этническим.

Ранние молдавские грамоты в определенной степени соотносятся с аналогичными по типу и характеру изложения информации древне валашскими документами, в какой-то мере заимствовав валашскую традицию. К примеру, использование титула «воевода» или ссылка на притязания независимости выраженная в формуле «Божей милосью» и т. д.

Первый достоверный внутренний акт, выпущенный канцелярией молдавского господаря (1384 г.), атрибутирует господарю Петру I Мушату (1375–1390 гг.) титул: «Мы Петрус Воевода, милостью Божьей господарь Земли Молдавской» (*Nos Petru waiwoda, Dei gratia dux Terre Moldavie*) [17, P. 297]. Мы видим, что титулы «dux», и «waiwoda» (князь), как и заимствованный, у поляков (или венгров) «*Dei gratia*» указывают на более умеренную политическую

позицию молдавского воеводы, в его качестве подданного польского короля.

Спустя немного времени, при Романе I Мушате (1390–1394), тональность меняется. В грамоте 1392 молдавский господарь титулируется «воевода и наследник всей Земли Молдавской от гор до моря» (*voievod al Tarii Moldovei de la munte pana la mare*) [17, P. 320]. Данный титул является лейтмотивом грамот его правления — в то время Молдавское княжество имело выход к Черному морю.

Титул не использовался ни одним из его предшественников, что дает основания полагать, что процесс объединения молдавских земель был завершен в правление Романа I Мушата [5, P. 349], тем самым, его самоидентификация с определенной территорией на политическом и этническом уровнях имеет свою легитимность.

Особого внимания заслуживает грамота, датируемая 1393 г. в которой Роман именуется «молдавский воевода и наследник всея Румынской Земли от гор до моря» («*voievod al Moldovei și moștenitor (domnitor) al întregii Țării Românești de la munte până la malul mării*») [17; 18, P. 607–609], хотя известно, что Роман I никогда не правил Валахией (т.е. Румынской Землей) [19, P. 89]. Под Румынской Землей в данном случае имеются в виду молдавские земли от Карпат до Черного Моря. Под Молдавией здесь подразумевается северная часть княжества — ядро молдавской средневековой государственности, представленная как составляющая этого политического ландшафта.

Это крайне важный документ для нашей темы, поскольку здесь мы имеем упоминание внутреннего источника о Молдавии как «румынской земли», (т.е. страна румынов), простирающаяся от Карпат до Черного Моря. Примечательно, что документ был создан почти тремя веками раньше появления первого автохтонного исторического сочинения — «Летопись Земли Молдавской» ворника Григория Уреке, в котором идея этнической общности молдаван и валахов получила «концептуальное» оформление.

Из анализа титулатуры первых валашских и молдавских господарей следует, что титулы отражают политический статус господаря, как и его этническую принадлежность. Таким образом, идентичность господарей можно охарактеризовать как «двусмысленную» выраженная во взаимосвязи политического (т.е. государственного) и этнического концептов: валашские и молдавские земли предусматривают существование валашского и молдавского народа, которыми они правят.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000.
2. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии: очерки теории и истории. М.: Наука, 1983.
3. История Молдавской ССР. / Под ред. Драгнева Д. М., Советов П. В. Кишинев: Лумина, 1986.
4. Pascu St., Ionascu I. si altii. Istoria medie a Romaniei. Partea I. Secolul al X-lea sfarsitul secolului al XVI-lea. Bucuresti: Editura didactica si pedagogica, 1966.
5. Istoria romanilor / Academia Romana. Bucuresti: Editura Enciclopedica, 2010.
6. Panaitescu P. P. Interpretari romanesti. Bucuresti: Editura Enciclopedica, 1996.
7. Rásonyi, L., Contributions à l'histoire des premières cristallisations d'état des Roumains. L'origine des Basarabas. // Collection Europe Centrale. Nr. 3. Budapesta: Körösi Csomo-társaság, 1936. P. 244–251.
8. Iorga N. Inscriptii din bisericile Romaniei. Bucuresti: Minerva, 1905.
9. Barbu D. Sur le double nom du prince de Valachie Nicolas-Alexandre. Revue Roumaine d'Histoire. Tome XXV. nr. 4. 1986. P. 287–300.
10. Giurescu C. Istoria romanilor. Vol. I. Bucuresti: All Educational. 2003.
11. Iorga N. Istoria Bisericii Românești și a vieții religioase a Românilor. Valenii de munte: Tipografia «Neamul Românesc», 1908.
12. Documenta Romaniae Historica. B. Tara Romaneasca. Bucuresti: Editura Acaemiei RSR, 1977.
13. Hurmuzaki E., Densusianu N. Documente privitoare la istoria romanilor. Vol. 1–2. Bucuresti: Socec, 1887.
14. Onciul D. Scrieri istorice. Bucuresti: Editura Stiintifica, 1968.

15. Constantinescu N. Vlaicu Vladislav I (1364–1377). Bucuresti: Editura Militara, 1979.
16. Onciul D. Titlul lui Mircea cel Batran si posesiunile lui. // Convorbiri literare. Tome XXXVII. Nr. 1. 1903. P. 16–30.
17. Costachescu M. Documente moldovenesti inainte de Stefan cel Mare. vol. II. Iasi: Viata Romaneasca, 1932.
18. Documenta Romaniae Historica A. Moldova. Vol. I (1384–1475). Bucuresti: Editura Academiei RSR, 1975.
19. Panaitrscu P. P. Introducere la istoria culturii romanesti. Bucuresti: Minerva, 2000.

УДК 94(430).031

БЕРЕЖНАЯ Н. А.

Библиотека Академии Наук

РАСЦВЕТ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ: ЗИММЕРН В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ИОГАННА II (1509–1557)

Развитие гуманистического движения в Германии историки относят ко второй половине XV – первой половине XVI вв. Этот процесс протекал неравномерно: в то время как в юго-западных землях — Эльзасе, Пфальце, Вюртемберге, Баварии — и во владениях Габсбургов на юго-востоке гуманизм достигает своего апогея в конце XV – начале XVI вв., на севере и северо-востоке пик гуманистического движения приходится на 20–30-е гг. Культурный облик своих владений определяла княжеская элита. Историография княжеского гуманизма весьма обширна; монографии, издававшиеся еще в XIX в. [1, S. XXI–LXIII; 2, S. XII–XXXII; 3], и статьи, в большом количестве выходящие с 80-х гг. XX в., рассматривают вопросы княжеского воспитания и образования в эпоху раннего

Нового времени [4; 5; 6], в целом трансформации повседневности придворного общества под влиянием гуманистических веяний [7; 8].

Зиммерн был одним из пяти анклавов, составлявших курфюршество Пфальц. Расцвет гуманизма в Пфальце немецкая историография связывает с именами курфюрста Филиппа (1476–1508) и его соратника и канцлера, вормского епископа Иоганна фон Дальберга (1455–1503) [9; 10, S. 22–23]. В то время в Пфальце преподавали в Гейдельбергском университете, учили княжеских детей и выполняли дипломатические поручения такие выдающиеся гуманисты старшего поколения, как Рудольф Агрикола, Якоб Вимпфелинг, Конрад Цельтис, Иоганн Рейхлин. В 1495 г. Цельтис основывает в Гейдельберге первое из своих литературных сообществ — рейнское (*Sodalitas litteraria Rhenana*) [11, S. 46–51]. В разные годы в него входили сам Иоганн фон Дальберг, Вимпфелинг, Рейхлин, воспитатель Людвига V, юрист и поэт Адам Вернер фон Темар, аббат монастыря в Шпонхайме, один из первых пфальцских историографов Иоганн из Триттенхайма (Тритемий), нюрнбергский историограф и издатель Виллибальд Пиркхаймер.

В первой половине XVI в. Пфальц сохраняет высокий авторитет в сфере образования и, в целом, гуманистической культуры. Курфюршеский двор в это время является примером как для соседних княжеств, так и для самых дальних уголков Германии: здесь изучают латинский и французский языки, сочинения немецких поэтов, историю, философию и риторiku, не считая Священного Писания. Ко двору Людвига V отправляют своих детей знатные пфальцские вассалы и немецкие князья — так, с 1525 по 1531 г. в Гейдельберге воспитывался наследник герцога Померании Георга I Филипп [2, S. XX].

Однако гуманистическая культура не была сосредоточена исключительно при княжеских дворах, университетах и в крупных городах южной Германии (как Аугсбург и Нюрнберг) — цитаделями гуманизма в регионе зачастую становились небольшие

дворянские гнезда и монастыри. Аббат Тритемий собрал в своем монастыре в Шпонхайме огромную по тем временам библиотеку, которая насчитывала до двух тысяч экземпляров — не только творения Отцов Церкви, но и сочинения итальянских, немецких и французских гуманистов [12, Р. 9–14]. Одной из маленьких княжеских резиденций, приобретших широкую известность в гуманистических кругах, стал Зиммерн.

Зиммернские владения располагались в междуречье Мозеля и Рейна, и, кроме Пфальца, граничили с Майнцким и Трирским курфюршествами, а также с Эльзасом и Лотарингией, западные границы которых были и границами Империи — за ними лежали швейцарская конфедерация и Франция. С начала XV в. пфальцграфством правила младшая линия пфальцских Виттельсбахов, происходившая от сына короля Рупрехта III, Стефана.

В 1509 г. властителем Зиммерна становится Иоганн II, чье почти 50-летнее правление в немецкой историографии называют временем расцвета гуманистической культуры, сделавшей пфальцграфство известным во всей Германии [13, S. 57–60; 14]. Иоганн взшел на престол в 17-летнем возрасте, заключив брак с маркграфиней Баденской Беатрис. У супругов было 4 сына и 8 дочерей. Постоянный недостаток средств накладывал отпечаток на культурную политику князя. В Зиммерне не ведется активного строительства. Единственными художественными произведениями, созданными в это время с учетом новых ренессансных тенденций, стали надгробные памятники, или просто эпитафии с элементами декора, посвященные его предшественникам — эпитафия его отцу Иоганну I работы Якоба Керна (1522), памятник матери, герцогине Иоганне Нассау-Саарбрюккенской (1554), эпитафия внучке, пфальцграфине Альберте (1553), совместный надгробный памятник самому Иоганну и Беатрис (1557). Большинство исследователей считают, что все поздние работы выполнены молодым Иоганном из Трарбаха, известным в южной Германии скульптором [13, S. 162–167; 15, S. 169–226].

В отличие от Отто Генриха Нойбургского, влезшего в огромные долги и вынужденного объявить себя банкротом, Иоганн II сумел не только оплачивать эти работы, обустроить в Зиммерне типографию и заказывать дорогие предметы искусства, но и выделил двум старшим сыновьям, Фридриху и Георгу, небольшие замки и выдал замуж трех дочерей. Пфальцграф пользовался доверием императора Карла V и глубоким уважением современников, в особенности княжеской элиты. С 1526 г. он, по представлению императора, входил в визитационную комиссию, контролировавшую работу имперского камерального суда. В 1536–1539 г. Иоганн II даже возглавлял этот важнейший — вслед за рейхстагом — орган общеимперского управления [13, S. 59; 14, S. 5–6]. Не были ему чужды и повседневные заботы управления княжеством. В 1531 г. он совместно с представителями курфюршества Пфальц и маркграфства Баден издал надворное судебное уложение для Крейтцнаха, а в 1549 г. разработал новое земское уложение. Энергичная «семейная политика» позволила пфальцграфу закрепить притязания зиммернских князей на курфюршеское достоинство после пресечения старшей ветви и вслед за бездетным Отто Генрихом: порядок наследования был определен Дизибоденбергским договором 1541 г. и окончательно закреплен договором о пфальцском наследстве 1553 г. [13, S. 59; 14, S. 4].

Иоганн II был одним из наиболее образованных князей своего времени: он знал латынь и французский, написал историю своего дома, сам составлял гороскопы для членов семьи, был к тому же известен как гравер. Он заслуженно пользовался славой покровителя науки и искусств, был лично знаком и состоял в переписке с выдающимися умами своего времени — гуманистами Ульрихом фон Гутеном и Себастьяном Мюнстером, династией иллюстраторов и граверов из Нюрнберга — Глокендонами, и другими [13, S. 57–59, 153–154, 160; 14, S. 9–13, 26].

Можно выделить 3 основных аспекта гуманистической деятельности Иоганна II:

1. Создание школы нового типа — гимназии, где изучали древние языки (латинский и греческий), историю, философию, математику. Она была открыта не позже 1514 г., существует до сих пор и носит название гимназии герцога Иоганна [13, S. 228–241].

2. Создание (или творческая переработка) исторических произведений — рифмованных хроник по истории рода. Вернер Вундерлих доказывает, что было три подобные хроники, одна даже в двух вариантах — на немецком и на латыни, но две хроники не дошли до нас. В настоящее время существует три редакции третьей хроники — 1569 г., 1570 г. и недатированная, они хранятся в государственном архиве Мюнхена и озаглавлены как «Преемственность появления и происхождения курфюршеского и княжеского Домов Пфальца и Баварии». Вундерлих полагает, что эти хроники были написаны, в том числе и для того, чтобы подтвердить права зиммернской линии на пфальцское курфюршество. Кроме того, Иоганну II принадлежит описание Хунсрюка и его окрестностей в «Космографии» Себастьяна Мюнстера (1544). По его рисунку сделана двусторонняя гравюра, изображающая панораму Зиммерна и замок пфальцграфа — обо всем этом говорит сам Мюнстер в предисловии к своей работе. Гравюра была подписана инициалами «НН», что расшифровывают как «Ганс из Хунсрюка» или «герцог Ганс» (Hans vom Hunsrück, Herzog Hans) [13, S. 153; 14, S. 33–36; 16, S. 2–3; 17, S. 89–92].

3. Организация первой в Пфальце типографии, которая действовала в 1527–1535 гг. и выпустила, по подсчетам исследователей, десять наименований книг, среди которых были: «Турнирная книга» Георга Рюкснера («О началах, причинах, происхождении и традициях турнира в Священной Римской Империи немецкой нации», издания 1530 и 1532 гг.), необычайно популярная в XVI–XVII вв. при немецких дворах; трактат Дюрера о перспективе, переводы французских придворных романов — «Фиерабрас» и «Дети Гамона», и другое. Императорская привилегия была выдана на имя Иеронима Родлера, секретаря и советника, а в дальнейшем —

канцлера Иоганна II. Он занимался изданием книг, а князь переводами [16]. Современные исследователи (Шпон, Вундерлих) также настаивают, что большинство гравюр в зиммернских книгах сделаны самим Иоганном II (три из них подписаны теми же инициалами «НН», что и гравюра из «Космографии», остальные близки им по технике исполнения) [13, S. 153–160; 14, S. 12–31; 17]. При этом даже в работах XX в. зиммернская типография иногда именуется придворной: считается, что ее издания предназначались для узкого круга дворян и бюргерской элиты. Однако в настоящее время в библиотеках Европы, США и России найдено более 100 книг, напечатанных в Зиммерне, в том числе и те, которые ранее считались утерянными (в Библиотеке Российской академии наук хранится зиммернское издание трактата Дюрера, поступившее в 1737 г., в составе библиотеки Я. Брюса [18, С. 235–236]).

В целом, можно сказать, что покровительство гуманизму, занятия дисциплинами, которые в сознании современников были неразрывно связаны с культурной традицией, зародившейся в Италии, укрепляли престиж княжества и самой властной персоны. Зиммерн — один из наиболее ярких примеров того, как маленькое княжество приобретает широкую известность не только в Германии, но и в Европе именно благодаря целенаправленной гуманистической политике своего государя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schmidt F. Geschichte der Erziehung der Bayerischen Wittelsbacher von den frühesten Zeiten bis 1750. Monumenta Germaniae Paedagogica. Bd. 14. Berlin: Hofmann & Co, 1892.
2. Schmidt F. Geschichte der Erziehung der pfälzischen Wittelsbacher. Monumenta Germaniae Paedagogica. Bd. 19. Berlin: Hofmann & Co, 1899.
3. Deutschländer G. Dienen lernen, um zu helfen. Höfische Erziehung im ausgehenden Mittelalter (1450–1550). Berlin: de Gruyter, 2012.
4. Boehm L. Konservatismus und Modernität in der Regentenerziehung an deutschen Höfen im 15. und 16. Jahrhundert. // Humanismus im

- Bildungswesen des 15. und 16. Jahrhunderts. / Hrsg. von W. Reinhard. Weinheim: Acta Humaniora, 1984. S. 61–93.
5. Hammerstein N. «Großer fürtrefflicher Leute Kinder». Fürstenerziehung zwischen Humanismus und Reformation. // Renaissance — Reformation. Gegensätze und Gemeinsamkeiten. / Hrsg. von A. Buck. Wiesbaden: Harrassowitz, 1984. S. 265–285.
 6. Conrads N. Tradition und Modernität im adligen Bildungsprogramm der Frühen Neuzeit. // Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität. / Hrsg. von W. Schulze. München: Oldenbourg, 1988. S. 389–404.
 7. Mertens D. Der Preis der Patronage. Humanismus und Höfe. // Funktionen des Humanismus. Studien zum Nutzen des Neuen in der humanistischen Kultur. / Hrsg. von T. Maissen und G. Walther. Göttingen: Wallstein-Verlag, 2006. S. 125–154.
 8. Schmitt A. Die Einfluß des Humanismus auf die Bildprogramme fürstlicher Residenzen. // Höfischer Humanismus. / Hrsg. von A. Buck. Wiesbaden: Acta Humaniora, 1989. S. 215–258.
 9. Walter P. «Inter nostrae tempestatis Pontifices facile doctissimus». Der Wormser Bischof Johann von Dalberg und der Humanismus. // Der Wormser Bischof Johann von Dalberg (1482–1503) und seine Zeit. / Hrsg. von G. Bönnen. Mainz: Gesellschaft für mittelrheinische Kirchengeschichte, 2005. S. 89–152.
 10. Wolgast E. Die Universität Heidelberg 1386–1986. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 1986.
 11. Lutz H. Die Sodalitäten im oberdeutschen Humanismus des späten 15. und frühen 16. Jahrhunderts. // Humanismus im Bildungswesen des 15. und 16. Jahrhunderts. / Hrsg. von W. Reinhard. Weinheim: Acta Humaniora, 1984. S. 45–60.
 12. Brann N. L. The Abbot Trithemius (1462–1516). The Renaissance of Monastic Humanism. Leiden: Brill, 1981.
 13. 650 Jahre Stadt Simmern im Hunsrück. / Hrsg. von W. Wagner. Simmern: Böhmer Betriebs-GmbH, 1980.
 14. Wunderlich W. Johann II. von Simmern. Autor und Gelehrter auf dem Fürstenthron. // Euphorion. Vol. 85. Heidelberg: Winter, 1991. S. 1–37.
 15. Wagner W. Die Wittelsbacher der Linie Pfalz-Simmern. Ihre Vorfahren, ihre Familien und ihre Grabdenkmäler. Hunsrück: Geschichtsverein, 2003.
 16. Bonnemann E. Die Presse des Hieronymus Rodler in Simmern. Wiesbaden: Kraus Reprint, 1989.

17. Spohn G. R. Der Simmerner Meister H. H. und der Autor der «Kunst des Messens» (Simmern 1531): Herzog Johann II. von Pfalz-Simmern? // Zeitschrift des Deutschen Vereins für Kunstwissenschaft. Vol. 27–29. Berlin, 1973. S. 79–94.
18. Библиотека Я. В. Брюса. Каталог. // Сост. Е. А. Савельева. Л.: Библиотека Академии наук СССР, 1989.

УДК 94(460).041

КРЫЛОВ К. Е.

Санкт-Петербургский государственный университет

ИМПЕРАТОР НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР. ОПИСАНИЕ БИТВЫ ПРИ МЮЛЬБЕРГЕ В АВТОБИОГРАФИИ КАРЛА V

Описание сражения под Мюльбургом является, пожалуй, самым ярким, волнующим и впечатляющим фрагментом мемуаров императора Карла V, написанных, предположительно в 1552–1553 годах, то есть после завершения Первой Шмалькальденской войны.

Победа в битве над войсками протестантов превосходит все остальные сюжеты, как по количеству, посвященных ему страниц, так и подробностью описания. Имперская коронация, экспедиции в Тунис и Алжир, борьба с турками в восточной Европе, победа в битве при Павии, всем этим событиям Карл уделяет лишь несколько строк, тогда как событиям под Мюльбургом он посвящает не одну страницу [1]. Вся суть почти сорокалетнего правления монарха сконцентрирована в строках, описывающих события 1547 года. Даже взятая в отдельности, эта часть может рассказать читателю все о том, каким Карл хотел остаться в памяти людей и, прежде всего, Филиппа II, которому биография и была адресована.

В своем труде «Kaiser Karl V» К. Бранди говорит о том, что империя Карла носила «мировой христианский характер» [2, Р. 134],

где имперская лояльность и религиозное единство стояла выше национальной или скорее протонациональной идентичности. Именно так описывают мировоззрение людей окружавших Карла Г. Кеймен [3] и Дж. Хэдлей [4]

Поэтому выглядит вполне неудивительным то, что перо Карла выводит сражение под Мюльбургом битвой всех народов империи против мятежных князей. Император не просто перечисляет местности, откуда прибыли те или иные его части. Он рассказывает о вкладе каждого в окончательную победу:

Их величества уже покинули деревню, где они завтракали, чтобы дать необходимые распоряжения. Части венгров, легкой кавалерии и мушкетерам было приказано со всей возможной поспешностью отправляться в Торгау. И когда они туда прибыли, завязалась перестрелка, в которой войска, находившиеся в Торгау, произвели несколько артиллерийских залпов. Во время маршей Их величества были проинформированы о том, что происходит, и какие меры предпринимаются для того, чтобы защитить лодки. Император приказал Генералу выдвинуть вперед упомянутых выше мушкетеров, которых Его величество встретил, они сразу вернулись к реке, некоторые даже зашли в реку и открыли огонь. Противник, несмотря на оказанное его мушкетерами и артиллерией сопротивление, был вынужден оставить лодки и некоторые из испанских мушкетеров переправились через реку, зажав кинжалы в зубах, и притащили лодки к берегу, на котором находился их повелитель [1, P. 106].

В ходе описания сражения в тексте появляется интересный персонаж — крестьянин, у которого протестантские войска Иоганна Фридриха Саксонского отняли двух лошадей. Стремясь отплатить за несправедливость, несчастный показывает войскам Карла V брод, по которому в решающий момент они смогли перебраться на другой берег и атаковать позиции протестантов:

Между тем, часть армии противника начала отступление, что позволило вышеупомянутому крестьянину показать брод. Император немедля приказал венграм, некоторым легким кавалеристам и некоторым мушкетерам перебраться на тот берег, что они с большой отвагой и выполнили [1, Р. 109]

Вне зависимости от того, имел ли этот факт место в действительности, его появление в тексте чрезвычайно показательно. Здесь в одном эпизоде, на крохотном пяточке земли на берегу Эльбы, сошлась вся Империя. От испанца до венгра, от крестьянина до самого императора. Кроме того, эта история служит лишним доказательством того, какое великое зло могут принести народам империи вожди протестантов — ведь крестьянин, судя по всему, житель окрестностей Мюльбурга — территории протестантского Бранденбурга, и все же войска мятежного Шмалькальденского союза не только не пожалели собрата по вере, но напротив — вероломно отняли у него лошадей, поступив как настоящие мятежники и мародеры.

Встреча с императором предоставила шанс несчастному крестьянину отплатить обидчикам, тем самым восстановив справедливость. Вновь, даже на поле боя, Карл выступает как справедливый судья и слуга правосудия.

Нельзя не согласиться с М. Фернандесом Альваресом [5, Р. 56] в том, что, судя по тексту автобиографии, Карл мечтал прославиться не только как монарх, но и как рыцарь. Естественно, что поле брани — это, прежде всего, место для демонстрации личной отваги и знания военного искусства. Как и подобает наследнику рыцарских традиций, Карл помещает себя в самую гущу событий. Двинувшись в атаку с основными силами, он припускает лошадей и вскоре нагоняет авангард. И тут император отваживается на смелый шаг, граничащий с безумием — начать штурм позиций протестантов без поддержки артиллерии и пехоты:

Хотя некоторые думали, что атаковать одной лишь конницей, без пехоты и артиллерии опасно, так как враг смог укрепить свои позиции у болота, император посчитал, однако, что было уже поздно и атаковать иначе невозможно, поскольку они далеко ушли от пехоты и артиллерии. Кроме того, он считал, что важно положить конец этой войне, и что если враг сбежит на этот раз, то война продолжится дольше, чем должно... [1, Р. 112]

Император одновременно показывает здесь себя как отважным воином и умелым полководцем, решившимся на спорную атаку, дабы не терять драгоценного времени, так и вновь выступает в амплу государя-миротворца, который решается на рискованный маневр, дабы предотвратить отступление основных войск противника, что привело бы к затягиванию конфликта и сделало бы неизбежными новые сражения. Тот факт, что именно победу над протестантами Карл сделал центральным, ключевым событием своей автобиографии, кульминацией всего своего правления показывает, насколько высоко Карл ценил религиозное единство в Империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Charles V. *The Autobiography* / Ed. And trans.by L.F. Simpson. London: LONGMAN, ROBERTS, & GREEN, 1862.
2. Brandi K. *The Emperor Charles V: The Growth and Destiny of a Man and of a World-Empire*/transl: C. V. Wedgwood. New York.: 1939.
3. Kamen H. *Philip II of Spain*. Yale: University Press, 1997.
4. Headley J. M. *The emperor and his chancellor*. Cambridge: Cambridge University press, 2008.
5. Fernandez Álvarez, M. *Carlos V — Un hombre para Europa*. Madrid Ediciones Cultura Hispánica, 1956.

**ВАШИ ВЫБОРЫ — ФАРС! РИТУАЛЫ ELECTIONIS
И COLAUDATIO В КОРОНАЦИЯХ
АНГЛИЙСКИХ МОНАРХОВ**

Вопрос о происхождении власти монарха был не столь очевиден для средневекового человека, как это может показаться на первый взгляд. Сочетание древней традиции установления легитимности передачи власти через выборы с передачей ее по наследству требовало решения, ясно и понятно отвечающего на вопрос: что есть источник власти конкретного монарха и что есть основа его легитимности. В подобной противоречивой ситуации значительную роль должны были сыграть оформляющие власть ритуалы, составлявшие не только процедуру передачи власти, но и саму ее суть.

В Англии, в принципе, достаточно рано утвердился принцип передачи власти путем наследования, хотя формально только в XVI веке передача власти по наследству была оформлена прокламацией [1, Р. 97]. Очень долгое время три составляющих легитимности передачи власти — выборная, наследная и ритуальная составляли сложный комплекс, перетекая и укрепляя одна другую.

На Рождество 1066 года Вильгельм Завоеватель был помазан и коронован в Вестминстере. При этом два епископа спросили присутствующих, согласны ли они с выбором. Этот элемент не упоминается в ордо Эдгара, хотя можно усмотреть его аналоги, впрочем, не очень ясные, в коронации французских королей. При этом крики собравшихся были столь громкими, что стража вне собора приняла их за мятеж и побежала с оружием в руках спасать короля. Вильгельм был вынужден принести клятву в том, что никакой

угрозы его жизни нет. Таким образом, коронация Вильгельма I содержит уникальный элемент — три королевские клятвы. При этом из ордо Эдгара были убраны слова «наследует своему отцу» и поставлены «по праву наследования» (*hereditario iure*) [1, Р. 27]. Вопрос о согласии присутствующих с выбором монарха задавал сначала архиепископ Йоркский по англо-саксонски, затем епископ Кутанса по-французски. При этом не вполне понятно, кто осуществлял сам выбор (*electio*), присутствующие только одобряли (*colaudatio*) его. Показательно, что Вильгельм явно чувствовал недостаточность утверждения своей власти через столь импровизированную коронацию, поэтому один из его пропагандистов, Гийом из Пуатье собрал все аргументы в пользу Вильгельма — король по закону, король по наследованию, назван Эдуардом, ему принесли клятву, победитель силой оружия, коронован, избран магнатами [2, Р. 143]. Особенно показательно то, что коронация в тексте отделена от избрания.

Если обратиться к терминологии, используемой в документах в отношении этого ритуального действия, то в англосаксонских текстах используются термины *ceosan* и *cyre* имели примерно те же значения, что и *electio* и *selectio*. Второй вариант, подразумевающий выбор среди уже имеющихся претендентов, вполне допускает идею наследования [1, Р. 141], и является, очевидно, наследием эпохи раннегерманских королевств, в которых все члены королевского рода могли претендовать на власть. Однако в дальнейшем употребляется термин *electio*, указывающий на разрыв с германской традицией и использование традиции церковной. Церковь сыграла свою роль в укреплении термина и традиции *electio*, так как выборность была сильна в ее структуре, в XI–XII веке определяется численность выборщиков папы, подсчет голосов, а к XIII веку сформировалась вся программа [3, Р. 491].

Еще *ordo* 973 года указывал, что завершение помазания происходит так: «тогда все люди и епископы говорят громким голосом: «славься, царь сиятельный во веки вечные» и отвечают:

«аминь». И помажут его с благословением всего народа на царство и восславят принцепса во веки вечные, повторяя «аминь, аминь, аминь».

Этот ритуал называется в тексте ордо аккламацией (*acclamatio*), но в дальнейшем утверждается термин колаудатио (*colaudatio*). Кроме того, люди вскидывали руки вверх — символический жест клятвы, который потом повторился на коронации Вильгельма [1, P. 143-147].

Как говорилось выше, при коронации Вильгельма текст, оформлявший ритуал, был выстроен так, что собравшиеся одобряли выбор и соглашались с ним, но не были сами избирающими, избиратель или избиратели оставались неназванными. Этот вопрос был решен еще раньше — в тексте ордо Дунстана в качестве избирающего назван Бог, который внушил свою волю выборщикам на уитанагемоте, а колаудация становится некоей ратификацией решения народа, которая включается в церковную (что особо важно) службу [1, P. 148]. Правда, следует заметить, что подобная интерпретация является церковной и должна была способствовать усилению позиции церкви в политическом поле, и сам термин и акт могли восприниматься другими участниками ритуала не обязательно таким же образом, просто как форма традиционной передачи власти и как способ усилить свои позиции [4, P. 1-43; 5, С. 92-93].

В отношении Вильгельма Рыжего Уинчестерская хроника пишет, что он был «избран на царство Ланфранком» (*Willielmus, sicut pater constituit, Lanfrancus in regem elegit*) [1, P. 153]. Подобное утверждение также усиливало позиции церкви, которая, причем в лице только своего верховного представителя, оказывалась теперь избирающим. Впрочем, этот текст представляет собой очевидную параллель с первой Книгой Царств, и создавал образ короля как богоизбранного и богопомазанного, современного Давида.

По смерти Вильгельма II, который как раз был со двором и вершил королевский суд в Уинчестере, собрался совет магнатов.

Таким образом, представители новой династии воспроизводили старую практику, принятую еще в англосаксонские времена, поскольку королевский суд при Норманнской династии заседал в те же дни, что уитанагемот при англосаксах. Приехав, Генрих был спешно коронован и получил колаудацию. В дальнейшем в письме к Ансельму он утверждал, что был «избран (*electus est*) клиром и народом Англии», в чем его, скорее всего, убедила именно колаудация, так как на самом заседании совета магнатов он не присутствовал. После его коронации было объявлено, что он стал королем «по совету и согласию всего народа королевства Англии» [6, Р. 120].

Следующие два столетия колаудация становится регулярной частью коронации, что привело к тому, что мы не знаем о ее особенностях — хронисты просто переписывали один и тот же текст «тогда один епископ спрашивает народ, согласны ли они подчиниться сами и со своим потомством принцепсу. И окружающие клирики, и миряне отвечают «желаем и соглашаемся». Впрочем, сам Генрих старался не придавать особого значения своей выборности, усилив позиции за счет свадьбы с наследницей дома Седрика.

И Стефан, и Матильда были избраны как *dominus* и *domina* Англии, а не как король и королева [1, Р. 46]. Матильда была избрана в Уинчестере, после того, как туда приехал папский легат Генри (брат Стефана) и созвал там ассамблею магнатов и епископов. Разумеется, ситуация неопределенности в борьбе за королевскую власть, усиливала значение выборов в позиционировании монарха как законного правителя. Показательно, что как избранный король позиционировался и Генрих II, хотя у нас нет никакой информации об ассамблее перед его коронацией. Более того, оммаж и аккламацию ему приносили еще до коронации в Вестминстере, где был проведен ритуал колаудации во время коронации.

Элемент выборности был ослаблен в *ordo* Ансельма, который включал в себя вопросы людям, однако король в нем провозглашался «избранником Божьим» [1, Р. 60]. Здесь мы снова сталкиваемся

с церковной интерпретацией ритуала *colaudatio*, которая должна была усилить позиции как короля, так и церкви.

Однако практика ритуала несколько отличалась от его церковного текста. При коронации Иоанна стандартный ритуал был превращен в речь — архиепископ Кентерберийский объявил, что все предыдущие короли были королями только потому, что были признаны всем королевством, а фактором, предопределившим выбор кандидатуры, была пригодность кандидата. Поэтому в ходе колаудации Иоанн был назван «призванный Духом Святым, наделенный мудростью, королевской крови, король, избранный всеми единодушно». И все ответили «Да здравствует король Иоанн» [1, Р. 162].

Эдуард I был избран и принял оммаж заочно, так как был в крестовом походе, через четыре дня после смерти Генриха III, но коронован был только в 1274. Эдуард II объявил королевский мир как «король Англии по праву наследования», что говорит о постепенном усилении наследного элемента в утверждении королевской власти, сразу после смерти отца, хотя коронация состоялась только через полгода и ей предшествовала ассамблея магнатов (теперь уже для выработки клятвы).

В четвертом коронационном чине (в терминологии Легга) или в ордо Литлингтона (в терминологии Шрамма) порядок колаудации определялся следующим образом: архиепископ спрашивает, дадут ли люди свое согласие и желание *voluntas et consensus*, король при этом стоит перед креслом, а все люди, как положено по обычаю, повторяют: «да будет так» [7, Р. 85].

Если сохранившаяся программа процессии и коронации Ричарда II особо выделяет момент, когда архиепископ требует «воли и согласия на то, чтобы помазать названного принцепса», то есть ставит помазание в отношении зависимости к избранию, то в редакции 1377 года акценты расставлены так, что колаудация становится не выборами, а определением юридического права наследования, к тому же — жестом оммажа, дополняющего королевскую

клятву. Архиепископ Кентерберийский настаивал, что Ричард получил власть только по королевскому праву и ни в коем случае не по праву выборов [8, Р. 106]. С другой стороны, в столь гибком и многозначительном ритуале каждый видел что-то свое.

Генрих IV не допускал мысли, что он получил власть в результате выборов, а не по праву. При этом Генрих VII на коронации был определен во время колаудации как «законный и несомненный наследник по закону Божьему и человеческому, избранный, выбранный и востребованный всеми тремя сословиями» [7, Р. 230]. Аналогично определялся и Генрих VIII, хотя он и вычеркнул из малого проекта своей коронации слова «тогда люди кричат «да» [9, Р. 25]. Но уже из проекта коронации Эдуарда VI были вычеркнуты слова «избран, выбран и востребован», и даже невинный вопрос «дадут ли люди свое согласие» был дополнен словами «как ваш долг и верность того требуют» [9, Р. 86]. В последствие аналогичной корректуре подвергся и проект коронации Иакова I.

С 1308 года *ordo* коронации включается в официальные, а не в церковные документы. Если текст *ordo* Ансельма хранился в Вестминстере, то текст 1308 года становится официальным актом и включается в Малый свиток и в Патентный свиток, причем текст записывается по-французски. Здесь же появляется еще один ритуал, косвенно связанный с колаудатио — прикосновение к короне после коронации. По объяснению во французском тексте ордо 1308 это делается «для того, чтобы облегчить королю тяжесть несения короны» [1, Р. 81]. Таким образом, старый ритуал одобрения в баронской интерпретации становится способом подтвердить их сопричастность власти и зависимость королевской власти от них и усилить свою позицию в политическом поле. Наконец, очень важно, что ритуал был обращен не к личности короля, а к короне, что можно связать с появившимися тогда взглядами на королевство как собственность короны как вечной нематериальной сущности, а не лично короля как конкретного человека. По мнению Канторовича эта идея перешла в королевскую юридическую мысль из епископской клятвы [3, Р. 490].

Наконец, в 1327 году комплекс электио-колаудатио дополняется еще одним ритуалом — появлением на банкете королевского чемпиона, который бросал вызов любому, кто сомневается в законности короля [1, Р. 87]. В XV веке коронационный свиток объединяется с описанием аккламационной процессии, после чего, по сути, завершается процесс оформления целостной структуры ритуального комплекса возведения монарха на трон.

Первая известная письменная прокламация, устанавливающая получение власти по праву наследования — Эдуард VI. Прокламация была издана три дня спустя после смерти Генриха VIII и от имени самого короля и членов его совета, и провозглашала, что он унаследовал трон по праву старшего сына. Подобное решение с необходимостью поднимало важный вопрос: утверждал ли этот принцип, что не нужен никакой иной легальный акт для получения власти? Тогда вся коронация становилась бы пустой формальностью и могла быть отвергнута, как в Испании [1, Р. 97]. Через почти три века, во время коронации королевы Виктории в комиссии по подготовке торжеств герцог Шрюсбери поднял вопрос о необходимости коронации при безусловном праве наследования [9, Р. 5]. В ситуации противостояния в политическом поле после принятия идеи наследования по прокламации в коронационном ритуале теперь скорее были заинтересованы парламент, которому была необходима королевская клятва, ограничивающая, с точки зрения парламентских юристов, власть короля, и знать, положение которой в обществе и внутренняя иерархия укреплялись в коронационных ритуальных действиях, чем король. При этом, хотя ритуал колаудатио и вопрос к людям не был отменен, но Кранмер в проповеди сделал все, чтобы нейтрализовать эффект, подчеркивая богоизбранность и ответственность перед Богом короля и роль коронации как напоминания в духе кальвинизма.

Для понимания итогов развития комплекса электио-колаудатио и возможных интерпретаций как термина, так и ритуала показательным становится коронационный ритуал Иакова I Стюарта.

Сохранилось несколько описаний, причем каждое расставляет акценты по-своему и придает свое значение элементу выборности. Описание короны Иакова I оставил нам секретарь венецианского посольства Джованни Карло Скарамелли:

«Король и королева сели в кресла, стоявшие у основания трона в окружении их свит. Между хорами и алтарем был поставлен театр с перилами, примерно 12 футов высоты, открытый в стороны алтаря и хоров и с лесенками на этих сторонах. Он был покрыт алой тканью, как и хоры... На нем стояли два трона, примерно равные, со спинками восьмиугольной формы, к ним вели 6 ступенек, покрытых разноцветной тафтой.

У ограды театра стоял архиепископ Кентерберийский, глава духовенства и Тайного Совета, лорд-адмирал (лорд Говард из Эффингема, граф Ноттингем и лорд-главный гофмайстер), и канцлер, а с ними гербовый король (ордена Подвязки). Гербовый король три раза громким голосом сказал: «слушайте!». Тогда архиепископ по-английски сказал: «если кто не согласен, что король Иаков Шотландский есть законный король Англии, то должен сказать это сейчас, а иначе будет изменником, поскольку я собираюсь возложить на него знаки королевского достоинства, будучи твердо уверен, что он будет защищать своих людей и хорошо править ими, а я буду молить Бога даровать ему долгую жизнь». Все издали громкие крики радости. Затем действие было повторено в три другие стороны. Король все это время сидел на троне» [10, P. 74].

Как видно из этого описания, колаудация есть подтверждение законности власти, а не ее сотворение. Колаудация превращается в ритуал узнавания, а не признания или, тем более, изменения статуса. Более того, в теории слово предоставляется не для одобрения, а для возражения, и отказ от него уже считается согласием. Здесь, безусловно, проявляется и постепенно усиливающийся свадебный элемент короны.

Также оставил описание другой представитель Италии — римлянин Джованни делли Эффети:

«Графы надели шляпы и принесли клятву, а бароны принесли клятву с непокрытой головой. Король тоже принес, хотя я этого не видел, но все это выглядело как клятва (очевидно, Эффети перепутал королевскую клятву, которая была принесена до этого, и оммаж). Графы и бароны по очереди подходили и прикасались к короне, а король подавал им руку для поцелуя. Некоторые целовали корону, а не прикасались к ней, а юный граф Пемброк, к которому король был расположен, поцеловал не корону, а короля в лицо. Король, рассмеявшись, дал пощечину, но мягко и в шутку» [11, P. LXXI-LXXII].

Речь идет о ритуале прикосновения к короне, упомянутом еще в тексте 1308 года — прикосновения к короне, преобразованном в поцелуй. Таким образом, элемент «поддержки» был исключен, в глазах представителей церкви поцелуй, скорее всего, был отражением «поцелуя мира» [kiss of peace], а в глазах совершавших ритуал придворных являлся, скорее всего, подтверждением близости, почти семейности придворной корпорации, что подчеркнули граф Пемброк и сам король своими неформальными действиями. Следует оговориться, что не очень понятно, не ошибся ли делли Эффети в определении молодого человека как графа Пемброка. На тот момент титулом владел Уильям Герберт, 2-й граф Пемброк, которому исполнилось 24 года, однако королевским фаворитом (и, по некоторым сведениям, любовником) был его младший брат Филипп (который унаследует титул в 1630, а еще в 1605 станет графом Монтгомери). Вольность обращения скорее указывает на личность младшего брата, к которому Иаков I был очень расположен, и ошибка итальянца, перепутавшего двух представителей семейства Гербертов, представляется вполне возможной.

Местную интерпретацию демонстрирует рассказ Хамфри Репингтона, 2-го сына Томаса Репингтона из Страфффордшира, барристера из Иннер-Темпл:

«Король в длинном одеянии алого бархата, расшитого горностаем, воссел на государственное кресло. Королева в длинном

одеянии алого бархата с распущенными волосами села в государственное кресло по левую руку короля. Вокруг них на скамьях разместились графы и графини свиты. Затем подошел архиепископ Кентерберийский и начал читать по бумаге, а гербовый король Подвязка громким голосом объяснил причину этого торжественного собрания сословий всей страны — избрание короля (*election of the king*) и спросил: «принимают ли они Иакова как их короля?». В это время король стоял, поворачиваясь в ту сторону, в которую говорил архиепископ, а люди издавали громкие крики радости» [11, P. LXXVIII-LXXIX].

Как мы видим, в отличие от описания Скарамелли, Репингтон делает акцент на выборности монарха и на запрашивании согласия на коронацию у собравшихся. Традиционный взгляд английского юриста общего права по-прежнему требовал элемента избранности в законности королевской власти и, таким образом, усиления позиций представителей английской знати в политическом поле через их роль в сотворении королевской власти.

Впрочем, описание, сделанное Бенджамином фон Бувинкхаузенем, послом герцога Вюртембергского Фридриха, смогло объединить оба подхода:

«Затем его (короля) показали четырем сторонам церкви, в каждую из которых он поворачивался. При этом задавался вопрос: «признают ли люди Якова Шотландского как их короля, или кто-то из присутствующих желает что-то возразить?» Люди в едином порыве кричали «да», соглашаясь, поднимая руки и шляпы и ничего нельзя было услышать из-за шума и звука труб и рогов» [12, P. 21].

Следует, правда, оговориться, что фон Бувинкхаузен, скорее всего, не присутствовал на коронации — многие элементы его описания явно списаны с текста коронационного регламента, а описания архитектуры грешат неточностями, заставляющими предположить, что их автор просто не был в Вестминстерском аббатстве.

Также не присутствовал на коронации и Дагдейл, в тексте которого «Триумф времени» сказано: «и по всеобщему согласию получили права и были посвящены в титулы, стали обладателями королевского величия, царственности и сделали повелителями всего государства» [12, Р. 19].

Итак, становится очевидно, что вне зависимости от того, видели участники ритуал или нет, их интерпретация определялась традицией и собственной принадлежностью к определенной политической группе, равно как и стремлением усилить позиции своей группы в поле политической напряженности, создаваемом напряженностью противостояния различных групп по вопросам власти.

Как видно из приведенного выше обзора, вспышка упоминаний термина *electio* в связи с коронацией, приходится на вторую половину XIII – первую половину XIV века в хрониках и, что особенно важно, в работах юристов, например Брактона, который многократно пишет о том, что король должен быть избран [13, Р. 63]. Связана она, судя по всему, с рецепцией римского права. В Англии складывается группа приближенных к монархии юристов-цивилистов, которые работают, в том числе, и с коронационными документами Эдуарда II, что проявляется в измененной формуле клятвы. Сочетание идеи Ульпиана, что принцепс есть *lex animata*, с Цицероном и его утверждением, что *lex* происходит от глагола *legere*, выбирать, порождает ситуацию, при которой король, чтобы быть одушевленным законом, должен быть выбран. Эта идея укореняется в английской юридической мысли весьма плотно и, судя по всему, уже перестает ассоциироваться с цивилистикой. Именно эта идея заставила Томаса Репингтона услышать слова гербового короля Подвязки об избрании короля — слова, которые не были предусмотрены ни коронационным чином, ни малым проектом, и не были сказаны. Таким образом, идея выборности монархии не принижала, а напротив, возвеличивала короля и способствовала формированию доктрины божественной мудрости монарха.

Косвенным подтверждением традиционности упоминания выборности как части легитимности монарха является использование термина *electa* в отношении королев-консORTов. Так, в официальных документах про Изабеллу Ангулемскую (2-ю жену Иоанна) в официальных документах говорилось: «по общему согласию и сердечному желанию архиепископов, епископов, графов, баронов, клира и народа всего королевства коронованная королева Англии». Также Джон из Вустера в отношении Аделаиды Лувенской (жены Генриха I) использует термин *electa* [13, P. 45]. Разумеется, никак бароны, или церковь, или кто-либо еще не могли избирать супругу короля (особенно в том случае, когда он был уже женат на момент коронации), но выборность стала настолько необходимой частью коронации и легитимности, что упоминание становилось просто необходимым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schramm P. E. A History of the English Coronation. Oxford: Clarendon Press, 1937.
2. Willelmus Pictaviensis. Gesta Willelmi Ducis Normanorum et Regis Anglorum // Scriptores Rerum Gestarum Willelmi Conquestoris / ed. by I. A. Giles. London: D. Nutt, 158, Fleet Street, 1845. P. 77-158.
3. Kantorowicz E. Inalienability. A Note on Canonical Practice and the English Coronation Oath in the Thirteenth Century // Speculum. Vol. 29 № 3 (Jul. 1954). P. 488-502.
4. Tuden A., Turner V., Schwartz M. Introduction // Political Anthropology / ed. by A. Tuden, V. Turner, M. Schwartz. Chicago: Aldine Publishing Co, 1966.
5. Бурдые П. О символической власти // Социология социального пространства / П. Бурдые. СПб: Алетейя, 2007. С. 87-96.
6. Stubbs W. Selected Charters and other Illustrations of English Constitutional History. From the Earliest Times to the Reign of Edward the First. Oxford: Clarendon Press, 1870.
7. Legg L. G. W. English Coronation Records. Westminster: Archibald Constable & Co, Ltd., 1901.

8. Ramsay J. Genesis of Lancaster, or the Three Reigns of Edward II, Edward III and Richard II. In 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1913. Vol. II.
9. Hunt A. The Drama of Coronation. Medieval Ceremony in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
10. Calendar of the State Papers Relating to the English Affairs in the Archives of Venice / ed. by H. F. Brown. In 38 vols. London: Stationery Office, 1900. Vol. X.
11. Legg J. W. Coronation Order of King James I. London: F. E. Robinson, 1902.
12. Rye W. B. The Coronation of King James I, 1603 // The Antiquary. Vol. 22. 1890. P. 18-23.
13. Richardson H. G. The English Coronation Oath // Speculum. Vol. 24. № 1 (Jan. 1949). P. 44-75.

ИСКУССТВО СРЕДНИХ ВЕКОВ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЕВЫ МАРИИ В АНГЛИЙСКОЙ МИНИАТЮРЕ СЕРЕДИНЫ X — СЕРЕДИНЫ XI вв.

Дева Мария, будучи одним из важнейших персонажей Нового Завета, появилась в иллюстрациях англо-ирландских кодексов на самых ранних этапах развития островной миниатюры. Хорошо известно изображение Марии с Младенцем в окружении ангелов на фолио 7 об. Келлской Книги, создание которой относят приблизительно к 800 г.

Однако со второй половины X в. образу Девы Марии начинают уделять гораздо больше внимания, и меняется сам характер изображения Богоматери.

Центром англосаксонского королевства был Винчестер. Связь между королевским двором и мастерами винчестерских скрипториев появилась еще во времена правления короля Альфреда (871–899) [1, Р. 176], а во второй половине X века, когда восстановление политической стабильности после датского завоевания, близость к королевскому двору, протекторат власти и монастырская реформа создали благоприятные условия для развития искусства, только усилилась.

В иллюстрациях Бенедикционала святого Этельвольда (Винчестер, 971–984 гг.) впервые можно проследить связь между воплощением образа Девы Марии и значимостью, придаваемой реальной правительнице страны. Как сообщает нам в своем сочинении монах Биртферт, Эльфрит, жена короля Эдгара, в 973 г. стала первой английской королевой, помазанной на царство и коронованной вместе с мужем [2, Р. 150]. Однако даже если речь в источнике идет не о собственно коронации, а только о пышных свадебных

торжествах, несомненно то, что положение королевы и законной жены короля Эдгаре и Эльфрит усилилось. Не случайно именно в это время в Бенедикционале, заказанном политическим союзником Эльфрит святым Этельвольдом, среди множества других иллюстраций, изображающих Богоматерь в таких сценах, как Благовещение, Рождество Христово, Поклонение Волхвов, Принесение во Храм, Вознесение, впервые не только в английской миниатюре, но и во всем западноевропейском изобразительном искусстве [3, Р. 113] встречается эпизод коронования Марии (фолио 102 об.). Он появляется как часть сцены Успения Девы Марии, представляющей собой интересный с иконографической точки зрения вариант соединения в одном сюжете Успения с Коронованием.

Та же иконографическая схема Успения используется и в Бенедикционале архиепископа Роберта (Винчестер, ок. 980 г.). Богоматерь изображена на расположенном на листе по диагонали ложе в окружении четырех женщин. Из тех трех, что мы видим по левую руку от Марии, только одна представлена охваченной горем — она вытирает слезы краем своих одежд, — другие же сохраняют полное спокойствие. Разумеется, причина тут не в неумении английского мастера изобразить горе, а в том, что одна композиция объединяет Успение Богоматери и Ее Коронование. В то время как первое событие, связанное со смертью, безусловно, печально, второе, напротив, означает начало новой, более прекрасной жизни, а значит люди, способные разглядеть истинный смысл происходящего, не должны чрезмерно горевать о земном существовании. В медальоне в верхней части арки мы видим Божественную Длань, опускающую корону с тремя зубцами. Корона эта символизирует не только вознаграждение Марии за праведную земную жизнь, но и Ее вечное пребывание на престоле Царства Небесного вместе со своим божественным Супругом. Поза Богоматери с поднятыми руками, обращенными ладонями вверх, по направлению к короне, говорит о ее готовности принять божественное решение и без колебаний покориться ему.

Изображение Богоматери появляется в англосаксонской миниатюре и в иллюстрациях к другим сюжетам. Например, выразительный образ Марии присутствует в сцене Распятия в Псалтири Рамзи (Винчестер, кон. X в.). Фигура Богоматери, расположенная в левой части листа, без сомнения является одним из ярчайших выражений скорби в англосаксонском искусстве. Вся поза Ее говорит о страдании: плечи Марии подняты, голова склонена, крепко стиснутые края мафория прижаты к щеке. Впечатление зажатости и напряженности фигуры усиливают острые складки, собранные художником вокруг крепко сжатых Марией рук.

Важной для верного понимания значения образа Девы Марии в англосаксонском искусстве является одна из иллюстраций рукописи *Liber Vitae* аббатства Ньюминстер и Хайд (Винчестер, ок. 1031 г.), известной как выдающийся памятник винчестерского рисунка пером. В «Книгу жизни» аббатства записывали имена всех монахов и патронов монастыря, чтобы затем с благословениями прочитывать их во время мессы.

На фоллио 6 изображена сцена воздвижения в аббатстве памятного креста королем Кнудом и королевой Эммой. В верхнем регистре восседает в мандорле Господь, по правую руку от Него — Богоматерь с книгой, по левую — апостол Петр с ключом. Центральную часть листа занимает крест, который устанавливают король и королева. Парные портреты правителей не редкость в средневековой иконографии, однако в данном случае бросается в глаза то, что Эмма изображена по правую руку от Христа, на более почетном месте, чем король. Существуют разные точки зрения, на причину такой перестановки. Некоторые исследователи считают, что Эмма пожертвовала крест аббатству в отсутствие Кнута, поэтому ей и отдана главенствующая роль, но подобное предположение не подтверждается источниками. К тому же именно король держит рукой основание креста, т. е. изображен как активный жертвователь. Кетрин Карков считает, что положение короля и королевы на миниатюре может объясняться географическим положением их

резиденций относительно Ньюминстера: дворец короля располагался на юге, а владения королевы — на севере от аббатства, следовательно, если учесть, что крест устанавливается на алтаре, то есть на востоке, то север будет расположен слева, а юг — справа. [3, Р. 127] Однако более важной причиной представляется стоявшая перед художником необходимость уподобить средний ярус верхнему, прежде всего — подчеркнуть параллель между образами Эммы и Девы Марии. Данная аналогия усиливается изображением покрывала, которое ангел опускает на голову Эммы. Безусловно, символика покрыва Богородицы в большей степени актуальна для восточного христианства, однако нельзя исключать, что с ней были знакомы и англосаксонские мастера. При Романе II, т. е. примерно в середине X века, византийское искусство начинает оказывать особенно сильное влияние на Запад. На вероятное знакомство английских мастеров с восточнохристианской культурой указывает и тот факт, что в перечне пожертвованных Эммой Ньюминстерскому аббатству драгоценностей присутствовала также греческая рака со святыми мощами [3, Р. 124].

В англосаксонских манускриптах можно встретить своеобразную расширенную иконографию Троицы, именуемую *Quinity* [4, Р. 125], в которую включалась и Богородица. Примером такого изображения может служить иллюстрация на фоллио 75 об. второго тома Молитвенника Эльфвина (Винчестер, между 1023 и 1035 гг.). Слева от восседающих на троне Бога Отца и Бога Сына стоит Дева Мария с Младенцем на руках. На Марии диадема, напоминающая головной убор Эммы из иллюстрации в *Liber Vitae*. На голову Ей опускается Голубь – воплощение Святого Духа.

Иконографические аналогии данной схеме находятся в рисунках Утрехтской псалтири. В частности, на фоллио 89 об. Псалтири в верхнем ярусе нижнего блока иллюстраций выделяется сидящая фигура Божества в мандорле, слева от которой стоит Дева Мария с Младенцем Христом на руках, при этом на голову Марии садится голубь.

Расширенная версия Троицы, включающая изображение Марии, не случайно появляется именно на страницах Молитвенника Эльфвина: там же содержится наиболее ранний из сохранившихся текст посвященной Деве Марии церковной службы [5, Р. 13].

Итак, в истории развития изображения Девы Марии в английской раннесредневековой миниатюре прослеживается несомненная связь со значением образа королевы в сознании создававших иллюстрации. Когда английская королева начала играть большую роль в политической жизни, образ Богоматери стал чаще появляться на страницах манускриптов и значение его выросло. Вероятно, эта связь, с одной стороны, диктовалась заказчиками иллюстраций, с другой же, сознательно подчеркивалась самими мастерами, часто тесно связанными с королевским двором, недаром наибольшее внимание изображению Девы Марии уделяется в рукописях, созданных неподалеку от Винчестера, политического центра англосаксонского королевства. Следствием роста популярности образа становится то, что все больше сцен с участием Девы Марии попадает на страницы иллюстрированных кодексов. Создаются новые посвященные Марии тексты, и развиваются в англосаксонском искусстве новые иконографические схемы, включающие изображение Богоматери. Таким образом, можно заключить, что ко времени Норманнского завоевания в Англии сформировались собственные уникальные традиции почитания и изображения Богоматери.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Deshman R. Anglo-Saxon Art after Alfred // *The Art Bulletin*. Vol. 56, No. 2. P. 176–200.
2. Karkov C. E. *Text and Picture in Anglo-Saxon England: narrative strategies in the Junius 11 manuscript*. Cambridge, 2001.
3. Karkov C. E. *The ruler portraits of Anglo-Saxon England*. Woodbridge, 2004.
4. Brown M. P. *Manuscripts from the Anglo-Saxon Age*. London, 2007.
5. *AElfwine's prayerbook* / Ed. by B. Gunzel. Woodbridge, 1993.

ПОПОВА Я. А.

Тюменский государственный университет

МИНИАТЮРЫ «КОДЕКСА МАНЕССЕ»: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

В рамках заявленной темы мы попытаемся определить круг проблем, затрагиваемых историками при изучении визуальной составляющей манускрипта.

«Кодекс Манессе» был составлен между 1300 и 1330 годами в Цюрихе, по инициативе знатной семьи Манессе. Данный поэтический сборник является наиболее полным собранием баллад и песен на средневерхненемецком языке. Манускрипт содержит около 6000 стихов и славится своими красочными миниатюрами. Поэты расположены в сословном порядке: император Генрих VI, сын Фридриха I Барбароссы, расположен первым, затем следуют короли, герцоги, маркграфы, бароны, рыцари и, наконец, простолюдины.

В Париже, в 1852 году, часть кодекса была опубликована в виде факсимильного издания, а в 1925–1927 годах в Лейпциге в печать вышло полное факсимильное издание кодекса. В 1988 году в Гейдельбергском университете была организована обширная выставка, посвященная «Кодексу Манессе». Каталог выставки документирует саму рукопись, ее происхождение, историю и значение, как исторического и литературного источника. По итогам выставки вышел сборник статей. В честь 625-летия университета Гейдельберга, библиотека организовала еще одну выставку кодекса с октября 2010 года по февраль 2011 года [1].

Исследовательской интерес к памятнику отмечен еще в XVII веке, в частности, историков интересовала представленная в нем геральдическая информация, оцениваемая в то время достаточно скептически.

Интерес к манускрипту как к историческому источнику появился еще в конце XIX века: в 1892 году Карл Цангемайстер издал работу «Гербы, клейноды и знамена Большой Гейдельбергской рукописи», где он дал краткое описание гербам и приложил таблицы с изображением. В его работе геральдический материал «Кодекса Манессе» впервые опубликован в полном объеме и цвете. Основную часть его научного труда составляют в первую очередь краткие описания владельцев герба, самого герба, знамени или клейнода. Карл Цангемайстер утверждает, что рукопись дает нам богатую геральдическую информацию, однако нельзя делать поспешные выводы и доверять этой информации, так как рукопись с самого начала вызывает сомнения. Автор систематизировал и прокомментировал все имеющиеся в манускрипте гербы, что значительно облегчило работу последующим поколениям ученых [2, S. 5–10].

Вплоть до конца XIX в. миниатюры памятника не представляли большого интереса для исследователей, т. к. иллюстрации зачастую не воспринимались как самостоятельные исторические источники. Однако позже в исторической науке происходит переоценка роли миниатюр, их ценности как носителей разнообразной информации о средневековом обществе, появляется интерес к нобилитету, придворной жизни, куртуазной культуре.

Всплеск интереса к «Кодексу Манессе» обусловлен выставкой, посвященной манускрипту, и публикацией сборника научных статей по случаю юбилея библиотеки Гейдельбергского университета в 1988 году. Статьи посвящены разнообразным темам: стилистике миниатюр, гербам, чернилам и цветам, декорированию и т. д. [3, S. V].

Монография Инго Вальтера «Манесский кодекс. Миниатюры Большой Гейдельбергской песенной рукописи», которая была опубликована в 1988 году, является ценной иконографической работой. Вальтер говорит о неоспоримой ценности рукописи, о том, что миниатюры «Манесского кодекса» повлияли на наши представления о повседневной жизни времен средневековья.

По мнению автора, кодекс с его богатой коллекцией гербов является также ценным источником по истории геральдики. Но, как и Цангемайстер, автор убежден, что не все гербы можно рассматривать как исторически достоверные, так как некоторые из них оказались продуктом воображения художников. Автор отметил, что в основном темами изображений являются рыцари на турнирах или в бою. Также им было отмечены некоторые сходства с миниатюрами «Хроник» и «Истории Вильгельма Завоевателя» Рудольфа Эмского (ок. 1200–1254 гг.), например, в позах, жестах и даже в архитектуре [4, S. 26–27].

В 2006 году был опубликован сборник «Стратегии визуализации в средневековых изображениях и текстах», в котором Франциска Венцель доказывала, что иллюстрации кодекса являются интерпретацией литературного материала, и что жесты и позы изображенных поэтов имеют свой символизм. Например, миннезингер Генрих фон Фельдеке изображен в распространенной позе мыслителя, и несмотря на то, что вокруг радостная природа, он печален. Белка на плече, по мнению Венцель, символизирует женщину, которая вдохновляет поэта на написание стихов [5, S. 46–49].

Португальский ученый Рикарду Кошта проводил иконографический анализ десяти миниатюр, где подробно описал сюжеты, детали костюма и вооружения изображенных лиц. Целью данной работы является рассмотрение различных стилистических аспектов миниатюр и выявление рыцарских атрибутов, связанных с социальным положением, а также сцен повседневной жизни того времени. Автор описывает структуру рукописи и дает характеристику художникам: первый художник написал 110 миниатюр, датируемых 1300 и 1315 годами, они имеют между собой единство стиля, цвета и композиции. Другие три художника внесли свой вклад в работу позже, около 1330 года или несколько позднее. Кошта утверждает, что немецкие князи изображаются первым художником в четырех основных темах: сражениях, военных кампаниях, соколиной охоте и в игре в шахматы [6, P. 31–36].

Статья Николая Першау посвящена проблеме кодирования социально значимой информации. Анализируя женские головные уборы, он утверждает, что художники изобразили одежду в соответствии с модой XIII века, и все уборы можно условно поделить на две категории: с покрывалом и без. Здесь, по мнению автора, мы имеем дело в первую очередь со статусом женщины: если покрывало есть, то дама замужняя, незамужние девушки могли голову не покрывать [7].

Работа Марко Редолфи «Средневековая охота и ее представление в «Кодексе Манессе» своей целью ставит определение манеры придворной охоты позднего Средневековья на материале миниатюр. Автор полагает, что иллюстрации были написаны для публики, которая очень хорошо знала особенности вооружения или искусство охоты. Редолфи выделяет три преобладающих вида охоты в иллюстрациях: травля, облавная охота и охота на медведя. Исследователь предупреждает о том, что должны делаться определенные ограничения относительно выразительности иллюстраций, так как миниатюры «Манесского кодекса» изображают лишь придворную охоту и должны рассматриваться, как носители определенных идеализированных образов [8, S. 66–69].

Таким образом, изучение миниатюр «Кодекса Манессе» начинает активно развиваться с конца 80-х годов XX. Научные работы посвящены интерпретации миниатюр, их взаимодействия с текстом, типы и функции, проблема авторства изображений, костюм, гербоведческой информации, декор и цвета. Начиная с 80-х годов XX века, изучение миниатюр рукописи развивается стабильно. Мы можем сделать вывод о перспективности продолжения исследования любой из этих тем, т. к. иконографический анализ требует многостороннего подхода и тщательного изучения источника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальный сайт библиотеки Гейдельбергского университета [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ub.uni-heidelberg.de/allg/benutzung/bereiche/handschriften/codexmanesse.html> [дата последнего обращения 05.10.13].
2. Zangemeister K. Die Wappen, Helmzierden und Standarten der Grossen Heidelberger Liederhandschrift (Manesse-Codex) // Görlitz [u.a.], 1892.
3. Codex Manesse. Katalog zur Ausstellung / Hrsg. V.E. Mittler, W. Werner. Universitätsbibliothek Heidelberg, 1988.
4. Walther I. F. Codex Manesse. Die Miniaturen der Großen Heidelberger Liederhandschrift // Frankfurt am Main, Insel, 1988.
5. Wenzel F. Vom Gestus des Zeigens und der Sichtbarkeit künstlerischer Geltung im Codex Manesse // Visualisierungsstrategien in mittelalterlichen Bildern und Texten. Berlin, 2006. S. 44–63.
6. Costa R. Codex Manesse: quatro iluminuras do Grande Livro de Canções manuscritas de Heidelberg (século XIII) análise iconográfica. Primeira parte // Brathair. Bd. 1, 1. 2001. S. 3–12.
7. Perschau N. «... und einen wol gestalden huot» — Kopfbedeckungen für Frauen im Deutschland des 13. Jahrhunderts [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.apud-angeron.de/pdf/Kopfbedeckung.pdf> [дата последнего обращения 14.10.2013].
8. Redolfi M. Die mittelalterliche Jagd und ihre Darstellung im Codex Manesse // Mittelalter. Zeitschrift des Schweizerischen Burgenvereins. Bd. 7. 2002. S. 61–70.

КОЛПАШНИКОВА Д. Д.
Московский государственный университет

ДЕКОРАЦИЯ КАПЕЛЛЫ САН МАРТИНО В СОБОРЕ САН ФРАНЧЕСКО В АССИЗИ

Капелла Святого Мартина расположена в нижней церкви двухъярусного собора Святого Франциска в итальянском городе Ассизи — столице францисканского ордена. Небольшой по своему размеру памятник ярко отражает те изменения, что происходили в культурной и социальной жизни Италии начала XIV века.

Завершенная к 1317 году капелла является ранним примером целостного архитектурного ансамбля в пространстве храма. Впоследствии подобная типология станет характерным явлением для ренессансного искусства, но основные ее черты были заложены именно в памятниках Треченто, в частности, в рассматриваемой капелле.

Капелла — архитектурная единица, получившая особое значение с наступлением эпохи Возрождения. Она представляет собой отделенную от основного храмового объема маленькую комнату в приделе, чаще всего, с алтарем, служившую молельней и усыпальницей для владевшей ею семьи. Леон Баттиста Альберти называл капеллу «небольшой моделью храма» [1, С. 30].

Такие помещения были наделены характером частично личного пространства. Капеллы продолжали быть частью храма, но выражали идеи индивидуального благочестия, прославляли конкретный род, пропагандировали идеалы заказчика. Подобное явление было бы невозможным в Средние века. С наступлением новой эпохи с ее гуманистическими идеалами происходят перемены в восприятии роли личности и ее внутреннего мира, а также в отношении к религии и церкви.

Новое религиозное благочестие подразумевает более личный подход к вере. Таким образом, капелла нужна как возможность уединиться, абстрагироваться от окружающего церковного пространства — и даже в эти моменты капелла продолжает транслировать значимость ее заказчика.

Заказчик, в действительности, становится особенно важной личностью с наступлением эпохи Возрождения. Именно он определяет облик объекта, за который он платит. Стоимость выполнения капелл была высокой, так как они располагались в паломнических центрах или важных для города базиликах, и представляли собой архитектурно-живописный ансамбль. Соответственно, позволить себе частную капеллу могли только наиболее состоятельные представители итальянского общества, готовые заплатить высокую цену за увековечивание памяти о себе и о своей семье.

Заказчик капеллы кардинал Джентиле Партино да Монтефьоре — личность значительная и неординарная, при этом весьма показательная для своего времени. Кардинал служил в приходе римской церкви Святых Мартина и Сильвестра аи Монти, а начинал свою церковную карьеру монахом францисканского ордена, с которым поддерживал отношения на протяжении всей своей жизни — поэтому он договаривается о размещении своей родовой капеллы, посвященной почитаемому среди францисканцев Святому Мартину, в соборе Святого Франциска Ассизского.

Кардинал немало путешествовал по поручениям пап: Бонифация VIII, в чей узкий круг приближенных он входил, и Климента V, посылавшего его с ответственной дипломатической миссией в Венгрию. Среди благоволивших к Джентиле Партино были и светские правители — представители Анжуйской династии Капетингов. Для кардинала было важным отразить свое высокое политическое положение в ансамбле личной капеллы, свои личные устремления и амбиции.

Джентиле Партине да Монтефьоре получил степень профессора теологии в Париже и, как предполагают исследователи

[2, Р. 76; 3, Р. 184], сам продумал программу наполнения пространства капеллы. Тем более сложным был выбор художника, который выполнит заказ: его репутация, художественные особенности живописи, происхождение — все это играло определяющую роль.

Заказ был поручен художнику Симоне Мартини — представителю Сиенской школы живописи. На момент заказа этот ученик Дуччо уже выполнил ряд работ, прославивших его. Знаковым для его творчества является тот факт, что он, в силу своего происхождения, впитал в себя влияние как «маньера бизантина», так и духа французской готики. Художник привлекал своим увлечением рыцарской придворной культурой Франции, неожиданным для уроженца города-республики. Для его живописи характерны такие черты, как изысканность, выразительность, подробная проработка деталей. На решение кардинала мог также повлиять тот факт, что его знатные покровители из дома Анжу высоко ценили талант сиенского художника Мартини.

Сложные переплетения традиций, воплощенные в творчестве сиенского мастера, отразились в его капелле. Существуют основания, благодаря которым можно утверждать, что этот памятник является наиболее значительной работой в творческой биографии Симоне Мартини.

Прежде всего, нельзя отрицать тот факт, что капелла расположена среди произведений наиболее знаменитых художников своего времени: таких, как Джотто, братья Лоренцетти и другие, в крупнейшем по значению соборе конца XIII – начала XIV века.

Следует отметить, что в капелле Мартини проявляет себя как художника-монументалиста. Он вписывает в пространство комплекс фресок, подчиняя их расположение особой логике. По продуманной художником схеме, обрамленные в живописные рамки фрески-картины были разделены на два яруса. В нижнем из них располагались сцены, связанные с мирской жизнью Мартина-офицера, их композиции были лаконичными и ясно читаемыми. Верхний ряд, переходящий в сводчатые потолки, был связан со

святыми деяниями Мартина. Идея возвышенности сюжетов верхнего яруса выражалась также и в большей подробности их оформления, так как художник ставил перед собой задачу убедить зрителя в факте происходящего чуда.

Еще один важный момент заключается в том, что есть основания полагать: не только фресковый цикл, но и витражи, и архитектура капеллы были выполнены самим Симоне Мартини. Само по себе было новым явлением для начала XIV века, так как в Средние века было принято разделение обязанностей между мастерами. Так, налицо перемена отношения к исполнителю работ, а также можно сделать вывод о возрастающем значении ансамблевого мышления при создании масштабных произведений.

Симоне Мартини становится одним из первых художников, выполняющих от начала до конца самостоятельный полноценный ансамбль.

Эндрю Мартиндейл [2, Р. 175] выявил, что при формировании ансамбля, посвященного Святому Мартину, художник обращался к двум основным источникам: к Золотой Легенде Иакова Ворагинского и житию, написанному в V веке современником святого, Сульпицием Севером. Мартини посвящает жизни святого 10 фресок, помимо этого, в ансамбль включаются изображения отдельных святых.

Цикл начинается с фрески, на которой Святой Мартин делит свой плащ с нищим. Римский офицер Мартин, напоминающий рыцаря, выезжает из Амьена и встречает замерзающего нищего. Тогда Мартин разрубает свой плащ мечом, делясь половиной с бедняком. С подобного сюжета потом начнется и жизнеописание Святого Франциска Ассизского, поэтому логично, что художник изобразил этот объединяющий двух святых эпизод в капелле. Архитектура Амьена соответствует облику средневекового города.

До Симоне Мартини еще не было мастера, который бы так полно и планомерно проводил в своей работе идею актуализации. Мартини принципиально важно обострить отношение посетителя

капеллы к происходящему на фресках, заставить его сопереживать святому и, отчасти, проживать эпизоды из его жизни вместе с ним. Для этого он прибегает к различным приемам адаптации сюжета.

Во-первых, мастер переносит в современный антураж целые события. Например, он трактует поступление святого в римские офицеры как акколаду — церковную церемонию посвящения в рыцари, очевидцем которой был он сам (так как есть основания полагать, что сам Симоне Мартини был удостоен рыцарского титула, о чем писал Степанов [4; С. 111]), и могли быть посетители капеллы. На этой фреске Мартини, соблюдая подробности ритуала, изображает, как император Юлиан опоясывает воина мечом в ножнах на подвесе, а слуга закрепляет на его сапогах шпоры. Среди нарядных гостей церемонии — слуги с рыцарским шлемом и охотничьим соколом, атрибутами посвящения.

Во-вторых, «модернизации» сюжета способствует включение в изображение таких мелких и на первый взгляд незначительных деталей, как фасоны одежд, модных на момент создания фресок, и модели предметов интерьера.

Симоне Мартини настойчиво приближает события прошлого к современности. Это проявляется также и в том, что он неоднократно прибегает к косвенному упоминанию своего родного города — трактуя эпизод из жития в соответствии с сиенскими легендами, вручая варварам с фрески сиенские гербы, украшая покрывало с кровати святого традиционной сиенской вышивкой.

Фреска «Сон Святого Мартина» иллюстрирует перечисленные выше авторские приемы. На ней изображен тот эпизод из жизнеописания святого, в котором спящему воину во сне является Христос с ангельской свитой. Христос демонстрирует лоскут ткани плаща и сообщает, что это он был тем нищим, с которым Мартин им поделился. Ангелы внимательно прислушиваются к словам Господа, и даже сон святого больше напоминает сосредоточенное вдумчивое бдение с закрытыми глазами, а не расслабленный покой.

Художник тщательно прорабатывает детали: воротники ангелов и шапочка для сна святого соответствуют моде 1310-х годов, а такие ткани в клетку и с узором из концентрических кругов, как на пологе, в то время изготавливали в Сиене [3, Р. 191].

Еще одним подтверждением того, что художник стремился объединить современную реальность и события почти тысячелетней давности, становится изображение Святого Мартина, протягивающего руку коленапреклоненному кардиналу да Монтефьоре, заказчику капеллы. Подобное художественное решение было бы невозможно в Средние века с их редкими утрированными изображениями донаторов. Теперь же заказчик рассматривается как интересная личность с выдающейся судьбой, и нет ничего удивительного в том, что святой в епископских одеждах протягивает кардиналу руку. При этом заказчик изображен реалистично, художник дает настоящий портрет без прикрас.

Капелла Святого Мартина следует линии развития, заложенной Джотто в падуанской капелле Скровеньи, и формирует важную для Ренессанса традицию актуализации религиозной жизни, которая в дальнейшем будет продолжена в таких памятниках, как Испанская капелла и капелла Бранкаччи [5, С. 11]. Капелла Святого Мартина утверждает серьезные перемены в облике духовного пространства капеллы. Важно, что в этом редком примере Проторенессансной капеллы были уже сформулированы все характерные черты, связанные с проработкой сюжета и программой оформления пространства.

В росписях капеллы Симоне Мартини демонстрирует свое высокое мастерство живописца. Его колорит изысканный и нежный, манера нарядна и утонченна. В его до мельчайших подробностей проработанных фресках отражается новый для своего времени интерес к реальной жизни. Пешке подчеркивал появление в работах Мартини «элементов жанровой живописи и натюрморта» [6, С. 28]. Художник населяет свои сцены обилием красивых, но, казалось бы, необязательных деталей: таких, как музыканты

и слуги в причудливых костюмах, роскошные узоры, элегантные предметы интерьера. Живописное пространство у Симоне Мартини становится поэтизированным, увлекательным, притягивающим взгляд рассказом.

Без нововведений, отразившихся в капелле Святого Мартина, не сложился бы облик гуманистического, интеллектуального, гармоничного искусства эпохи Возрождения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилова И. Е. Итальянская монументальная живопись. Раннее Возрождение. М., 1970.
2. Martindale A. Simone Martini. Oxford, 1988.
3. De Castris P. L. Simone Martini. Milano, 2007.
4. Степанов А. В. Искусство эпохи Возрождения. Италия. XIV–XV века. СПб., 2005.
5. Jannella C. Simone Martini. Florence, 2003.
6. Пешке И. Монументальная живопись эпохи Джотто в Италии. 1280–1400. М., 2003.

ЧУРКИНА Д. А.

Московский государственный университет

АСТРОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИСКУССТВЕ И КУЛЬТУРЕ РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДЕКОРАЦИИ ПАЛАЦЦО СКИФАНОЙЯ В ФЕРРАРЕ)

В эпоху Ренессанса мистика и оккультизм, алхимия и астрология все еще занимали умы людей, в том числе и представителей высшего общества [1, С. 411]. Как и в Средние века, астрологические толкования и гороскопы широко использовались для объяснения конкретных явлений и общего мирового порядка; мироздание, таким образом, представлялось человеческому сознанию как сложная, но упорядоченная знаковая система [2, Р. 74]. Так, расположение планет на небосводе в момент рождения человека и их связь со знаками Зодиака определяли характер и темперамент.

Обращение к классической традиции, которой были впоследствии проникнуты все сферы ренессансной культуры, повлекло за собой и изменения в теоретических системах астрологов-гуманистов, обосновывавших влияние небес на земное существование. Эти процессы нашли свое визуальное подтверждение в изобразительном искусстве Ренессанса. Один из наиболее ярких примеров визуализации этого специфического аспекта культуры раннего Возрождения, воплотивших в себе переходное состояние астрологической традиции — росписи Зала месяцев Палаццо Скифанойя в Ферраре.

В ренессансной Ферраре, при дворе д'Эсте астрология занимала почетное место наряду с увлечением классической культурой. Она имела статус особой «придворной науки» (*scienza di corte*) [3, Р. 16]. Это во многом способствовало появлению сложного аллегорического проекта, сочетавшего в себе разные традиции

и таким образом ставшего наиболее характерным памятником феррарского искусства и культуры.

Вопрос существования и переосмысления средневековой астрологической традиции в монументальной декорации Зала Месяцев Палаццо Скифанойя в значительной степени является одной из наиболее показательных проблем, отражающей специфику культуры и искусства Раннего Возрождения. Мы попытаемся дать комплексную характеристику ансамбля, опираясь на астрологическую составляющую программы, а также определить его значение в эволюции художественной культуры Ренессанса в целом.

Палаццо Скифанойя было одной из загородных резиденций феррарских правителей д'Эсте. Дворец, возведенный еще в последней четверти XIV века, в 60-х годах XV столетия был расширен по приказу Борсо д'Эсте, предпочитавшего его официальной резиденции в центре города. В 1469–1470 годах в ходе заключительного этапа работ ведущими мастерами феррарской школы — Франческо дель Косса, Козимо Тура и Эрколе де Роберти — была выполнена роспись нового парадного зала для приемов, благодаря изображенным на его стенах сюжетам получившего название Зал Месяцев.

Правильная прямоугольная форма помещения позволила мастерам удачно реализовать полностью покрывающую стены зала ритмично организованную живописную декорацию из двенадцати аллегорических композиций, каждая из которых соответствует одному из месяцев года.

Роспись зала подчинена единой четкой трехъярусной структуре: верхний регистр занимают изображения триумфов олимпийских богов и аллегорических сцен. Здесь концентрируются сразу несколько важных мотивов, связанных с античной мифологией и имеющих важное символическое значение для культуры Возрождения. Двенадцать олимпийских богов выступают как покровители планет и месяцев года. Вокруг них расположены аллегорические композиции с персонификациями «детей» планет, демонстрирующие покровительство божеств тем или иным

человеческим занятиям [1, С. 412]. Здесь мы наблюдаем факт непосредственной преемственности позднесредневековой астрологической художественной традиции, использующей вместо изображений олимпийских богов персонификации планет и, соответственно, «детей планет».

В нижнем ярусе росписи представлены многофигурные насыщенные композиции, иллюстрирующие разные эпизоды из жизни феррарского двора, главным героем которых неизменно является Борсо д'Эсте.

Если композиции в верхнем и нижнем ярусе варьируются (при соблюдении некоей общей иконографической схемы), то средний регистр наиболее статичен и самодостаточен. Во всех двенадцати компартиментах в нем помещены триады фигур: соответствующего данному месяцу зодиакального созвездия и так называемых деканов — согласно астрологической теории, покровителей трех декад каждого месяца. Несмотря на то что логически этот ярус не связан с соседними, именно он позволяет объединить «небесный» и «земной» мир в единую структуру, образуя, таким образом, своеобразную картину мироздания.

Фресковый цикл открывается на восточной стене месяцем Мартом, так как по староитальянской традиции начало года совпадало с мартовским весенним равноденствием и началом полевых работ. Кроме того, знак Овна, соответствующий месяцу Марту, открывал зодиакальный год. Важно отметить, что общий ход повествования всего цикла разворачивается справа налево, то есть против часовой стрелки. Подобное несоответствие традиции монументальной декорации используется неслучайно: смена живописных времен года на стенах Зала Месяцев соответствует траектории движения Солнца с востока на запад. Таким образом, уже в структуре ансамбля мы встречаем факт апелляции ренессансного общества к влиянию небесных тел на земную жизнь. Проходя через все знаки Зодиака, Солнце «освещало» правление Борсо д'Эсте, эпизоды которого зафиксированы на стенах зала.

В основу программы астрологической декорации Зала Месяцев Палаццо Скифанойя лег открытый учеными-гуманистами в начале XV столетия текст поэмы «Астрономика» I в. н. э. римского астролога Марка Манилия в переложении феррарского придворного историка, библиотекаря и астролога Пеллегрино Пришани.

Поэма Манилия «Астрономика» представляла собой компиляцию сведений по астрономии и астрологии, известных в античности. Автор обращает особое внимание на то, что каждому созвездию покровительствует божество из античного пантеона [4, С. 67]. Данная астрологическая система легла в основу четкой структуры росписи Зала Месяцев и определила символику верхнего и среднего ярусов. Если в центральном ярусе был изображен знак Зодиака данного месяца, то в верхнем регистре находилась сцена триумфа именно того божества, которое покровительствует этому созвездию. Фрески восточной стены подтверждают данную теорию: в верхнем ярусе Марта изображен триумф Минервы, покровительствующей наукам и ткачеству, о чем свидетельствуют группы ученых мужей и девушек, занимающихся рукоделием. В Апреле мы видим триумф богини любви Венеры, вокруг колесницы которой расположились влюбленные пары — своего рода реминисценция средневекового «сада любви». Теория Манилия позволяет приблизительно восстановить схему росписи Зала Месяцев даже несмотря на значительные утраты красочного слоя: в Мае изображен триумф Аполлона, в Июне — триумф Меркурия, в Июле — триумф Юпитера и матери богов Кибелы, в Августе — триумф Цереры; трем осенним месяцам покровительствовали соответственно Вулкан, Марс и Диана, а зимним, завершающим годовой цикл, — Веста, Юнона и Нептун.

Что касается традиции деканов, изображенных в среднем регистре росписи, то она имела более древнее происхождение. В Древнем Египте деканами называли звезды, с помощью которых можно было узнать время года и определенный час ночи. Постепенно под влиянием традиций разных культур деканы обрели

антропоморфный облик, в котором они и представлены на стенах Зала Месяцев Палаццо Скифанойя. Несмотря на их изысканные придворные облачения, в значительной степени эти фигуры подходят под описание деканов в известном Пеллегрини Пришани трактате ведущего астролога Средневекового Востока Абу Машара «Большое вступление», созданном в IX веке.

Астрономический трактат Абу Машара, переведенный на латинский язык в XII столетии, в свою очередь, соединяет в себе элементы античной науки, персидской и зороастрийской мифологии, а также египетской, халдейской и индийской астрологии [5, Р. 43]. Особенно четко прослеживается ориентация Абу Машара на натурфилософскую концепцию Аристотеля, с сочинениями которого он мог быть знаком: в «Большом вступлении» наука астрологии обосновывается наукой природы. Таким образом, астрологические сюжеты Палаццо Скифанойя построены на прочной классической теоретической системе, отчасти скрытой за средневековой художественной традицией.

Чтобы нагляднее продемонстрировать особенности программы декорации Палаццо Скифанойя, обратимся к росписи Большого зала Палаццо делла Раджоне в Падуе, наиболее яркому и полноценному примеру монументальной астрологической декорации первой половины XV века в Северной Италии. Этот ансамбль был выполнен в начале XIV столетия предположительно самим Джотто по программе врача и астролога Пьетро д'Абано, безусловно, знавшего трактат «Большое вступление» Абу Машара, и восстановлен заново после разрушительного пожара в 1425–1440 гг.

Несмотря на большую площадь, занимаемую фресками, и грандиозный масштаб всей декорации Палаццо делла Раджоне, ей свойственна типичная готическая дробность. Вся живописная плоскость разделена на небольшие сегменты, преимущественно квадратные, в которых были изображены планеты, знаки Зодиака, многочисленные символы внезодиакальных созвездий, так называемые «*paranatellonta*» [6, Р. 100], и «дети» планет. Один из

мотивов впоследствии получит свое развитие в «Апреле» Палаццо Скифанойя: изображение дамы в саду рядом со знаком Тельца является вариантом устойчивой средневековой иконографии аллегории Венеры [7, Р. 33]. Программа Пьетро д'Абано, как и его книга *Astrolabium Magnum*, несла в себе следы влияния астрологических систем древности, скрытые, однако, за средневековой обрванностью. В феррарском ансамбле эта «двойная природа» средневековой аллегории переживает этап кризиса, в нем наблюдается возвращение к исходным образам античных богов согласно программе Марка Манилия. Соответственно, это обусловило более четкую и ясную структуру декорации.

Однако главное отличие декорации Палаццо Скифанойя от предваряющих ее ансамблей состоит в том, что она несет в себе идеи ренессансного индивидуализма и антропоцентризма. Астрологические сюжеты здесь имеют вполне конкретную и обоснованную сферу приложения. Придворное искусство ренессансной Феррары всегда имело своей целью обоснование и прославление власти правящей династии д'Эсте. Соответственно, ключевым в системе росписи является нижний ярус. Он является принципиально важным в отношении понимания феррарского Ренессанса, так как помимо комбинации разнообразных сюжетов на светскую тематику художник изображал ту красоту и полноту мира, которая открывалась ренессансному сознанию в XV веке. Борсо д'Эсте, представленный в различных ипостасях, становился, таким образом, воплощением ренессансной личности, «просвещенным» и великодушным правителем, и в то же время способным к полноте восприятия окружающей действительности человеком Возрождения.

Верхние регистры, несмотря на их композиционную самостоятельность, тесно связаны с нижним в смысловом отношении: в этом случае добродетели герцога Борсо получают покровительство со стороны небесных сфер.

Таким образом, декорация Палаццо Скифанойя становится воплощением ренессансного, гуманистического переосмысления

западноевропейской и восточной средневековой астрологической традиций. Результатом этого процесса стало возвращение к образам классической мифологии, ставших, в свою очередь, атрибутами прославления ренессансного монарха.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Делюмо Ж. Цивилизация Возрождения. Екатеринбург, 2006.
2. Chastel A. *Le mythe de la Renaissance 1420–1520*. Genève, 1969.
3. Bertozzi M. *La tirannia degli astri. Gli affreschi astrologici di Palazzo Schifanoia [1985]*. Livorno, 1999.
4. Марк Манилий. Астрономика. Наука о гороскопах / Пер., вступ. статья и комм. Е. М. Штаерман. М., 1993.
5. Lemay R. *Abu Ma ‘Shar and Latin Aristotelianism in the Twelfth Century: The Recovery of Aristotle’s Natural Philosophy through Arabic Astrology*. Beirut, 1962.
6. Dunlop A. *Painted palaces: the rise of secular art in early Renaissance Italy*. University Park, Pennsylvania, 2009.
7. Cieri Via C. *L’antico fra mito e allegoria. Il tema dell’ amore nella cultura di immagini fra ‘400 e ‘500*. Roma, 1985–1986.

**ДУЭССА КАК ОБРАЗ КАТОЛИЧЕСТВА
В «КОРОЛЕВЕ ФЕЙ» Э. СПЕНСЕРА**

Согласно первоначальному замыслу, посвященная Елизавете I поэма «Королева фей», над которой Э. Спенсер работал в 1580-е – 1590-е гг, должна была состоять из двенадцати книг, иллюстрирующих добродетели, приведенные Аристотелем в «Никомаховой этике». [1, Р. х] Основная тема Первой книги поэмы — достижение Святости, главный герой книги Рыцарь Красного Креста после многочисленных испытаний становится воплощением этой добродетели. В разные моменты повествования Рыцаря сопровождают две дамы: Уна, положительный персонаж, та, с чьей помощью в итоге происходит духовное преображение Рыцаря, и Дуэсса, отрицательный персонаж, она все время сбивает Рыцаря с истинного пути.

На мысль о соотнесенности описываемых в «Королеве фей» событий с событиями английской истории наводят слова Э. Спенсера из письма к У. Рэли о намерении воплотить образ Елизаветы I в некоторых персонажах поэмы [1, Р. х]. Историческим подтекстом «Легенды о Святости» могла, скорее всего, служить борьба между протестантами и католиками, развернувшаяся в Англии в XVI в. О протестантских симпатиях Э. Спенсера свидетельствуют некоторые факты его биографии: во-первых, его патроном был фаворит Елизаветы I граф Лестер, глава протестантской партии при дворе, во-вторых, литературным дебютом Э. Спенсера был перевод стихотворений для английского издания антикатолического памфлета «Театр» Яна ван дер Ноота [2, Р. 17].

Принимая во внимания религиозные симпатии автора, мы попытаемся проследить, как создается образ основного отрицательного персонажа Первой книги «Королевы фей» — Дуэссы. Для начала обратимся к семантике имени рассматриваемого персонажа. Во-первых, имя Дуэссы созвучно названию города Дуэ, в котором английскими католиками, покинувшими страну по восшествии на престол Елизаветы, был основан католический колледж. В 1582 г. в Реймсе был издан перевод Нового Завета на английский язык, выполненный членами колледжа Дуэ. Текст был снабжен пространными комментариями, основной целью его публикации было противопоставить протестантскому переводу Библии католический вариант [3, Р. 240–242].

Во-вторых, очевидна связь имени Дуэссы с латинским корнем *-duo-* — два, тем более, двойственность — одно из основных ее качеств. Со времен античности бытовали представления о связи нечетного с мужским началом, добром, светом, а четного — с женским началом, злом, тьмой [4, Р. 13]. В христианстве двойка была связана с еретиками, теми, у кого «два сердца», ввиду чего они, по словам Григория Великого, не способны любить Господа всем сердцем. Еще более древняя традиция связывает число два с ложью и изменчивостью [4, Р. 53].

Внешний облик Дуэссы также полон значимых деталей. Первая — алые одежды, в которые облачена дама [1, Р. 15]. На бытовом уровне алый цвет одежды — указание на высокий социальный статус и богатство [5, Р. 17–18]. В Женевской Библии в комментарии к Откровению (17:13) говорится, что алый цвет, красные и пурпурные одежды любимы римскими священниками, алый же называется цветом величия и триумфа [11]. В качестве цвета одежды священников алый символизировал жертвенную кровь Христа [6, Р. 25]. Для протестантов же алые одежды католических священников становятся символом крови невинных, пролитой католиками [11].

В облике дамы присутствует еще одна деталь, которая требует внимания. При первом появлении Дуэссы ее голову венчают короны, которые выглядят как «персидская митра» [1, Р. 15]. Позднее при описании ее одеяния упоминается тройная корона [1, Р. 66]. Согласно Д. Фицпатрик, эпитет «персидский» в «Королеве фей» имеет две основные коннотации: богатство, роскошь и враждебность по отношению к христианству [7]. Короны, которые на голове Дуэссы выглядят как персидская митра, вызывают ассоциации с папской тиарой. В средневековых текстах наряду со словом «тиара» для обозначения этого предмета одежды также использовалось слово «митра», поскольку сначала папская митра и тиара выглядели практически одинаково [8, Р. 108].

Папа Бонифаций VIII (1294–1303) добавил к тиаре вторую корону. Это должно было служить наглядной иллюстрацией того, что Бог поставил Папу выше земных правителей. В начале XIV в. появилась тройная тиара. Автором этого нововведения считается либо Бенедикт XI, либо Клемент V. [8, Р. 113–114]. «Дополнительные короны» в тиаре Папы являются выражением его стремления быть выше земных правителей, королей, что, по большому счету, тоже было проявлением тщеславия.

В тексте содержатся несколько упоминаний о любовниках Дуэссы [1, Р. 15–16, 68]. Сексуальность Дуэссы, ее двуличность и волшебная сила — олицетворение того, что считалось худшей частью женской природы, апофеоз женского.

Багряные одежды, короны и украшения Дуэссы, с которыми читатель сталкивается при ее первом описании, являются визуальными деталями, связывающими образ этого персонажа с фигурой Вавилонской блудницы из Откровения Иоанна Богослова. Зверю багряному из Откровения, на котором восседает Вавилонская блудница, соответствует в тексте чудовище, на которого посадил Дуэссу великан Оргоглио [1, Р. 66]. Об этом свидетельствуют комментарии современников Э. Спенсера. [9, Р. 167]

В Откровении сказано: «Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена» (Откр. 17:9) [10, С. 901]. Семь гор — семь римских холмов. В комментариях к Женевской Библии зверь также ассоциируется с Римом [11].

Как и роскошное платье Дуэссы, одеяние Вавилонской блудницы описывается в комментариях к Откровению как наиболее славное, триумфальное, богатое и роскошное, отмечается также, что красные одежды Вавилонской блудницы символизируют кровь праведников, которую она (католическая церковь) пролила [11].

В тексте поэмы при описании замка Оргоглио появляется соответствующая деталь — весь пол залит кровью невинных младенцев и взрослых людей, на алтаре из мрамора часто проливалась кровь истинных христиан, святых мучеников [1, Р. 80].

Д. Уотерс, анализируя текст проповедей Генриха Буллингера, отмечает, что католическая церковь, персонификацию которой Буллингер видел в Вавилонской блуднице Откровения, будет наказана за то, что сделала земных правителей своими торговцами, околдовала народы своим колдовством, убила учителей истинного Писания и погубила множество невинных людей [12, Р. 281].

В протестантских текстах католическая церковь нередко представляется не только как Вавилонская блудница, но и как Цирцея (например, в уже упомянутых проповедях Буллингера) [13, Р. 512]. То обстоятельство, что Дуэсса, будучи воплощением католической церкви, наделена волшебной силой, является неслучайным. Вера в сверхъестественные силы, колдовство, волшебников была связана у протестантов с католической церковью, что было следствием их представлений о ложности учения католиков и презрения к их трепетной приверженности ритуалам [12, Р. 281].

Вавилонская блудница и Цирцея как олицетворения католической церкви часто сливались в текстах протестантских проповедников. Уильям Фулк, теолог, пользовавшийся покровительством графа Лестера и в 1578 г. назначенный главой Пембрук-Холла [14],

в котором учился Э. Спенсер [2, Р. 16], называет католическую церковь «Вавилонской Цирцеей». Протестанская пропаганда описывала католическую церковь в образе Цирцеи так: «соблазняющая, чарующая, волшебная, изменяющая, отравляющая, ослабляющая, изнеживающая» [15, Р. 210].

Цирцеей была в глазах англичан и Мария Стюарт. В 1586 г. появились сразу три поэмы, представляющих ее в этом образе [16, Р. 686]. Еще одно сходство между Дуэссой и Марией Стюарт — непостоянство, невоздержанность и сластолюбие, которые приписываются королеве Шотландии в латинском трактате Джорджа Бьюкенена «О Марии Шотландской» [16, Р. 685].

Деталь, связывающая образ Дуэссы одновременно с образом Вавилонской блудницы и Марии Стюарт — тройная корона. Недолго пробыв королевой Франции, Мария Стюарт являлась также королевой Шотландии и — для католиков — законной королевой Англии. Известно, что сын Марии Стюарт, Яков VI Шотландский узнал в Дуэссе свою мать и требовал от Елизаветы наказать автора поэмы [17, Р. 8; 2, Р. 6; 39].

Помимо Марии Шотландской, исторической параллелью Дуэссы можно считать и Марию Тюдор. На метафорическом уровне, где Уна выступает как истинная церковь, а Рыцарь Красного Креста персонифицирует английский народ, время, когда рыцарь покинул Уну и сделал Дуэссу своей дамой, соответствует периоду правления Марии Тюдор. Еще одна деталь — кровь невинных жертв, которая также является отсылкой к Марии I Кровавой.

Итак, в первоначальном описании персонажа сразу даны черты, которые получают развитие в его дальнейшей характеристике: невоздержанность, любовь к роскоши, двуличие.

На мифологическом уровне образ Дуэссы оказывается связанным с образом Вавилонской блудницы из Откровения Иоанна Богослова, а на историческом уровне — с наиболее известными представительницами католичества, Марией Стюарт и Марией Тюдор. Причем названные выше пласты не существуют отдельно

в структуре образа, они бывают связаны какой-нибудь деталью. Например, сексуальность в образе Дуэссы связывает ее с Марией Стюарт, чью красоту и женскую привлекательность отмечали современники. И все же центральной составляющей образа является сходство с Вавилонской блудницей из Откровения, через которое персонаж вписывается в надвременной контекст священной истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Spenser E. *The Faerie Queene*. New York: Appleton and company, 1859.
2. *The Cambridge Companion to Spenser*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
3. Dutcher E. O. *The Douay Version* // *The Biblical World*. Vol. 37 No. 4 (Apr.) 1911. P. 240–246.
4. Schimmel A. *The Mystery of Numbers*. New York: Oxford University Press, 1993.
5. *The Greenwood Encyclopedia of Clothing Through World History: In 3 vols. Vol. II*. Westport: Greenwood Publishing Group, 2008.
6. Greenfield A. *Perfect Red: Empire, Espionage, and the Quest for the Color of Desire*. New York: HarperCollins Publishers, 2005.
7. Fitzpatrick J. «Corrupt with Goodly Meede»: Munera and Medusa in Book 5 of Spenser's *The Faerie Queene* // *Early Modern Literary Studies*. Vol. 4 No. 1 (May) 1998. URL: <http://purl.oclc.org/emls/04-1/fitzspen.html> (Дата последнего обращения: 04.09.2013.)
8. Norris H. *Church Vestments: Their Origin & Development*. New York: Courier Dover Publications, 2002.
9. Fleck A. *Early Modern Marginalia in Spenser's Faerie Queene at the Folger* // *Notes and Queries*. Vol. 55 No. 2 (June) 2008. P.165–170.
10. Библия. М.: Российское библейское общество, 2008.
11. *Revelation* // *Geneva Bible with Notes*. URL: <http://www.reformedreader.org/gbn/gbnrevelation.htm> (дата последнего обращения: 10.09.2013.)
12. Waters D. *Error's Den and Archimago's Hermitage: Symbolic Lust and Symbolic Witchcraft* // *English Literary History*. Vol. 33 No. 3. 1966. P. 279–298.

13. Bullinger H. A Hundred Sermons upon the Apocalypse of Jesus Christ Reveiled in Bed by Angel of Lord. URL: http://archive.org/stream/BullingerHenry/Bullinger_hundredSermonsUponTheApocalips_1561#page/n0/mode/1up (Дата последнего обращения: 03.09.2013.)
14. The Concise Oxford Dictionary of the Christian Church / Ed. E. A. Livingstone. // Oxford Reference. URL: <http://proxy.library.spbu.ru:2287/view/10.1093/acref/9780198614425.001.0001/acref-9780198614425-e-2282> (дата последнего обращения: 30.09.2013.).
15. Witchcraft in Early Modern Europe: Studies in Culture and Belief / Ed. J. Barry, M. Hester, G. Roberts. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
16. Neill K. Spenser's Acrasia and Mary Queen of Scots // Publications of the Modern Language Association of America. Vol. 60. No. 3 (Sep.). 1945. P. 682–688.
17. Nelson W. The Poetry of Edmund Spenser. New York; London: Columbia University Press, 1963.

УДК 7.034.4

НОВИКОВА Е. О.

Московский государственный университет

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ ФРАНЧЕСКО КОЛОННА «ГИПНЭРОТОМАХИЯ ПОЛИФИЛА» (ВЕНЕЦИЯ, 1499)

Иллюстрированный роман «Гипнэротомехия Полифила» («Любовное бореие во сне Полифила», или «Сон Полифила»), изданный Альдом Мануцием в 1499 году в Венеции, по праву считается одной из известнейших и прекрасных книг эпохи Возрождения. Этот аллегорический роман, украшенный почти 200 ксилографиями, давно завоевал сердца библиофилов и привлек к себе внимание крупнейших ученых, по праву оценивших его значение [1; 2].

Главной проблемой в традиции исследования «Гипнэротомехии» является разделение текста и иллюстраций. В последней четверти XIX в. знаточеский критический подход развенчал старые атрибуции авторства гравюр крупным мастерам, при этом отмечалась вторичность иллюстраций по отношению к тексту [3; 4], который к тому времени изучался гораздо активнее. Изучение содержания иллюстраций отошло на второй план.

Последние научные тенденции призывают последовательно соотносить текст с иллюстрациями, помня об их художественной самостоятельности и признавая за ними роль носителя духа и отчасти смысловой составляющей романа [5; 6]. Доклад рассматривает иллюстрации и другие элементы оформления «Гипнэротомехии» с целью выявить механизмы взаимодействия текста и изображения, их стилевую общность.

Оставив за рамками исследования единичные альтернативные версии происхождения книги и признавая «Сон Полифила» подлинно венецианским детищем, начнем с краткого очерка культурной среды, в которой появился роман.

Гуманизм в Венеции начал набирать силу несколько позднее, чем в остальной Италии и развивался во многом благодаря влиянию венецианских греков — носителей классической учености. Венецианский гуманизм отличался более высоким интересом к естественным наукам, чем к проблемам этики. Можно сказать, что гуманизм в Венеции носил замкнутый, «кабинетный» характер. Поэтому «Гипнэротомехия», насыщенное бесконечными книжными аллюзиями фантазийное сочинение, объединившее средневековые анахроничные черты с одержимостью классикой, стало вполне адекватным «выплеском» накопленных знаний и чувств в момент, когда ренессансные принципы в искусстве были еще не до конца усвоены.

Отношение Венеции к античному наследию также своеобразно. Когда был основан город, Римская империя доживала свой век в упадке. Однако, венецианцы умели вписывать античность в свой

контекст, по-своему ее интерпретируя, и словно создавая свою собственную, воображаемую античность.

Сложно переоценить роль Альда Мануция. Владелец знаменитого издательского дома и археограф, он создал в Венеции «Новую академию», чьей целью было издание и распространение книг с исправными текстами. Благодаря Альду готический шрифт был окончательно вытеснен более привлекательной для итальянцев антиквой, а также введено типографское новшество — италик, или курсив, напоминающий письмо от руки и сохранившийся в книгопечатании наших дней. Когда трепетное коллекционирование рукописных копий древних книг все еще считалось особым шиком, Мануций стал выпускать качественные серийные издания классиков в «карманном» формате ин-октаво и безо всяких украшений. Деятельность Альда утвердила новые принципы публикации, расширила и конкретизировала набор издаваемых памфлетов и внедрила новый способ оформления книг.

«Гипнэротомехия» была экспериментом во всех ее аспектах: искусственный язык романа, смесь латыни, итальянского и греческого, изначально не мог претендовать на дальнейшее распространение и использование, становясь характерной частью образа одной уникальной фантазии, одного-единственного сна. Работа над книгой была экспериментом и для издателя: до «Сна Полифила» Альд предпринял не очень удачную попытку выпуска книги с иллюстрированным разворотом («Геро и Леандр»).

Роман открывается титульным листом, на котором в форме «косынки» заглавными буквами набрано полное название книги; шрифтовая композиция довершена астеризмом. На титульном листе нет каких-либо украшений; не предшествует тексту романа и традиционный пышный фронтиспис. Титульный лист нарочито лаконичен. Вероятно, отказ от предвосхищающих содержание книги изображений связан с самим характером романа: герой как бы проходит степени инициации, преодолевая границы между разными областями пространства и времени.

Каждая глава начинается с украшенного инициала. В сочетании начальных букв каждой главы рождается акrostих, намекающий на автора романа: «POLIAM FRATER FRANCISCUS COLUMNA PERAMAVIT». Буквицы выполнены в четырех различных орнаментальных стилях, что, на наш взгляд, объясняется последовательным эклектизмом всей книги.

Текст романа разделен на две книги. Первая книга значительно больше по объему и проиллюстрирована 151 гравюрой. Большая часть повествования посвящена подробному описанию чудес из мира сна главного героя, Полифила: архитектуры, скульптуры, садов, триумфов, ритуалов и празднеств. Экфрасис обусловил появление нескольких полностраничных изображений и знаменитых «триумфов» на разворотах, составленных из парных иллюстраций в рамках.

Размеры и пропорции иллюстраций в тексте совершенно произвольны, они могут либо заключаться в рамки, либо нет. Сюжетные композиции отличаются динамизмом и ясностью.

Цикл, описывающий свадебный ритуал в храме Венеры, состоит из 10 гравюр. Одержимость автора миром античности вызвало и желание постигнуть ее самую таинственную сторону — мир мистерий. Неудивительно, что описанию обряда отведено большое внимание, а каждый его этап проиллюстрирован.

В текст включены планы садов и построек. Художник точно по тексту воспроизводит трофеи, лампы, вазоны, штандарты, стены и т.д. Эти небольшие картинки без рамок, врезанные в текст по краям, придают страницам вид иллюстрированного научного *trattato*, где описываемый предмет сразу же обретает наглядное свое изображение. Очаровывающие и увлекающие главного героя иероглифы и эмблемы изображены крупно и тщательно. Объемные тексты древних надписей зачастую напечатаны поверх ксилографий, оказываясь словно выбитыми на поверхности сколотых плит.

Во второй книге характер повествования существенно меняется, что неизбежно повлекло и изменение характера иллюстраций.

В центре внимания — история любви Полифила и Полии. Вторая часть романа сопровождается лишь 17 гравюрами. Иллюстрации акцентируют самые сильные переживания героев и отмечают смену их состояний. Так, сюжету воскрешения Полифила посвящено 8 гравюр. Драматичны картины сновидения Полии о наказании Купидоном двух неповиновавшихся ему женщин, чья прямолинейность в изображении телесных страданий и терзаний напоминает скорее средневековые миниатюры. Три заключительные гравюры, показывающие воссоединение влюбленных на небесах при покровительстве Венеры и Амура, следуют друг за другом на развороте и оборотной стороне второго листа и композиционно мало отличаются одна от другой. Очевидно, автор иллюстраций еще не освоил новые, ренессансные способы выразительности для передачи подобных сюжетов.

Гравюры выполнены в очерковой манере, развитой из венецианской традиции иллюстрирования. Жизнь линии является основным средством выразительности (штриховка вводится крайне редко и лишь для «оживления» крон деревьев). Неизвестный автор рисунков к иллюстрациям обладал прекрасным чувством стиля и ритма. Его композиции сообразны изменчивому характеру повествования. Художник не боится незаполненного пространства; komponуя изображение, он руководствуется запросами сюжета и своим безупречным чувством меры.

Иллюстратор «Гипнэромахии Полифила» особо интересовался возможностями передачи трехмерного пространства и разных форм движения. Перспективные и аксонометрические изображения архитектуры, четко вычерченные интерьеры воплощают авторскую идею оформленности жизни и чувств человека архитектурой. Неслучайно первая встреча влюбленных Полифила и Полии происходит под сводом тенистой перголы.

Художник иллюстрирует описания различных движущихся машин, дает полную разверстку движения в изображении дуэльных танцоров в хороводе и наделяет наибольшим разнообразием

поз композиции с игривыми путти. Боттичеллиевским порывом наделены фигуры испуганного драконом Полифила и убегающей от Полифила и муз Логистики.

Последовательное расположение на разворотах парных иллюстраций было большим новаторским достижением «мастера Полифила». Исследователи XX-го века увидели в этом провозвестие кинематографии [8].

В заключение приведем несколько обобщающих понятий, которые помогают определить творческий метод, лежащий в основе «Гипнэротомехии Полифила» как синтетического произведения, чья визуальная составляющая важна столь же, сколь и вербальная.

Иероглифичность стиля хорошо согласуется с рассказом о «священных иероглифах» и античных ритуалах. Книга всегда читалась с огромным трудом, подобно древней рукописи, и обильно рассыпанные по ее страницам иллюстрации помогали хоть как-то ориентироваться в кропотливых перечислениях колонн, гирлянд и нимф. В книге много изображений эмблем, но эмблематичен сам характер некоторых изображений. Их необычность способствует их легкому запоминанию. Есть иллюстрации, отличающиеся знаковой позой. Так, поза возлежащей Венеры станет легко узнаваемым мотивом в живописи и гравюре.

Двусмысленность. Текст романа наполнен не только описаниями архитектуры, ландшафта и артефактов, но и подробностями как физических, так и душевных переживаний главного героя. Специфично отношение Полифила к древним статуям и древней архитектуре в особенности: оно отмечено явным эротизмом. Трактовка человеческого тела в сюжетных композициях и изображениях описываемых произведениях искусства словно специально сближена. Фигуры «реального» Полифила, Полии и прочих так же статуарны, сколь оживлены фигуры на древних рельефах.

Гротеск. Только в фантазии художника и во сне возможно легкое сочетание эклектичных мотивов, живого и неживого,

искусства и природы, различных форм и масштабов. Гротеск в «Гипнэротомехии» — это не только способ компоновки и разработки изображения, это метод, лежащий в основе произведения.

Для работы над иллюстрациями был привлечен, очевидно, весьма искушенный художник, имевший внушительный опыт работы с книжной печатью. Его иллюстрации, наравне с изысканным шрифтом Франческо Гриффо и фигурным набором строк в форме «косынок», «кораблей» и «чаш» формируют гармоничный, пронизанный своеобразным пониманием классического духа образ книги.

Многое указывает на то, что автор романа изначально предполагал иллюстрировать свой роман и по всей вероятности сотрудничал с автором иллюстраций во время подготовки издания [9]. Проблема отражения сложной структуры текста была блестяще решена неизвестным мастером. Размещение иллюстраций в тексте (и текста в иллюстрациях, вспомним надписи на монументах) зависит от внутренней логики романа.

Роман Франческо Колонны по сей день поражает воображение масштабом и яркостью фантазии автора. Но и иллюстрации неизвестного художника, оригинальные, изобретательные, сообразные тексту романа и во многом поддерживающие, и дополняющие его, заслуживают пристального внимания и дальнейшего изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gombrich E. Hypnerotomachiana // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, Vol. 14, No. 1/2 (1951), P. 119–125.
2. Blunt A. The Hypnerotomachia Poliphili in 17th Century France // Journal of the Warburg Institute, Vol. 1, No. 2 (Oct., 1937), P. 117–137.
3. Lippmann F. The art of wood-engraving in Italy in the fifteenth century. London, 1888.
4. Kristeller P. Kupferstich und Holzschnitt in vier Jahrhunderten. Berlin, 1905.

5. Stewering R. Architectural Representations in the «Hypnerotomachia Poliphili» (Aldus Manutius, 1499) // Journal of the Society of Architectural Historians, Vol. 59, No. 1 (Mar., 2000), P. 6–25.
6. Trippe R. The «Hypnerotomachia Poliphili», Image, Text, and Vernacular Poetics // Renaissance Quarterly, Vol. 55, No. 4 (Winter, 2002), pp. 1222–1258.
7. Лазурский В. В. Альд и альдины. М.: Книга, 1977.
8. Соколов Б. М. Архитектура, эрудиция и неоплатонизм в романе Франческо Колонны // Режим доступа URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=94> (дата последнего обращения 19.10.2013).

УДК 94:75.01(492) «16»

ГУРБАНОВА Г. Э.

Кемеровский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ПРОТЕСТАНТСКИХ ИДЕЙ НА ГОЛЛАНДСКУЮ ЖИВОПИСЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Одним из источников, который позволяет в определенной степени реконструировать общественную жизнь, может служить живопись. Это в полной мере относится к произведениям голландских живописцев первой половины XVII в., анализ которых позволяют попытаться проникнуть в повседневную жизнь человека.

Известно, что огромный отпечаток на историю Северных Нидерландов, позднее Республику Голландия, наложил война с Испанией. Освободительный характер войны для Северных Нидерландов стал толчком развития здесь прогрессивных идей, которые шли вразрез с католическими догмами. После окончания войны государственной религией стал протестантизм. Согласно статистике, если в начале XVII века в Голландии проживало гораздо меньше

протестантов, чем католиков, то к 1650 году их число сравнялось, а уже к 1660 гг. протестантизм стал религией большей части населения страны [1, С. 168].

Распространение протестантизма повлияло на различные сферы жизни, в том числе и на развитие живописи. В Голландии получают широкое распространение картины, где на первое место выдвигается человек. Мрачные сюжеты на библейские мотивы начинают отходить на второй план. Изображение повседневной жизни людей стало основой развития целого направления в живописи — бытового жанра [2, С. 94]. Простота, реалистичность, внимание к деталям и преобладание рационального в человеке — это является одним из постулатов протестантизма. Проникая в мир, который создал художник, можно понять как жил человек, что он ел, во что он одевался, как был устроен город. Причем, если раньше картины по большей части затрагивали жизнь привилегированного сословия, то теперь круг людей, изображаемых на картинах, значительно расширяется.

В течение длительного времени основными потребителями предметов искусства были два сословия: духовенство и дворянство, которые использовали предметы роскоши, прежде всего для демонстрации своего статуса и значимости в обществе. Фактически все картины писались на заказ, художник всегда знал, кто купит его картину, и что конкретно необходимо изобразить [3, С. 157].

Ситуация коренным образом меняется в XVII в. За относительно небольшой промежуток времени Голландия являет миру множество талантливых и плодовитых живописцев [4, С. 100]. Теперь картины могут себе позволить не только богатые, но и люди со средним достатком. Согласно данным ярмарок и городских аукционов, картины покупали, в том числе зажиточные крестьяне. В домах голландцев можно было найти небольшие коллекции. Популярность картин была обусловлена их относительной дешевизной. Опираясь на данные все тех же открытых аукционов и деревенских ярмарок, можно узнать, что картины Гойена, Бейерена

уходили буквально с молотка, всего за 5-10 гульденов [5, Р. 147]. Цена по тем меркам очень незначительная. Голландские художники — это обычно сыновья ремесленников, торговцев, чиновников; часто также профессию живописца они воспринимали по наследству от отцов и дедов. Занятия живописью из-за конкуренции, падения цен, отсутствия спроса не всегда могли прокормить их, и художникам приходилось искать дополнительный источник заработка в другой профессии. Так, например, Якоб ван Рейсдаль был врачом, Стен — трактирщиком, Хоббема — акцизным чиновником, Вермеер к концу жизни занялся торговлей картинами.

Спрос на произведения искусства был обусловлен не только увеличением благосостояния голландцев, но и психологическими особенностями человека, его стремлением украсить дом. Внимание к жизни на земле, желание обустроить свой быт до мелочей, уважение к любой трудовой деятельности нашло отражение в картинах. Такая детализация была обусловлена особенностями мировоззрения человека, которые сформировались во многом под влиянием протестантизма, который стал в Голландии образом жизни. Он постепенно стал бессознательной частью человеческого восприятия, заложил основу модели мышления и восприятия мира. Так, например, в работах Вермеера, несмотря на то, что он был католиком, можно видеть сугубо протестантское отношение к жизни.

Постепенно протестантизм становится образом жизни большей части населения Голландии. От религии он переходит в разряд ментальных особенностей целой нации.

В качестве примера рассмотрим некоторые работы Яна Вермеера. Этот художник, безусловно, внес огромный вклад в развитие живописи, но, однако, не был протестантом. По дошедшим до нас сведениям, Вермеер поменял протестантизм на католицизм в связи с женитьбой на католички, чья семья настаивала на этом. Несмотря на то, что он в зрелом и сознательном возрасте был католиком, в его работах очень четко прослеживается атмосфера, которая царила в Голландии.

В работах Вермера иллюстрируются такие этические догмы протестантизма, как значимость труда, индивидуализация религии, важность деталей бытия. Художник умело передает саму суть протестантизма через повседневную жизнь человека. На его полотнах посредством деталей и мелочей создается реалистичное впечатление образа жизни обычного, рядового человека протестанта.

Одним из главных аспектов протестантской этики является постулат о труде и важности любой трудовой деятельности, главное, чтобы работа делалась на совесть и честным образом. Это можно проследить в работе «Улочка» (1657–1661), на которой Вермеер показывает отношение человека к труду и необходимость порядка во всем. Это произведение показательное и тем, что автор изображает труд не одного человека, а группы занятых делом людей. Даже в изобразительных приемах художник придерживается одного из постулатов протестантской этики — важность к мелочам, как к основным составляющим мира, созданного Богом. Художник детализирует пространство, прорисовывая каждую деталь: кирпичную и каменную кладку построек и мостовой, водосток, текстуру ставней, трещины и неровности поверхности [5]. На картине изображены четыре человека, которые заняты обычным делом: одна женщина вяжет в сенях, две других что-то старательно моют, четвертая наливает воду. Все дышит чистотой и опрятностью, несмотря на незамысловатость обстановки и чрезмерный аскетизм, художник уделяет внимание не роскошеством и излишкам, а деталям и приятным мелочам, которые созданы природой или аккуратно сделаны человеком.

Тему этики труда явствует и из другой работы — «Молочница» (1660), где автор, в отличие от «Улочки» акцентирует внимание на индивидуальности труда. Здесь затрагиваются такие аспекты протестантской этики, как кропотливость, усердие и тщательность любой трудовой деятельности и мирская аскеза. На картине

изображена девушка, которая занята наполнением миски молоком. Опять же видна поразительная детализация пространства. Художник демонстрирует, как девушка внимательна и сосредоточена, на ее лице нет недовольства судьбой, она просто на совесть выполняет свою работу. Ее окружают белые стены и простое убранство.

Не обошел стороной Вермеер и этику отношений между подчиненным и работодателем, которая была принята в среде протестантов. В работе «Хозяйка со служанкой» (1666–1667) Вермеер изображает двух женщин разного социального положения: одна из них богата и может позволить себе нанять человека, который выполнял бы за нее все грязную работу по дому, другая — бедна и ей ничего не остается, как работать за жалование. Несмотря на разный социальный статус, женщины изображены на картине скорее, как приятельницы.

Вермеер и в других своих работах изображал жизнь протестант. Почти во всех работах художника люди заняты делом, он рисует умиротворенного человека, который тщательно выполняет свою работу. В его работах нет унижения людей, которые стоят ниже по социальному статусу, в таких картинах как «Любовное письмо», «Дама, пишущая письмо, со своей служанкой» художник демонстрирует на равных госпожу и служанку.

Безусловно, Вермеер не единственный художник, в работах которого можно найти саму суть жизни протестантского общество. Почти у каждого художника есть сюжеты и детали, которые позволяют сделать выводы о жизни человека, о его мировоззрении и традициях. Мировосприятие голландского художника прекрасно передают слова Рембрандта: «Небо, земля, море, животные, добрые и злые люди — все служит для нашего упражнения. Равнины, холмы и деревья дают достаточно работы художнику. Города, рынки, церкви и тысячи природных богатств вызывают к нам и говорят: иди, жаждущий знания, созерцай нас и воспроизводи нас.

В отечестве ты откроешь так много любезного сердцу, приятного и достойного, что, раз отведав, найдешь жизнь слишком короткой для правильного воплощения всего этого» [6].

Религия начинает плавно перетекать от сакрального к ментальному, от возвышенного к мирскому, делая протестантизм основой мышления и понимания мира на подсознательном уровне.

Рационализм протестантизма и чисто предпринимательская смекалка художников делали картины средством долгосрочных инвестиций. Голландский художник перестает зависеть от заказов. Большим спросом на рынке предметов искусства стали пользоваться именно картины, которые отражали быт простого бюргера. В Голландии в XVII в. сформировалось сугубо капиталистическое отношение к картинам, которая становилась товаром, который имеет свою цену.

Протестантские ценности вдохнули в понимание предметов искусства совсем другое значение. Со своей рациональной окраской протестантизм дал толчок развитию новых профессий, таких, как аукционер, искусствовед; сделал искусство важным с точки зрения этики труда. Он дал толчок развитию именно реалистического начала, стал двигателем осмысленного изучения и фиксации действительности. Человек стал больше внимание уделять миру вокруг и заниматься самопознанием, что и нашло отражение в картинах голландских мастеров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шатохина-Мордвинцева Г. А. История Нидерландов. М., 2007.
2. Киселев А. К. История мировой живописи. Голландская живопись XVII века. М., 2008.
3. Алпатов М. В. Этюды по истории западноевропейского искусства. М., 1963.
4. Ротенберг Е. И. Искусство Голландии XVII века. М., 1971.
5. Blom J. C. H., Lamberts E. History of the Low Countries. New Edition. New York: Berghahn books, 2006.

6. Bailey A. Vermeer, view of Delft // Режим доступа: URL: <http://www.amazon.com/gp/product/0805069305?ie=UTF8&tag=theessnetialv-20&linkCode=as2&camp=1789&creative=9325&creativeASIN=0805069305> (дата последнего обращения 28.12.2013).
7. Мысли Рембрандта, изложенные Хоогстратеном в письме к брату // Мастера искусства об искусстве. В 4 т. Т. I. М., 1937.

УДК94(4)375/1492+7.04

ЛЕЩЕВА Я. И.

Волгоградский государственный университет

«ВРАЩАЮЩИЙСЯ ДИСК» В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИКОНОГРАФИИ. ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Византийская иконография — явление сложное и многогранное. Большое значение в ней придается символике света. В контексте этой символики особая роль принадлежит понятию «пространственных икон», т. е. категории иконических образов, которые возникали не как изображения на плоскости, но как сознательные проекты конкретной пространственной среды. Понятие «пространственные иконы» находится в рамках современной теории иеротопии, предложенной А. М. Лидовым как теории создания сакральных пространств, которая совсем недавно стало предметом исторического изучения [1, С. 27–28]. В рамках этой теории особое место занимает иконография «вращающегося диска», которая представляет собой изображение диска, состоящего из нескольких кругов разной интенсивности с элементами, передающими его вращение. Примеры такой иконографии встречаются, начиная с XI–XII вв. в иконах и росписях византийских храмов, но широкое распространение получают в XIII–XIV вв. Открытыми остаются вопросы об истоках, символическом значении

и богословском осмыслении дисков, т. к. в историографии не сложилось единого мнения. В рамках данной работы, мы попытаемся осветить аспект интерпретаций подобных изображения на основе 8 фресковых и 7 иконных памятников.

Значение вращающегося диска, как символа Логоса — Второго Лица Св. Троицы первым обосновал исследователь С. Радойчич [2, Р. 16]. Но долгое время единственной попыткой специального исследования данного феномена была небольшая статья Е. Шварц, где она предположила подразумевать под иконографией вращающегося диска всеобъемлющий смысл «святости» [3, Р. 24–29]. К. Вайцман, изучая места размещения вращающихся дисков и их функции на синайских изображениях, сделал вывод о том, что они были связаны с Божественным Светом и со Святым Духом [4, Р. 181]. Х. Бельтинг, исследуя роли иконостаса и иконы в литургии и в личном благочестии, упоминает о наличии золотых дисков на некоторых архитравах XII в., которые он причисляет к шедеврам иконописи, где эти диски, как и нибмы, по его мнению, символизируют Божественный свет [5, С. 282]. Связь перформативной внутренней динамики собора св. Софии и иконографии дисков была подробно проанализирована Н. Исар [6, Р. 143–166], которая в контексте иеротопии сформулировала свое направление, назвав его «хорографией». Она показала, что в основе системы освещения собора св. Софии, лежит идея «хороса» — священного кругового танца, который был показан через движение искусственного света и который воплотился в иконографии в форме дисков. Подробный анализ феномена вращающегося диска впервые представил А. М. Лидов, по мнению которого он стал своего рода зримым иконическим образом «вращающегося храма», в эпоху, когда свето-пространственные образы уступили свое место иконам на стенах и все больше играли роль не метафорическую, а эмоционально-психологическую [1, С. 27–51]. Помимо этого А. М. Лидов предположил понимание дисков как действующих божественных энергий, о чем ранее косвенно упоминала и О. С. Попова [7, С. 78].

Однако это предположение лишь упоминалось в общем ряду без развернутой аргументации. Главной идеей для А. М. Лидова оставалась та, в которой иконографический мотив скорее должен был закрепить в форме знака ранневизантийские представления о сакральном пространстве как образе вращающегося света, т. е. иеротопия древних храмов, получала отражение в иконографии подобных изображений более поздних росписей и икон [1, С. 33–35].

Разнообразие и особенности изображения дисков, позволили сделать следующие наблюдения:

1. Часто диски изображались в самых важных местах храмового пространства: над алтарным окном, между подкупольными арками для смысловой параллели святящихся дисков с источником солнечного света, а также в важных иконографических сюжетах.

2. Диски имели разнообразное исполнение: разное количество составляющих концентрических кругов и цветовое решение (золотой, серебряный, красный, синий, голубой), а также вариативность техники написания бликов передающих эффект вращения.

3. Объединяющими для всех примеров оставались сама форма диска и идея вращения.

Сюжет, признающий за вращающимся диском символ Логоса — Второго Лица Св. Троицы, встречаем на фреске XII в. в монастыре Латому, где диск с Рукой Божьей, которая в жесте двуперстного благословения вызывает образ Логоса и является элементом двух сюжетов: «Рождества Христова» и «Крещения», вероятно, обозначает тему Богоявления. Более явным доказательством символа Логоса-Христа может служить редкий пример фрески XVI в. в церкви св. Георгия в Ломнице, где рядом с диском помещена надпись «Слово Божие» [1, С. 37].

В тех случаях, когда диск состоит из трех сегментов, имеет смысл предположить эту троичность, как символ Троицы. Так, Максим Исповедник говорил о том, что Бог есть Свет и о Его единстве в трехчастной структуре света, что нередко встречаем в дисках: «Свет есть Бог и Отец, (пребывающий) в Свете, то есть в Сыне

и Святом Духе, существуя не как иной, иной и иной Свет, но как Единый и Тот же самый по сущности, а по образу бытия — Триси-янный» [8, С. 40].

Форма же вращающегося или светящегося диска, особенно на иконах синаяского монастыря св. Екатерины, где золотой цвет является главным и формообразующим элементом свечения, на-талкивает на символические параллели с солнечным диском, тем более что и в Священном писании, и в богословских трудах солнце является образом Бога или дарованными Им святости и благодати [Мал., 4:2; Мф., 13:43]. Дионисий Ареопагит также называет Солн-це, несущее реальное благо всему земному миру образом Бога [9, С. 166], который распространяет на все лучи Своей благодати [10, С. 72]. Симеон Новый Богослов вслед за Писанием называет Бога светом и Солнцем правды [11, С. 43]. Здесь же Симеон часто поль-зуется символикой огня, говорит о солнце, которое является ша-рообразным и световидным огнем. Огонь этот, призванный пре-образить душу человека Симеон часто связывает с символикой кругов пламени: «О игра света! О движение огня! О круги пламени во мне!» [12, С. 33–34]. Помимо этого у Симеона, чьи труды можно считать отдельным источником, изобилующим световой симво-ликой, находим и обоснование идеи вращения. В гимнах, говоря о Боге, автор пишет: «Ты видишься как световидный сосец и сла-дость, ярко сияя и вращаясь, о страшная тайна» [12, С. 107].

Однако, на мой взгляд, предположение, подразумевающее под вращающимися дисками Божественные энергии, представляется более убедительным. Доказательства этому с избытком находим в Священном Писании. Так, в тексте апостола Павла сила Божества толкуется в смысле «Силы и Премудрости» являющих Отца, а так же в смысле «энергий» [Рим., 1:2]. Премудрость же «есть дух ... скорый, неудержимый» [Прем. Сол., 7:22]. Слова «скорый, неудер-жимый» означают именно энергию Премудрости, как в мир про-никающей силы [13, С. 143]. Дионисий Ареопагит, разбирая поня-тия «света» и «огня», называет их «доступными чувствам образами

энергии Богоначалия» [14, С. 70]. Много у Ареопагита рассуждений и о свойстве непрестанного движения этих энергий, в том числе кругового. По Ареопагиту, умственный Свет является превосходящим всякий свет Добром [9, С. 176], в свою очередь «божественные умы движутся по окружности, когда их объединяют безначальные и бесконечные осияния ... Добра» [9, С. 181]. Это движение энергий призвано приводить в движение душу человека и «склонять к умозрительному» [9, С. 186]. Таким образом, согласно Дионисию, круговое движение световых божественных энергий, является залогом приобщения человека к Богу. Само движение или идея непрестанного вращения дисков, которую иконописцы пытались передать бликами, безусловно, наталкивает на параллели с исхождением энергии, с ее сущностью непрерывно движущейся и действующей, как она чаще всего и описывается в Писании и трудах богословов.

На синайской иконе «Благовещения» конца XII в. в золотом вращающемся диске, спускающимся с небес к Марии при помощи луча света, помещен голубь — символ Святого Духа. Данный иконографический пример можно назвать иллюстрацией богословского сюжета, но более позднего времени, речь идет об учении Григория Паламы и его последователей. Однако если учесть преемственность этого учения с богословскими тенденциями предшествующих веков, то складываясь на их основе, оно действительно могло повлиять на формирование рассматриваемого иконографического сюжета. По мнению св. Григория Паламы и последователей «обоживающий дар Духа есть энергия Божия...» [15, С. 31]. С этим был согласен и Феофан Никейский, однако он пошел дальше в своих рассуждениях и выделил три основные понятия слова «Дух»: ипостась Св. Духа, Его энергии или дары и сам нематериальный характер бытия Св. Духа. Но самое главное значение среди них то, что называет Дух энергиями [16, С. 599–600]. По его мнению, Богоматери также даруется возможность быть источником Божественных энергий [16, С. 599]. Иллюстрациями

представлений о том, что Богородица является особым источником божественных энергий, служит фреска сербского монастыря «Богоматерь с пророками», написанная около 1445 г., где во вращающиеся диски, размещенные по сторонам от Богородицы, вписаны четыре буквы титла «Матерь Божия» и «Киккская Богоматерь».

Благодать Святого Духа, святость, божественная энергия — непередаваемы никакими человеческими средствами, невидима она для чувственного взгляда [17, С. 57]. Возможно, именно поэтому перед иконописцами и возникла сложная задача изображения и интерпретации вращающихся дисков, не имеющих прямой фиксации в письменных источниках, но ставших попыткой видимой передачи этой святости. Идея кругового вращения, непрерывного движения, исхождения света, воплотившаяся в дисках, наталкивает на мысль об отождествлении с божественными энергиями, что подтверждает Писание и богословские труды, поэтому предположение, подразумевающее под вращающимися дисками скорее именно их, представляется, на мой взгляд, самым убедительным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лидов А. М. Вращающийся храм. Иконическое как перформативное в пространственных иконах Византии // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. М.: Индрик, 2011. С. 27–40.
2. Radojčić S. Mileševa. Beograd, 1971.
3. Schwartz E. The Whirling Disc: A Possible Connection between Medieval Balkan Frescoes and Byzantine Icon // Zograf. 1977. 8. P. 24–32.
4. Weitzmann K. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai: The Icons // Weitzmann K. From the Sixth to the Tenth Century. Princeton. 1976. V.I.
5. Бельгинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
6. Isar N. Imperial *χορός*: a spatial icon of time as eternity // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. М.: Индрик, 2011. С. 143–166.

7. Попова О. С. Византийские иконы VI–XV веков // История иконописи. Истоки, традиции, современность. VI–XX в. М.: АРТ-БМБ, 2010. С. 41–94.
8. Максим Исповедник. Вопросыответы к Фалассию. Часть 1. Вопросы I–LV // Творения преподобного Максима Исповедника. М.: Мартис, 1993. Кн. 2. С. 32–64.
9. Дионисий Ареопагит. О божественных именах // Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010. С. 121–309.
10. Бычков В. В. Учение о символе автора «Ареопагитик» (эстетический аспект) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (51), М.: Индрик., 2013. С. 62–84.
11. Симеон Новый Богослов. Двадцать пять глав умозрительных и богословских // Симеон Новый Богослов. Никита Стефат. Аскетические произведения. Клин, 2001. С. 35–50.
12. Симеон Новый Богослов. Приди, свет истинный. Избранные гимны. СПб.: Алетейя, 2000.
13. Лопухин А. П. Толковая Библия или комментарии на все книги Св. писания Ветхого и Нового Завета. СПб.: Приложение к журналу «Странник», 1908. Т. 5.
14. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии // Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений. С толкованиями преп. Максима Исповедника. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2010. С. 34–120.
15. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих. М.: Канон, 1995.
16. Феофан Никейский. Похвальное слово Пресвятой Богородицы // Антология восточно-христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия. Т. 2. М.: «Никея»-РХГА, 2009. С. 587–730.
17. Лосский В. Н., Успенский Л. А. Смысл икон. М.: Эксмо, 2012.

**ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ИКОНОГРАФИИ
НЕПОРОЧНОГО ЗАЧАТИЯ ДЕВЫ МАРИИ
В ИСПАНСКОЙ ЖИВОПИСИ «ЗОЛОТОГО ВЕКА»**

Непорочное Зачатие — один из трудно складывавшихся и сложно трактуемых догматов католической Церкви; а в русском языке из-за трудностей перевода часто возникает путаница между сюжетами Непорочного Зачатия самой Девы и девственного Зачатия Ею Христа. Сам догмат вызывал активные споры, много вопросов стояло и перед художниками, пытавшимися в разные эпохи воплощать его в искусстве. Проблема сложения иконографии Непорочного Зачатия в Испании и влияния на этот процесс богословских сочинений стали предметом данной статьи.

Непорочное Зачатие Пресвятой Девы — догмат, принимаемый католической церковью и гласящий о том, что Богородица была дарована освобождение от первородного греха в предвидении заслуг Ее Сына — и Ее собственных как Матери Искупителя — и с самого первого момента своей жизни Она была непорочна, лишена какого бы то ни было греха.

Догмат был принят в 1854 г., однако существование веры в непорочность зачатия Марии прослеживается с первых веков христианства: Отцы Церкви и следующие за ними богословы и Востока, и Запада неоднократно упоминали и утверждали данную истину; а некоторые из них, например Ансельм Кентерберийский и Иоанн Дунс Скот, носили почетное имя «доктора Непорочного Зачатия». Иоанн Дунс Скот дал логичное доказательство истинности Непорочного Зачатия: Мария была предохранена от первородного и всякого иного греха в момент создания Ее души и, поскольку

душа первична, то и телесная греховность была изглажена благодаря дарованной душе Богоматери благодати [1, С. 302–315]. Что касается позиции Святого Престола, то Папы с каждым новым веком утверждали данную веру все жестче. Ключевыми датами могут считаться 1617 г., когда Павел V запретил опровергать факт Непорочного Зачатия и 1661 г., когда Александр VII зафиксировал всеобщее почитание данного догмата.

В Испании вера в Непорочное Зачатие насчитывает многие столетия. Еще в 675 г. на XI Толедском соборе вестготский король Вамба был назван «защитником Непорочного Зачатия»; затем такие испанские монархи, как Фердинанд III, Иаков I Завоеватель, Карл I и Филипп II, были верными почитателями данного культа.

Испанские богословы внесли немалую лепту в укрепление и защиту веры в истинность Непорочного Зачатия. Особо следует отметить сестру Исабель де Виллена (ок. 1430–1490) и падре Диего де Вальдивиа (ок. 1525–1589). Сестра Исабель де Вилена утверждала в своих духовных сочинениях (в первую очередь в «Жизни Христа»), что Пресвятая Дева была зачата без греха. Она описывала свое видение Девы в бело-голубом одеянии, стоящей на полу-месяце, сложившей руки на груди и получающую корону от Отца и Сына. Диего де Вальдивиа являлся автором «Трактата о Непорочном Зачатии», изданного в 1592 г. и созданного в русле апокалиптических настроений. Эмоциональное доказательство падре Диего истины Непорочного Зачатия сопровождается в трактате описанием церковного праздника и нарядных прихожан в белой и голубой одежде [2, Р. 104].

Семнадцатым веком датируется расцвет культа Непорочного Зачатия. Для своих коллег художники Висенте Кардуччо и Франсиско Пачеко пишут трактаты о живописи — соответственно, «Диалоги о живописи» (1623) и «Искусство живописи» (1649). И если первый обходится без подробностей в описании иконографии, отмечая лишь необходимость изображать Деву и святых прекрасными [3, XII], то Пачеко представляет читателям иконографию

Непорочного Зачатия в мельчайших деталях. Он пишет: «...следует изображать Деву без Младенца на руках..., со сложенными на груди руками, окруженной солнечным светом, с луной под ногами, опоясанной веревкой, подобно св. Франциску... Дева изображается в возрасте двенадцати-тринадцати лет, прекраснейшей девочкой, с красивыми и серьезными глазами, носом и ртом идеальнейшими, розовыми щечками и красивейшими золотистыми волосами — насколько это возможно для человеческой кисти... в белой тунике и голубом плаще, с короной из звезд, из которых двенадцать ярких составляют круг...» [4, Р. 481–483]. Пачеко отмечает некоторые атрибуты, которые можно изобразить, если того желает художник: императорскую корону и атрибуты святости Марии, поддерживаемые ангелами и серафимами в облаках (причем Пачеко не перечисляет их, так как данные атрибуты были известны художникам по более ранним источникам). Интересно рассуждение о положении полумесяца под ногами Девы [4, Р. 483]. Что касается змея, или дракона, голову которого должна попирать Мария (Бытие, 3:15), Пачеко оставляет художнику максимум свободы, и даже признается, что сам в произведениях на этот сюжет избегает изображать чудовище, чтобы не осквернить таким соседством образ Девы. Трактат Пачеко является самым систематизированным и популярным источником иконографии, основанным на художественной практике и богословии. Автор обобщил выводы предшествующих теоретиков. Пачеко писал свой трактат преимущественно для своих учеников, оставляя им большую свободу для творчества. Его сочинение не пререкоемым и беспрекословным образцом для всего испанского искусства.

Как пишет Морис Серульяс, Хуан де Хуанес был одним из первых живописцев, обратившихся к иконографии Непорочного Зачатия в своем творчестве [5, Р. 56]. На его картине (1535–1540, коллекция фонда банка Сантандер, Мадрид) мы видим Деву Марию в образе молодой девушки с распущенными золотистыми волосами. Сложив руки на груди, Она стоит, на полумесяце; Ее коронуют

Отец и Сын, над головой Марии в центре картины парит Святой Дух в образе голубя, а слева и справа, в облаках располагаются атрибуты Ее святости. Необходимо отметить в данной картине сходство иконографии Непорочного Зачатия с иконографией Коронования Марии, в связи с чем можно вспомнить видение сестры Исабель де Виллена.

В XVI веке, во времена богословских споров по поводу иконографии Непорочного Зачатия, были распространены изображения Девы в окружении богословов, защищавших истину о Непорочном Зачатии. Таковы картины Хуана де Роэласа (Национальный музей скульптуры, Вальядолид) и Луиса де Варгаса. Роэлас создал, возможно, самый сложный образ, в котором Мария в красно-синем одеянии расположена в центре полотна, Ее руки распахнуты, над головой изображен Агнец и яркое солнце, вокруг — ангелы с атрибутами Ее святости, ниже — святые и богословы, утверждавшие истину Непорочного Зачатия, с текстами на табличках, внизу — испанцы, поклоняющиеся Деве. Композиция нарративная, подобная богословским текстам с их сложной системой доказательств. Варгас изобразил динамичную композицию (1561), разделенную на два плана: в верхней зоне изображена Богоматерь в облаках, в нижней — дискутирующие богословы. Необходимо отметить появление чисто белого одеяния Марии: вероятно, таким образом художник хотел сильнее подчеркнуть непорочность Марии. Дева изображена с Младенцем на руках. В связи с этим можно вспомнить наставления Пачеко. Очевидно, в своей рекомендации изображать Деву Непорочного Зачатия без Младенца Пачеко имел в виду существовавшие картины, тем более что произведение Луиса де Варгаса находится в Севильском соборе.

С Младенцем Христом на руках изобразил Непорочную Деву и Эрнандо де Эстурмио (1555, Колегиата, Осуна) в ином варианте расширенной иконографии, «Аллегии Непорочного Зачатия». Здесь Дева является Иоакиму и Анне. Вспомним распространенное мнение некоторых богословов о том, что зачатие Марии

произошло чудесным образом при встрече Ее родителей у Золотых Ворот. Можно отметить бело-голубое одеяние Марии, солнечное сияние вокруг Ее фигуры и полумесяц под ногами, а также корону, которую возлагают на Ее голову руки Бога, над Марией парит голубь Святого Духа. Очень интересна интерпретация мастером лилий, растущих из груди родителей Марии — цветы как бы поддерживают облако, на котором находится Она, и мы можем вспомнить изображения родословной Иисуса в виде дерева.

В творчестве Эль Греко существуют две схожие картины: 1580 (Музей Санта Крус, Толедо) и 1607–1613 гг. (Музей Тиссен-Борнемисса, Мадрид). Их композиция такова: в центре изображена Мария в красно-синем одеянии, в облаках ликуют ангелы, над ними — Святой Дух в виде голубя; в земной зоне находится ночной пейзаж, залитый лунным светом, в котором мы обнаруживаем некоторые атрибуты святости Марии. Отметим различия: в картине 1580 г. на первом плане спиной к зрителю изображен мужской персонаж — вероятно, св. Иоанн, на поздней картине его нет. Одним из возможных источников иконографии Непорочного Зачатия является Жена Апокалипсиса. Это совпадение подкрепляется богословским обоснованием, а именно словами из Откровения Иоанна (12:1): «...жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе венец из двенадцати звезд», которые являются одним из важнейших доказательств непорочности Богоматери. На раннем полотне руки Марии сложены, тогда как в варианте начала XVII века — раскрыты навстречу Святому Духу и ангелу, изображенному в позе поклонения слева, что, безусловно, отсылает нас к иконографии Благовещения. Можно вспомнить одну из богословских мыслей о том, что Мария была очищена от греха в момент Благовещения.

В творчестве Висенте Кардуччо встречаем очень интересное изображение Непорочной Девы — это «Видение св. Франциска Ассизского» (1631, Музей Изобразительных искусств, Будапешт). На данной картине представлен коленопреклоненный святой,

в кроне дерева ему является Мария с Младенцем, одетая в белое и голубое, окруженная солнечным сиянием, стоящая на луне и в короне из звезд; ангелы вокруг Нее держат атрибуты святости. Вспомним образ Марии как «второй Евы», и тогда дерево может быть соотнесено с Древом Познания, или, как у Эрнандо де Эстурмио, с деревом Иесеевым. Творчество Кардуччо закрепило твердое вхождение в художественную практику сокращенной иконографии Непорочного Зачатия, а также изображения Девы с одним предстоящим. Мастер создал картину, очень напоминающую привычные изображения, как, например, у Мурильо.

Обратимся к творчеству Франсиско Пачеко. Художник всегда следовал собственной теоретической системе, только в начале художественной карьеры он изображал Марию в красном платье, а не в белом, и, как правило, с донатором (например, версия 1619 г., Севильский собор). В картине 1621 г. (частная коллекция), находящейся в архиепископском дворце Севильи, Мария изображена в бело-голубой одежде и двух коронах — золотой королевской и из звезд. Следует отметить золотую корону, всегда присутствующую в картинах Пачеко на этот сюжет, как новшество: до него, как мы видели, корона не изображалась вовсе, или находилась в руках Бога.

Рассмотрим картины на сюжет Непорочного Зачатия у крупнейших мастеров испанского «золотого века» Веласкеса, Сурбарана и, разумеется, Мурильо. Диего Веласкес, ученик и родственник Пачеко, казалось бы, мог следовать его указаниям в иконографии, однако он выходит за их рамки. Религиозная живопись мастера часто напоминает другие жанры, к которым он обращался, например, портрет. В картине «Непорочное Зачатие» (1618–1620, Национальная галерея, Лондон) художник изобразил Деву в виде девушки-подростка, Мария парит в облаках, стоя на светящейся полусфере, не имеющей четких очертаний полумесяца и обращенной концами вниз, вокруг Ее фигуры ярко-оранжевое сияние, как у Пачеко, а вокруг головы — двенадцать звезд. Очень интересен

колорит одежды Марии, особенно розовая туника (т. е. соединение белого и красного).

Лаконизм иконографии данного сюжета в творчестве Веласкеса связывает его картину с многочисленными работами на рассматриваемый сюжет его друга по мастерской Пачеко, Франсиско де Сурбарана. Эстремадурский мастер неоднократно писал «Непорочное Зачатие», как правило, в сокращенной иконографии, но в различных вариациях. Например, его картина 1630 г. (Музей диоцеза, Сигуэнса), в которой Мария изображена юной девочкой в бело-голубом одеянии, атрибуты святости Девы еле различимы в облаках, вокруг Ее головы звезды, внизу символический пейзаж. В версии 1628–1630 гг. (Прадо) Сурбаран прибегает к примеру Веласкеса и изображает тунику Марии розовой. В картине 1638 г. (Национальная галерея, Эдинбург) Сурбаран обращается к иконографии явления Девы Непорочного Зачатия Иоакиму и Анне.

«Художником Непорочного Зачатия» по праву называют Бартоломе Эстебана Мурильо: картины мастера с изображением на данный сюжет многочисленны. Его прелестные Мадонны — золотоволосые девочки-подростки в бело-голубых одеждах, парящие в облаках в окружении шаловливых маленьких ангелов. Мурильо максимально очищает образ Марии от многих деталей: атрибуты святости и земная зона почти не изображаются, звезды вокруг головы заменены сиянием. Полумесяц у Мурильо обычно повернут концами вверх, как у старых мастеров.

После Мурильо начинается новый период «многословности»: барочные тенденции нарастают, заставляя живописцев вновь изображать множество атрибутов, фигур ангелов и донаторов. Следует отметить кристаллизацию иконографии в ее основных чертах — цвете одежд, короне из звезд, полумесяце под ногами. Из мастеров конца «золотого века» следует отметить Франсиско Риси и Хосе Антолинеса.

В результате исследования эволюции иконографии Непорочного Зачатия мы приходим к нескольким выводам. В XVI в.,

в период формирования иконографической схемы и богословских споров, картины выполняли роль своеобразного наглядного доказательства, иконография носила расширенный характер, включая атрибуты святости Марии, фигуры богословов и святых, в частности, Иоакима и Анны. На рубеже XVI–XVII вв. изображения становятся более лаконичными: количество фигур сокращается, устанавливаются цвета одежд и основные атрибуты. В художественной практике Франсиско Пачеко и художников его круга утверждается сокращенная, очищенная от лишних деталей схема, которая, тем не менее, не является каноном и допускает многие вариации. Во второй половине XVII в. наблюдается новый расцвет расширенной иконографии, «барочной многословности» и декоративности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иоанн Дунс Скот. Избранное. М., 2001.
2. Diego P. de Valdivia. Tratado de la Inmaculada Concepción de Nuestra Señora (1582). Pamplona, 2004.
3. Carducho V. Dialogos de la pintura. Su defensa, origen, esencia, definición, modos y diferencias. Madrid, 1633.
4. Pacheco F. Arte de la pintura. Su antigüedad y grandezas. Sevilla, 1649.
5. Sérullaz M. Evolución de la pintura española desde los orígenes hasta hoy. Valencia, 1956.
6. Ваганова Е. О. Мурильо и его время. М., 1988.
7. Каптерева Т. П. Испания. История искусства. М., 2003.
8. Каптерева Т. П. Эль Греко. М., 2005.
9. Малицкая К. М. Испанская живопись XVI и XVII вв. М., 1947.
10. Малицкая К. М. Франсиско Сурбаран. М., 1963.
11. Soria M. S. The paintings of Zurbaran. Complete edition. London, 1955.

**ТРАКТАТ МИГЕЛЯ МАНЬЯРЫ «РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ИСТИНЕ» КАК ОСНОВА ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ
ПРОГРАММЫ ВНУТРЕННЕГО УБРАНСТВА
ЦЕРКВИ БРАТСТВА СВЯТОГО МИЛОСЕРДИЯ В СЕВИЛЬЕ**

Братство святого милосердия, о существовании которого известно с конца XV века, возникло в Севилье на гуманитарных основаниях [1, Р. 128]. Первоначально основной задачей братства было лишь погребение умерших или казненных преступников, бездомных бродяг и бедняков, утонувших, телами которых были усеяны окрестности средневековых испанских городов. Также присутствовала практика разбрасывания останков четвертованных преступников в окрестностях города. Стремясь улучшить ситуацию, братство милосердия проводит целый ряд мероприятий для улучшения санитарно-гигиенических условий в городе и его окрестностях.

Но расцвет братства произошел во второй половине XVII века и был связан с именем Мигеля Маньяры. В его лице братство обрело своего «гения».

Мигель Маньяра — человек страшной судьбы. В миру он столь усердно вкушал «яства земные», что молва в скором времени отождествила его с Дон Жуаном. Видимо, Маньяра действительно на определенном этапе своей жизни познал власть распутства. Но «пробуждение» в нем Дон Жуана было скорее способом бегства от ужасных событий в его жизни [2, С. 168]. Выросший в атмосфере глубокой религиозности, он рано столкнулся со смертью, которая с потрясающей целенаправленностью настигала его семью и близких людей. Последним ударом для Мигеля Маньяры

стала смерть горячо любимой молодой жены. Он замыкается, редко выходит из дома, не принимает участие в общественной жизни города и развлечениях. 8 сентября 1662 года он вступает в братство святого милосердия.

В братстве Маньяра фанатично активен. Он значительно расширяет его функции, делая братство более влиятельной силой в Севилье [2, С. 168]. Мигель Маньяра основывает небольшой хоспис, где могли получить кров умирающие люди. Затем он открывает госпиталь, который обслуживают братья. Здесь лечили и ухаживали за неизлечимо больными и заразными людьми. При госпитале кормили голодающих и подавали милостыню.

В конце 1663 года Маньяра становится старшим братом, сохранив лидерство до самой смерти. Насколько велик был его авторитет, свидетельствуют две попытки его канонизации.

Встав во главе братства милосердия и думая об искуплении грехов молодости, Маньяра систематизирует работу братьев в плане иерархичности заслуг, дающих право на спасение после смерти. Он пишет устав братства и разрабатывает целое учение, получившее название «Рассуждение об истине».

В своде правил и трактате Маньяра дает теологическое обоснование пути к блаженной жизни после смерти через милосердие при жизни [3, Р. 39; 4, Р. 81]. Милосердие классифицируется и становится своеобразным вступительным взносом в бессмертие. Служение смерти (погребение тел умерших, борьба с заразными и неизлечимыми болезнями) становится верной гарантией для будущего.

Это учение начинает активно пропагандироваться. Безусловно, важное место занимает наглядная агитация. И в ней ведущая роль отдается изобразительному искусству.

Что видно не только во внутреннем убранстве церкви, но и в украшении фасада. На котором мы можем видеть пять изображений в технике асулехос. Георгий Победоносец, св. Иаков и аллегории веры, надежды и милосердия — все эти изображения

символизируют идеологию братства и их деятельность. Исследователи склонны приписывать выполнение картонов Мурильо [1, Р. 95].

Скорее всего, именно в середине 1660-х годов в связи с планами строительства церкви для Братства святого милосердия возникает и система декорации внутреннего убранства [1, Р. 132]. В ней большое внимание уделяется именно живописи. Всего шесть полотен, которые должны были показать шесть видов милосердия. По определению Маньяры сами произведения живописи называются иероглифами [5, Р. 96]. В дальнейшем план часто корректируется (а именно меняется число актов милосердия), что показывает его важность для самого Мигеля Маньяры. Но сохраняется стержневая идея всей философской системы, а также некоторых живописных композиций, — неминуемое торжество смерти [3, Р. 59].

В своем трактате Мигель Маньяра предлагает сначала подумать о скоротечности жизни, о тщетности накопления богатства и стремлении к мирским благам, о неизбежности смерти, и необходимости спасти собственную душу во время Страшного суда. Затем он четко указывает путь спасения — это совершение милосердных дел и благотворительность [3, Р. 23].

Мигель Маньяра очень ясно осознавал, какой посыл должно нести внутреннее убранство церкви братства. «Разработанная им философски-дидактическая программа предполагала нюансированный подход к разным интеллектуальным уровням городского населения. Со стороны Маньяры осуществляется настоящее управление искусством» [2, С. 169].

Среди главных исполнителей заказов братства для воплощения идей Маньяры оказываются Хуан Вальдес Леаль и его учитель Бартоломео Эстебан Мурильо. Исполнение скульптурных групп было поручено Бернардо Симон Пинеле и Педро Ролдану.

Поэтизация смерти была доверена Вальдес Леалью, и, по мнению Дж. Брауна, ему удалось в полной мере воплотить замысел «гения» Братства [1, Р. 136]. Две леденящие душу композиции Вальдес

Леаля в церкви Братства висят с двух сторон от входа, встречая и провожая оказавшихся здесь. Картины получили общее название «Иероглифы наших последних дней».

Тема обеих картин — быстротечность жизни, бренность земных благ и славы. На первой смерть, представленная в виде скелета с косою и гробом, покрытым саваном, попирает книги, рукописи, оружие, корону, папскую тиару и облачение, а также другие символы знания, земной и духовной власти и гасит свечу. А над свечой имеется надпись, дающая символическое название картине «ICTV OCVLII», в переводе означающие «В мгновении ока». Эта фраза отсылает к трактату «Рассуждение об истине», а именно к его XIV главе, в которой говорится о том, что нет ничего страшнее, чем мертвый человек, и нет ничего более неотвратимого, чем тот миг, «что преобразует всякую вещь» [3. Р. 36].

Вторая картина, имеющая название «Finis Glorie Mundi», что означает «Конец славы земной», на переднем плане в центре изображает темное помещение, где три трупа лежат в небольших открытых гробах, два из них непосредственно на переднем плане, один покрыт красной тканью. На втором плане в грудку свалены кости и черепа, а в правом дальнем углу скользит змея. В центре сверху сквозь облака прорывается яркий свет, озаряющий привлекательную женскую руку, держащую весы. На левой чаше помещены семь животных, символизирующие семь смертных грехов, на правой — предметы культа и молитвенники, обе украшены надписью «Ni mas ni menos», указывающей на то, что любая мелочь может стать решающей в проклятии или спасении человеческой души.

Воображение зрителей картины поражает, однако, не столько религиозно-дидактическая символика, сколько необыкновенная достоверность изображения тронутых тлением трупов [6, Р. 54].

Изображение же шести актов милосердия, творимых при жизни, предоставляется Мурильо. И каждому, согласно пожеланиям Маньяры, дается аллегорическое истолкование.

Несмотря на то, что основой иконографической программы был трактат Мигеля Маньяры, акты милосердия, озвученные им, соответствуют словам евангельского текста. «Насыщение пяти тысяч» (Севиля, Госпиталь Ла Каридад) — «Алкал я, и вы дали мне есть». «Чудо Моисея с источником» (там же) — «Жаждал я, и вы напоили меня». «Авраам и три ангела» (Оттава, Национальная галерея Канады) — «Был странником, и вы приняли меня». «Возвращение блудного сына» (Вашингтон, Национальная галерея искусства) — «Был наг, и вы одели меня». «Исцеление паралитика» (Лондон, Национальная галерея) — «Был болен, и вы посетили меня». «Освобождение апостола Петра из темницы» (Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж) — «В темнице был, и вы пришли ко мне».

Композиции Мурильо заняли обе длинные стены церковного пространства, по три с каждой стороны. Мурильо детально продумывает декоративные принципы сосуществования картин в одном ряду. Они оказываются друг с другом тесно связаны и движением (общее движение слева направо), и размещением масс [3, С. 171].

Кроме того, были написаны две композиции сверх заданной программы. Это «Милосердие Изабеллы Венгерской» и «Св. Иоанн де Диос и ангел». Которые также показывают дела милосердия братства: уход за смертельно больными, заразными людьми, и погребение умерших.

А Бернардо Симон де Пинедо и Педро Ролдан изображают милосердие на грани жизни и смерти — погребение умершего, по определению Маньяры седьмой акт милосердия и самый важный [3, Р. 50]. Главный алтарь церкви, работы Пинеды, без преувеличения можно назвать самым красивым в стиле барокко в Испании. Картина Вальдес Леаля «Снятие с креста» и скульптурная группа Педро Ролдана «Положение во гроб» в центре ретабло гармонично дополняют друг друга. И наглядно демонстрируют седьмое дело милосердия.

И завершающим программой внутреннего убранства является произведение «Воздвижение креста», также написанное Вальдес Леалем, провозглашающее основную мысль всего учения Маньяры о том, что перед смертью все равны и на суд Божий мы все предстанем без регалий мирских и богатства.

Братство святого милосердия энергичнее многих объединений подобного толка способствовало поэтизации смерти. В чем большая заслуга Мигеля Маньяры и его «Рассуждения об истине». Внутреннее убранство церкви братства святого милосердия наиболее ярко и понятно иллюстрирует основополагающие принципы этого трактата. И без сомнения, интерьер церкви является одним из самых красивых в Испании XVII века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brown J. Images and ideas in seventeenth century Spanish painting. Princeton, 1978.
2. Ваганова Е. О. Мурильо и его время. М., 1988.
3. Mañara Vincentelo de Leca M. Discurso de la Verdad. Seville, 1679.
4. Mañara Vincentelo de Leca M. Regla de la muy humilde hermandad de la Santa Caridad. Seville, 1868.
5. Brown J. Hieroglyphs of Death and Salvation: The Decoration of the Church of the Hermandad de la Caridad, Seville// The Art Bulletin. Vol. 52, no. 3. 1970 (Sept.).
6. Trapier, Elizabeth du Gué. Valdés Leal: baroque concept of death and suffering in this paintings. NY, 1956.

КОСТЫРЯ М. А.

*Санкт-Петербургский государственный университет***ВРЕМЕНА СУТОК В ЦИКЛЕ ПИТЕРА
БРЕЙГЕЛЯ СТАРШЕГО «ВРЕМЕНА ГОДА»**

Пейзажному циклу Питера Брейгеля Старшего «Времена года», созданному в 1565 году, посвящена весьма значительная литература. Исследователями были разобраны, кажется, все аспекты иконографии, композиции, колорита, рисунка и т. д. На этом фоне особенно удивительным представляется то, что ни один автор не обратился к анализу изображения времени суток и его роли в цикле. Основное внимание уделялось исследованию времени года и конкретного месяца или месяцев, изображенных на картине. Упоминание же времени суток можно найти очень редко (например, у таких ученых, как М. Дворжак, Ш. де Тольнай, О. Бенеш, А. В. Степанов) [1, С. 227; 2, Р. 39–41; 3, С. 149–150; 4, С. 211–217], и только в описательном контексте. В доступной нам основной литературе по данной теме мы не встретили ни одной попытки подойти к этому вопросу с концептуальной точки зрения. Именно этому и посвящена данная статья.

Установим сначала представляющуюся нам вероятной последовательность пяти сохранившихся картин цикла. Здесь мы принимаем точку зрения тех исследователей, которые считают, что всего картин было шесть и одна из них утеряна. Так как во времена Брейгеля Новый год в Нидерландах начинался с Пасхи, то представляется возможным расположить полотна следующим образом [5, С. 252]:

1. Пропавшая картина (апрель–май);
2. «Сенокос», Собрание Лобковиц, Прага (июнь–июль);

3. «Жатва», 1565, Музей Метрополитен, Нью-Йорк (август–сентябрь);

4. «Возвращение стада», 1565, Музей истории искусства, Вена (октябрь–ноябрь);

5. «Охотники на снегу», 1565, Музей истории искусства, Вена (декабрь–январь);

6. «Хмурый день», 1565, Музей истории искусства, Вена (февраль–март).

Рассмотрим сохранившиеся картины цикла в указанной последовательности. Мы попытаемся определить время суток по атмосферным параметрам и характеру человеческой деятельности.

Время «Сенокоса» (Собрание Лобковиц, Прага) — позднее утро, примерно около десяти-одиннадцати часов. Небо ясное и светлое. В воздухе чувствуется утренняя свежесть. Тепло, но еще не жарко. Одни крестьяне уже закончили косить и сгребают сено в копны, другие собрали плоды и несут их в деревню.

В «Жатве» (1565, Музей Метрополитен, Нью-Йорк) изображен послеполуденный час. Очень жарко и душно. Небо молочно-серого цвета полно влаги. В вязком мареве растворяются дали. Уставшие жнецы жадно едят и пьют. Один из них спит, развалившись под огромной грушей. Половина рабочего дня прошла.

«Возвращение стада» (1565, Музей истории искусства, Вена) представляет собой вечерний вид. Река со скалистыми берегами купается в лучах заходящего солнца, но вместе с темно-синими тучами надвигается ночь. Крестьяне на виноградниках спешат закончить работу до наступления темноты. Подобно им, те, кто ведет скот, надеются засветло попасть в деревню.

Вечерняя природа встречает нас и в «Охотниках на снегу» (1565, Музей истории искусства, Вена). Бирюзово-зеленое небо стекляннм куполом накрывает землю. Усталые охотники и их собаки понуро бредут домой. Оставив домашние дела, крестьяне играют в различные игры на замерзших прудах.

В последней картине «Хмурый день» (1565, Музей истории искусства, Вена) явлен поздний вечер, переходящий в ночь. Первый план произведения еще согрет лучами заходящего солнца. Большая же часть неба уже затянута тяжелыми ночными тучами. Вдалеке заснеженные горы словно омыты лунным светом, «просачивающимся сквозь слои облаков» [3, С. 149], Крестьяне стремятся в последние светлые минуты завершить свои дела. Семья справа на первом плане празднует Масленицу. В руках у ребенка — фонарь.

Итак, мы увидели, что Брейгель в своем цикле воплотил время от позднего утра до наступления ночи. Следуя логике вышеприведенных рассуждений, пропавшая картина (апрель–май), открывавшая серию, должна была изображать раннее утро. Хотя при этом трудно отрицать, что у такого оригинального художника, как Брейгель, могло быть и иное решение.

Нам представляется возможным сделать определенные выводы. Первый раз в истории искусства появился цикл картин, где природа изображена с таким вниманием к конкретному времени суток. Фазы года у Брейгеля сопоставляются с фазами суток, как в прямом смысле, так и в философском. Расцвету и увяданию природы соответствует сияние и угасание дня. Но за концом следует новое начало. Как Масленица предшествует Посту и Пасхе, так и лунный свет предвещает рассвет и новый день. Срезанные ветки возродятся в молодых побегах, а погибших моряков ждет Воскресение и новая жизнь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворжак М. История искусства как история духа / Пер. с нем. А. А. и В. С. Сидоровых, А. К. Лепорка под общ. ред. А. К. Лепорка. СПб.: Академический проект, 2001.
2. Tolnay Ch., de Pierre Bruegel L'Ancien. Bruxelles: Nouvelle société d'éditions, 1935.

3. Бенеш О. Искусство Северного Возрождения. Его связь с современными духовными и интеллектуальными движениями / Пер. с англ. Н. А. Белоусовой, пред. и общ. ред. В. Н. Гращенкова. М.: Искусство, 1973.
4. Степанов А. В. Искусство эпохи Возрождения: Нидерланды, Германия, Франция, Испания, Англия. СПб.: Азбука-классика, 2009.
5. Марейниссен Р. Х. и др. Брейгель / Пер. с фр. Т. М. Котельникова. М.: Библион, 2003.

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ
В СРЕДНИЕ ВЕКА
И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

ОМЕЛЬЧЕНКО Д. М.
Библиотека академии наук

ВЛАСТЬ И АСКЕЗА В ТРАКТАТЕ ЮЛИАНА ПОМЕРИЯ «О СОЗЕРЦАТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ»

Трактат «О созерцательной жизни» был написан в Южной Галлии в начале VI в. Его авторство долгое время приписывали одному из последователей Августина — Просперу Аквитанскому (умер после 455 г.). Однако в XVII в. было установлено, что трактат принадлежит перу Юлиана Померия (вторая половина V – начало VI вв.). О жизни Юлиана известно мало. Он был выходцем из Северной Африки. Покинув ее в конце V в., он обосновался в провансальском городе Арелате, где стал ритором, а затем священником [1, P. 3–12].

Созерцательная жизнь часто ассоциируется с аскезой и монашеством, но вопреки названию, трактат посвящен не монашеским практикам. Произведение, состоящее из трех книг, построено в форме пространного ответа некоего духовного наставника на вопросы епископа. Последний, стремясь к созерцательной жизни монаха, жалеет о том, что взял на себя бремя пастырского служения. Наставник же предупреждает: «Ты не можешь ни снять бремя, возложенное на тебя, ни отказаться от него, не согрешив при этом» [2, С. 434]. И далее он доказывает, что созерцательная жизнь возможна и для духовенства, которое воспринимает свою власть как бремя. Иными словами, в трактате затронута проблема, которая со времени возникновения монашества волновала многих подвижников: как совместить идеал любви к ближним и бегство от мира [3, С. 83]. Это проблема аскезы и власти, точнее, аскета во власти. В частности, совесть собеседника Померия тревожит обязанность епископа произносить, что может стать источником

многих искушений и пороков. Об этой опасности предупреждали многие духовные наставники. Вспомним хотя бы пожелание Иеронима о том, что проповедник должен слышать со стороны своей аудитории плач, а не рукоплескания [4, С. 192].

Что касается более широкой проблемы аскета во власти, то единственная область, где она решается почти безболезненно — это агиографический нарратив. Как известно, со времени «Жития» Мартина Турского аскеза стала входить в набор агиографических топосов, описывающих святителей. Но очевидно, что в реальной жизни очень немногие были способны быть аскетами, имея властные функции, и проблема по-прежнему сохраняла свою остроту.

Основная мысль рассуждений Померия состоит в том, что настоящая созерцательная жизнь — как возможность видения Бога — возможна только после смерти и ею смогут наслаждаться лишь праведники. Но это отнюдь не означает, что, находясь в смертном теле, человек остается полностью непричастным созерцанию. Для того чтобы вести созерцательную жизнь на земле, вовсе не обязательно бежать от мира и становиться монахом. Тем более нельзя ради этого отказываться от священнического сана [2, С. 419–422].

Его идеал священника, решившего посвятить себя созерцательной жизни, не уходя от мира, кажется порой типичным, обычным набором агиографических топосов. Такой пастырь сочетает монашеские добродетели смирения, аскетизма, целомудрия, любви и деятельное служение в мире: помощь бедным, пленникам, проповедь на доступном для всех языке [2, С. 325–440]. Правда, содержится много вполне практических рекомендаций по ведению созерцательной жизни: о том, как молиться, читать Библию, как организовать общину клириков и т. д. Немало в трактате и рассуждений о том, как распознать в себе движение страстей, которые происходят из соединения гордости и желания.

Отвечая на мучающий собеседника вопрос, Проспер утверждает, что созерцательная жизнь епископа отнюдь не предполагает

безмолвия. Как раз напротив. Померий вспоминает слова Бога пророку Иезекиилю о неотъемлемой обязанности стража, которым является епископ, объявлять израильтянам их грехи: «Взывай громко, не удерживайся, возвысь голос твой, подобно трубе, расскажи народу моему о беззакониях его» [2, С. 434].

Наставническое слово пастыря-аскета обращено не к достаточно узкому кругу учеников, а к широкой аудитории. Аскеза заключается не в хранении уст, а в отказе от витийства: «Цель риторов — одна, цель наставников — другая. Первые всеми силами своего красноречия стремятся показать искусство декламации; вторые умеренным и простым языком стремятся прославить Христа. Первые облакают пустой предмет в изящное устное украшение; вторые простыми словами украшают и придают изящество истинным идеям... Первые полагаются в своей славе на людей; последние уповают на помощь Божью» [2, С. 438–440; Ср.: 5, С.198].

В целом, если смотреть на эти аспекты, то нетрудно понять, почему долгое время трактат приписывали последователю Блаженного Августина. Все эти идеи уже получили свою разработку в трактатах гиппонского епископа, особенно в «Христианской науке». К тому же и сам Померий постоянно упоминает имя Августина, а в конце трактата помещает своеобразный панегирик ему [2, С. 516–517].

Но при более внимательном взгляде оказывается, что отнюдь не только Августин вдохновлял Померия, но и богословский противник гиппонского епископа — Иоанн Кассиан Римлянин. Последний, как известно, был одним из основателей монашества на Западе и автором трактатов о практике аскезы. Особенно это очевидно при анализе взглядов Померия на право и обязанность епископа произносить наставническое слово. Проповедь — это не просто рассказ о Библии простым языком. Она напрямую связана с созерцанием, под которым Померий подразумевал понимание смысла Священного Писания, доступное тем, кто чист сердцем и владеет духовным знанием. В этом — прямая связь с 14-й книгой

«Собеседований» Кассиана: «...Кто неспособен к пониманию, как будет способен к преподаванию? А хотя бы и вздумал чему-нибудь из этого (духовного) учить, то, без сомнения, бездейственное и бесполезное слово его дойдет только до ушей слышащих, а в сердце их не сможет проникнуть из-за недостатке дел и по бесплодной своей суетности; потому что происходит не из сокровища доброй совести, а из пустого тщеславия. Невозможно нечистой душе приобрести духовное знание, с каким бы она постоянством ни трудилась в чтении» [6].

И все же не стоит преувеличивать степени влияния Кассиана на нашего автора. Померий избегает физиологической суровости «Собеседований» и разрушает их стройную и последовательную систему, позволяющую пройти путь от дисциплины тела к очищению помыслов. Например, хотя пост и является у Померия неизменным условием всякой аскезы, он избегает подробностей его соблюдения, характерных для рассуждения Кассиана. Или с восторгом говоря о чтении Священного Писания как способе созерцания для деятельных епископов, Померий ничего не говорит об использовании Священного Писания в качестве защиты от искушений [2, С. 461–465].

Кассианова цепь причинных отношений между телом и душой распадается, становится подчас своеобразной риторической игрой в метафоры: «Кто мертв для греха... не разжигает, напившись, свою жажду, чтобы пить еще больше; он не берет огня от факела ненависти... Он не охвачен беспокойным любопытством, и не обеспокоен домашними делами; он не раздувается гордостью» [2, С. 466–467].

В целом, трактат Юлиана Померия «О созерцательной жизни» является попыткой соединения двух направлений мысли, оказывающихся по разные стороны баррикад, когда речь идет о богословских спорах, но дополняющих друг друга, когда дело касается практических вопросов осуществления епископской власти. Августин, подробно рассуждая в своих трактатах об аскезе священников

и сам являя пример епископа-аскета, все же отказывался признавать за аскетами, имеющими власть, заслуживающую доверия духовную науку. Кассиан же в деталях разработал такую науку, но не определил, где или кем она могла бы быть осуществлена [7, Р. 79].

Творчески переработав идеи этих авторов, Померий, разумеется, не мог до конца быть последователем ни того, и другого. Однако его разрешение дилеммы между аскезой и властью оказалось далеким от набора агиографических топосов. Аскеты во власти, какими она предстают в «Созерцательной жизни», могли казаться неохотно исполняющими свои обязанности и в то же время весьма искусно делать это. Свидетельством этому является деятельность знаменитого ученика Померия — Цезария Арелатского (470–542), попытавшегося претворить в жизнь идеи своего учителя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Suelzer M. J. Introduction // Julianus Pomerius. The contemplative life. New York: Paulist Press, 1978.
2. Pomerius Julianus. De vita contemplativa // Patrologiae cursus completus. Ser. Latina / Ed. J.-P. Migne. T. LIX. Col. 415–520.
3. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: АСТ, 2003.
4. Иероним Блаженный. Письмо к Непоциану // Диесперов А. Блаженный Иероним и его век. М, 2002. С. 190–205.
5. Августин Блаженный. Христианская наука, или Основания священной герменевтики и церковного красноречия // Он же. Христианская наука. СПб.: ВІВЛІОПΟΛΙΣ, 2006. С. 31–228.
6. Иоанн Кассиан Римлянин. Собеседования египетских подвижников. Книга 14 / Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.
7. Leyser C. Authority and asceticism from Augustine to Gregory the Great. Oxford, 2000.

МАНУКЯН Э. М.

Ивановский государственный университет

**К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ЕПИСКОПА В ГАЛЛИИ V ВЕКА:
КРИТЕРИИ, МОТИВАЦИИ, ЦЕЛИ
(НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В БУРЖЕ ок. 471 г.)**

Епископ Клермона Сидоний Аполлинарий являлся непосредственным участником епископского консилиума в Бурже (Центральная Галлия), происходившего в 471 г. по случаю выборов нового митрополита. После себя Сидоний оставил целый корпус посланий, три из которых были посвящены этим событиям. Два послания, а именно — Lib. VII, Ep. 5 и 8 были написаны Сидонием на момент пребывания его в Бурже накануне собора, они адресованы, соответственно, митрополиту Агроцию и епископу Эвфронию. Третье письмо Lib. VII, Ep. 9 было написано уже после выборов и адресовано епископу города Тура Перпетую, к нему была приложена официальная Речь (Contio), произнесенная Сидонием во время выборов и оглашающая имя нового митрополита. В Речи Сидоний приводит основания для выбора. В данной статье я попытаюсь на основе прямых аргументаций и имплицитных аллюзий, использованных Сидонием Аполлинарием в Речи, соотнести применяемые им к кандидату критерии с определяющими их причинами и замыслом.

Итак, между 470 и 471 гг. галло-римский аристократ Сидоний после великолепной светской карьеры, апогеем которой было занятие им должности городского префекта Рима, внезапно возвращается в Галлию и посвящается в епископы города Клермон. И первой его миссией в роли священноначальника становятся выборы нового митрополита в городе Бурж — главном городе церковной провинции, к которой также относилась и епископия Клермона.

Сидоний был призван общиной Буржа для решения вопроса «по случившейся неразберихе» [1, VII. 8], касающейся выбора нового предстоятеля города. Дело в том, что народные распри между различными группировками исключали возможность составить оптимальный список из трех кандидатов [2, P. 558]. Их было намного больше и они, если верить самому Сидонию, даже не помещались «на двух скамьях» [1, VII. 9]. К тому же, сам факт выборов был осложнен присутствием в регионе вестготов — ариан короля Эвриха, политика которого не позволяла поставлять в православные общины новых клириков взамен усопших [3, С. 282]. Необходимо заметить, что Сидоний остался единственным действующим епископом в данной церковной провинции и посему он не мог в одиночку вынести решение.

Тем не менее, Сидоний показывает всю решительность в этом вопросе. Он берет клятву с народа Буржа, что те беспрекословно примут выдвинутого им кандидата. Роль народа при выборе пастыря была колоссальна [4, С. 115–116]. Дело даже доходило до того, что епископ мог оказаться не удел и быть попросту изгнанным недовольной общиной из города [5, С. 152]. Кроме того, он отправляет, по крайней мере, два письма, в которых он заручается поддержкой авторитетных иерархов, некоторые из которых обещали прибыть на собор, ибо отсутствие должного кворума епископов во главе с митрополитом делало выборы не легитимными [2, P. 558].

Теперь перейдем к Речи, произнесенной Сидонием во время выборов, где он публично декламирует решение и предлагает рукоположить в митрополиты Симплиция — аристократа и местного чиновника. Знатность рода — стержневой фактор, дававший на выборах определенное преимущество Симплицию и воздействовавший на решение Сидония и собора в целом, но это не критерий или требование, как это может показаться. Это «позитивное обстоятельство», поскольку знатность может давать широкие потенциальные возможности будущему епископу, или, по выражению

В. В. Солодовникова «властные ресурсы», такие как, авторитет, право, деньги и сила [5, С. 101]. Уровень обладания ими и является своего рода критерием. «...Деды и прадеды Симплиция — возвещает Сидоний — возглавляли или церковные кафедры, или светские трибуналы. Род, знаменитый на обоих поприщах, процветал епископами и префектами: его предки всегда пользовались правом диктовать человеческие или божеские законы» [1, VII. 9]. Перейдем к непосредственным требованиям, к которым обращается автор Речи.

Административные способности. Сидоний акцентирует внимание на чиновничьей должности Симплиция, занимаемой им в Бурже: «он так подходит обеим сторонам [parti] и по деятельности его, и по званию [professione]...» [1, VII. 9]. В одном из писем Сидоний говорит о Симплиции, как о *vir spectabilis* [1, VII. 8], что само по себе означало одно из высочайших мест в административной иерархии Римской империи [6, С. 418]. Исполнение кандидатом до вступления на кафедру руководящей должности крайне приветствовалось, ибо епископу необходимо иметь административный опыт, чтобы стать полноценным и успешным главой своей общины. В этой канве не лишне указать, что перед тем как начать рекомендацию Симплиция, Сидоний приводит в своей Речи причины, по которым он не станет рукополагать человека из монашества: «Если я провозглашу кого-нибудь из монахов, то будь он подобен Павлам, Антониям, Иларионам и Макариям, имей он преимущества усердного анахоретства, неблагодарные ничтожества тут же прозвелят мне уши нестройным ропотом, растерзают их шумом и жалобами: “этот избранник, проворчат они, надлежит для звания не епископа, но аббата: ему лучше ходатайствовать за души пред небесным судьей, чем за тела, пред земным...”» [1, VII. 9]. Судя по этой фразе, Сидоний дает аудитории четко понять, что в должность епископа требуется человек, способный справляться с политико-административными поручениями, т. е. участвовать не только в духовной жизни общины и Церкви, но и в светской. Кроме

того, из нее становится ясно, что аналогичного мнения мог быть народ и, по всей видимости, духовенство. Попросту говоря, общине нужен был энергичный защитник. Монах, будучи большую часть своей жизни удален от суеты мира сего, мало знал об особенностях не только светской политики, но и общения с мирянами [4, С. 294; 7, Р. 50–51]. Таким образом, видно, что некоторые из народа Буржа отказывали кандидатам из черного духовенства в пастырских и административно-организаторских способностях. Конечно, ради справедливости необходимо сказать, что посвящение в епископы монашествующих было достаточно распространенным явлением в истории Церкви, ибо они отличались благочестивой жизнью и многими христианскими добродетелями [7, Р. 50].

Политико-дипломатический опыт. Епископы должны были также уметь регулировать политическую обстановку в регионе. По словам Сидония, Симплиций имел хороший опыт в дипломатических миссиях, как к варварским вождям, так и к римским императорам, отстаивая интересы родной общины: «Когда возникла необходимость взять на себя посольство, то не один раз стоял он за дело этой общины перед королями, одетыми в шкуры, или принцепсами, облаченными в пурпур» [1, VII. 9].

Финансовая состоятельность. Чтобы продемонстрировать финансовую мощь своего кандидата, Сидоний торжественно повествует о постройке Симплицием на собственные средства храма в Бурже: «Симплиций, еще молодой человек, воин, слабый здоровьем, одинокий сын в семействе и сам уже отец, также построил вам церковь — торжественно обращается Сидоний к народу Буржа — он не был остановлен в своем благочестивом намерении ни привязанностью стариков к своим богатствам, ни заботой о своих маленьких детях, а между тем таково было его смирение, что он хранил молчание об этом предмете» [1, VII. 9]. После избрания такой храм стал бы символом власти и благополучия Симплиция, как епископа. Нужно отметить, что высшее духовенство Галлии активно занималось строительством христианских сооружений,

и такая деятельность являлась сильнейшей репрезентацией их авторитета, а также финансового потенциала [8, С. 209].

Способность к пастырской деятельности и наличие определенных качеств. Неотъемлемый критерий для епископа. Декламатор напоминает аудитории о благотворительности Симплиция: «хлеб его чаще всего знал тот, кто не мог вернуть долг благодарности» [1, VII. 9]. Благотворительность — хорошая демонстрация пастырской заботы и христианского благочестия. Также Сидоний перечисляет различные положительные качества своего кандидата, которые должны быть присущи любому *pastor bonus* и христианину в целом.

Классическая образованность. Сидоний апеллирует к «учености» аристократа Симплиция. Ценность классического образования успешно смогла транслироваться из аристократического сословия в высшее духовенство. Дело в том, что более половины епископов Галлии были представителями нобилитета [9, S. 64]. Лично Сидоний верил, что знать в условиях варварского засилья станет единственными хранителями греко-римской культуры и образованности [10, С. 24]. В качестве же епископов аристократы могли выполнять свою миссию еще более эффективно. Стоит заметить, что о религиозном образовании Симплиция Сидоний упоминает вскользь, отмахнувшись поговоркой: «*domi habuit unde desceret*» [1, VII. 9]. Очевидно, что уровень катехизации епископа отходит здесь на второй план относительно более прагматических требований.

Соответствие каноническим установлениям. Сидоний прямо не указывает на это, но констатирует, что двое соперников Симплиция (которые были выше него по статусу) не допускаются к выборам, т. к. они не рассматриваются «*ex canone*, ибо оба женаты во второй раз» [1, VII. 9]. Валанский собор 374 года запрещал занимать должность епископа тем, кто женат во второй раз. Симплиций тоже был женат, но канон не запрещал посвящать кандидата, женатого впервые (до вступления на престол) [5, С. 79].

Тяжелая обстановка в Галлии в эпоху крушения римского государства мотивировала галльский епископат отбирать себе в со товарищи людей, которые смогли бы стать оплотом для Церкви, пастырями для общины, вождями для народа и стражами римской культуры [3, С. 270], что само по себе укрепляло бы позиции и авторитет Галльской церкви. Но для достижения такой цели необходим деятельный епископ, способный взять на себя такую ношу, т. е. обладающий определенными возможностями, особым набором качеств и способностей. Сидоний рассказал нам о них. В большинстве случаев таким человеком мог стать представитель нобилитета, имевший опыт государственного чиновника и авторитет в обществе, знатность которого, как уже говорилось выше, могла дать преимущество в овладении определенными «властными ресурсами», необходимых епископу. Таким образом, галло-римская знать достаточно активно узурпировала церковные должности, и ее представители зачастую имели приоритеты на выборах. Одним из таких и был аристократ Симплиций. Речь Сидония оказалась убедительной — Симплиция рукоположили в митрополиты города Бурж.

В заключение стоит сказать, что выборы в Бурже 471 г. прекрасно иллюстрируют, насколько внешняя конъюнктура может оказывать влияние на пастырский образ и требования, предъявляемые к епископу христианской Церкви.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sidonius Apollinaris. Epistolae // *Patrologiae cursus completus. Series Latina* / Ed. J.-P. Migne. P., 1847. Т. 58.
2. Waarden van J. Episcopal Self-Presentation: Sidonius Apollinaris and the Episcopal Election in Bourges AD 470 // *Episcopal Elections in Late Antiquity* / Edited by Johan Leemans, Peter Van Nuffelen, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, Berlin/Boston, 2011. P. 555–561.
3. Ешевский С. В. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. // С. В. Ешевский. Собрание сочинений в 3-х т. М.: Типография Грачева и Ко, 1870. Т. 3.

4. Лебедев А. П. Духовенство Древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. М.: Алетейя, 1905.
5. Солодовников В. В. Первые Галльские соборы. IV–V вв. М.: Издание духовного содружества евангельских христиан России, 2008.
6. Трухина Н. Н. Комментарии // Христианская церковь в поздней империи // Хрестоматия по истории Древнего Рима /под ред. В. И. Кузицина. М.: Высш. шк., 1987. С. 418–420.
7. Norton P. Episcopal elections (250–600): hierarchy and popular will in late antiquity. Oxford, Oxford University Press, 2007.
8. Омельченко Д. М. Цезарий Арелатский и его «Завещание» // Cursor mundi. Человек Античности, Средневековья, Возрождения. № 2. Иваново, 2009.
9. Gassman P. Der Episcopat in Gallien im 5. Jahrhundert.: Diss. Bonn, 1977.
10. Буяров Д. В. Христианский уровень в мировоззрении Сидония Аполлинария // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 23–26.

**БОРЬБА С ЕРЕСЬЮ ПРИСЦИЛЛИАН В ГАЛИСИИ VI в.
НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КАНОНОВ
ПЕРВОГО БРАГСКОГО СОБОРА 561 г.**

Ересь Присциллиана имела распространение в Испании и на юге Галлии в конце IV – начале VI вв. Будучи священником в одном из иберийских городов, Присциллиан собрал вокруг себя общину, существовавшую относительно недолго, но вызвавшую волнение среди епископов Иберийского полуострова. Итогом деятельности еретика стали его осуждение и казнь в 385 году.

Большинство сведений об учении этой секты можно почерпнуть из обвинений, приписанных Присциллиану на суде. Кроме того, из актов соборов, осуждающих учение, мы можем выявить ряд его особенностей. Присциллианам, прежде всего, вменяли в вину, что они отошли от никейского символа веры в толковании догмата о божественной Троице и о природе Христа; называли Христа нерожденным, имевшим одну природу, а Страсти именовали кажущимися; они отмечали и роль дьявола, бывшего порождением хаоса, темного начала, который создал этот мир и людей, но не души, являвшиеся частями божества. С представлением о дьяволе, как о творце мира, связано убеждение присциллиан в необходимости крайней аскезы: они считали злом брак и деторождение, воздерживались от употребления мяса, встречается и проповедь отказа от имущества. Кроме того, Присциллиан и его последователи считали необходимым использование апокрифических сочинений. Естественно, это создавало широкие возможности его последователям отклоняться от ортодоксальных догматов [1, С. 252–255].

В дальнейшем эта ересь неоднократно осуждалась на различных соборах епископов Испании, в том числе и на соборе епископов Галисии 561 года, проходившем в Браге. Первый Брагский собор был еще одной попыткой преодоления существовавшего к VI веку раскола, обострившегося после завоевания Испании варварами. Заметную роль в созыве и деятельности этого собора сыграл Мартин Брагский. Однако в источниках сложно найти конкретные сведения о той роли, которую играл сам Мартин, но мы можем судить о тех направлениях, в которых действовала Церковь.

Из текста канонов собора видно, что в нем принимало участие 8 епископов. Инициатором созыва собора принято считать короля свевов — Ариамира. Осуществление работы данного собора стало первым серьезным действием Мартина на территории свевского королевства [2]. Сам факт союза Церкви и короля говорит о наличии некоего посредника между этими двумя структурами, руководящими жизнью общества. Этим посредником и был епископ Мартин. К тому же текст постановлений Собора многие склонны приписывать именно Мартину, ссылаясь на сходство в стиле повествования с другими работами епископа [3, Р. 83].

Постановления собора делятся на две части, первая посвящена осуждению ереси присциллиан, а вторая — внутрицерковным практикам, среди которых установленные правила чтения псалмов, форма проведения божественных праздников, правила служения месс, обряд крещения и т. д.

В своей вступительной речи епископ Лукреций предложил заново осудить присциллианские догмы. Акты собора содержат семнадцать статей осуждений ересей и в каждом из них упоминаются Присциллиан и его последователи [4]. Разберемся по порядку, что же первый Брагский собор назвал неприемлемым.

Первые две статьи говорят об отрицании присциллианами Троицы. Подобные заблуждения отмечал еще папа Лев I в 447 году [1, С. 253]. Далее, две статьи повествуют о том, что присциллиане не почитают природу Христа божественную и человеческую

в равной степени, и что Иисус Христос не был Господом прежде рождения Своего. Это так же является повторением предыдущих соборных осуждений, в частности собора в Толедо 400 года [1, С. 253]. Заблуждения, отмеченные в третьей статье, разделяли Павел Самосатский и Фотин, а кроме того можно найти схожесть с учением Нестория. Четвертая статья содержит указания на имена крупнейших гностиков Кедрона и Маркиона, а так же имя манихеев. Вообще, упоминания манихеев довольно часто соседствуют с именем присциллиан в решениях первого Бракарского собора.

Статьи с V по VIII говорят нам о типично гностическом или даже гностико-манихейском содержании учения Присциллиана. Статьи V и VI сообщают, что еретики считали души изгнанными из небесной обители в человеческие тела частичками божества. Причем, на наш взгляд идет явное противопоставление тела и души в чисто гностическом стиле [5, С. 269–270]. А вот следующие две статьи указывают, что на земле, по мнению присциллиан, властвует другое начало, нежели Господь. Статья VIII сообщает, что дьявол, созданный из хаоса, создал на земле все дурное, акцентируя внимание на бурях и засухах. А вот далее XII статья показывает, что присциллиане верили, что и тела людей были созданы не Богом, а дьяволом. Более того, дьявол, по их мнению, создал вообще всякую плоть.

Следующим масштабным пунктом осуждения было участие присциллиан в различного рода гаданиях. Статьи IX и X сообщают, что присциллиане гадали по звездам.

Следующим пунктом осуждения было отрицание брака. Статья XII конкретизирует, почему присциллиане боялись брака и деторождения: они не хотели впускать в мир новых людей, созданных дьяволом. Но, несмотря на отрицание брака, присциллиане считали возможным жить с женщинами, которые не состояли с ними в кровном родстве (Сap. 15).

Статья XIV говорит о том, что присциллиане не ели мясной пищи, а предыдущая объясняет почему. Согласно учению

присциллиан, всякую плоть создал дьявол, а потому нет необходимости осквернять себя, вкушая творение злых сил. После этих анафематств дается решение собора по проверке на присциллианство. Священнику, подозреваемому в ереси, предлагали съесть блюдо из мяса и овощей. Если он отказывался, то это было достаточной причиной для извержения из сана [3, Р. 74].

Оставшиеся две статьи осуждают церковные практики, характерные для присциллиан. Статья XVI сообщает о некоторых особенностях празднования Пасхи. Епископами, собравшимися в Браге, отмечается, что у присциллиан в ходу было поститься и в течение Светлой седмицы, в частности в пятницу после Воскресения Христова. А вот статья XVII сообщает о том, что присциллиане использовали апокрифические сочинения под именами апостолов и патриархов, а так же писания Дикциния, сына епископа Симпозия [1, С. 252; 6, С. 206], бывшего одним из присциллиан, но впоследствии вернувшегося в лоно католической Церкви.

Проанализировав анафемы против присциллиан, мы видим, что значительная часть того, что осуждалось на первом Бракарском соборе была уже осуждена ранее. Некоторые исследователи даже считают, что собор решил повторить все, в чем ранее осуждали присциллиан [3, Р. 74]. Однако соборное осуждение, на наш взгляд, не было возможно без наличия соответствующей практики. И, кроме того, борьба с присциллианством была направлена не столько на клириков, сколько на простоватых людей. Собор отмечал опасность сохранения присциллианства в отдаленных районах страны среди «непросвещенных» людей.

Итак, первый Брагский собор обвинил Присциллиана в отходе от Никейского символа веры при толковании догмата о божественной Троице и о природе Христа, в манихействе, докетизме, чрезмерном аскетизме, в распространении апокрифов и чтении их во время церковных служб. Собор настойчиво призывал всякого, примкнувшего к пагубной ереси, отойти от нее и вернуться в лоно истинной церкви, однако вплоть до конца VI столетия,

присциллианство еще имело распространение в Галисии, в основном среди малограмотного населения. В целом, проведение первого Брагского собора является частной иллюстрацией действий Церкви, направленных на очищение истинной веры от нечестивых вкраплений еретических идей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корсунский А. Р. Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М., 1969.
2. Pierre. D. compte rendu sur la livre Claude W. Barlow «Martini Episcopi Bracarensis, Opera omnia» Published for the American Academy in Rome. New Haven, Yale University Press. London, Geoffrey Cumberledge. Oxford University Press, 1950.
3. McKenna S. Paganism and Pagan Survivals in Spain up to the Fall of the Visigothic Kingdom. Washington, 1938.
4. Martinus episcopus Bracarensis. Concilium Bracarense primum octo episcoporum, habitum aera DXCIX, anno tertio Ariamiri regis, die Kalendarum Maiarum. // Martini Episcopi Bracarensis Opera Omnia / Ed. C. W. Barlow. New Haven, 1950. Режим доступа: URL: http://www.intratext.com/IXT/LAT0990/_IDX012.HTM. (дата последнего обращения: 20.01.2014 г.).
5. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1988.
6. Томпсон Э. А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003.

ПЕРЕПИСЫВАЯ ЖИТИЕ: ПОСТРОЕНИЕ ИДЕАЛА КАРОЛИНГСКОГО ЕПИСКОПА

В данной статье на примере одного памятника агиографической литературы Каролингской эпохи рассматривается ряд вопросов: как конструируется житие, какие методы могут употребляться не только при его написании, но и при переписывании, приспособлении его к нуждам времени. Текст, о котором пойдет речь — это житие св. Губерта, епископа Льежского, написанное, или, вернее сказать, переписанное Ионой епископом Орлеанским.

Святой Губерт (ок. 656–727) — первый епископ Льежа. Всего науке известно семь его житий. Нас будут интересовать первые два, самые ранние. Первое житие святого написано, очевидно, его современником. Второй текст жития был составлен Ионой Епископом Орлеанским, выдающимся церковным деятелем времени Людовика Благочестивого. За написание жития Иона взялся по просьбе льежского епископа Валькауда. Поводом к написанию нового текста послужило второе перенесение мощей святого Губерта, из базилики св. Петра в Льеже в монастырь Андаж, состоявшееся 30 сентября 835 г. Временной зазор между двумя текстами составляет около 80 лет.

Иона имел перед глазами первый вариант жития. Об этом он и сам пишет прологе. Кроме того он абсолютно точно повторяет композицию первого текста. К этой схеме Иона добавляет только посвянительное письмо Валькауду Льежскому в начале текста и рассказ о перенесении мощей в монастырь Андаж в 835 г.

Следует разделить методы, которыми пользовался Иона Орлеанский на четыре группы: 1) общая стилистическая правка текста; 2) изменение терминов, несущих особую смысловую нагрузку; 3) изменение некоторых литературных деталей; 4) добавление к основному корпусу жития собственных текстов.

Стилистическая правка. Стоит признать, что первое житие св. Губерта написано на очень плохой латыни. Речь идет не только о полном незнании правил риторики, но о простейших грамматических ошибках. Текст жития весьма нелитературен. Однако, с точки зрения синтаксиса житие представляет собой весьма простой и удобный в обиходном использовании текст. Оно разбито на простые или сложноподчиненные предложения. Язык почти лишен оборотов.

Отчасти именно безграмотной речью первого жития обусловлена просьба Валькауда к Ионе Орлеанскому написать новый текст. Для этого Ионе, следуя той же схеме развития событий, приходится практически полностью изменить весь синтаксис. Текст становится теперь не просто грамматически упорядоченным, но изысканным, изобилующим инфинитивными оборотами и сложноподчиненными предложениями. Меняется лексика. Автор стремится показать свою начитанность и знакомство с греческим, употребляет редкие слова. Глубокая стилистическая переработка текста означает изменение не только стиля, но и аудитории. Если первое житие было бесхитрым свидетельством очевидца, которое легко уразуметь, то понять второе с его сложным синтаксисом, редкой лексикой, и отсылками к языческой литературе становится возможно даже не для всякого клирика. Текст приобретает определенную аудиторию, а именно епископат.

Терминология. При ее рассмотрении нас интересовали значимые для социальной структуры термины. В тексте автора первого жития самым частым обозначением в его тексте является собственнно «episcopus» или «pontifex». Иона же называет св. Губерта

«supertindans» — надзирающий. Более того, он употребляет термин «викария Божия». Встречаются и другие термины, которых мы вовсе не встречаем у автора первого жития. Прежде всего, они относятся к идее иерархичности и порядка. Это такие понятия, как «ordo». Общество, согласно Ионе, должно быть строго разделено. Так мы сталкиваемся с картиной иерархического общества, во главе которого находится епископ.

Литературные добавления, которые Иона вставил в текст жития. Обыгрывая фразу из первого жития, он дополняет ее, придавая новый смысл. К сотканному из общих мест портрету епископа Иона добавляет немаловажную черту: епископ осознавал, что различен закон «прелатов» и «подданных», и он, епископ, принадлежит к первым, а потому должен неуклонно исправлять чужие грехи. В этом ему вменяется в обязанность следовать примеру предыдущих прелатов. Епископ должен направлять жизни своей паствы, даже если к ней относится король.

Приписывание собственных фрагментов. Именно написанные самим Ионой части жития ярче всего показывают превосходство епископа и его власти. Это рассказ о перенесении мощей в Андаж и посвяtitельное письмо Валькауду Льежскому. Здесь главным героем выступает уже не столько св. Губерт, сколько сам Валькауд, который являет идеальный образец прелата. Он стоит рядом со столь же идеальным образцом императора — Людовиком Благочестивым.

Таким образом, на примере переписывания одного жития можно увидеть: как работает каролингский агиограф: его «кухню», приемы, с помощью которых он рефлексировал над текстом, анализирует его и вводит в контекст современности. Мы видим, как текст, рассказывающий об одних и тех же событиях, меняет свое наполнение. Из простоватого свидетельства очевидца житие превращается в политический манифест каролингского епископата, в «Зерцало» для епископа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Vita prima S. Hucberti // AASS Novembris T. 1. Col. 798–805.
2. Vita secunda S. Hucberti // AASS Novembris T. 1. Col. 806–818.
3. Historia translationis S. Hucberti // PL. T. 106. Col. 389–394A.
4. Vauchez A. La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Âge Paris, 1981.
5. Amelung K. Leben und Schriften des Bischofs Jonas von Orlean. Dresden, 1888.
6. Appleby D.F. Sight and Church Reform in the thought of Jonas of Orleans // Viator 27. 1996. P. 11–34.
7. Delaruelle E. Jonas d'Orléans et le moralisme carolingien // Bulletin de littérature ecclésiastique, 55. 1984. P. 129–143.
8. Dubreucq A. Le métier de roi. Introduction // SC 407.
9. Reviron J. Les Idées politico-religieuses d'un évêque du IXe siècle: Jonas d'Orléans et son De Institutione regia: étude et texte critique. Paris, 1930.
10. Savigni R. Giona di Orleans. Una ecclesiologia carolingia. Bologna, 1989.

СИДЯКИНА А. К.

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ В ЭПОХУ ВТОРОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

Осенью 1185 (или 1186) г. в Болгарии вспыхнуло антивизантийское восстание, которое возглавили местные боляре братья Петр и Асень. Его центром стала крепость Тырново. Поводом для выступления послужило буквальное ограбление болгарского населения в связи с женитьбой византийского императора Исаака II Ангела [1]. В 1185/1186 г. в Тырново собралось множество людей на освящение церкви вмч. Димитрия Солунского. По сообщению Никиты Хониата, разнесся слух о том, что чудотворная икона святого Димитрия из разграбленной в 1185 г. норманнами Фессалоники теперь находится в Тырнове. Это было воспринято как свидетельство особого покровительства вмч. Димитрия болгарам и вдохновило восставших [2]. Воссоздание болгарской государственности в рамках Второго Болгарского Царства со столицей в Тырнове имело следствием восстановление автокефалии Болгарской церкви (БЦ). Была учреждена новая независимая епископия в Тырнове. Так было сделано, потому что Охридская архиепископия, которая окормляла болгарский народ, находилась в подчинении у самого византийского императора, что было установлено еще в период падения Первого Болгарского царства, по Указам Василия II Болгаробойца [3, С. 40–48].

Одновременно с началом восстания, в новопостроенной церкви, где находилась икона вмч. Димитрия, болгарские вожди заставили трех византийских иерархов (Видинского митрополита и еще двух неизвестных архиереев) рукоположить в епископы

священника Василия, который венчал на царство Петра Асеня. Сведения об этом содержатся в письме Димитрия Хоматиана Василию Педиадиту митрополиту Керкирскому, а также в Синодальном акте Охридской архиепископии от 1218/1219 г. Фактически в центре восставшей территории появилась новая, независимая епархия [1].

По мнению Златарского, рукоположение нового епископа хронологически происходило практически одновременно с восстанием или чуть позже начала восстания [4, С. 150]. Точной даты свершения этого события мы не имеем, предположительно она колеблется между 1185 и 1188 годами. Златарский считает, что это произошло в 1187 (1188) г. Но в письме папе Иннокентию III от конца 1203 или начала 1204 г. болгарский архиепископ Василий пишет, что ожидал признания от Рима 18 лет, это может говорить о том, что его рукоположение произошло в 1185 или в 1186 г. [5, С. 314–315]. Днем свершения этого события считают 26 октября, день памяти св. Дмитрия Солунского, храм во имя которого освящали перед началом восстания. Что касается самого процесса рукоположения, то мы знаем, в нем участвовало три епископа, что соответствовало каноническим правилам и стало основанием для признания впоследствии архиепископа Тырновского Византией. Сведения, объясняющие, что рукоположение происходило без особых нарушений, можно найти в письме Димитрия Хоматиана. Он объясняет, что болгары православные, они не отступали от канонов и обрядов греческой церкви, и поэтому можно признать рукоположение болгарского архиепископа правильным, не требующим повторения обряда. По первому апостольскому правилу и четвертому правилу Первого Вселенского Собора для рукоположения необходимы два или три епископа, что и использовали болгарские лидеры [6, С. 30–31; 113–119]. Византийцы же первоначально не признавали нового архиепископа, потому что он был рукоположен без ведома и согласия какого-либо высшего церковного служителя, а только при содействии светской власти.

О географии новой епархии есть сведения, что в период с 1186–1203 гг. в подчинение Тырновскому предстоятелю перешли 8 епархий, отпавших от Охридской архиепископии: Видинская, Браничевская, Средецкая, Вельбуждская, Нишская, Белградская, Призренская и Скопская [1].

Провозгласив независимость Болгарского государства и новой епархии, болгарские лидеры пытаются получить международное признание. Получая царское достоинство, болгары в рамках византийской максимы «Нет царя без патриарха», стремятся получить и высокий титул для предстоятеля Болгарской церкви. Этим вопросом болгарские правители озадачены с самого начала восстановления болгарского государства. Но Византия настроена враждебно, остается католический запад. Еще в 1187 г. в городе Нише болгары вступили в переговоры с германским императором Священной Римской империи Фридрихом Барбароссой, который пересекал Балканский полуостров во главе войск III Крестового похода. Болгарский царь Петр предложил ему военную помощь против Византии в случае войны взамен на политическое признание Болгарии. Фридрих дважды отклонил это предложение. В начале 1200-х годов завязываются отношения Болгарского правителя с Римом. У нас есть документальное подтверждение этой переписки, сохранились письма папы Римского и болгарских представителей [5, С. 307–379]. Инициатором римско-болгарских отношений фактически становится папа Римский Иннокентий III. Есть мнение, что инициатором был болгарский царь Калоян, однако этому нет практически никаких документальных подтверждений, кроме фразы из письма Калояна Иннокентию, в которой он говорит, что уже неоднократно пытался наладить отношения с Римской курией [5, С. 307–379].

По мнению некоторых исследователей, Калоян не мог быть инициатором, так как в то время он вел довольно успешные войны с Византией, и ему не было смысла стремиться к унии с католиками [7, С. 41]. Однако дальше ухудшается положение Болгарии, с одной

стороны нападают венгры-католики, Византия, признав независимость Болгарии, не хочет признавать за болгарским правителем титул царя и титул патриарха за предстоятелем Болгарской цекви, а также в это время идет активная подготовка к Четвертому Крестовому походу. Калоян, находясь в таком сложном положении, соглашается на унию с католиками и принятие от Римского папы королевского титула [7, С.41; 8, С.42–43].

Инициатором начала отношений все же был Римский папа Иннокентий III, он первым написал письмо болгарскому правителю, примерно в конце 1199 начале 1200 годов, в котором призывал войти в лоно Римской церкви. Уния была заключена в 1204 г., однако болгары так и не получили, чего хотели, Иннокентий не согласился признавать царского достоинства, равного «императору» Византии за правителем Болгарии, а только лишь титул короля (*rex*), и не признал за предстоятелем Болгарской церкви титул патриарха, а только лишь примаса. Причем он объяснил, что примас равен патриарху, по всей видимости, болгары долгое время верили в это убеждение [5, С. 327–329]. Архиепископ Тырновский Василий был помазан 7 ноября 1204 г. кардиналом Львом и получил знаки высшей церковной власти и «Привилегиум», определявший каноническое состояние Тырновской архиепископии и полномочия ее главы. На следующий день был коронован Калоян.

Важно отметить, что болгары, заключая унию с католиками, не уделяли внимания религиозной стороне, для них важен только политический аспект. По мнению большинства исследователей, болгары остаются верны старым церковным традициям, восходящим от греческой церкви, то есть они оставались православными [9; 4, С. 206–207; 10, С. 54]. Единственно, что стало нововведением, это помазание епископов при рукоположении, а также поминание в молитвах архиепископом Тырновским папы Римского [11, С. 132]. Считается, что как только уния стала препятствием для повышения ранга Болгарской церкви, от нее отказались. Это произошло в правление Иоанна Асеня II, после заключения союза

с Никейской империей против латинян. В 1235 г. прошел церковный собор в Лапсаке, под председательством Константинопольского патриарха Германа II, на котором была признана независимость Болгарской церкви, а Тырновский архиепископ Иоаким возведен в ранг патриарха [1].

Уния с Римом была расторгнута еще до провозглашения независимости Болгарской церкви, это произошло между 1230–1232 годами [8, С. 136]. Она в этот период подчинилась Константинопольскому патриарху, а в 1234 г. был рукоположен православными иерархами новый архиепископ в Тырново, которого потом избрали патриархом. Поводом для сближения Никеи и Болгарии были внешние и внутренние проблемы и цели двух стран. Для Болгарии было важно получить более высокий статус церкви, и Никея, не желая допустить победы Болгарского правителя над Латинской империей и занять Константинополь, решается признать независимость БЦ с высоким статусом [12, С. 204].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косик В. И., Темелски Хр., Турилов А. А. Болгарская православная церковь // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.pravenc.ru/text/149675.html#part_9. (дата последнего обращения 18.12.2013).
2. Хониат Никита. История. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.hist.msu.ru/ER/EText/Xoniat/2_1.htm. (дата последнего обращения 18.12.2013).
3. Грамоты Василия Болгаробойца // Гръцки извори за българската история. Т. VI. София, 1964.
4. Златарски В. История на българската държава през средните векове. Второ Българско царство. Т.3. София, 1972.
5. Переписка папы Иннокентия III и Калояна // Латински извори за българската история / Съст. и ред. М. Войнов, Ив. Дуйчев, Стр. Лишев и Б. Примов./ Т. 3. 1965. С. 307–378.
6. Никодим Милош. Правила Православной церкви. Т. 1. М., 1911.

7. Петров П. Унията между България и римската църква през 1204 г. и четвъртият кръстоносен поход // Исторически преглед. Т. 2. София, 1955.
8. Данчева-Василева А. България и латинската Империя (1204–1261). София, 1985.
9. Васильевский В. Г. Обновление болгарского патриаршества // Журнал Министерства Народного Просвещения, т. 238, (1885). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/d4c/238.pdf>.
10. Флоря Б. Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007.
11. Цанкова-Петкова Г. България при Асеневци. София, 1978. С. 191.
12. Жаворонков П. И. Никейско-болгарские отношения при Иване Асене II (1218–1241). // Византийские очерки. 1977.

УДК 94 (48).022

ЛАПШИНА А. А.

Российский государственный гуманитарный университет

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПРОПОВЕДЬ НА «НАРОДНОМ ЯЗЫКЕ»: ОДИН ПРИМЕР ИЗ НОРВЕГИИ XII ВЕКА

Одна из первых рукописей, содержащих тексты на древненорвежском языке, содержит так называемую «Древненорвежскую книгу проповедей» [1] (ок. 1200). Как видно из названия, данного этому сочинению его первым издателем К. Р. Унгером, в нем содержатся проповеди, а также нравоучительные тексты. Образцом для них послужила очень развитая к тому времени западноевропейская традиция. К сожалению, «Древненорвежская книга проповедей», в которой не представлена оригинальная богословская мысли, редко привлекает внимание историков. Но, тем не менее,

она представляет собой ценный источник по истории церковной и народной культуры.

Это можно увидеть на примере «Проповеди о святом мученике Стефане» (*Sermo de sancto Stephano martire*) [1, S. 73–77]. Ее текст также содержится в другом гомилетическом сборнике — «Исландской книге проповедей» [2, S. 176–180], который датируют концом XII – началом XIII столетия. Оба текста «Проповеди о Стефане» практически полностью совпадают за исключением инверсий слов в предложениях и небольших изменений в формулировках. Например: «*þeir misgerðo við oss*» («которые согрешили против нас») [1, S. 76] и «*þeir misgeora við oss*» («которые грешат против нас») [2, S. 179]); «*En með því at vér höyrðum sagt...*» («И с тем, что мы слышали...») [1, S. 76] и «*En allz vér heyrðom sagt*» («И всем, что мы слышали...») [2, S. 179]. В тексте «Древнеисландской книги проповедей» встречаются также отдельные слова, которых нет в «Древненорвежской книге проповедей»: ср., «*drotten*» («Господь») [1, S. 74] и «*dróttin varn*» («Господь наш») [2, S. 177], «*góðer brøðr*» («добрые братья») [1, S. 75] и «*góðer brøfr oc sýstr*» («добрые братья и сестры») [2, S. 178]. Также в «Древнеисландской книге проповедей» вместо скандинавских слов в некоторых случаях употребляются латинские (*fratres, sanctus, dominus, pater*); на латыни приводятся и слова Стефана «Господи, прими дух мой!» (Деян. 7:59), в то время как в «Древненорвежской книге проповедей» они переведены: «*Drotten Jesu tæc þuandamin*».

Из сравнения текстов исследователями делается вывод, что первоисточником для обеих рукописей должен был послужить общий текст на скандинавском языке. Различия текстов говорят о том, что они оба обращаются к первоисточнику не напрямую, а через другие списки [3, S. *47]. Это означает, что перевод был сделан уже в середине или начале XII в., и что в это время в Норвегии и Исландии тексты подобного рода были популярны и активно переписывались.

Самостоятельную источниковедческую проблему представляют построение проповеди и работа книжника с текстами-источниками. «Проповедь о Стефане» имеет сложный состав, что показано в работе О. Хьельде [4, S. 144–154]. В тексте проповеди присутствуют отдельные фразы из целого ряда текстов средневековых латинских авторов: Григория Великого [5], Фульгенция Руспийского [6], Псевдо-Фульгенция [7] и Цезария Арелатского («О любви к врагам») [8; 9; 10].

Также известна проповедь на англосаксонском языке, посвященная святому Стефану («Passio Beati Stephani Protomartyris») и составленная Эльфриком Грамматиком на рубеже X–XI вв. [11]. Древненорвежская проповедь — не перевод текста Эльфрика, и ее составитель обращался не только к древнеанглийскому варианту, но и непосредственно к латинским сочинениям указанных авторов. Тем не менее, близость некоторых формулировок и построение древненорвежской проповеди показывают, что текст Эльфрика мог частично служить его источником. Не исключен вариант, что существовала латинская компиляция, к которой обращались оба автора. В случае с «Древненорвежской книгой проповедей» мы имеем дело с диалогом традиций, когда составитель работал одновременно с памятниками на латинском и народном языках. Как известно, английская церковь оказывала большое влияние на норвежскую, в том числе на формирование письменной культуры [4, S. 67].

Тексты, имевшиеся в распоряжении норвежского автора, используются им по-разному. Некоторые фрагменты проповеди представляют собой довольно близкий перевод из Фульгенция, который, возможно, имелся у переводчика непосредственно перед глазами. Но бóльшая часть «Проповеди о святом мученике Стефане» представляет собой пересказ первоисточников. В ряде случаев фраза из одного текста встраивается компилятором в другой, что придает ей новый смысл. Норвежский автор вставляет в перевод отрывка из Фульгенция [6, Col. 729], где сравниваются «вчерашний

праздник» (Рождество) и «сегодняшний» (День Стефана), фразу из Псевдо-Фульгенция — «Был Христос рожден на земле, чтобы Стефан родился на небесах» [7, Col. 359], добавляя в нее слова «вчера» и «сегодня». В итоге получается: «Вчера облачился Царь наш в одеяние из плоти и удостоил Своим пришествием мир сей, явившись из лона Девы. А сегодня воин Его, торжествующий победу, отправился к небесным чертогам из брэнного укрытия плоти своей. Вчера Христос был укутан в пелены, а сегодня Стефан облачен бессмертным одеянием... Вчера был Христос рожден на земле, чтобы Стефан сегодня родился на небесах» [1, S. 73]. Или, например, предложение из проповеди Григория Великого «Истинная же любовь в том, чтобы друга любить в Боге, а недруга любить ради Бога» [5, Col. 1108], вставлено во фразу «Последуем и мы примеру Стефана любить друзей наших в Боге, а врагов ради Бога, чтобы можно было обрести вечное блаженство» [1, S. 75].

Иногда идея оригинального текста заимствуется, но не поясняется. В древненорвежской проповеди констатируется: «Для того назвал он Христа Сыном Человеческим, а не Божьим, чтобы пристыдить иудеев, которые не поверили, что Иисус Христос воскрес из мертвых и вознесся на небеса» [1, S. 74]. В то же время, как и у Эльфрика [11] и Цезария [9, P. 128] присутствует рассуждение, о том, почему именно слова Стефана должны были подействовать на иудеев.

Отдельный интерес представляют пассажи, для которых латинского источника не обнаруживается. Это относительно небольшие прибавления, в целом ничем не примечательные (призывы молиться о благодати полюбить не земное и преходящее, но небесное и вечное, проявлять милосердие и терпение, подобно Стефану и т. п.). Один из них все же представляет известный интерес: «И еще следует знать, что тот, кто раньше творил беззакония по отношению к ближнему своему, должен искупить вину (*bæta*) и просить о примирении (*sætt*), а другой должен потом простить его от всего сердца. А если один творил беззакония, а другой мстил

и совершал в ответ такие же беззакония или хуже, тогда должны оба искупить вину, и оба должны простить. А тот, кто искупает вину перед недругом своим и не совершает преступлений, напоминает самого Господа, который молился за недругов своих...» [1, S. 77]. Хотя точного совпадения найти нельзя, но при построении фраз применяются термины норвежского правового лексикона того времени [4, S. 152]: «bæta» — «искупать вину», «выплачивать штраф», «платить возмещение»; «sætt» означает «соглашение», «установление», «договоренность». Это объясняется тем, что законодательные и церковные тексты XII в. рождались в одной ученой среде.

Норвежский составитель «Проповеди о святом мученике Стефане» адаптировал текст для своей аудитории. Церковные понятия переводятся, а не транслитерируются: «almenneleg tru» («всеобщая», то есть католическая вера), «frumvatr» («первосвидетель» = «первомученик») или «píslar-vátt» («свидетель муки»). В норвежском тексте опускаются специфические латинские термины: например, «трабея» [6, Col. 729] переведено как «búningr» [1, S. 73], что означает просто «одежда». Абстрактные выражения заменяются конкретными: «stola immortalitatis» («[облачен] столой бессмертия») [6, Col. 730] передано как «udaudleго scrudi» (бессмертным одеянием) [1, S. 73], «immensitas coeli» («бесконечность небес») [6, Col. 730] как «rum holl himins» (просторная зала небесная) [1, S. 73]. Значение имени «Стефан», которое на латыни приводится как «corona», «coronatus» (у Эльфрика «коронованный славой») [4, S. 146], в древнорвежской проповеди подается как «pruðr» («украшенный»). Получается: «Заслуженное имя было дано Стефану, потому что «Стефан» на нашем языке означает «украшенный». По праву зовется он украшенным, потому что первым принял украшение мученического свидетельства во имя Божие» [1, S. 74]. Возможно, дело в том, что первая церковная коронация короля произошла в Норвегии только в 1164 г., и венец еще не приобрел символического значения.

В том, что касается церковной терминологии, интерес представляет древнескандинавское понятие «*miskunn*». Сравнение латинских текстов с их древнорвежскими переводами показывает, что «*miskunn*» используется как для перевода «*gratia*», так и «*miser cordia*», из чего можно сделать вывод, что скандинавское понятие было семантически шире и обозначало общую позитивную силу, исходящую от Божества. Текст «Проповеди о Стефане» подтверждает и расширяет эту гипотезу: «*claritate Christi*», которой наслаждаются в раю Павел и Стефан [6, Col. 732], передается в тексте проповеди как «*guðs miskunn*» [1, S. 75]. В одной из фраз автор использует традиционно скальдическое выразительное средство — аллитерацию, заменяя им рифму латинского стиха: «*Ille descendit carne velatus, iste ascendit sanguine laureatus*» [6, Col. 729] — «*Cristr steniðr hollde hulldr, en Stephanus ste upp blöðe hælgaðr*» [1, S. 73] (Христос спустился, плотью облаченный, // Стефан поднялся кровью освященный).

Таким образом, в тексте одной проповеди встречаются сразу несколько традиций. Норвежский автор имел дело как с латинскими текстами, так и с их переработкой в древнеанглийской словесности. Церковная письменная культура в Норвегии развивалась рука об руку с правой: та и другая используют одни термины. При обработке материала скандинавская культурная специфика проявлялась как в выборе средств выражения (аллитерация), так и в «несовпадении» образа мышления (предпочтение конкретного абстрактному, своеобразный «перевод» отдельных понятий).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gammel Norsk Homiliebog. Codex Arn. Magn. 619. QV / Udg. G. R. Unger. Christiania: Trykt hos Brøger & Christie, 1864.
2. Hómiliubók / Útg. Th. Wisén. Lund: Lund: C.W.K. Gleerups Förlag, 1862.
3. Gamal Norsk Homiliebok: cod. AM 619 4° /Utg. G. Indrebø. Oslo: I hovudkommissjon hjaa Jacob Dybwad, 1931.
4. Hjelde O. Norsk preken i det 12. Århundre: studier i Gammel Norsk Homiliebok. Oslo: [s.n.], 1990.

5. Gregorius. Homilia IX (Lectio s. Evang. sec. Matth. XXV, 14-30) // Patrologiae cursus completes. Ser. Latina / J.-P. Migne. Lutetia Parisiorum: Excudebat Migne, 1849. T. 76. Col. 1105–1109.
6. Fulgentius. Sermo III (De sancto Stephano protomartyre, et Conversione S. Pauli) // Patrologiae cursus completes. Ser. Latina / J.-P. Migne. Lutetia Parisiorum: Excudebat Migne, 1847. T. 65. Col. 729–732.
7. Sermo II. In natali S. Stephani // Patrologiae cursus completes. Ser. Latina / J.-P. Migne. Lutetia Parisiorum: Excudebat Migne, 1847. T. 65. Col. 859–860.
8. Caesarius. Sermo XXXVII (De amore inimicorum) // Cæsarius. Sermons au peuple (2 vol.) / éd. M. J. Delage. Paris: Éditions du Cerf, 1971–1978. Vol. II. 1978. P. 226–243.
9. Cæsarius. Sermon 219 (On the Feast of St. Sthephen) // Cæsarius. Sermons (3 vol.) / transl. by sister Mary Magdaleine Mueller. New York, Washington: Catholic University of America Press, 1956–1972. Vol. III. P. 127–132.
10. Cæsarius. Sermon 220 (For the Feast of St. Sthephen) Cæsarius. // Cæsarius. Sermons (3 vol.) / transl. by sister Mary Magdaleine Mueller. New York, Washington: Catholic University of America Press, 1956–1972. Vol. III. P. 132–134.
11. The Passion of the Blessed Stephen Protomartyr // The homilies of anglo-saxon church, by Ælfric / ed. by B. Thorpe. London: Printed by Richard and John E. Taylor, Red Lion Court, Fleet Street, 1844. Vol. I. P. 45–59 // Free ebooks — Project Gutenberg. Режим доступа: URL: <http://www.gutenberg.org/files/38334/38334-h/38334-h.htm> (дата последнего обращения 13.10.2012).

ОБРАЗ ПУТИ СВЯТОГО ИАКОВА ОТ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Путь св. Иакова (исп. El Camino de Santiago) представляет собой паломнический маршрут в город Сантьяго-де-Компостела к гробнице святого апостола Иакова. Существует несколько маршрутов этого пути, проходящих по территории Испании и граничащим с ней странам. Наиболее известный, так называемый французский путь (дорога франков), начинается в городе Сен-Жан-Пье-де-Пор во французских Пиренеях и проходит через северные испанские города — Памплону, Логроньо, Бургос, Леон вплоть до Атлантического океана [1, Р. 26].

Со временем менялись как цели совершения паломничества, так и значение и роль пути. На второй план отошла религиозная составляющая, уступив место культурно-туристическим, коммуникативным, гуманистическим, развлекательным и спортивным целям. Нашей задачей будет проследить на большом промежутке времени — от становления паломнического маршрута в XI веке вплоть до современности — изменение религиозной роли пути и целей паломников.

Согласно преданию, апостол Иаков проповедовал христианство на севере Иберийского полуострова и основал здесь первые христианские общины [2, Р. VIII]. Возвратившись в Палестину в 44 г., он принял мученическую смерть. Тело апостола было вывезено его учениками и захоронено в Галисии, недалеко от города Падрон на горе Либредон. Со временем гробница затерялась, и в течение нескольких столетий о ней ничего не было известно.

Однако в 813 г. монах-отшельник Пелайо, следуя за путеводной звездой, обнаружил место, где покоились нетленные мощи апостола, и в конце IX в. король Альфонсо III возвел здесь просторную базилику. Именно тогда местность получила название Компостела (лат. *Campus Stellae* «место, обозначенное звездой») [3, С. 8]. Как апостол, предпринявший далекое путешествие из Святой земли в Испанию, проповедуя христианскую веру, он стал покровителем паломников.

Считается, что основные паломнические маршруты сложились к XI веку. В XII веке папа Каликст II даровал паломникам право на получение индульгенции, что поставило город апостола на одну ступень с Иерусалимом и Римом. При Каликсте II был создан так называемый *Codex Calixtinus* — иллюминированная испанская рукопись XII века, посвященная апостолу Иакову [4, Р. XVII]. Кодекс был написан несколькими авторами и собран воедино между 1135 и 1339 годами. Рукопись состоит из пяти книг. Для нас основным источником является пятая книга, ставшая первым средневековым путеводителем по пути Сантьяго [5, Р. 55–56].

Кодекс Каликстинус дает нам представление об огромном религиозном значении, которое имел путь. Так, самая длинная восьмая глава пятой книги посвящена мощам и чудесам Святых, чьи гробницы находились по дороге Иакова или вблизи нее, как в Испании, так и во Франции. Шанс их увидеть и, прежде всего, гробницу апостола Иакова, вдохновлял средневековых людей совершать паломничество, даже если нужно было идти многие недели и месяцы. Прикосновение к мощам, вера в их чудотворность и страсть к их почитанию, возможность попросить прощение, молить о просьбе, получить индульгенцию, искупить грехи или выполнить обет, — все это поддерживало желание идти [6, Р. 62].

Роль этого паломнического маршрута в распространении христианства также несомненна. Путь проходил по исконно христианским землям, а сам Иаков стал символом этого движения,

о чем свидетельствует его изображение в виде воина, победителя мавров, распространившееся во времена борьбы с арабами [3, С. 9]. Позднее он станет общим патроном Испании.

Помимо религиозной функции путь Иакова имел большое значение в экономическом развитии той территории, через которую он проходил. Церковь и королевский дом поощряли паломничество и переселение на эти земли, предоставляя различные льготы и освобождая от налогов. Так, «франки» Сан-Сернина и Сан-Николоса обладали монопольным правом на продажу паломникам вина и хлеба. Вдоль дороги апостола довольно быстро возникали города и населенные пункты. Основание Эстельи в 1090 году сделало более легким переход от Памплоны до Нахеры [7, С. 185]. Города, расположенные по дороге франков, благодаря оживленной торгово-ремесленной деятельности, быстро превращались в экономические центры регионов, через которые шел путь [7, С. 188].

Некоторый упадок паломничества вызвала Реформация и утрата мощей в 1589 году. Они были обнаружены лишь в 1879 году в ходе восстановительных работ в кафедральном соборе Сантьяго де Компостела. В 1884 году папа Лев XIII подтвердил их подлинность [6, Р. 13]. Тем не менее, на протяжении этих 300 лет паломники продолжали идти в город апостола.

Путевые заметки XVII и XVIII века дают нам представление о новых целях совершения паломничества — дипломатических, туристических, авантюристских.

Так, поклонение св. Иакову не было прямой целью Козимо Медичи, следовавшего в 1668 году через испанскую Ла-Корунью в Англию [8, Р. 3]. Его путешествие продолжалось пять месяцев, во время которого он устанавливал полезные дипломатические контакты и посещал наиболее примечательные города Испании и Португалии.

Иную цель совершения паломничества преследовал кармелит Доминико Лаффи, увлеченный местной испанской кухней,

традициями и обычаями [8]. Однако наиболее интересной нам представляется работа Николы Альбани 1745 года «Путешествие из Неаполя в Сантьяго Галисийский». Никола Альбани — ловкач, плут и искатель приключений. Паломничеству он посвятил два года и четыре месяца, хотя зачастую сбивался с тропы пилигрима, чтобы отправиться в другие города за милостыней. Одиннадцать месяцев он провел в Лиссабоне, покинув его только для того, чтобы собрать большое подаяние в Сантьяго де Компостеле в Святой Год — это год, когда 25 июля — день Святого Иакова — выпадает на воскресенье [9, Р. 6].

После обретения мощей и их подтверждения папой Львом XIII количество паломников возрастает, а XIX век знаменует собой новый интерес к пути, вызванный активными реставрационными работами по восстановлению архитектурных памятников и деятельностью археологов [10, Р. 8].

Подлинное изменение роли и значения пути Сантьяго произошло в XX веке.

В 1965 году была создана первая испанская общественная организация, посвященная пути св. Иакова — ассоциация Друзей Камино в Эстелье под руководством Элиаса Валиньи Сампедро. К 1985 году ассоциация разрастается и превращается в испанскую федерацию. Выходит первое научное периодическое издание, посвященное пути Иакова — Болетин дель Камино, проходят международные конференции.

Еще одним значительным событием стал визит папы Иоанна Павла II в Галисию в 1982 году, подтвердивший религиозное значение тропы Святого Иакова [11, Р. 13].

Однако поворотным годом в истории пути стал 1987, когда Совет Европы провозгласил Камино культурным маршрутом Европы после вступления Испании в Единое Экономическое пространство. Под руководством Марселина Орехо Агирре, бывшего министра иностранных дел Испании, была разработана специальная Декларация, ставившая своей целью интегрировать Испанию

в общее европейское пространство. Провозглашались три главные задачи, которые отныне должен был выполнять путь Иакова:

I. Задача европейского единства, консолидации, объединения и сплочения;

II. Культурная задача — признание исторической и архитектурной ценности пути;

III. Экономическая задача — развитие непопулярных туристических регионов Испании, в особенности Галисии, через которую проходит главный отрезок пути [12, Р. 3-4].

Таким образом, Совет Европы определил новые возможности Камино. Религиозная цель теперь не была единственной официальной целью совершения паломничества. Церковь поначалу выступила против такого решения, отправив в 1988 году Совету Европы письмо, где декларировала, что путь никогда не был и не может быть культурным маршрутом. Однако в 1989 году папа Иоанн Павел II подтвердил универсальное значение Камино, признав его новое культурное и духовное значение [13, Р. 28–29].

После признания церковью новой функции пути происходит его включение в фонд всемирного наследия Юнеско, ведется активная деятельность по претворению в жизнь Декларации, разработанной Советом Европы. В 1993 году Мануэль Фрага Ирибарне, президент автономной области Галисии, представил три плана Хакобео 1993, 1999 и 2004 по развитию галисийского региона. С этого момента Сантьяго де Компостела становится не только центром паломнического маршрута, но и чисто туристическим городом, а Камино — визитной карточкой Галисии.

После провозглашения дороги Сантьяго культурным маршрутом Европы численность пилигримов неуклонно возрастала. Уже в 1991 году она достигла 10 тысяч человек в год, а в 1993 году, Святом Году, увеличилась в десять раз, приблизившись к 100 тысячам [14, Р. 1]. С этого времени путь стал массовым, что, в свою очередь, нивелировало лежащую в его основе религиозную составляющую. Статистика так называемых компостел показывает это.

По прибытии в Сантьяго де Компостелу пилигрим получает сертификат о пройденном пути — компостелу. Существует три вида компостел в зависимости от цели паломника: религиозная (*religioso*); религиозно-культурная или духовная, внутренняя (*religioso-cultural, espiritual* или *religioso y otros*) и нерелигиозная (*no religioso* — спортивная, туристическая и др.). Исследователь Педро Галан Буэно считает, что нужно разделить понятия религиозного и духовного. Раньше, по его мнению, во времена господства церкви духовное относилось к сфере религиозного. Сейчас же духовное нужно рассматривать отдельно, именно поэтому религиозная и духовная компостела разделены [15, Р. 10]. До 2005 года количество компостел с религиозными целями лидировало. После 2005 года вплоть до 2013 года преобладают компостелы с внутренними, духовными целями [14, Р. 5]. Это можно объяснить растущей популярностью пути. К 2006 году количество паломников достигло 100 тыс. в год [16, Р. 2]. Для сравнения 2013 год насчитывает уже 200 тыс. пилигримов [17].

Что влияет на статистику паломников и рост их числа? Выход популярных книг и фильмов. Так, в 1987 году, сразу после провозглашения Камино культурным маршрутом Европы, вышла книга известного бразильского писателя Пауло Коэльо «Дневник Мага», в разы увеличившая число желающих пройти путь. Другой популярной книгой стал роман современного немецкого комика Хапе Керкелинга «Ну все, я пошел. Мое путешествие по Пути Святого Иакова», опубликованный в 2006 году и не переведенный на русский язык. Примечательно, что в следующем 2007 году число немецких паломников возросло на 71% [14, Р. 1].

На статистику пилигримов влияют и фильмы. Так, вышедший в 2010 году американский фильм «Путь» увеличил количество американских паломников. Впервые в 2013 году США вошли в пятерку стран-лидеров по числу пилигримов, заняв пятое место после испанцев, немцев, итальянцев и португальцев [17].

Интересно проследить и общую статистику паломников, начиная с 1993 года. Испанские паломники лидировали всегда. Следом шли французы, уступив в 2002 году второе место немцам, которые сохраняют его за собой до сих пор. Теряя с каждым годом свои позиции, Франция вышла из пятерки стран-лидеров паломников. Итальянские пилигримы набирают обороты с 2004 года, вытесняя французов. Количество португальских паломников растет с 2002 года, когда был открыт португальский путь. Бельгийцы и голландцы утратили свои позиции, впервые появились американцы [14, Р. 1; 17].

Таким образом, с новыми целями, провозглашенными Советом Европы и растущей популярностью, значение и роль пути усложняются. В наше время существует опасность его превращения в туристический продукт. Такая перспектива сведет на нет изначальную идею Камино. Все больше появляется людей, рассматривающих путь как способ провести каникулы, познакомиться с людьми из других стран или просто сбросить лишний вес. Однако, несмотря на это, религиозная сущность Камино, лежащая в его основе, остается. Это доказывается тем, что в Святой год (даже после 2005 года) количество религиозных компостел абсолютно преобладает. Ценности на пути — в основе своей христианские: помощь ближнему, терпение, смирение, взаимная солидарность. Его религиозное значение определяется и тем, что он плохо известен в католических странах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варьяш О. И. Города «дороги франков» // Город в средневековой цивилизации Западной Европы, Т. 4. Москва, 2000.
2. Парсегова Г. З. Камино-де-Сантьяго: самое необычное путешествие по Испании. М., 2012.
3. Teodoro Martinez S. I. El Camino Jacobeo. Una ruta milenaria. Vizcaya, 1987.

4. Leonart Amsélem A. J. El Camino de Santiago y Europa. Contexto histórico y raíces cristianas. Madrid, 2007.
5. Liber Sancti Iacobi. Codex Calixtinus. Xunta de Galicia, 2004.
6. Gitlitz D. M, Davidson L. K. The Pilgrimage Road to Santiago. London, 2000.
7. Harpur J. Sacred Tracks. 2000 years of Christian Pilgrimage. University of California press, 2002.
8. Caucci von Saucken P. Santiago y España en el relato de Cosme de Médici // Actas del seminario de estudios Jacobeos. Madrid, 2005.
9. Barreada Ferrer A. L. Peregrinos a Santiago a través de los relatos // Actas del seminario de estudios Jacobeas. Madrid, 2004.
10. Dosil Maceira A. Una visión actual de la peregrinación compostelana desde la ciudad del Apóstol // Actas del seminario de estudios Jacobeos. Madrid, 2012.
11. Rivera J. El camino de Santiago, como Patrimonio Unico // Actas del seminario de estudios Jacobeos. Madrid, 2012.
12. Oreja Aguirre M. Camino de Santiago. 25 años de la Declaración del Consejo de Europa // Actas del seminario de estudios Jacobeos. Madrid, 2012.
13. Ballestar J. M. Los caminos de Santiago origen y sentido de un itinerario cultural // Actas del seminario de estudios Jacobeos. Madrid, 2007.
14. Galán Bueno P. M. El camino y los caminos de Santiago. El viaje y las infraestructuras // Actas del seminario de estudios Jacobeos. Madrid, 2005.
15. El Camino Santiago. Distribution of pilgrims // Режим доступа: URL: http://www.elcaminosantiago.com/PDF/Distribution_Of_Pilgrims.pdf (дата последнего обращения 07.12.2013).
16. Oficina de Acogida el Peregrino // Режим доступа: URL: <http://www.peregrinosantiago.es/esp/wpcontent/uploads/informes/peregrinaciones2006.pdf> (дата последнего обращения 07.12.2013).
17. Peregrinos a Compostela en el año 2013-2014 // Camino Milenario // Режим доступа: URL: <http://caminomilenario.com/blog/estadisticas-peregrinos-1/> (дата последнего обращения 07.12.2013).

**«AMENTIA PROVENIRET EX PARTE INTELLECTUS»?
КОНЦЕПЦИЯ БЕЗУМИЯ У Ф. ДЕ ВИТОРИИ
ПО RELECTIONES THEOLOGICAE**

XVI век, среди прочего, — время смены парадигмы отношения к безумию, неизбежной на фоне ренессансного преклонения перед человеческим разумом и зарождающегося рационализма. Определение безумия как одержимости или порока [1, Р. 367] начинает уступать место определению его как душевного расстройства; болезни, которую следует лечить. Эти изменения происходят не только в медицине (Парацельс, Хуан Уарте [2, Р. 69–70]), но и в философии (Хуан Луис Вивес [2, Р. 88]), и теологии. За полвека до возникновения декартовского рационализма вторая схоластика разрабатывает теологический рационализм; ее основатель, Франсиско де Витория, рассуждая о возможностях мышления, часто противопоставляет взрослому человеку (*adultus*) — ребенка (*puer*), здравомыслящему (*sanus*) — безумца (*amens*), спящего (*somnians*) или пьяницу (*ebrius*). Отношение Витории к феномену безумия любопытно, поскольку, с одной стороны, он пишет в схоластической традиции, то есть должен находиться в дискурсе средневекового восприятия безумия; с другой стороны, как поклонник Эразма Роттердамского и друг гуманиста Вивеса (среди прочего — автора трактата *De anima et vita*), он может обнаружить гуманистические взгляды.

Франсиско де Витория (ок. 1480(92)–1546) — основатель второй схоластики, теолог, доминиканец, томист; получил степень лиценциата теологии в Париже и преподавал в университете Саламанки, до самой смерти занимая первую кафедру (*prima cathedra*).

«Relectiones Theologicae» — лекции Витории, прочитанные им в 1527–1540 годах и воссозданные по конспектам его учеников. Точнее, *relectio* — «разновидность богословского упражнения (...) самые сложные вопросы из обсуждавшихся в течение года заново рассматривались тем же лектором в присутствии его ученых коллег, — таким образом, их содержание уточнялось, совершенствовалось и приобретало наиболее безупречный вид» [3, Р. 57].

Последняя *relectio*, *De eo ad quod teneatur homo cum primum ad usum rationis venit*, посвящена одной из важнейших проблем средневековой теологии, — соотношению разума и веры. В ней говорится о том, ведет ли рациональное мышление к спасению и вечной жизни, о препятствиях, встающих на пути человека, пытающегося мыслить разумно, и даются частные положения, полезные тому, кто, собственно, вступает на путь рационального мышления.

Разумеется, Витория пишет не трактат о душе и не медицинский текст; в лекции, посвященной рациональному мышлению, безумие может рассматриваться только как негативный пример, на фоне которого лучше понятны тезисы самого автора.

Но, на мой взгляд, отношение автора к безумию тем любопытнее, чем меньше он сосредотачивается непосредственно на нем: в подобной ситуации легче заметить черты, на которых, возможно, в специфических текстах не было бы акцентировано внимание.

Рассмотрим для начала терминологию, которой пользуется Витория.

Во-первых, в тексте ни разу не встречаются слова *insania/insanus*, которые использовались для обозначения безумия гораздо чаще, чем *amentia/amens*. Вероятно, дело в том, что, хотя оба термина употребляются как безумие/безумный, *insania* обозначает в первую очередь дефект, заболевание; в то время как самый близкий по смыслу перевод *amentia* — «быть не в себе»; быть захваченным, возбужденным, взволнованным. Это различие хорошо прослеживается этимологически: *insania* — это *in* + *sanus*,

то есть нездоровый, некрепкий; *amentia* — это *ab + mens*, то есть вне ума, без ума; возможно, самым адекватным переводом было бы «невменяемый». В пользу этого говорят два факта. Во-первых, опять же, этимология: оба слова восходят к одному корню (праиндоевропейский **m̥nti-*) [4; 5]. Во-вторых, оба слова имеют скорее философский или юридический, чем медицинский оттенок: невменяемый — это тот, кому (вследствие психического расстройства) нельзя вменить в вину какое-либо преступление; *non compos mentis* (не владеющий рассудком) — обобщающее название людей, вследствие психических расстройств не несущих ответственности перед законом и/или не способных представлять себя в суде.

Кроме *amens* в тексте встречаются еще два слова, относящихся к терминологии безумия: это *maniacus* и *phreneticus* [5, P. 1312]. Первое можно перевести как «одержимый», поскольку подразумевается человек с сильным пристрастием к чему-либо (которое, по мнению Витории, не лишает его способности мыслить рационально относительно всех других предметов), а второе — как «буйно-помешанный», и в отличительные признаки последнего автор не углубляется.

Таким образом, с одной стороны, Витория не использует *amens* и *insanus* как синонимы, что делает Фома Аквинский, у которого он заимствует большую часть терминологии; с другой стороны, автор не выстраивает классификацию видов безумия, как это делал, например, Парацельс (его работа, в которой впервые появляется разграничение на *lunatici*, *vesani*, *insani* и *melancholici*, будет издана после смерти самого Парацельса — и, соответственно, после смерти Витории).

Складывается впечатление, что под *amens* он понимает вполне конкретную разновидность сумасшествия; попробуем выделить ее признаки.

1. «Причина того, что они не используют рассудок — в расположении чувств... Безумие означает лишение или смятение (*privatio, turbatio*) сознания или разума (*mens, intellectus*) и не имеет

отношения к воле; но там, где разум затруднен в определении, воля лишена возможности выбора» [6, Р. 1309, Р. 1318, Р. 1313].

В схоластической теории познания чувства делятся на внешние и внутренние. Под внешними понимаются привычные нам зрение, слух, осязание, обоняние и вкус; под внутренними — память, воображение, интеллект и общее чувство. Процесс познания видится как создание первоначальных образов внешними чувствами, обработка их внутренними чувствами, и, лишь затем, создание умозаключений — работа разумной души (*anima separata*).

То есть, согласно Витории, безумие возникает не на уровне внешних чувств (с ними у безумца все в порядке) и не в душе, о чем, цитируя автора, и помыслить было бы преступно, — а между ними, на стадии внутренних чувств. Свойственная богослову, поставившему перед собой задачу разграничить теологию и философию, уверенность в том, что душа (в отличие от мозга) недоступна безумию, вполне согласуется с нынешними представлениями (хороший пример — постепенное исчезновение термина душевнобольной в русском языке: в ЭСБЕ (1890–1907) он еще используется вместо слова «сумасшедший»; в словаре Ушакова (1935–1940) уже помечен как «книжный» [7; 8]).

Чуть дальше Витория напишет: «Причиной... может быть неумеренное количество жидкости (*humor*) в головном мозге, но, впрочем, это следует обсуждать не нам, но врачам и естествоиспытателям. Мы можем знать только то, что те, кто владеют своими чувствами, владеют и рассудком». Попытка разграничить медицину и метафизику, впрочем, останется незамеченной, и на протяжении двух следующих веков связь души и тела (в особенности в вопросах безумия) будет живо волновать медиков [9, С. 221].

С другой стороны следует отметить, что Витория, теолог, читающий лекции на первой кафедре теологии, ни разу не упоминает ни «разрешенного безумия», ни одержимости дьяволом; нигде не проявляется отношение к сумасшествию как к греху или каре.

2. «Чувства у человека того же порядка, что и у животных, хотя некоторым образом совершеннее; но безумцы совершают множество действий, на которые животные не способны: таким образом, они используют не одно только чувство, но еще и разумение и волю» [6, Р. 1309].

Здесь, судя по всему, Витория возражает Фоме Аквинскому, который в «Сумме Теологии» пишет: «И о таких людях можно судить как о неразумных животных, которые необходимым образом следуют побуждениям страсти: в них нет никакого движения разума и, соответственно, воли. Иногда, однако, разум не полностью поглощается страстью, но в чем-то сохраняет свободу суждения...» [10, С. 136].

Нельзя сказать точно, отрицает ли Витория возможность безумия, полностью лишаящего разума и воли, или просто отказывается ее рассматривать; на мой взгляд, скорее, первое, — но об этом чуть ниже.

3. По мнению Витории, что бы безумцы ни делали, даже если они нарушают заповеди, то не совершают греха, поскольку недостаточно обладать свободой совершать или не совершать какое-либо действие, — этой свободой следует обладать обдуманно (*deliberate*), — только тогда она будет считаться свободой воли (*libertas voluntatis*) [6, Р. 1313].

4. Витория сравнивает разумного человека не только с безумцем, но и со сновидцем (*somnians*), пьяницей (*ebrius*), ребенком (*puer*). В большинстве случаев слово «безумец» употребляется не само по себе, а в перечислении: «безумец, ребенок или спящий»; пьяницы встречаются чуть реже. Из очевидного свойства, объединяющего ребенка, спящего и пьяницу — неспособности вынести рациональное суждение — вытекает другое: во всех трех случаях это временная неспособность, поскольку рано или поздно ребенок вырастет, спящий проснется, а пьяница протрезвеет. Возможно, это означает, что и безумие Витория воспринимает как временное состояние — то есть как болезнь, которую можно вылечить.

Итак, безумие — это недостаток или несовершенство разума, причины которого коренятся во внутренних чувствах.

Один из самых важных моментов заключается в том, что безумие больше не рассматривается в терминах добродетели и греха, как это часто случалось на протяжении Средних веков [1, С. 366–367]; изучение его причин отныне предоставлено медикам.

Возможно, здесь и происходит «зарождение критического отношения к безумию», о котором писал Фуко [9, С. 46–47]; в «Истории безумия...» в качестве родоначальников этого дискурса упоминаются Брант и Эразм, хотя оба писали все же не о безумии, а о глупости. Понятия, конечно, схожи, но перейти от трагического к критическому восприятию глупости гораздо легче, чем проделать то же самое с безумием; и первое кажется более подходящей задачей для литературы, тогда как второе — для философии и медицины (для медицины посредством философии); именно второй процесс, на мой взгляд, и нашел отражение в трудах Витории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Прогресс, 1995.
2. Millon Th. Masters of the Mind: Exploring the Story of Mental Illness from Ancient Times to the New Millennium. John Wiley & Sons, 2004.
3. To the Christian reader, Greeting // Vitoria, Francisco de, The Indis et de Iure Belli Relecciones / Ed. by Ernest Nys. New York: Oceana, 1964.
4. Mens // A. Walde. Lateinisches Etymologisches Woerterbuch. Heidelberg: Carl Winter's, 1938.
5. Мнить // Черных П. Я. Этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1999.
6. Urdanoz, Teofilo. Obras de Francisco de Vitoria. Relecciones Teologicas. Madrid: Biblioteca de autores cristianos, 1960.
7. Яновский А. Е. Душевнобольные // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб.: 1890–1907.
8. Душевнобольной // Толковый словарь Ушакова. Москва, 1935–1940.
9. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб: Университетская книга, 1997.
10. Вопр. 10., разд. 3 // Св. Фома Аквинский. Сумма Теологии. Первая часть второй части / Пер. А. В. Апполонова. М.: Signum Veritas, 2008.

НА ГРАНИЦЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ПРОСТРАНСТВА: КЕЛЬТСКИЙ МИР

ОФОРМЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В «КНИГЕ ЗАХВАТОВ ИРЛАНДИИ»

Мифы о происхождении являлись конституирующими факторами для современных коллективных идентичностей. Они могли охватывать большой спектр жанров, начиная от космологических мифов и мифов о создании и заканчивая мифами об общем родстве [1, Р. 40].

«Книга захватов Ирландии» воплощает в себе весь вышеупомянутый спектр. В основном, она была составлена поэтами-историками XI в.: Эохайда Уи Фланна, Фланна Манистраха и Гиллы Коэмана. Материал всплывал в гораздо более ранних памятниках, датированных VII–VIII в. В основе «Книги захватов» лежит сюжет о постепенном заселении Ирландии племенами Кессар, Партолона, Немеда, Фир Болг, Туата де Дананн и Миля Испанского (часть племен имеют названия, часть — называются по принадлежности к своим вождям) и об окончательном воцарении на острове племени гойделов, от которых происходят современные ирландцы. Появление источника связано с переходным периодом в истории Ирландии, когда она была освобождена от викингов и находилась на пути становления единого государства. Составители «Книги Захватов» архаизировали прошлое ирландцев, представляя его гораздо более статичным, чем оно было на самом деле.

«Книга Захватов» отражает ирландскую литературную традицию ретроспективного воззрения на историю. Источник отражает специфическую ирландскую картину мира. Люди и окружающее пространство представляются тесно связанными между собой [2, Р. 132]. Географические названия служат доказательством

символических отношений между людьми и пространством [2, Р. 132]. Объекты пространства явлены нам свидетелями племенного прошлого и выступают в качестве архетипа [3, С. 327]. Они получают свое название от людей. Таким образом, любой географический объект становится неотъемлемой частью истории Ирландии и ассоциируется с определенным событием [2, Р. 132]. Как и весь нарратив «Книги Захватов», оформление пространства служит апологией власти септов, поскольку оно консервирует социальный порядок.

Племена, заселяющие Ирландию могут восприниматься в двух ипостасях: в библейской (как древние предки) и космогонической (как антропоморфные боги, поскольку в ирландских мифах космогония представлялась в виде манифестации, «постоянного творения» [4, С. 22]. За исключением двух последних, прибывшие племена не захватывают, а колонизируют остров, тем самым совершая акт повторного творения.

С мифологической точки зрения ничто не существует, пока оно не «оформлено» [4, С. 49]. Доисторическое пространство абсолютно девственно и заполняется благодаря серии миграций. Ирландия воспринимается как самодостаточный космос, учитывая территориальную ограниченность острова, но этот космос пребывает в состоянии хаоса в период между миграциями. Любое новое племя вынуждено создавать все заново.

Упоминается два вида заполнения пространства — появление объектов природы без непосредственного воздействия человека (озер, гор, рек) или как результат человеческой деятельности (расчистка земли и появление долин). При Партолоне возникают семь озер, при Немеде — четыре, при Туата де Даннан — три. По прибытии Партолона в Ирландии существовала лишь одна долина, созданная Богом-творцом — Эльта. При нем расчищается четыре долины, при Немеде — двенадцать.

Однако идентификация определенных топонимов, упоминаемых в различных источниках по истории Ирландии, осложняется

тем, что почти каждый географический объект имеет по два или по три имени в различных редакциях. Многие объекты вовсе могут не существовать или являться плодом намеренной выдумки авторов.

Генри Моррис, анализируя легенду о Партолоне, обнаруживает факт трансформации локального сюжета в общеостровной [5]. В «Книге захватов» излюбленным местом прибытия племен из Испании является Инбер Скен, на юго-западе Ирландии. Моррис доказывает, что Инбер Скен — это мифический объект, который ирландские историописцы заимствовали из трудов Павла Орозия [5, Р. 58]. Этот остров, согласно историку V в., был виден с севера Испании, но никто из ирландских историков не мог определить точно, где он находится. Моррис, ссылаясь на традицию Диннхенхас, доказывает, что в более древней традиции Партолон высаживается у Инис Самер, реально существующего маленького островка в устье реки Эрне, на севере Коннахта [5, Р. 58–59]. Действительно, в «Книге Захватов», высадившись у Инбер Скен, Партолон вскоре переносится в район Инис Самер, когда у него случается конфликт с женой, Делгнат. Она в его отсутствие изменяет ему с его слугой Тобой. Разгневанный на жену, Партолон ударом ладони убивает ее собаку Самер, от которой и происходит название Инис Самер [6, Р. 28–29].

Ту же самую ситуацию Моррис прослеживает в случае с другими географическими объектами. До прибытия Партолона в Ирландии существовало девять рек — Муад (Мой), Слигех (Слиго), Самер (Эрне), Финд (Финн), Модорн (Мурн), Банна (Банн), Буайс (Буш) и Лу (Ли) [5, Р. 54–55]. Моррис пишет, что те же названия рек приводятся в анналах Клонмакнойса, книге из Лейнстера, книге из Баллимота и Хронике скоттов, и изначально их могли знать люди, живущие в заливе Донегал [5, Р. 67]. Составители акцентировали внимание на том, что Партолон расчистил четыре долины из четырех разных провинций. Однако они все располагаются неподалеку от реки Эрне, то есть вблизи Коннахта. Таким образом,

ирландский историк локализовывает источник мифа о Партолоне на побережье северного Коннахта и северо-западного Ульстера [5, Р. 68]. Соответственно, компиляторы XI–XII вв., синхронизируя нарратив в единую схему истории заселения Ирландии, экстраполировали обнаруженный ими локальный сюжет на весь остров и для этого видоизменили некие географические объекты. Однако локальный характер мифа остается заметным, если внимательно рассматривать его географическую составляющую. Мы можем предположить, что весь нарратив «Книги Захватов» был своеобразным лоскутным одеялом из мифов и представлений разных регионов Ирландии, собранных воедино.

Пространство не только подлежит заполнению, но и постоянному делению. Разделение Ирландии играло важную роль в легитимации власти септов. При Фир Болг происходит первый горизонтальный раздел Ирландии на пять частей, фактически на пятины [6, Р. 120–121]. «Они пришли вместе в Ушних, что в Мите, и разделили Ирландию на пять частей. Первая часть отошла Слэйнге от Инбер Колпты до места встречи Трех вод, следующая — Ганну, от места встречи Трех вод до Белых Конглы, Сенханну — от Белых Конглы до Лумнеха, Генанну — от Лумнеха до Дрозэйса, Руайдри — от Дрозэйса до Бойна» [6, Р. 120–121].

Другое важное членение Ирландии — это ее раздел по вертикали, совершенный при сыновьях Миля. Между Эремоном и Эбером, добравшимися до Ирландии, возникает спор о том, кто будет править Ирландией. Друид Аморген вызывается решить их спор. В начале он предлагает, чтобы первым правил Эремон, а ему наследовал Эбер. Братья, отказавшись от первого варианта, принимают второй совет Аморгена, и делят Ирландию на две части: Эремону достается север, а Эберу — юг [6, Р. 283–284]. А. и Б. Рисы указывают в этом разделении на дихотомию между югом и севером, существенно отличавшимися друг от друга [7]. К Эберу на юг отправляется арфист, «и отныне вечно сладкое звучание музыки пребудет в южной части Ирландии», а к Эремону на север — поэт,

«так что отныне на Севере хранится достоинство и ученость» [6, Р. 282–283]. Этим объясняется порядок наследования в Ирландии до норманнского завоевания, при котором «потомки» Эбера чередовались с «потомками» Эремона. При этом дихотомия территории не означала дробность, а наоборот, обеспечивала ее целостность. Это разделение сходно с разделением Ирландии на две половины — «половину Конна» (Конн Ста Битв, предок коннахтов и Уи Нейлов) и «половину Муга» (Муг Нуадат, предок Эоганахтов). С точки зрения Фрэнсиса Бирна, подобная теория возникла в VI–VII в. для объяснения сфер влияния Тары и Кашеля [8, С. 116].

Таким образом, пространственные представления, репрезентируемые в «Книге захватов Ирландии», были неразрывно связаны с мифом власти. «Книга Захватов» отражает период в истории Ирландии, когда осуществляется переход от трайбализма к территориальности. Пространство служило артефактом заселения Ирландии. Историописцы пытались придать статичность тому положению в Ирландии, современниками которого они являлись, чтобы легитимировать местоположения септов, бывших племен, ведь архетип играл важнейшую роль в юридической традиции Ирландии [9, Р. 12].

Интерпретация мифа «Книги Захватов» выполняла разные функции в зависимости от периода. В VI–VII вв. архетип источника репрезентировал историческую память об этническом разделении острова, легитимируя власть избранных гойделов, к которым принадлежали лишь Уи Нейлы. Параллельно существовали различные локальные сюжеты, фиксирующие местные представления. Нарратив постепенно эволюционировал в сторону включения всего населения в единую ветвь библейского происхождения, и, тем самым, нивелировал к XII в. полиэтничную картину Ирландии.

Ирландские монахи, обнаружив различные локальные легенды (а нам кажется, что легенда о Партолоне — не единственный пример), синтезировали их в единое целое. Тем самым, каждое племя колонизовывало все пространство Ирландии, а не отдельную

ее часть. Авторы актуализировали самодостаточность самого ирландского космоса и гармоничность всех его пятин, оставляя за скобками локальные различия. Такую же тенденцию мы наблюдаем в ирландских анналах, где, по словам Фрэнсиса Бирна, начиная с VIII в., многие территориальные объекты обозначались не во множественном числе, как место пребывания определенной племенной группы, а в единственном [10, Р. 164]. В этот период начинается процесс постепенного оформления Ирландии в единое государство, прерванный англо-нормандским завоеванием, и поэтому для такого государства был необходим единый миф о происхождении. Несмотря на это, представления о пространстве в «Книге Захватов» фиксируют набор более древних локальных традиций и свидетельствуют о составной этничности [11, Р. 170], когда разнообразные племенные группы принимают официальный миф правящей элиты (милезианский миф), и этнической неоднородности острова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Smith A. D. Cultural foundations of nations: hierarchy, covenant and republic. Oxford: Blackwell publishing, 2008.
2. Cunningham B. The world of Geoffrey Keating: history, myth and religion in seventeenth-century Ireland. Dublin: Four Courts Press, 2004.
3. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996.
4. Бондаренко Г. В. Повседневная жизнь древних кельтов. М.: Молодая гвардия, 2007.
5. Morris H. The Partholon Legend // The Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland. 1937. Vol. 7. N. 1 P. 57–71.
6. Leabhar Gabhala — The Book of Conquests of Ireland: The Recension of Micheal O’Cleirigh. Vol. I. Dublin: Hodges, Figgis & company, ltd., 1916.
7. Рис А., Рис Б. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М.: Энигма, 1999.
8. Бирн Ф. Д. Короли и верховные правители Ирландии. Спб.: Евразия, 2006.

9. Ó Corráin D. Nationality and Kingship in Pre-Norman Ireland // Nationality and the pursuit of national independence. Belfast: Appletree press, 1978. P. 1–35.
10. Byrne F. J. Tribes and Tribalism in Early Ireland // Eriu. 1971. Vol. 22. P. 128–166.
11. Hastings A. The construction of nationhood: ethnicity, religion and nationalism. Cambridge: Cambridge university press, 1997.

УДК 94(364)+ 81'255.4

ДЕРЕЗА О. В.

Московский государственный университет

**СТИЛИСТИКА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЕРЕВОДОВ:
ИРЛАНДСКАЯ И ВАЛЛИЙСКАЯ ВЕРСИИ
ЖЕСТЫ О БЕВЕ ИЗ АМТОНА**

Несмотря на свое пограничное географическое положение, Ирландия и Уэльс находились вовсе не на периферии культурной жизни Европы в эпоху Средневековья. Имея богатейшую исконную литературную традицию, кельты активно осваивали и античную литературу, и средневековые сюжеты континентальной Европы. Уже в X в. с латинского языка на ирландский были переведены «О погибели Трои» и «Роман об Александре», а к концу XII в. — «Фарсалия» Лукана и «Энеида» Вергилия. Адаптации средневековых французских текстов появились гораздо позже, в XV в., при посредстве английского языка. В валлийской литературе самые ранние адаптации как античных, так и средневековых произведений относятся к XIII в. Ирландцам и валлийцам были отлично известны античные сюжеты об Одиссее, Геракле и Микотавре, средневековые сюжеты о поисках Святого Грааля, Карле Великом и Роланде, «Золотая легенда» Иакова Ворагинского

и романы Кретьена де Труа, «История королей Британии» Гальфрида Монмутского и история приключений сэра Джона МанDEVИЛЛЯ [1, 2, 3].

Важно, что источником перевода при этом чаще всего являлся не конкретный текст, а группа текстов или набор сюжетов. Таким образом, средневековые переводы на ирландский и валлийский языки правильнее называть адаптациями, а сам процесс перевода — литературной (и шире — культурной) трансформацией. «Переводчик — это скорее редактор, который, сохраняя основную структуру и сюжет исходного текста, может, тем не менее, позволить себе облечь текст в такую форму, которая в значительной степени будет соответствовать канонам исконной литературы и будет, тем самым, обращена непосредственно к предполагаемой аудитории», — заключает немецкий исследователь Эрих Поппе, автор ряда крупных работ по переводной литературе Средневековья [4, Р. 78–79]. Интересно, что такой подход к обработке источника характерен не только для кельтов, но и для скандинавов, о чем пишет И. Г. Матюшина [5, С. 91–95].

Сюжет о Беве из Амтона был чрезвычайно популярен в Средневековье, о чем можно судить по числу его переложений. Кроме оригинального текста англо-нормандской жести *Geste de Boeve de Hamtune*, который датируется последней декадой XII в., существует три континентальных французских варианта. Итальянская версия текста, *Vuovo d'Antona*, послужила основой для перевода на идиш, *Bovo-Bukh*, и, пройдя через сербохорватский и польский языки, стала русской «Повестью о Бове-королевиче». Этот же сюжет лежит в основе древнеисландской саги *Bevens Saga*, среднеанглийского романа *Sir Beues of Hamtoun*, его ранненовоирландского переложения *Bethadh Bibuis o Hamtuir*, сделанного в XV в., и, наконец, средневаллийского романа середины XIII в. *Ystoria Bown o Hamtwn* [6]. Жанровая принадлежность оригинала и переводов достаточно сложна для определения и требует отдельного исследования: англо-нормандский текст называется жестой, но содержит

довольно много романых элементов, валлийский носит максимально общее название — «история», но по содержанию вполне соответствует романному канону, а ирландский озаглавлен как «жизнь», т. е. может рассматриваться как биография.

Валлийский текст сохранился в пяти списках, и три из них были сделаны непосредственно в эпоху Средневековья. В данном исследовании использовалось современное издание 40% текста романа по версии «Белой книги Риддерха», выполненное марбургскими кельтологами Э. Поппе и Р. Рек [7], а полный текст доступен в электронном виде в Корпусе валлийской прозы 1350–1425 гг. [8]. Ирландский текст сохранился не полностью; в данной работе он цитируется по электронному изданию [9].

Переводные валлийские и ирландские тексты несколько недооценены исследователями по сравнению с текстами, принадлежащими к исконной традиции, такими как, например, валлийские «Четыре ветви Мабиноги» или ирландские саги Уладского цикла. Тем не менее, именно адаптации иноземных сюжетов при наличии источника заимствования помогают составить представление о том, что было характерно для языкового сознания в средневековой Ирландии и Уэльсе, какими категориями оперировал переводчик и какие языковые средства были типичны для их выражения [10, 11].

Сюжетная сторона в ходе подобной адаптации обычно претерпевает минимальные изменения. Основными сюжетными линиями в островных версиях жесты о Беве из Амтона являются месть главного героя (в валлийском тексте — Боуна, в ирландском — Бивуса) своей матери за убийство отца, а также его странствия и подвиги, в т. ч. борьба с язычниками. Немаловажна и любовная линия, строящаяся вокруг образа верной главному герою дочери языческого короля Иозианы-Шишианы¹. Однако детали и акценты на той или иной сюжетной линии варьируются.

¹ Здесь и далее: первое имя — имя героя в валлийском тексте, второе — в ирландском.

Можно выделить два типа переводческих трансформаций: культурные и стилистические. «Культурными» являются трансформации, связанные с введением в текст или исключением из него локальных культурных феноменов. В данном случае это, например:

1) Практика воспитания детей из знатных родов в чужой семье, широко распространенная в Ирландии и Уэльсе. Боун-Бивус — воспитанник рыцаря Саваофа-Сабера, тогда как в оригинале сэр Сабер — это просто *maister*, т. е. учитель героя.

2) Относительная свобода женщины в вопросах замужества. Иозиана-Шишиана отказывается выйти замуж за дамаскского короля Брамунда-Брамона, о чем открыто заявляет отцу.

3) Значимость гостеприимства. В ирландской версии Бивус, сбежав из плена дамаскского короля, попадает в замок к брату ранее убитого им рыцаря. Хозяин позволяет Бивусу войти и угощает его — поскольку в гостеприимстве просто нельзя отказать — и лишь потом вызывает на поединок.

В отличие от незначительных сюжетных трансформаций, обусловленных культурной спецификой, нарративная структура и стиль источника кардинально меняются, поскольку переводчик — как было сказано выше — в первую очередь ориентируется на ожидания потенциальной аудитории, настроенной на восприятие текста в узнаваемой форме.

Стилистические трансформации присутствуют на всех уровнях текста, «от макроформы и его синтаксической организации до отдельных употреблений идиом и форм времени на микро-уровне» [7, Р. xx]. Так, стихотворная форма оригинала меняется на прозаическую, характерную для валлийской, ирландской, а также исландской нарративной традиции. Кроме того, исчезают авторские комментарии, обращения к читателю, вступление и заключение, уступая место другим внесюжетным связующим элементам. Например, в ирландском версии связность текста достигается за счет резюмирующих предложений в конце каждого смыслового отрывка, построенных по схеме *conidh (amlaidh) + «жанр»* произошедшего

события, из числа тех, по которым классифицировались исконные саги: *aided* «насильственная смерть», *cath* «битва», *tochmharc* «сва-товство» и др.: *Conidh e-sin loinges Bibuis* «Таково изгнание Бивуса».

Значительно меняется и грамматическая организация текста: речь повествователя обычно состоит из ряда простых предложений, соединенных союзом валл. *a(c)* «и» / ирл. *agus* «и»; широко употребляются эмфатические конструкции, такие как валлийский выделительный оборот с *sef*: *Sef a wnaeth hitheu yna, kyuodi yn y seuyll a doddi y dwylaw am y vynywyl a rodi kussan ydaw*. «Что сделала она тогда, (это) встала, и положила руки вокруг его шеи, и поцеловала его». Кроме того, в обеих адаптациях редко используется повествовательное настоящее; в ирландском тексте основное повествовательное время — претерит, а в валлийском в его функции обычно выступает глагольное имя: *Yna agori y safyn y'r llew ar vessur tagu Bown* «Затем лев открывает пасть, намереваясь загрызть Боуна».

Одна из наиболее важных, на мой взгляд, стилистических трансформаций — это появление в тексте исконных средств художественной выразительности, в данном случае — ирландских аллитерирующих эпитетов и валлийских синонимических пар.

Первые представляют собой цепочки слов (обычно «существительное + его определения»), начинающихся с одного звука и часто имеющих близкое значение; порой общий смысл фразы приносится в жертву аллитерации. Прием очень характерен для исконной литературы ранненовоирландского периода и воспроизводится в адаптациях иноязычных текстов, сделанных в это время: *co n-drecht n-dana, n-dasachtach, n-difhuluing* «с отважным, храбрым, неодолимым отрядом», *frais fergach, firneimnech* «яростный, очень опасный град [ударов]», *beimeannaibh bithnertmura* «непрекращающиеся сильные удары». Часто этот прием осуществляется за счет прибавления к нескольким словам ряда усилительных приставок *fir* «истинный», *lán* «полный», *bith* «постоянный».

Валлийские синонимические пары — это слова (чаще всего прилагательные) с близким значением, либо стоящие друг за другом,

либо соединенные союзами «и», «ни», «или», либо оформленные как сложное слово: *llitiawc-wenwunic* «злой и разъяренный», *dewr kadarn* «храбрый стойкий», *kyweiraf a gwisgocaf a theckaf* «самый прекрасно одетый, самый прекрасно убранный и самый прекрасный». Они несут в большей степени прагматическое, оценочное, а не денотативное значение. Ш. Дэвис обозначает их как «формулы» и подробно рассматривает их употребление в исконной литературе [12]. Цель этого приема — подчеркнуть наивысшую степень проявления признака. Впрочем, объединены могут быть не только синонимы, но и просто ключевые характеристики при описании: *A thrwyn praff-froenuoll oed idaw a choesseu hir-lymyon yscyrnic* «Нос большой и с широкими ноздрями был у него, а ноги длинные, голые и костлявые». В подобные сочетания могут входить как полные синонимы (*noeth-lumun* «голый и обнаженный»), так и прилагательные, называющие типичные качества для того или иного персонажа или предмета (*yrdolyon adwun* «знатный и благородный» о рыцаре, *calet-lym* «твердый и острый» о когтях).

Хотя описанные выше средства художественной выразительности характерны не только для ирландской и валлийской литературы, в кельтских версиях жесты о Беве они играют особую роль. Детальный анализ одних и тех же эпизодов в тексте оригинала и перевода показал, что на месте ирландских цепочек аллиментирующих эпитетов и валлийских синонимических пар в английском и французском текстах стоит одиночное прилагательное, а чаще прилагательного нет вообще. Таким образом, прозаическая форма ирландской и валлийской адаптаций как бы компенсируется за счет лексического богатства, орнаментальности текста.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод о высокой степени самостоятельности валлийского и ирландского переводчиков в обращении с текстом оригинала, а также о тенденции к стилистическому переоформлению текста согласно конвенциям исконной литературной традиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. MacCana P., La Traduction des épopées étrangères en irlandais. // Traduction et traducteurs au moyen âge / Ed. G. Contamine, Paris, 1989. P. 77–84.
2. Ni Sheaghda N., Translations and Adaptations into Irish // *Celtica*, 16, 1984. P. 107–240.
3. Hughes A. Guide to Welsh Literature, Bd. 1. Swansea, P. 203–243.
4. Poppe E. The Early Modern Irish Version of Beves of Hamtoun, Cambridge, *Medieval Celtic Studies* 23 (Summer 1992), P. 77–98.
5. Матюшина, И. Г. Поэтика рыцарской саги. М.: Издательство РГГУ, 2002.
6. Watkin M. The French literary influence in mediaeval Wales // Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion, Session 1919–20, 1921. P. 1–81.
7. Selections from Ystorya Bown o Hamtwn // Ed. by E. Poppe, R. Reck. Cardiff: University of Wales Press, 2009.
8. Rhyddiaith Cymraeg 1300–1425 // Режим доступа: URL: <http://www.rhyddiaithganoloesol.caerdydd.ac.uk/cy/texts.php?genre=9> (дата последнего обращения 15.11.2013).
9. Bethadh Bibuis o Hamtuir // Режим доступа: URL: <http://www.ucc.ie/celt/online/G306000/text003.html> (дата последнего обращения 17.11.2013).
10. Poppe E. Adaption und Akkulturation. Narrative Techniken in der mittelkymrischen Ystorya Bown de Hamtwn. // Übersetzung, Adaptation und Akkulturation im insularen Mittelalter / Ed. E. Poppe, H. L. C. Tristram. Münster: Nodus-Publ., 1999.
11. Poppe E., Reck R. A French romance in Wales: Ystorya Bown o Hamtwn. Processes of Medieval Translations. [Part I]. // *Zeitschrift für Celtische Philologie*, 55. 2006. P. 122–180.
12. Davies S. Crefft y Cyfarwydd. Caerdydd. 1995.

ИСТОЧНИКИ «VITA BRIGIDAE» КОГИТОЗА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

На сегодняшний день о жизни Бригиты Килдэрской, одной из самых почитаемых христианских святых, известно довольно много: сохранившиеся в многочисленных рукописях три различных редакции ее жития дают нам картину деяний ирландской монахини, хотя порой и противоречат друг другу. В опубликованных научных работах, посвященных теме ирландской святой, много внимания уделяется сопоставлению ее жизнеописаний, проблеме двойности Бригиты как христианской святой и как языческой богини, гендерной проблематике и причинам возникновения столь обширного христианского культа. Изучению же вопросов формирования агиографической традиции вокруг жития Бригиты Килдэрской, по нашему мнению, посвящено значительно меньше работ.

В современной историографии существует консенсус по поводу основных этапов истории данных текстов, их возможных прототипов и интертекстуальных связей в ирландской и гиберно-латинской литературе. Однако, на наш взгляд, малоисследованным остается вопрос о возможных континентальных источниках и агиографических моделях жития, датируемого VII в. н.э., — «Vita Brigidae» Когитоза Килдэрского, или Vita II.

В 1912 году Марио Эспозито (Mario Esposito) опубликовал статью «On the earliest latin Life of St. Brigid of Kildare» («О раннем латинском житие святой Бригиты из Килдэра») в 30 выпуске «Трудов Королевской ирландской академии», где привел обзор всех дошедших до нас манускриптов жития Бригиты Килдэрской.

Затем в 1935 году в журнале «*Hermathena*» была опубликована его работа «*Notes on latin learning and literature in mediaeval Ireland*» («Записки о латинской учености и литературе в средневековой Ирландии»), в которой он отмечает в качестве опорных работ монаха произведения агиографов Ултана и Айлерана, откуда Когитоз заимствовал сведения о чудесах, сотворенных Бригитой [1, P. 132]. Новаторство Когитоза, по мнению Эспозито, заключалось в том, что до него в гиберно-латинской литературе не существовало так называемых «официальных» житий, представляющих собой цельные и логично выстроенные тексты, а вся информация о деяниях святых записывалась обрывочно, кусочно и представляла собой подобие «каталогов чудес» [1, P. 123].

В 1972 году Шоном Коннолли (Sean Connolly) была опубликована статья «*The authorship and manuscript tradition of Vita I Sanctae Brigidae*» («Авторство и рукописная традиция жития святой Бригиты»), в которой автор развивает версию Эспозито и утверждает, что автором или, по крайней мере, составителем наиболее раннего жития, послужившего основой для сочинения Когитоза, был Ултан. По его мнению, все три версии жития Бригиты, — *Vita I*, *Vita II* и *Bethu Brigte*, — имели в своей основе один и тот же источник, причем наиболее архаичным Коннолли считает язык *Vita I*. Более того, он высказывает предположение относительно авторства *Vita I*, приписывая его Айлерану, а значит, хронологически отодвигая *Vita II* Когитоза на второй план [2, P. 69]. В 1982 году Ричард Шарп (Richard Sharpe) опубликовал в журнале «*Peritia*» работу «*Vitae's Brigidae: the oldest texts*» («Житие Бригиты: древнейшие тексты»), в которой однозначно указал зависимость *Vita II* от *Vita I*, а также назвал *Vita I* образцом, собравшим воедино все сюжеты и темы, характерные для агиографий гиберно-латинских святых VIII и последующих веков [3, P. 82].

Ким МакКон (Kim MacCone) в 1984 году в статье «*An introduction to early Irish saints lives*» («Введение в жития ранних ирландских святых») называет *Vita II* самым ранним образчиком

островной житийной традиции из всех сохранившихся до настоящего времени сочинений подобного жанра [4, Р. 29]. Он отмечает, что структура жития напоминает «Vita Martini» Сульпиция Севера: у ирландского монаха так же, как и у французского агиографа, описания чудес святого следуют друг за другом в произвольном, а не в хронологическом порядке, в тексте присутствует информация о детских и юношеских годах персонажей, панегирик и личная приписка. Однако, в отличие от Сульпиция, Когитоз не останавливается на прижизненных деяниях Бригиты и идет дальше, рассказывая читателю о посмертных чудесах девы. При этом он весьма убедительно возводит Килдэрский монастырь на первое место в цепочке ирландских святынь, что, по мнению МакКона, на самом деле и являлось основной целью монаха [4, Р. 29–30].

В 2002 году американский историк Лайза Бител (Lisa Bitel) в своей монографии «Body of a saint, story of a goddess: origins of the Brigidine tradition» («Тело святой, история богини: происхождение традиции Бригиты») предположила, что опорными моделями для агиографов Бригиты Ирландской служили жития святых мужей, ранее созданные в материковой Европе. В качестве примеров, которыми пользовался Когитоз, она, подобно Киму МакКону, называет «Vita Martini» Сульпиция Севера и не дошедшее до наших дней житие Бригиты авторства Ултана [5, Р. 211]. Она подчеркивает, что жития святых дев никак не могли являться источником, вдохновившим Когитоза, так как агиографическая традиция раннесредневековой Европы не делала упор на языческие корни своих святейших женщин, дабы не подвергнуть их авторитет сомнению, когда как в образе Бригиты Килдэрской явно прослеживаются черты кельтской богини с таким же именем [5, Р. 211].

В своей следующей работе, «Ekphrasis at Kildare: the imaginative architecture of a seventh-century hagiographer» («Экфрасис о Килдэре: Образная архитектура агиографа VII века») Лайза Бител однозначно называет Когитоза пионером в вопросе документирования культа святой [6, Р. 607] и отмечает, что отдельные сюжеты чудес,

сотворенных Бригитой, напоминают деяния Иисуса и Моисея, такие, как умножение пищи, исцеление слепых и неуязвимость к огню [6, Р. 611–612], поэтому она настоятельно рекомендует исследователям данной проблемы обратиться в первую очередь к европейской континентальной житийной традиции [6, Р. 606]. Между тем, она не умаляет уникальности Бригиты, которая, будучи первой святой девой — урожденной ирландкой, была близкой и понятной каждому крестьянину, совсем недавно отринувшему язычество [6, Р. 609]. Описание самого здания Килдэрского монастыря она называет нетипичным для ирландской архитектуры того времени (большинство церквей тогда строились из дерева и имели достаточно скромный размер, когда как Килдэрский монастырь предстает перед читателем внушительной каменной базиликой в романском стиле с большими мозаичными окнами) и видит в нем попытку монаха придать ему внешнюю схожесть с континентальными храмами (по мнению Лайзы Бител, описание Килдэра Когитозом очень схоже с экфрасисом Григория Турского, посвященным церкви Клермон-Феррана [6, Р. 618]), и тем самым включить Килдэр в цепочку уже существовавших к тому времени христианских святынь, простиравшуюся от Иерусалима и Константинополя до Галлии и, соответственно, Ирландии [6, Р. 617].

Таким образом, поиск континентальных параллелей, начатый Кимом МакКоном и Лайзой Бител, представляется нам весьма многообещающим.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Esposito M. Notes on latin learning and literature in mediaeval Ireland // *Hermathena*. Dublin: Trinity College, 1935. Vol. 24, № 49, P. 120–165.
2. Connolly S. The authorship and manuscript tradition of *Vita I Sanctae Brigitae* // *Manuscripta*. Turnhout: Brepols Publishers, 1972. Vol. 16, № 2, P. 67–82.
3. Sharpe R. *Vitae's Brigitaе: the oldest texts* // *Peritia*. Cambridge: Trinity College, 1982. Vol. 1, P. 81–106.

4. McCone K. An introduction to early Irish saints lives // The Maynooth review. Maynooth, Co. Kildare: Faculty of Arts, Celtic Studies & Philosophy NUIM, 1984. Vol. 11, P. 26–59.
5. Bitel L. Body of a saint, story of a goddess: Origins of the Brigidine tradition // Textual practice. Los Angeles: Routledge, part of the Taylor & Francis Group, 2002. Vol. 16, Issue 2, P. 209–228.
6. Bitel L. Ekphrasis at Kildare: the imaginative architecture of a seventh-century hagiographer // Speculum. Cambridge (Mass.): Medieval Academy of America, 2004. Vol. 79, № 3, P. 605–627.

УДК 94(415).01

ЖИВЛОВА Н. Ю.

Московский государственный университет

ОСТРОВА НА ЛОХ-РИ: О РОЛИ ОСТРОВНЫХ ОБИТЕЛЕЙ В ИРЛАНДИИ V–X ВВ.²

Основы изучения истории церкви в раннесредневековой Ирландии в последние 50 лет были заложены английской исследовательницей К. Хьюз [1]. Согласно одной из ключевых концепций К. Хьюз, основой структуры церкви были крупные федерации монастырей — парухии, во главе которых стоял аббат главного монастыря. Работы современных историков, прежде всего Н. Этчингема, способствовали пересмотру этой концепции: Этчингем обратил внимание на традиционно большую роль епископов в церковной жизни и поставил под сомнение сам термин и концепцию «парухии» [2].

Тем не менее, остается бесспорным фактом то, что крупным центрам подчинялось множество более мелких церквей и обителей;

² Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 13-04-00024: «Образ острова в языке и культуре кельтов и германцев».

это демонстрируют и специальные исследования, посвященные Ионе [3], Глендалоху [4], Клонмакнойсу [5]. Если говорить об островах, то, например, в сферу влияния Ионы были включены острова Инба, Элен, Рехру и другие [3, Р. 33, 42].

Острова, на которых создавали свои обители ирландские монахи, можно разделить на несколько групп: острова у побережья Ирландии (восточного и западного), острова у побережья Британии, острова внутри Ирландии на реках и озерах. Западное и восточное побережье представляли собой разные культурные и экономические зоны: острова восточного побережья нередко служили торговыми перевалочными пунктами в отношениях с Британией и Галлией [6, Р. 301]. Сейчас нас прежде всего интересуют монашеские обители на островах, расположенных на реках и озерах; в качестве примера используется озеро Лох-Ри.

В древнеирландском языке термин «озеро» (loch) традиционно применялся к крупным разливам рек (например, Лох-Эрн — часть течения реки Эрн) и к морским заливам (например, Стрэнгфорд-Лох). Несколько широких участков реки Шэннон традиционно именуется «озерами» (loch): это, прежде всего, Лох-Ри (древнеирл. Loch Rib) и Лох-Дерг (древнеирл. Loch Deirgderc). Среди обителей Лох-Ри наиболее выдающимися были Инис Айнгин (ныне Хэйр-Айленд), Инис Клотранн (Инчклерон), Инис Бо Финде (Инчбофин — не путать с Инишбофином в графстве Мэйо), Инис Оэндайм (Инчэнах).

Озеро Лох-Ри, по-древнеирландски Loch Rí или Loch Rib [7] представляет собой часть течения Шэннона. Чуть ниже по Шэннону располагался монастырь Клонмакнойс (Клуан-мокку-Нойс); с момента своего основания в первой половине VI в. и на протяжении всего Средневековья он оставался одним из ведущих монастырей Ирландии, культурным центром, обладавшим огромным политическим влиянием. Здесь развивалась анналистическая традиция, создавались нарративные тексты.

Острова на Лох-Ри обладали как религиозной, так и политической значимостью, обеспечивая контроль над течением Шэннона; их завоевывали и разоряли и во время нападений на Клонмакнойс [5, Р. 71], и в ходе конфликтов, связанных с разделом сфер влияния в Ирландии в целом. В 840-х годах викинги устроили базу на Лох-Ри, разоряя окрестные земли [8, Р. 301, 302]. Показательно то, что в X–XI в. мунстерские короли, пытаясь утвердить свою гегемонию в Ирландии, неоднократно грабили и сжигали церкви на островах Лох-Ри, например, в 907 г. король Кормак, сын Кулленана (сам бывший клириком) [8, Р. 346].

Остров Инис Аингин (InisAingin) в новое время именовался по-ирландски Иниш-Иннин (Inish Inneen) или Хэйр-Айленд (Hare Island), «Заячий остров» [7]. В Средневековье остров принадлежал к сфере влияния Клонмакнойса. Сам основатель Клонмакнойса, святой Киаран (ум. 548 или 549 г. [8, Р. 98, 99]), согласно его житию, некоторое время проживал на этом острове [9, Р. 210–211]. Первоначально остров принадлежал бриттскому клирику по имени Даниил, которого Киаран заставил уйти, подарив драгоценный щит или чашу (*antilum aureum*) [9, Р. 210]. Согласно житию, здесь Киаран встретился со своим преемником Энгусом мокку Лойгсе, известным также под уменьшительным именем Оэн(н)у (ум. 570 [8, Р. 108], память 20 января [10; 11; 12; 13]). Как и на Ионе, вход на остров зависел от доброй воли монахов: «услышав в гавани голос человека, желавшего попасть на остров» (*audiens vocem hominis insulam volentis intrare in portu*), Киаран приказал братии привезти Энгуса: святой узнал в нем будущего аббата, в то время как монахи сочли его жалким бедняком.

Согласно житию, Евангелие святого Киарана, упавшее в озеро, впоследствии зацепилось за ногу коровы, которая зашла в озеро из-за жары, и, таким образом, было чудесным образом найдено [9, Р. 211]. Судя по всему, этот случай имел место на острове: место, где было найдено Евангелие, получило название *Portint-Soscéoil*

«порт Евангелия»; видимо, коровы также принадлежали монастырю.

Впоследствии Киаран оставил остров мунстерскому пресвитеру Доннану (память 7 января [11; 12; 14]) «со всем, что на нем» (*cum supellectili* [9, P. 211]). То, что Инис Айнгин продолжал быть связан с Клонмакнойсом, подтверждают анналы: в 899 году [8, P. 342] Инис Айнгин был осквернен: при этом на острове находились реликвии святого Киарана и епископ Клонмакнойса — Койрпре Кром.

Название *Inis Bó Finde* «Остров Белой Коровы» (в современной передаче *Inchbofin*) встречается и в других областях Ирландии [7]. На современных картах Лох-Ри «Инчбофином» именуется остров [7], в древности называвшийся *Inis mac Ualaing* [12] (Остров сыновей Уаланга) или *Inis meic Lugein* [11] (Остров сына Лугена).

Святой этого острова — Мо-Риокк (*Morioc*) или просто Риок (*Rioc*), память 1 августа [11; 14; 12; 13]. Риок считался племянником святого Патрика; Патрик якобы поселил Риока и его брата Мела в этом регионе [15, P. 32]. В житии святого Аэда [9, P. 43] упоминается о визите Аэда к Риоку. Риок предложил ему пышную трапезу из мяса (*cenam magnam de carnibus*); Аэд превратил все мясо в хлеба и рыбы.

Для Инис Бофина известен аббат Фиангалах, ум. 755 г. [8, P. 226]. Аббат Блатмак, умерший в 814 г. [8, P. 273] мог относиться как к Инишбоффину на Лох-Ри, так и к Инишбоффину в графстве Мэйо.

Современное название — «Остров семи церквей» (*Seven Church Island*). На современных картах чаще всего именуется «Инчклерон» (*Inchcleraun*), встречается также вариант *Inishcloghran*; альтернативное название — Квакерс-Айленд (*Quaker's Island*) в честь одного из владельцев острова в XIX веке. [7].

С Инис Клотранн на Лох-Ри связаны имена нескольких святых, память которых отмечалась 20 апреля. Это епископ Инис Клотранн Седрах [11; 14; 12], а также Синах с Инис Клотранн [11;

14; 12], ум. 720 [8, Р. 193] и Фланн [11; 14; 12]. Основным святым Инис Клотранн являлся святой Диармайд (VI в.?), память 10 января [10; 14; 11; 12; 13], [12]. Среди связанных с Ирландией средневековых *mirabilia* известен сюжет об острове, куда не могли войти не только женщины, но и существа женского пола — звери и птицы. Скандинавская версия *mirabilia* связывает это чудо со святым Диармайдом и Инис Клотранн [16, Р. 8–9].

Несколько упоминаний об Инис Клотранн имеется в анналах: кончина святого Синаха в 720 году, аббата Эохайда в 785 [8, Р. 249], аббата Ку Рои в 871 [8, Р. 323]. Эохайд и Ку Рои одновременно являлись аббатами Фохлы (возможно, в современном графстве Уэстмит).

Остров, в древности называвшийся Инис Оэндайм (Oendaimh), отождествляется с островом Инчэнах (Inchenagh = Inis Éanach «Птичий остров») [7].

С этим островом ассоциировался епископ Клонмакнойса святой Кайнхомак, память 23 июля [11; 14; 12], умер в 902 году [9]. По легенде, Кайнхомак был девственником и знал дату смерти любого человека и его посмертную судьбу [16, Р. 87; 18, Р. 103]. Кайнхомак был приемным отцом Дунадаха и Оэнакана, от которых пошел знаменитый род ученых и клириков Клонмакнойса Майк Куйнн на м-Бохт: к нему принадлежал Маэл Муйре, писец «Книги Бурой Коровы» [19, Р. 125–126].

Сочтя чрезмерными почести, которые ему оказывали в Клонмакнойсе, святой удалился на Инис Оэндайм. Легенда содержит интересные подробности жизни Кайнхомака и его монахов на острове: «И там была группа его монахов, и они выходили на землю, ради подношений и первых плодов мужей Тетбы, ибо мужи Тетбы были у них в большой клиентской зависимости (*geillsine*), то есть сто поросят, и сто телят, и сто ягнят, и по хлебу с каждого чана для замешивания теста, и не превышали жертвы (в бою) среди них девяти (человек), пока они оставались под налогом у них (монахов)» [18, Р. 104].

Наши выводы неизбежно носят предварительный характер. Тем не менее, приведенные нами данные позволяют считать, что небольшие острова на реках и озерах не всегда обладали экономической самостоятельностью, и, вероятно, во многих случаях не могли прокормить монахов. Островные обитатели, входившие в зону влияния крупного монастыря (такого, как Клонмакнойс) имели, прежде всего, символическое значение. Такие острова, как Инис Айнгин и Инис Оэндайм, служили своего рода «витриной» святости монастыря; здесь проходили синоды, возможно, находились мощи святых. Остров мог служить приютом почитаемым отшельникам, таким, как Диармайд и Кайнхомрак, существовавшим за счет дани, собранной с верующих. Интересны и свидетельства о том, что первоначально монастыри на островах основывались бриттскими клириками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hughes K. *The Church in Early Irish Society*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1966.
2. Etchingam C. *Church organisation in Ireland A. D. 650 to 1000*. Maynooth: Laigin Publications, 1999.
3. Herbert M. *Iona, Kells, and Derry: The History and Hagiography of the Monastic Familia of Columba*. Oxford: Clarendon Press, 1988.
4. Mac Shamháin A. *S. Church and Polity in Pre-Norman Ireland: The Case of Glendalough*. Maynooth: 1996 (Maynooth monographs, 7).
5. Kehnel A. *Clonmacnois — the Church and Lands of St. Ciarán: Change and Continuity in an Irish Monastic Foundation (6th to 16th Century)*. Münster: Lit Verlag, 1997 (Vita regularis. Ordnungen und Deutungen religiösen Lebens im Mittelalter, 8).
6. Picard J.-M. *Miles insulanus. Les îles monastiques irlandaises et l'idéal du désert marin. // Lérins, une île sainte de l'Antiquité au Moyen Âge / ed. Y. Codou and M. Lauwers*. Turnhout: Brepols, 2010. P. 301–317.
7. Hogan E. *Onomasticon Goedelicum locorum et tribuum Hiberniae et Scotiae: An Index, with Identifications, to the Gaelic Names of Places and Tribes*. Dublin, 1910; repr. Dublin: Four Courts Press, 1993, 2000.

8. Charles-Edwards T. M. *The Chronicle of Ireland*. Vol. I. Liverpool: Liverpool University Press, 2006 (Translated texts for historians, 44).
9. *Vitae sanctorum Hiberniae* / ed. C. Plummer. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1910.
10. Féilire Óengusso Céili Dé. *The Martyrology of Oengus the Culdee* / Ed. by Wh. Stokes. London, 1905, repr. Dublin, 1984.
11. *The Martyrology of Tallaght from the Book of Leinster and MS. 5100-4 in The Royal Library, Brussels* / ed. with introd., transl. and notes by R. I. Best and H. J. Lawlor. London: Harrison and sons, 1931.
12. *The Martyrology of Donegal: A Calendar of the Saints of Ireland* / transl. J. O'Donovan, ed. J. H. Todd and W. Reeves. Dublin: Printed for Irish Archaeological and Celtic society by Alexander Thom, 1864.
13. *Four Irish martyrologies (Drummond, Turin, Cashel, York)* / Ed. by P. Ó Riain. London, 2002.
14. Féilire Húi Gormáin. *The Martyrology of Gorman* / Ed. by Wh. Stokes. London, 1895.
15. *The Tripartite Life of Patrick with other documents relating to that Saint* / Ed. with transl. and indexes by Wh. Stokes. Vol. I. London, 1887 (*Rerum Britannicarum medii aevi scriptores*).
16. Meyer K. *The Irish Mirabilia in the Norse «Speculum Regale» // Ériu*. Vol. 4. 1910. P. 1–16.
17. *Silva Gadelica (I.–XXXI.): A Collection of tales in Irish with extracts illustrating persons and places.* / Ed. S.H. O'Grady. Vol. 1. London — Edinburgh, 1892.
18. Cross T. P. «*The Psalter of the Pig*», an Irish Legend // *Modern Philology*. Vol. 18. No. 8 (Dec. 1920). P. 443–455.
19. Kelleher J. V. *The Táin and the Annals // Ériu*. 1971. Vol. 22. P. 107–127.

ШИНГУРОВА Т. В.

Московский государственный университет

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИРЛАНДИИ
НА ОСНОВЕ ТЕКСТОВ «ПЛАВАНИЙ»**

Ирландия на протяжении всей своей истории занимала периферийное положение, находясь на границе между Европой и Атлантикой. Во времена средневековья, в «образе мира» жителя Европы Ирландия не просто располагалась рядом с «безбрежным океаном», но являлась крайней точкой человеческой ойкумены, за которой локализовался край света, а также языческие и христианские рай и ад.

Образ океана в средневековье сформировался на основе двух сочинений, толкующих первые стихи Бытия: «Шестодневе» Амвросия Медиоланского и *De Genesi ad Litteram* блаженного Августина [1, С. 307]. Амвросий пишет, что океан — это вместилище всех вод, а некоторые частично изолированные его части представляют собой отдельные моря. Он также связывает океан с Западным морем, из чего вытекает, что океан окружает три известные континента: Азию, Европу, Африку.

Августин сообщал, что океан, величина которого безмерна, лежит за землями и морями, расположенными между землями [1, С. 308]. Павел Орозий называл океан пределом земного круга [2, С. 88].

Британия и Гиберния в этой картине мира оказались, буквально, на краю света. За ними располагались безбрежные воды океана со всеми своими чудесами, опасностями и загадочными островами, как например, остров Туле, который был удачно назван скандинавистом Татьяной Николаевной Джаксон — «плавающим»

[3, С. 353–364], так как в разных источниках он сопоставим со многими существующими топонимами: Шетландскими, Гебридскими островами, Исландией, Норвегией, Гренландией.

Сами ирландцы не питали особых иллюзий, касательно своего географического положения и осознавали, что находятся «на границе» средневекового мира. Согласно тексту *De Locis Sanctis*, авторство которого приписывают Адомнани, картина монаха Ионы вполне совпадала с общеевропейской картиной мира: земля делилась на три части, в центре которых стоял Иерусалим [4, Р. 16–22]. Океан же представлялся местом абсолютного могущества, где все подвержено Божьей воле и ничего не происходит без Божьего повеления.

Эта непосредственная близость ирландцев к сакральному привела к возникновению явления, получившего название «паломничество в океан» или «heremus in ociano» [5, Р. 225], которое нашло свое отражение в текстах «immrama» или «плавания».

Эти источники рассказывают нам о времени расцвета ирландского *regrinatio*, то есть о золотом периоде ирландского христианства VI–IX вв. н.э. Что характерно, сами тексты были написаны позже — самые ранние датируются VIII веком, хотя, на данный момент, мы располагаем поздними копиями. По своему содержанию тексты «immrama» представляют собой описание плавания группы людей в «куррахе» — деревянной лодке, обтянутой кожей, по безбрежному океану с посещением множества удивительных островов, населенных антиподами, чудовищами, святыми. Причиной плавания обычно становится поиск «обетованной земли». Центральный сюжет — само плавание по океану и наблюдение многочисленных божественных чудес. Процесс, а не цель. Это одно из ключевых отличий «immrama» от похожих текстов «echtrae» (приключение) или «loinges» (изгнания).

Список «А» — список средневековых ирландских текстов (до X века) [6] под разделом «immrama» упоминает 8 историй, но только три из них несут в заглавии слово «immrama»:

1) «Immram curaig Maele Duin» (Плавание курраха Маель-Дуна) [7];

2) «Immram curaig Ua Corra» (Плавание курраха Уи Хорра) [8];

3) «Imram Luinge Murcertaig maic Earca» (Плавание Муйрхертаха сына Эрка).

Остальные озаглавлены жанром «изгнание». Текст «Путешествие Муйрхертаха сына Эрка» не сохранился.

До нас дошло еще несколько историй, которые также можно отнести к этому жанру ирландской литературы: «Плавание Снедгуса и Мак Риагла» [9]; «Приключение клириков святого Колума Килле» [10]; «Житие Святого Брендана» [11]; «Плавание Святого Брендана» [12]; «Плавание Кормака» из «Жития Святого Колумбы» [13] и «Плавание Брана сына Фебула» [14].

В основе ирландского паломничества лежит идея *peregrinatio ex patria* [5, P. 20], то есть, паломничество «из дома», смена привычной обстановки на абсолютно чужую. Формированию подобной идеи весьма поспособствовали труды Августина, в особенности сочинение «о двух градах» [15]. Нельзя не сказать об этимологии самого термина «*peregrinus/-ari/-atio*», который в Вульгате Иеронима носит смысл «чужак». Классическое понимание понятия «*peregrinatio*» мы встречаем в его версии псалмов, где этот термин развивается из обычного социального статуса чужака в идею добровольного страдания во имя Христа и последующей блаженной жизни [5, P. 27].

Эта идея становится популярной и даже престижной в монашеской среде раннесредневековой Ирландии. Рискнувший отправиться в такое паломничество добровольно становился «изгнанником во имя Бога» — «*Deorad de*» [16, P. 46], юридический статус которого равнялся епископу или королю.

Таким образом, ирландцы становятся последователями раннехристианских еремитов или пустынников. Равно как их предшественники — они фактически отказывались от своей земной жизни и отправлялись в периферийную зону, в данном случае,

океан, где, борясь с дьявольскими искушениями, «совершали благое дело» и при удачном раскладе находили «свою пустыню», где могли полностью посвятить себя Богу.

Направления подобных путешествий, а также большинство столкновений «со злыми силами», о которых рассказывают нам «immrama» лежат в северных и западных водах океана. Для ирландцев Север отождествляется с низом, а Юг — с верхом [17, С. 332]: это восприятие отражено в древнеирландском языке, где *íchtar* обозначает одновременно «низ» и «север», а *tuas* — «верх» и «юг». Восток в древнеирландском языке воспринимается как передняя сторона: *airther* означает «перед» и «восток», *íar* — «задняя» сторона, «запад», *dess* — «правая сторона», «юг», *túath* — «левая сторона», «север» [1, С. 340]. То есть, средневековый ирландец воспринимает мир, стоя лицом на восток, встречая восходящее солнце. Восток и Юг в такой картине мира наделены положительными качествами в противоположность Западу и Северу.

Подобное восприятие стран света подтверждается ирландской розой ветров, представленной в ряде раннеирландских и среднеирландских трактатах. Татьяна Андреевна Михайлова приводит следующую цветовую классификацию ветров: цвета южной зоны — желто-оранжевый, красный, белый сверкающий, зеленый, сине-зеленый. Западной — сине-серый, серый. Северной — оттенки черного. И Восток — пестрый, пурпурный [18, С. 154–159].

Столь маргинальные направления как Север и Запад в ирландской картине мира представлялись идеальным местом для локализации иного мира. Это пошло еще с кельтской традиции, которая размещала «за морем» мифические страны: *Mag Mell* (Равнина радости), *Tír na mBan* (Земля женщин), *Tech n-Duinn* (Дом Дона), эквивалентные христианским раю и аду [19, С. 144]. Хотя, стоит заметить, что для этого использовался не только океан, но любая периферийная для человека того времени зона, будь то дно озера, мегалитические постройки, пещеры.

В «плаваниях» мы наблюдаем постепенное замещение языческих представлений древнееврейской традицией о «земном рае», Эдеме, который продолжал существовать, спрятанный от людских глаз. В некоторых апокрифах, этот рай становится «обетованной землей», которую Бог оставил для Святых праведников. В Средние Века эта легенда была достаточно популярна, организовывалось множество путешествий в поисках этого спрятанного места. Насколько известно из средневековых трактатов, рай надлежало искать где-то на Востоке Земли [20, Р. 285]. В ирландских текстах мы практически всегда встречаемся с плаванием в Западном или Северо-Западном океане, и даже если монахи продолжали плыть на Восток, как в «Плавании Святого Брендана» в эпизоде перед достижением «обетованной земли», самой восточной оконечностью их пути становился остров Ирландия. Но причина данной особенности кроется не в каких-то существенных различиях в пространственных представлениях, а в том, что рай был помещен в ближайшую «пограничную зону» без желания точно обозначить его местонахождение. Хотя некоторые авторы текстов иногда приводят ориентиры: так в «Плавании Святого Брендана» Баринд и его ученик отправляются к обетованной земле, недалеко от Slieve League (графство Донегол), а в «Житии Святого Брендана», сам Брендан увидел рай с горы, которая впоследствии получила название «Пик Брендана» на полуострове Дингл [21, Р. 7]. Тем не менее, не похоже, что точное расположение рая являлось предметом забот авторов *immrama*. В «земной рай» нельзя попасть через нужное направление. Она, как и земля сидов до нее, открывается избранным и тем, кто ведом Богом.

На основе вышесказанного можно судить насколько важную роль в сознании средневековых жителей Ирландии играло восприятие океана как неведомой и грандиозной бездны, и как этот страх оказался определяющим фактором в формировании многих черт ирландской культуры, начиная от локализации иного мира, заканчивая паломничеством. Возможно, сакральное восприятие

Атлантики привело к тому, что ирландцы так и не преуспели в морском деле, несмотря на близость водного пространства. Океан для жителя средневековой Ирландии — место манифестации разнообразных чудес, в том числе и месторасположение рая и ада. Это место, где ирландские монахи могли достигнуть высшей степени святости — отвергнув привычную обстановку и земные блага, принять аскетический жребий и приобщиться к Богу, отправившись в самые маргинальные направления в ирландской картине мира: Север и Запад.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прокофьев Ф. Д. Феномен peregrination и его преломление в раннеирландской традиции. Дисс. На соискание уч. ст. к. ист. наук. М., 2011.
2. Павел Орозий. История против язычников. СПб., 2004.
3. Джаксон Т. Н. Древнескандинавское пространство // *Imagines Mundi: Античность и Средневековье*. М.: ЯСК, 2004.
4. O'Loughlin, T. Living in the Ocean: the significance of the patristic understanding of oceanus for writings from Iona // *Studies in the Cult of Saint Columba*. Four Courts Press, 1997.
5. Hayes-Healy S. The concept and practice of pilgrimage in Early Medieval Ireland. TCD. Phd theses, 2006.
6. Catalogue of medieval Irish narratives & literary enumerations / Ed. by Proinsias Mac Cana // Режим доступа: URL: <http://www.volny.cz/enelen/sc-index.htm>// (дата последнего обращения 04.12.2013).
7. The Voyage of Máel Dúin / Ed. by H. P. A. Oskamp. Groningen, 1970.
8. The Voyage of Húi Corra / Ed. by Wh. Stokes // *Revue Celtique*, 1893, Vol XIV. P. 26–63.
9. Immram Snédgusa 7 Maic Riagla / Ed. by A. G. Van Hamel // *Immrama*. Dublin, 1941. P. 78–92.
10. The Adventure of St. Columba's Clerics / Ed. by Wh. Stokes. // *Revue Celtique*, 1905 XXVI. P. 130–170.
11. Vita Brendani Prima / Ed. by C. Plummer // *Vitae Sanctorum Hiberniae*. Oxford, 1910, vol. 1, P. 98–151.

12. *Navigatio Sancti Brendani Abbatis* / Ed. by C. Selmer. Paris, 1959.
13. *Adomnán of Iona. Life of St Columba* / Ed. and tr. by R. Sharpe. London, 1951.
14. *Imram Brain. Bran's journey to the land of Women* / Ed. by Séamus mac Mathúna. Tübingen, 1985.
15. Августин Аврелий. Творения. Киев: УЦИММ-Пресс, 1998.
16. Charles-Edwards E. The social Background to Irish Peregrinato // *Celtica*, 11, 1976.
17. Подосинов А. В. *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах*. М., 1999.
18. Михайлова Т. А. *Ирландия от викингов до норманнов*. М.: ЯСК, 2012.
19. Шингурова Т. В. Особенности пространственных представлений в средневековой Ирландии на основе текстов «Плаваний». Дис. Магистра ист. наук. М., 2013.
20. *Isidore of Seville. Etymologies*. / Ed and tr. by Stephen A. Barney, W. J. Lewis, J. A. Beach, Oliver Berghof. Cambridge University Press, 2006.
21. *The Otherworld Voyage in Early Irish Literature* / Ed. by Jonathan M. Wooding. Four Courts Press, 2000.

НА ГРАНИЦЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ПРОСТРАНСТВА:
ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР

СИНИЦА М. М.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В ВИЗАНТИИ В СЕРЕДИНЕ VI в.

В первой половине VI в. Восточная Римская империя пережила подъем. Вся эта эпоха воспринималась как «великая» во все последующие времена [1, С. 258]. Масштабные преобразования Юстиниана стали возможны, благодаря устойчивой централизации власти в руках императора, которая достигла пика в эпоху этого императора [2, Р. 14].

Императорская власть в VI в. не была ограничена законом — сформировался образ императора и автократора [2, Р. 15], неограниченная монархия была объективным условием реальности, старые античные нормы политической организации перестали работать [3, С. 211]. Но данная власть была не легитимной с точки зрения правовых норм, на которых основывалась традиционная римская государственность [4, С. 53], поэтому возникла потребность в обосновании ее законности, в первую очередь, для образованных слоев византийского общества.

В VI в. византийская интеллектуальная элита по-разному относилась к власти василевса. С одной стороны, император позиционировал себя в качестве восстановителя и хранителя старых античных принципов управления государством [2, Р. 47]. Но фактически он рассматривался в качестве «живого закона», обладал правом законодательной деятельности, непререкаемым авторитетом в судебных решениях, все должности исполнительной власти были связаны с ним напрямую. Также как глава церкви он контролировал исповедание ортодоксального христианства [2,

Р. 15]. Все это было сродни тирании, которая была неприемлема для гражданина Римской империи. Для образованной и лояльной к императору части византийского общества необходимо было снять это противоречие. Поэтому разрабатываются концепции, в которых делается попытка провести разграничение между понятиями «тирания» (*τυραννίς*), «автократия» (*αὐτοκρατία*), «басилейя» (*βασιλεία*).

Наиболее системно это разграничение разработано в произведении Иоанна Лида «*De magistratibus populi Romani*». Иоанн Лид был весьма образованный интеллектуал, занимающий пост в Восточной префектуре претория — ключевом департаменте в имперской управленческой системе [5, Р. 11]. Его служба чиновника определяла его лояльность к существующей системе власти и императору, но классическое воспитание и образование определили его пристрастие к традиционным античным идеалам и ценностям [6]. Его подход к власти императора также был вполне в духе античных представлений, но с поправкой на лояльность к правителю. По Лиду, император являлся *βασιλεὺς* и *αὐτοκράτωρ*. Но его власть — не тирания.

В первой книге вышеуказанного произведения Иоанна Лида, которая посвящена республиканским институтам управления в Древнем Риме, дается анализ современных форм власти, и именно там проводится разграничение между понятиями «басилейя», «автократия» и «тирания» [7, I. 3–4]. Сначала Иоанн Лид рассматривает сущность «басилейи» — это идеальный тип формы государственной власти, представляющий собой монархическое государство. При басилейе верховная власть принадлежит василевсу — государю, который есть одновременно также и гражданин, подчиняющийся, как и все остальные граждане, своим собственным установлениям, данным им уже в качестве правителя, а его власть санкционирована добровольным согласием и выбором остальных граждан. Василевс подчиняется законам, они господствуют в обществе, государь никогда не посягает на изменение

формы государственной власти, он относится к своим подданным как отец и вождь. Власть и положение василевса не определяются или регулируются какими-то рациональными предпосылками, они иррациональны — сама судьба возносит на престол того, кто наиболее выдается среди других людей своим могуществом. Кроме судьбы указывается на божественное происхождение власти правителя [7, I. 3]. Опора на иррациональное ярко показывает нелегитимность власти василевса — с точки зрения римского республиканского устройства системы управления, которое было образцом для византийской государственности [2, P. 89]. Тирани же увлекается собственными желаниями, действует по произволу, не соблюдает законов, сам принимает законы без решения сената — в этом ярко проявляется господство республиканской идеологии Рима в системе представлений о государственной власти Византии в VI в., хотя в реальности еще в конце III в. оформилась система домината [7, I. 3]. Разница между двумя формами государственного устройства подчеркивается так: василевс направляется законами, а тирани сам направляет действие законов, по собственному произволу [7, I. 3].

Затем Иоанн Лид, описывая зарождение института цезарей (I в. до н.э.), дает характеристику автократии, которая, по его мнению, возникла именно тогда. Это не тирания и не басилея, автократия возникает во время общественных смут, сопровождаемых произволом и самовластием в управлении, она призвана установить правопорядок и соблюдение законности в обществе, и представляет собой власть, аналогичную власти полководца в армии в момент подготовки к сражению, когда в войске должна царить дисциплина и порядок, и подчинение только одному начальнику [7, I. 4].

Данные представления позволяли определить степень легитимности власти правителя с точки зрения республиканских традиций, их выработка должна была ограничить произвол и самовластие автократора. Появление такой концепции свидетельствует об усилении монархической власти, которая начинает выходить

за рамки, в представлении современников становясь тиранической. Об этом свидетельствуют рассуждения о том, что именно тираны себя любят называть наименованием *δεσπότης* (господин, хозяин по отношению к рабам, повелитель), а хороший правитель старается этого избегать [7, I. 5], но в VI в. это наименование в титулатуре стало нормой, и император агрессивно относился к тем, кто не выполнял этого [8]; что сближает автора с позицией Проккопия Кесарийского, прямо утверждавшего в «Тайной истории», что Византия находится под властью тирана [9, I. 6–10], который превысил принятые издревле для василевса полномочия.

Концепция монархической власти Иоанна Лида не была порождением VI в. Идея судьбы как источника власти правителя ярко выражена в произведениях Гомера, недаром в качестве примера Иоанн Лид берет Аякса Саламинского [7, I. 3]. Идея разумной монархической власти формируется в IV в. до н. э. в произведении Платона «Государство» [11, IV. 431, 433, 441 и др.; VII. 519–520; IV. 445; IX. 574, 576]. Платоновские идеи о власти развиваются в работе Аристотеля «Политика» [12, I. VII; III. IV. 2–4]. С началом эллинистической эпохи появляется *βασίλεια* — государство с монархической формой правления, культом царя, бюрократией и армией; монарх являлся персонифицированным государством [13, С. 100]. Также продолжают разрабатываться концепции разумного начала монархической власти (у Полибия) [14, VI. 4].

В римской традиции Тит Ливий указывает, что власть первых царей вплоть до Тарквиния Гордого была полезна и нужна римскому народу, так как сплотила его [15, II. 1]. Вместе с тем, Корнелий Тацит резко негативно относится к тому, что Гай Юлий Цезарь начал «...подменять собой сенат, магистрат и законы...» [16, I. 2]. С эпохи принципата комплексно начинают подниматься проблемы правителя и его власти, ее соотношения с властью сената и народа, проблемы ее законности [13, С. 101].

В речи Диона Хрисостома «О царстве» дается объяснение, какой должна быть власть правителя, проводится четкое разграничение

ее с тиранией. Хороший монарх, по мнению философа, должен заботиться о благе подданных, быть благочестивым, воздержанным, щедрым [17, 12–14], доброжелательным и приветливым, труды предпочитать богатству [17, 20–21]. Для солдат он должен быть как сослуживец, для соратников — как друг, а для народа — как отец [17, 22]. У остальных людей он должен вызывать чувство уважения, а не ненависти и страха [17, 25]. Стремясь жить в мире, он должен быть подготовлен к войне [17, 27]. Хорошего царя хвалят после смерти [17, 33]. Тирания — противоположна.

Ритор IV в. Фемистий обосновывал божественное происхождение императорской власти и ее разумное начало, император — это воплощенный закон, сравним с богом, являясь его избранником, поэтому достоин царской власти, поэтому именуется «вскормленным и рожденным Зевсом», а империя есть мимесис небесного устройства [18].

Речь Синезия Киренского «О царстве» подвергает острой критике существующий порядок вещей; впервые вопрос о царской власти рассматривался применительно к существующим условиям, а не абстрактно [19]. «...Император свои склонности подчиняет законам, а для тирана его склонности служат законом. Власть — вот то, что у них общего, а [образ] жизни — противоположный» [20, 6].

Император Юстиниан считался управляющим империей по Божьей благодати, в титулатуре именовался Кёрюс (Господин) и — впервые — Филóхристос (Христолюбивый) [2, Р. 15]. Евсевий Кесарийский дал самобытную концепцию императорской власти, полученной от христианского Бога, абсолютную монархию, очищая императорский произвол санкциями Божьего провидения. Монарх выступает в качестве проводника воли Божией, поэтому с него снимается ответственность за любые действия. Христос признавался единственным источником власти василевса-победителя, от Бога он заимствует образ верховного царствования и управляет в подражании небесной форме [21, 1]. Все подданные — это

«...сыны василевса...» [21, 1]. «Монархия превосходнее всех форм правления, многоначалие же, скорее есть анархия и мятеж... один Бог, один Царь, одно Его Слово и один царский закон...» [21, 3].

Таким образом, можно сделать вывод об источниках концепции власти императора в VI в.: естественность базилики и ее санкция судьбой или Богом восходит к Гомеру, неоплатонизму, также христианству и восточным учениям; характеристика правителя как выдающегося среди других людей — к платоновским представлениям идеального управления, учениям стоиков и неоплатоников; главенство законов и идея совместного управления с лучшими людьми — к платоновским представлениям и республиканизму Древнего Рима, идеализация власти — к учению Платона и Аристотеля, а также к христианской концепции. Представления о тирании сформированы на основе концепций Платона, Аристотеля, учений стоиков, киников, неоплатоников IV–V вв. Идея неограниченности власти восходит к христианскому учению, уподобление ее власти отца — к идеям Аристотеля и христианству. Развитие концепций власти правителя всегда связано с периодом упадка демократии и республиканизма и усилением монархических тенденций. Таким образом, можно считать появление монархических концепций индикатором усиления политической власти монарха, они фиксировали это как свершившийся факт, санкционировали принятие этого обществом, но при этом как бы противостояли этой тенденции, вводя ее в определенные рамки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
2. Maas M. John Lydus and the Roman Past. London, New York, 1992.
3. Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. В 2-х тт. Т. 2. СПб.: Наука, 2000.
4. Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. В 2-х тт. Т. 1. СПб.: Наука, 2000.

5. Kelly C. Ruling the Later Roman Empire. Cambridge, Massachusetts and London, England, 2004.
6. Удальцова З. В. Из византийской хронографии VII в. // Византийский Временник. 1984. Т. 45 (70). С. 54–65.
7. Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Ioannes Lydus. Bonnae impensis, ed. Weberi, 1837.
8. Kaldellis A. Identifying Dissident Circles in Six-Century Byzantium: The Friendship of Prokopios and Ioannes Lydos. // Floriregium. 21. 2004.
9. Прокопий Кесарийский. Тайная история. М., 1996.
10. Гомер. Илиада / Пер. В. В. Вересаева. М.–Л.: ГИХЛ, 1949.
11. Платон. Государство. М.: Наука, 2005.
12. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
13. Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии IV – первой половины VII в. М.: Наука, 1984.
14. Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. В 2-х тт. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
15. Тит Ливий. История Рима от основания Города / Пер. В. М. Смирнина. Т. 1. М.: Наука, 1989.
16. Тацит. Анналы // Анналы. Малые произведения. М.: АСТ, 2010.
17. Dio Chrysostom. The First Discourse on Kingship / Bill Thayer's Web Site. Dio Chrysostom. // Режим доступа: URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Dio_Chrysostom/home.html (дата обращения 26.09.2013).
18. Фемистий // Античная философия. Словарь // Режим доступа: URL: <http://enc-dic.com/phyantich/Femisti-261/> (дата обращения 26.09.2013).
19. Левченко М. В. Синезий Киренский. О царстве. Предисловие // Византийский Временник. 1953. Т. 6 (31). С. 327–357.
20. Синезий Киренский. О царстве // Византийский временник. 1953. Т. 6 (31). С. 327–357.
21. Евсевий Кесарийский. Слово василевсу Константину, по случаю тридцатилетия его царствования / Сайт «Азбука веры». Библиотека Святых отцов и Учителей Церкви. Евсевий Кесарийский // Режим доступа: URL: http://azbyka.ru/otechnik/?Evsevij_Kesarijskij/slovo-vasilevsu-konstantinu=3 (дата обращения 26.09.2013).

**«НЕРОМАНТИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ»: РОМАН ЛАКАПИН КАК
ПРЕДКУЛЬМИНАЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

«Фигурой, лишенной обаяния», «неромантической фигурой» назвал Романа Лакапина его крупнейший биограф С. Рансиман [1, Р. 244]. Происходивший из армянских крестьян малоазийского Приевфратья [2, С. 11–12; 3, Р. 200–201, 340], незнатный и необразованный [4, С. 183] Лакапин, назначенный друнгарием императорского флота [5, С. 175] и совершивший с его помощью переворот 25 марта 919 года [6, С. 244–246; 7, С. 129–131; 8], казалось, явно не подходил на роль автократора и хранителя ромейской ойкумены. Временщик, провозгласивший себя императором, регент при малолетнем Константине VII (род. в 905 году [9, С. 418]), ставший его названным отцом (василеопатором) и тестем, Роман I словно затерялся в череде самодержцев Македонского дома — блистательных военачальников, администраторов и эрудитов. Тем не менее, византийская история неразрывно связана с именем Лакапина, которому удалось не только вывести империю из затяжного политического и военного кризиса, укрепить опекаемую им Македонскую династию, но и положить начало новой эпохе — кульминации ромейской цивилизации.

Однако разброс мнений об этом незаурядном императоре чрезвычайно широк: если современники, пожалуй, отдавали должное его административному таланту и личным качествам [7, С. 142–144; 8], то позднейшие историки оказывались, подчас, излишне категоричны [10, С. 90]. Недостаточное же внимание к автократии Лакапина в отечественной историографии, подчас воспринимающей ее только как «приложение» к долгому царствованию

Константина Багрянородного, во многом обусловило некоторую недооценку личности Романа I. Поэтому представляется интересным вновь обратиться к деятельности Лакапина, ее основным этапам, а также попытаться рассмотреть правление Романа — «олицетворение разумной умеренности» [11, С. 345] — в связи с характерными чертами той эпохи.

Претензии болгарского царя Симеона I (893–927) на высшую императорскую власть и сам Константинополь, церковный раскол и конфликт с папством по вопросу о четвертом браке императора Льва VI (886–912), бесконечные придворные интриги, малолетство порфирородного Константина VII до крайней степени ослабили авторитет правившей фамилии и в целом Византии. Отчаянное положение, в котором оказалась империя, требовало создания сильного режима, и единственным, кто оказался соответствующим этой задаче, был 49-летний [5, С. 175; 12, Р. 506–507] друнгарий Роман [11, С. 338]. «Политик до кончиков пальцев», Лакапин даже свое низкое происхождение и статус постороннего обернул на пользу: при погрязшем в интригах дворе он предстал в роли незаинтересованного арбитра, стремившегося лишь к защите прав законного императора — Багрянородного Константина [12, Р. 506].

Несмотря на массу заговоров, Роману I удалось (хотя бы на четверть века) консолидировать правившую группировку столичного чиновничества и дворцовой знати, одновременно укрепив положение собственного рода, в частности, путем широкого использования института соправительства. Оставаясь, в сущности, чужаком, вождем клана, правда с общеимперскими амбициями [1, Р. 240], Лакапин, соблюдая максимальную осторожность, за первые восемь лет правления решил важнейшие задачи международной и внутренней политики. Пришедшая с ним «партия» сумела в значительной степени преодолеть кризис первой четверти X века [13, С. 130].

Во внешнеполитической сфере империя, впервые перехватив стратегическую инициативу, перешла от глухой обороны

к наступлению на Востоке, что явилось прологом крупных военных успехов Иоанна Куркуаса, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. Несмотря на некоторые достижения при Василии I и Льве VI [6, С. 170–171; 14, С. 32–38, 100–101], это направление до второй четверти X столетия продолжало оставаться «кровоточащей раной» Византии. Стабилизировалось и положение на Балканах: активные контакты с венграми, едва пришедшими в Паннонию, стали не только началом гибкой «кочевнической дипломатии», но и способствовали нейтрализации болгарской угрозы и замире-нию империи с сыном и преемником Симеона I Петром Кротким (927–67) [6, С. 255–256]. Больше того, провозглашенный василеопатором, кесарем, а позднее (17 декабря 920 года) императором [6, С. 245–247], Роман I достиг того, к чему тщетно стремился Симеон I: он стал тестем и соправителем молодого законного василевса [11, С. 336, 338–339; 15, Р. 23–25]. Таким образом, Болгария идейно-юридически проиграла борьбу за гегемонию, тождественную борьбе за империю [11, С. 336]: Лакапин не только выбил из-под ног Симеона I идеологическую почву для претензий на верховную власть в ойкумене (хотя война продолжалась вплоть до смерти царя Болгарии), но и надежно оградил и укрепил трон Константина Багрянородного и его династии. Именно долговременное затишье на Балканах позволило ромеям перебросить высвободившиеся войска для решающего прорыва на восточном фронте.

Внутренняя же политика во многом явилась продолжением линии Василия Македонянина и Льва Мудрого, направленной, в частности, на подчинение церкви. Господство в этой сфере утвердилось уже вскоре по воцарении Лакапина, в чем не последнюю роль сыграл патриарх Николай Мистик (901–907; 912–925), фактически обслуживавший интересы Романа [10, С. 90], но при этом сохранявший существенный политический вес [12, Р. 506].

Лакапин первым предпринял решительные законодательные меры против земельных магнатов, направленные на защиту мелкой стратиотской собственности [16, С. 130–131, 156–159], хотя

в отдельных районах имело место расширение императорских доменов (кураторий) за счет крестьянских общин [4, С. 184]. Покровительствуя стратиотам, Роман I, тем не менее, оказывал решительную поддержку монастырям, в том числе провинциальным [6, С. 258–259, 267–268], а также заигрывал с отдельными представителями фемной военно-землевладельческой аристократии (с Аргирами и Куркуасами), других же преследовал как претендентов на власть (например, Льва Фоку) [6, С. 246–248, 263–264; 4, С. 186]. Впрочем, еще в 920-е и даже в начале 940-х годов военно-аристократические роды Востока по-прежнему оставались отодвинуты от центра власти [3, Р. 341].

Покровительством Лакапина пользовался сохранный им большой флот [13, С. 131; 11, С. 351] — его «личное имущество», давнишняя вотчина, из которой и благодаря которой он совершил решительный прыжок к высшей власти. Уже в начале царствования Романа морская опасность со стороны арабов была устранена, византийский флот снова надолго стал хозяином Эгейского моря, а империя — первой морской державой Европы [13, С. 135–136].

Низкое происхождение, шаткость положения во многом обусловили «кадровую» политику Романа I, по всей вероятности, так и не ставшего своим в среде высокородных царедворцев, столичных бюрократов или набиравшей силу провинциальной знати, что лишь оттеняло его одиночество и провоцировало на всемерное укрепление собственного клана [17, С. 146, 149]. Тем не менее, правление Романа I — время очевидного доминирования сановной знати: управление страной было сосредоточено во дворце. С другой стороны, доступность высших должностей «плебеям», что ярко характеризует пример самого Лакапина, говорит о нестабильности доминировавшего страта [18, С. 58].

Однако при всей виртуозности, искусстве «политической эквилибристики», попытки Лакапина везде расставить «нужных», лично преданных людей или родственников, хотя и спасали от всевозможных переворотов и придавали известную устойчивость

режиму, но, в конечном счете, привели к конфликту внутри семьи: 16 декабря 944 года Роман I пал жертвой заговора собственных сыновей Стефана и Константина [6, С. 268; 19, С. 99]. Свержение правившего четверть века василевса прошло совершенно незамеченным, что, несомненно, означало торжество идеи легитимизма [20, С. 91] — законности Македонской династии: уже 27 января 945 года Константину Порфирогенету, вышедшему из тени сразу после падения грозного тестя, при поддержке населения столицы (в сущности, продолжавшего оставаться в неведении относительно происходившего [3, Р. 346]) без труда удалось отстранить от власти младших Лакапенидов [6, С. 269–270].

Таким образом, намерение Романа, заключавшееся в том, чтобы заставить общественное мнение забыть о законном носителе царской власти и постепенно приучить к новой династии, не увенчалось успехом [9, С. 427–428]. Больше того, всегда рассматривавший власть как владение своего дома [20, С. 91], Лакапин, в какой-то степени против воли, укрепил престиж им же оттесненного от управления и стесненного в правах Константина VII, которому с самого рождения так не доставало реального подтверждения его престолонаследного статуса. В отличие от Василия I, Роман I насильственно не устранил представителя законной династии, а, связав его узами родства (через дочь Елену [6, С. 245–246; 12, Р. 506]), постепенно, почти незаметно отодвинул на задний план [11, С. 345]. Впрочем, Константин Багрянородный являлся единственной политической опорой Романа, оправдывавшей его власть среди враждебного окружения [17, С. 133–134].

Господство Лакапенидов оказалось столь же всеобщим, сколь и иллюзорным: их клан правил империей, опираясь исключительно на авторитет свергнутого Романа. С его падением сыновья, рассорившиеся с отцом, которому были обязаны всем, немедленно упустили власть и оказались пострижены вместе с ним в монастыре на о. Прот в Принцевом архипелаге [6, С. 268–270; 19, С. 99, 101–102]. Однако общеимперский фундамент, основательно

укрепленный Лакапином, оказался значительно долговечнее и прочнее положения его семьи: Византия, единственная «супер-держава» европейского средневековья, находилась на пороге небывалого подъема.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Runciman S. The Emperor Romanus Lecapenus and His Reign: A Study of Tenth-century Byzantium. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
2. Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII веках. Ереван: АН Армянской ССР, 1975.
3. Whittow M. The Making of Orthodox Byzantium. London: Macmillan Press LTD, 1996.
4. История Византии: В 3 т. / Под ред. С. Д. Сказкина: Т. II. М.: Наука, 1967.
5. Дашков С. Б. Императоры Византии. М.: Красная площадь, 1997.
6. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2009.
7. Симеона Метафраста и Логофета описание мира от бытия и Летовник собран от различных летописцев: слав. пер. хроники Симеона Логофета с доп. / Изд. подг. В. И. Срезневский. СПб.: Императорская Академия наук, 1905.
8. Symeonis, Magistri et Logothetae. Chronicon / Ed. S. Wahlgren // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis. Vol. XLIV/1. Berlin-New York: de Gruyter, 2006.
9. Успенский Ф. И. История Византийской империи: В 5 т. Т. III: Период Македонской династии (867–1025). М.: Астрель, 2002.
10. Гельцер Г. Очерк политической истории Византии // Очерки по истории Византии / Под. ред. В. Н. Бенешевича: В 4 вып. Вып. I. СПб.: Издание Студенческого издательского комитета при Историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, 1912.
11. Острогорский Г. А. История византийского государства / Пер. с нем. М. В. Грацианского; ред. П. В. Кузенков. М.: Сибирская Благозвонница, 2011.

12. The Cambridge History of the Byzantine Empire: c. 500–1492 / Ed. by Jonathan Shepard. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
13. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: АН СССР, 1956.
14. Васильев А. А. Византия и арабы: В 2 т. Т. II: Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1902.
15. Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontier: A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
16. Сборник документов по социально-экономической истории Византии / Под ред. Е. А. Косминского. М.: АН СССР, 1951.
17. Величко А. М. История византийских императоров: В 5 т. Т. IV. М.: ФИВ, 2010.
18. Каждан А. П. О социальной природе византийского самодержавия // Народы Азии и Африки. № 6. 1966. С. 52–64.
19. Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / Перев. с лат. и комм. И. В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2006.
20. Гельцер Г. Очерки культурной истории Византии // Очерки по истории Византии / Под. ред. В. Н. Бенешевича: В 4 вып. Вып. II. СПб.: Издание Студенческого издательского комитета при Историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, 1912.

**ПОЛОЖЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКИХ РОДСТВЕННИКОВ
В ВИЗАНТИИ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ МАКЕДОНСКОЙ
ДИНАСТИИ (867–1056 гг.).**

Традиции императорской власти в Византии имели свои особенности: высшей власти мог достичь любой, даже выходец из крестьянской семьи. Юстин I был способным военачальником и сумел достичь титула императора. При этом он даже не мог поставить подпись. Юстиниан I до возвышения дяди жил простой жизнью крестьянина в Иллирии. Основатель Македонской династии Василий I также пришел простым авантюристом в столицу. Ему удалось добиться успеха благодаря твердой хватке и физической силе. Василий понравился слабовольному Михаилу III, а когда стал соправителем и достаточно усилился, своего предшественника он просто убил.

Разумеется, для Василия встала проблема закрепления власти. Для человека инстинктивно существует потребность заботы о родственниках. Им можно в условиях бесконечных придворных интриг доверять во внутренних и внешних делах надежней, чем вельможам. Каким же было положение царских родственников в Византийской империи во время правления Македонской династии?

Василий I занялся проблемой передачи престола. Он «возвел в царское достоинство старших из сыновей своих, Константина и Льва, возвращенных и воспитанных по-царски и сияющих всеми императорскими добродетелями. Этим он еще больше укоренился на троне и вознес на него благородные царские побегии» [1, С. 113], получив сразу двух соправителей. «Василий по причинам династическим уже с 869 года приобщил Льва к верховной власти» [2, С. 128],

когда тому было не более четырех лет. После смерти отца Лев поставил своего родного брата Стефана на патриарший престол, сместив неугодного Фотия.

Обычно братья-наследники были соправителями, все время правления Льва VI его официальным соправителем был брат Александр, формально бремя власти разделял и Константин VIII в течение полувекового правления Василия II. «Институт соправителей — особенно, если число их было значительным — сам по себе ограничивал царскую власть» [3, С. 172] — считают А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин. Согласиться с ними весьма сложно, ведь соправители фактически всегда были в тени более колоритных фигур своих братьев или отцов. Дочери же императора либо направлялись в монастырь, либо использовались для укрепления положения государства путем династических браков.

Близкие родственники императора в табели о рангах стояли выше всех классов, не считаясь с занимаемой должностью, получали самое лучшее образование. Это были новеллиссимы и кесари, окруженные почетом и богатством. И в эту элиту существовало только три пути: кровное родство с императором, усыновление и брак.

Инструментом укрепления легитимности Василий сделал традицию рождения наследников императрицей в специальных дворцовых покоях — Багряном зале. «С этих пор существует императорская фамилия, члены которой именуются «багрянородными» [4, С. 63], а Константина VII привычно называть Порфиrogenет, что и значит «багрянородный». Идея правления представителей Македонской династии настолько проникла во все слои византийского общества, что узурпаторы не смели посягать на жизнь малолетних наследников, а после пресечения мужской линии население империи поддерживало дочерей Константина VIII.

Не всем было суждено родиться в семье василевса, гораздо проще было породниться с царствующим домом. В Византии существовал обычай отбора невест. Когда подбирали невесту Льву,

по обыкновению, в одной из зал Магнаврского дворца собрали дюжину девиц из самых красивых в империи»

Лев VI был женат не один раз, и одной из его избранниц стала Зоя Зауца. Ее отец Стилиан был начальником гвардии еще при отце Льва. Лев «возводит в василеопаторы Зауцу, название этого сана он сам придумал. Дело в том, что он любил дочь Зауцы Зою» [1, С. 150]. Но появление нового титула было скорее частностью, чем правилом. После смерти Стилиана и его дочери новые родственники императора стали бояться за свое положение. Даже возник заговор, чья мотивация как можно более точно отражает суть дела: «эпикт Василий, жаждая царского достоинства, сдружился с кувикуларием Самоной из агарян. Он открылся перед Самоной и сказал, что если умрет наша тетка Зоя, женится царь на другой женщине и прогонит нас» [1, С. 152].

Таким образом, брак не был гарантией сохранения высокого положения для новоприобретенных родственников.

Интересным было положение императриц, например, Феодано, жены Романа II. Она стала своеобразным средством «легитимизации» Никифора II Фоки. Дочь Константина VIII Зоя в середине XI века также через три свои брака способствовала занятию престола различными императорами.

Несмотря на то, что новеллиссимы были окружены почетом, их роль была в целом не очень высокой. Обычно у императоров находились на службе лица более способные, чем родственники: значение клановых связей в этот период не очень высоко.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Продолжатель Феодана. Жизнеописания царей. М.: Наука, 1992.
2. Диль Ш. Византийские портреты. М.: Искусство, 1994.
3. Каждан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1958.
4. Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947.

АННОТАЦИИ

АБРАМОВА А. В. Средневековая Испания в творчестве Н. С. Масленникова (по материалам личного архива ученого).

Доклад посвящен некоторым проблемам истории средневековой Испании на основе анализа неопубликованных рукописных работ ленинградского историка-медиевиста Николая Сергеевича Масленникова. Автор доклада дает подробное описание рассматриваемых материалов и выявляет их значение для советской и современной медиевистики.

Ключевые слова: средневековая Испания, Масленников, советская медиевистика.

АНИКЬЕВ И. И. Переписывая житие: построение идеала каролингского епископа.

Статья посвящена изучению методов работы средневекового агиографа. На примере одного из житий Каролингской эпохи — жития св. Губерта Льежского — рассмотрены те приемы, с помощью которых работал автор текста — Иона, епископ Орленанский: как он обращался с предыдущими версиями жития святого, какие цели перед собой ставил. На примере переписывания данного жития прослеживается изменение образа святого епископа в агиографических текстах каролингской эпохи.

Ключевые слова: Каролинги, Агиография, Церковь эпохи Каролингов.

АНОХИНА А. В. Писание и «Божественный Фома»: статус текста и культура цитирования в трактате Ф. Суареса «О законах».

В статье рассматривается статус текста и культура цитирования в трактате Франсиско Суареса «О законах и Боге-законодателе». Особое внимание уделяется специфике использования текстов Священного Писания и «Суммы теологи» Фомы Аквинского, их авторитету.

Ключевые слова: Вторая схоластика, Франсиско Суарес, трактат «О законах и о Боге-законодателе», Библия, Сумма Теологии, Rato Studiorum.

БЕРЕЖНАЯ Н. А. Расцвет гуманистической культуры в юго-западной Германии: Зиммерн в годы правления Иоганна II (1509–1557).

В предлагаемой статье автор анализирует различные аспекты гуманистической деятельности зиммернского пфальцграфа Иоганна II в контексте культурного развития юго-западной Германии конца XV – первой половины XVI вв. Покровительство гуманизму укрепляло престиж княжества и самой властной персоны. Зиммерн приобретает широкую известность не только в Германии, но и в Европе именно благодаря целенаправленной гуманистической политике своего государя.

Ключевые слова: гуманизм, Зиммерн, Иоганн II.

БЕССУДНОВ Д. А. Организация обороны Ливонии в период первой военной кампании Ливонской войны (январь-февраль 1558 г.).

В настоящее время сложилась концепция, согласно которой в начальный период Ливонской войны ливонские ландсгерры и Орден не предпринимали активных попыток организовать защиту, однако комплекс ливонских источников позволяет иначе взглянуть на эту проблему.

Ключевые слова: Иван Грозный, Ливонский Орден, Ливонская война.

БОЛДЫРЕВ Р. В. Новгородское посольство в Стокгольм 1611 г. и его значение в выборе кандидата на русский престол.

Стремление новгородцев сыграть главную роль в выборе кандидата на русский престол в 1611 году привело к снаряжению «посольства Никандра» в Стокгольм для предложения шведскому королевичу власти в Новгороде, а после и во всей России. Об организации посольства, его основных целях и задачах, обосновании необходимости поездки, а главное, о результатах миссии речь пойдет в статье.

Ключевые слова: Стокгольм, Великий Новгород, «посольство Никандра».

БОРИСОВ Г. И. Ошибки переписчиков и юридические формулы в тексте Lex Salica Karolina.

В настоящем исследовании ставится проблема применения методов текстологического и филологического анализа к кодификации закона салических франков Карлом Великим ок. 802 г. На материале текстов удалось выявить причины встречающихся ошибок и систематизировать их. В качестве объекта терминологического анализа выступают лексические единицы, формулы, активно использующиеся в языке кодификации.

Ключевые слова: История раннего средневековья, история права, Карл Великий, Lex Salica Karolina.

БУТУЧЕЛ Р. Валашские и молдавские господа (XIV вв.): формирование представлений об идентичности на материале титулатуры.

В работе рассматриваются аспекты проблемы самоидентификации валашских и молдавских господарей (XIV в.) с точки зрения репрезентации титульных имен в грамотах и других источниках. Прослеживаются способы саморепрезентации господарей на основе разнородной этнической и политической терминологии XIV в.

Ключевые слова: Средние Века, идентичность, история Румынии, самоидентификация.

ГАГАРИНА А. Л. Реабилитация средневековой культуры в творчестве И. Г. Гердера.

Свойственная немецкому философу конца XVIII века И. Г. Гердеру мировоззренческая двуликость проявилась в его восприятии и интерпретации истории и культуры средневековья. Разрушив бытовавшее ранее представление о Средних веках как о «темном» времени и остановке в развитии, Гердер воспринимает их как новый закономерный этап, как шаг вперед.

Ключевые слова: И. Г. Гердер, историография эпохи Просвещения, историография XVIII века.

ГАЙВОРОНСКИЙ И. Д. Незамеченное объединение Империи? Каролингские хроники о призвании Карла Толстого в Западно-франкское королевство.

Доклад освещает проблему отражения призвания императора Карла III Толстого (881–887) в Западно-франкское королевство в современных эпохе каролингских хрониках. Ставя вопрос о том, какое значение имело данное событие для анналистов, автор доклада рассматривает проблему в контексте восприятия авторами хроник предшествующей письменной традиции и в контексте социально-политических изменений эпохи.

Ключевые слова: франки, Карл Толстый, Каролинги.

ГОЛУБИНОВА Д. С. Трактат Мигеля Маньяры «Рассуждение об истине» как основа иконографической программы внутреннего убранства церкви братства святого милосердия в Севилье.

Цель статьи — рассмотрение внутреннего убранства церкви святого братства милосердия. Основой иконографической программы декорации послужило учение выдающегося члена братства — Мигеля Маньяры. Убранство церкви наиболее ярко иллюстрирует основополагающие принципы его трактата «Рассуждение об истине».

Ключевые слова: Испанское искусство, церковная живопись, ретабло, XVII век, Севилья, братство, Мигель Маньяра, Мурильо, Вальдес Леаль.

ГОРБУНОВ Е. В. Положение императорских родственников в Византии во время правления Македонской династии (867–1056 гг.).

Статья посвящена проблеме статуса императорских родственников в период правления Македонской династии. Рассматривается, какое положение они занимали в развитой византийской иерархии и насколько важную роль они играли в жизни государства.

Ключевые слова: Византия, Македонская династия, императорские родственники.

ГОРБУНОВА Д. В. Источники «Vita Brigidae» Когитоза: историография проблемы.

Статья посвящена проблеме формирования агиографической традиции вокруг святой Бригиты Килдэрской. Рассматривая историографию проблемы, мы выявляем ключевые позиции историков по поводу вопроса континентальных источников и моделей жития Бригиты, датируемого VII в., так называемого Vita II авторства Когитоза.

Ключевые слова: История Ирландии, жития святых, святая Бригита Килдэрская, Когитоз.

ГОРБУНОВА Ю. А. Борьба с ересью присциллиан в Галисии VI в. на примере анализа канонов Первого Брагского собора 561 г.

В статье рассматривается борьба ортодоксальной Церкви с ересью присциллиан на примере проведения Первого церковного собора в Браге; выделяются основные положения еретического учения, противоречащие догматам Церкви.

Ключевые слова: Мартин Брагский, Первый церковный собор в Браге, присциллианство.

ГРИЗОВСКАЯ Д. В. «Венецианский миф» в трактате Гаспаро Контарини «О магистратах и устройстве венецианской республики».

В докладе рассмотрен трактат Г. Контарини «О магистратах и устройстве Венецианской республики» в качестве сочинения, способствовавшего распространению так называемого «венецианского мифа». Проанализированы основные доводы и аргументы Г. Контарини для оправдания данной позиции. Выявлены основные составляющие элементы понятия «венецианский миф».

Ключевые слова: венецианский миф, Г. Контарини, средневековая ментальность.

ГРИШИНА Ю. И. Анонимная поэма «Carmen de contra paganos» и надпись Флавия Вира Никомаха из Северной Африки: новые данные об идентификации личности префекта.

Статья посвящена идентификации личности префекта из Carmen de contra paganos с привлечением нового источника. После публикации этого поэтического памятника в исторической среде развернулась напряженная дискуссия относительно того, кто же был префектом, фигурирующим в Carmen. В этой статье мы обращаем внимание на новый источник — латинскую надпись, имеющую отношение к карьере одного из вероятных кандидатов, Вира Флавия Никомаха, и дающую новые основания полагать, что префектом из Carmen был именно он.

Ключевые слова: Carmen de contra paganos, Вир Флавий Никомах, просопография, Римская империя, IV век.

ГУРБАНОВА Г. Э. Влияние протестантских идей на голландскую живопись первой половины XVII века.

Протестантизм оказал влияние на все сферы жизни голландского общества. В работах художников первой половины XVII века стали проявляться черты нового взгляда на жизнь, образа мышления. Постепенно уходят в прошлое библейские сюжеты, а на первый план выходит человек. Протестантские идеи стали двигателем изменения ментальных особенностей общества, которые, в свою очередь, нашли отражения в живописи.

Ключевые слова: Голландия, живопись, первая половина XVII века, Нидерланды, протестантизм, этика труда, голландские художники.

ГУРЬЯНОВ И. Г. Аргументативный потенциал образа Венеры в «О жизни» (1489) Марсилио Фичино.

Исследования посвящено особенностям аргументации в сочинениях флорентийского философа и переводчика Марсилио Фичино, оказавшего значительное влияние на язык и стиль мышления XV–XVI вв. Через раскрытие особенностей образа Венеры, преимущественно в медико-астрологическом трактате Фичино «О жизни», показывается недостаточность методологии истории идей для понимания интеллектуальной культуры эпохи.

Ключевые слова: итальянское Возрождение, неоплатонизм, ренессансная астрология.

ДЕРЕЗА О. В. Стилистика средневековых переводов: ирландская и валлийская версии жесты о Беве из Амтона.

В данной работе представлены результаты стилистического анализа ирландского и валлийского переложений французской жесты о Беве из Амтона, в ходе которого были выявлены особенности средневековых переводов на ирландский и валлийский языки.

Ключевые слова: стилистика перевода, средневековые переводы.

ЖАРИКОВА К. С. Военная карьера великого коронного гетмана Яна Замойского во время Ливонской войны по произведениям Рейнгольда Гейденштейна.

Материалами для написания доклада стали произведения историка Р. Гейденштейна: «Записки о Московской войне», «Польская история от смерти Сигизмунда Августа до 1594 года». Замойский стал гетманом в конце Ливонской войны, способствовал заключению Ям-Запольского перемирия.

Ключевые слова: Замойский, Гейденштейн, Ливонская война.

ЖИВЛОВА Н. Ю. Острова на Лох-Ри: о роли островных обитателей в Ирландии V–X вв.

Доклад посвящен монастырям и часовням, располагавшимся на островах на Лох-Ри (часть течения реки Шэннон) — Инис Айнгин, Инис Бо Финде, Инис Клотранн, Инис Оэндайм, их истории и роли в церковной и политической жизни средневековой Ирландии, связям островов с могущественным монастырем Клонмакнойс. Крошечные, не имевшие большого экономического значения, острова зачастую играли большую символическую и политическую роль, служа местом паломничества и убежищем для почитаемых отшельников.

Ключевые слова: Средневековая Ирландия, Клонмакнойс, святой Киаран, островные монастыри.

ЗАРУБИНА Т. М. Социальные проблемы Англии второй половины XVI – первой половины XVII веков в пьесах английских драматургов.

Автор рассматривает английскую драму эпохи Возрождения как красноречивое свидетельство социальных проблем Англии второй половины XVI – первой половины XVII вв. В фокусе рассмотрения табакокурение и ростовщичество. Данные проблемы отражены во многих драматических произведениях Шекспира и его современников, так как эти темы были наиболее востребованы простой публикой общедоступных театров.

Ключевые слова: Англия XVI–XVII вв., английский ренессансный театр, история социальных проблем.

КАНДЖА И. С. Похороны государей в «Хронике» Титмара Мерзебургского: церемониальный аспект.

Доклад посвящен специфике восприятия автором «Хроники» ритуала погребения правителей в Германском королевстве X–XI вв. Погребальный церемониал рассматривается как средство конструирования политической и исторической реальности, как способ выражения личного отношения хрониста к правителям из династии Оттонов.

Ключевые слова: погребальный церемониал, Титмар Мерзебургский, похороны государей, династия Оттонов.

КОВАЛЕВА М. С. К вопросу о генезисе конфликтов мещан и евреев в Великом княжестве Литовском.

Доклад посвящен выявлению причин конфликтного сосуществования мещан и евреев в Великом княжестве Литовском. На основе представленных точек зрения отечественных и зарубежных исследователей и сведений из Литовской Метрики были рассмотрены вопросы, касающиеся особенностей правового и социального статуса евреев в Литве, методов борьбы литовских горожан с еврейской конкуренцией.

Ключевые слова: евреи восточной Европы, история Литвы, городские конфликты в Средние века.

КОЛПАШНИКОВА Д. Д. Декорация капеллы Сан Мартино в соборе Сан Франческо в Ассизи.

Обращая внимание на особенности типологии капеллы и ее культурное значение, автор останавливается на капелле Святого Мартина, заказанной кардиналом Монтефьоре в начале XIV века. Сиенский мастер Симоне Мартини придал ей изящество и нарядность. Важным стало его решение о перенесении событий жития святого в актуальные для себя реалии, что позволило сделать сюжет более близким его современникам.

Ключевые слова: фреска, Ассизи, капелла, Симоне Мартини, Святой Мартин.

КОМАРОВ И. П. Герменевтический анализ военных действий Ливонского ордена по материалам «Ливонской Хроники» Германа Вартберга.

Статья посвящена изучению особенностей описания военных действий Ливонского ордена в «Ливонской Хронике» Германа Вартберга. В статье рассматриваются имеющиеся в источнике сравнения воинов ордена с Маккавеями и другими ветхозаветными борцами за веру, а также возможная приуроченность походов ордена на литовцев ко дню очищения Девы Марии.

Ключевые слова: герменевтика, средневековье, история Прибалтики.

КОНЮШИХИНА Н. Л., КОНЮШИХИНА Е. Л. Образ пути Святого Иакова от раннего Средневековья до наших дней.

На основе кодекса Каликстинуса XII века, путевых заметок XVII и XVIII веков, современных статистических данных исследуется изменение роли и значения пути Святого Иакова на протяжении длительного периода времени, его трансформация от религиозного центра до культурно-туристического маршрута, развлекательного путешествия или спортивной площадки.

Ключевые слова: Путь Святого Иакова, Сантьяго де Компостела, пилигрим, паломничество.

КОРОСТИК А. П. Экспансионистские планы Ливонского ордена в русских землях. От мифов к реальности.

Начиная с первой половины XII века и до начала XVI в. между Псковом и Ливонским орденом возникали крупные и мелкие пограничные стычки, войны и военные конфликты. В отечественной историографии и в массовом сознании это создало миф о постоянном желании Ордена завладеть русскими землями и о так называемом натиске немцев на восток, что, на мой взгляд, является необоснованной точкой зрения. Обратимся к источникам и определим, есть ли в них упоминание об этом, являлось ли это основной целью немцев и было ли это основной причиной конфликтов между Псковом и Орденом.

Ключевые слова: Ледовое побоище, Ливония, Ливонский орден, Россия, Тарту, Московское государство.

КОСТЫРЯ М. А. Времена суток в цикле Питера Брейгеля Старшего «Времена года».

Статья посвящена изображению времен суток в цикле Питера Брейгеля «Времена года». Серии посвящена значительная литература, но ни один ученый не указал на данную проблему. Автор приходит к выводу, что первый раз в истории искусства появился цикл, где природа изображена с таким вниманием к конкретному времени суток. Фазы года у Брейгеля сопоставляются с фазами суток, как в прямом, так и в философском смысле.

Ключевые слова: Западная Европа, XVI век, времена суток в искусстве, нидерландское искусство, Брейгель.

КРЫЛОВ К. Е. Император наносит ответный удар. Описание битвы при Мюльберге в автобиографии Карла V.

Статья посвящена описанию ключевой битвы первой Шмалькальденской войны в автобиографии императора Карла V. Автор пытается показать, что в этом фрагменте автобиографии монарх попытался изложить основные идеи своего правления.

Ключевые слова: Карл V, XVI век, Шмалькальденская лига, Религиозные войны, идеальная монархия, Священная Римская империя.

КУДРЯКОВ В. В. Кройлендский аноним, Томас Мор и пятница тринадцатое.

Анализ данных «Посмертных расследований» и «Актов правления [компании мерсеров и купцов авантюристов]», а также особенности датировки событий в лондонской хронике Vitellius A XVI позволяют предположить, что казнь лорда Гастингса имела место не 13 июня 1483 года, как зафиксировано Кройлендским анонимом и Томасом Мором, а состоялась неделей позже.

Ключевые слова: Томас Мор, лорд Гастингс, Ричард III, тауэрские принцы.

ЛАПШИНА А. А. Средневековая проповедь на «народном языке»: один пример из Норвегии XII века.

В докладе рассматривается устройство древненорвежской «Проповеди о святом мученике Стефане» с точки зрения материалов, с которыми работал компилятор (это были как латинские, так и древнеанглийские тексты), методов его работы с ними, а также способов, которыми тексты латинской письменной традиции адаптировались для скандинавского слушателя.

Ключевые слова: гомилетика, средневековая проповедь, Норвегия XII в., первоученик Стефан.

ЛЕВИН Ф. Е. Оформление пространства в «Книге Захватов Ирландии».

Автор приходит к выводу, что нарратив «Книги Захватов» содержал в себе ряд локальных сюжетов, синтезированных воедино. Представления о пространстве в «Книге Захватов» были неразрывно связаны с мифом верховной власти и свидетельствовали о составной этничности и этнической неоднородности острова.

Ключевые слова: «Книга Захватов Ирландии», представление о пространстве, трайбализм, составная этничность.

ЛЕЩЕВА Я. И. «Вращающийся диск» в византийской иконографии. Попытка интерпретации.

В докладе рассматривается сюжет «вращающегося диска» как пример световой символики византийской иконографии XI–XIV вв. Приводятся существующие гипотезы интерпретаций данного феномена. Анализируются богословские источники, на основе которых делается вывод о возможном действительном символическом значении данного иконографического сюжета.

Ключевые слова: Византия, иконография, вращающийся диск, символика света.

ЛУРЬЕ З. А. Лютеранский драматург XVI в. и его публика.

Театр в период Средневековья и раннего Нового времени — один из важных инструментов коммуникации — был направлен на формирование городской общины. Однако до сих пор достаточно спорным является вопрос об элитарном характере школьного гуманистического театра. На примере творчества протестантских интеллектуалов различных регионов Империи (преимущественно саксонских и южнотемских драматургов) рассматривается вопрос о целевой аудитории театральных постановок, а также печатных драматургических произведений XVI в.

Ключевые слова: Иоахим Греф, Сикст Бирк, протестантский театр, конфессионализация.

МАНУКЯН Э. М. К вопросу о выборе епископа в Галлии V века: критерии, мотивации, цели (на примере выборов в Бурже ок. 471 г.).

В статье проводится попытка рассмотреть на примере выборов митрополита в городе Бурж (ок. 471 г.) основные требования и критерии, которые могли предъявляться консилиумом епископов к кандидату на епископский сан в Галлии V в. а также выявить их мотивационные основания и цели, которыми могло руководствоваться духовенство. Данное исследование строится на анализе Речи и ряда писем клермонского епископа Сидония Аполлинария.

Ключевые слова: Галльская церковь, аристократы-епископы, епископские выборы, Бурж, Сидоний Аполлинарий, Epistulae и Contio.

МАСТЯЕВА И. Н. Влияние правил ars dictaminis на стиль ранних писем Иоанна Солсберийского.

Статья посвящена анализу писем схоласта XII в. Иоанна Солсберийского на предмет следования правилам средневекового искусства написания писем (ars dictaminis). На этом примере демонстрируются как эффективность самой методики такого анализа в рамках исторического исследования, так и способ его проведения.

Ключевые слова: средневековая эпистолография, Иоанн Солсберийский, ars dictaminis.

МЕДНИС С. С. Особенности формирования городского права в Линкольне с начала X – середины XII вв.

Политическая история средневекового Линкольна и вопрос об его инкорпорировании в состав английского домена недостаточно исследован. В статье проанализированы особенности формирования городского права Линкольна с середины X – второй половины XII вв. Отдельно были рассмотрены причины правового кризиса, который возник из-за столкновения в одном городе двух правовых систем — датской и норманнской.

Ключевые слова: XII век, средневековый Линкольн, городское право.

МЕФТАХУДИНОВ К. П. Особенности русского посольства 1567–1569 гг. в Стокгольм и их политические причины.

Статья посвящена церемониальному аспекту внешней политики Ивана IV в отношении Швеции. Предложение короля Эрика XIV привело к тому, что Иоанн IV впервые признал его своим «братом». Подтверждать договоренности отправляется посольство. Действия послов нарушали

принятый церемониал и явно унижали честь шведского государя. Видимо, Иоанн Васильевич стремился хотя бы в церемониальной игре сохранить свое превосходство над Эриком XIV.

Ключевые слова: Иван IV, Эрик XIV, история дипломатического церемониала, внешняя политика XVI века.

МИГУНОВА А. В. Рупрехт Пфальцкий и европейское дворянство (1619–1642 гг.).

Эпоха войн и кризиса XVII века ознаменовалась невиданной по размахам социальной миграцией. Проблема миграции затронула и высшие слои общества. Многие отпрыски владетельных домов вынуждены были искать пристанища при единоверных дворах. В центре внимания фигура кронпринца Рупрехта Пфальцкого, ставшего известным по событиям Тридцатилетней войны и гражданской смуты в Англии.

Ключевые слова: Сословные отношения, XVII век, Тридцатилетняя война.

НАУМОВ Н. Н. Сигизмунд Люксембургский в историографической ретроспективе.

В эпоху Просвещения Сигизмунда Люксембургского рассматривали как историческую личность общеевропейского масштаба. В XIX в. в связи с актуализацией понятия «национального» венгерские, немецкие и чешские историки стали подходить к оценке его деяний и личности, исходя из интересов собственных государств. Сегодня на волне глобализации происходит отход от узконационального взгляда на этого правителя.

Ключевые слова: Сигизмунд Люксембургский, историография Средних веков в центральной Европе, национальная историография.

НИКИТЕНКО Ю. Н. Дуэсса как образ католичества в Первой книге «Королевы фей» Э. Спенсера.

В статье анализируется образ главного отрицательного персонажа Первой книги — Дуэссы. Основное внимание уделяется семантике имени и деталям внешнего облика персонажа. Текст поэмы сопоставляется с Откровением Иоанна Богослова и современными Э. Спенсеру текстами, принадлежащими протестантской традиции.

Ключевые слова: Королева фей, Э. Спенсер, Дуэсса, образ Вавилонской блудницы, католичество.

НОВИКОВА Е. О. Иллюстрации к роману Франческо Колонна «Сон Полифила» (Венеция, 1499).

Автор рассматривает иллюстрации и другие элементы оформления знаменитого «Сна Полифила» издательства Альда Мануция с целью выявить механизмы взаимодействия текста и изображения. Анализ гравюр подтверждает, что пышное иллюстрирование предполагалось автором книги изначально, а изображения следуют внутренней логике романа.

Ключевые слова: Ренессанс, Сон Полифила, альдины.

ОМЕЛЬЧЕНКО Д. М. Власть и аскеза в трактате Юлиана Померия «О созерцательной жизни».

Анализируется способ решения в трактате «О созерцательной жизни» проблемы соотношения власти и аскезы в деятельности епископов. Он был написан ритором Юлианом Померием в начале VI в. В трактате творчески перерабатываются мысли двух противников в богословских вопросах — Блаженного Августина и Иоанна Кассиана Римлянина.

Ключевые слова: аскеза, история власти, раннехристианские епископы, поздняя античность.

ПЕРЕПЕЧКИН К. В. Издательская деятельность Иоганна Фробена (1491–1527).

Статья посвящена краткому анализу издательской деятельности Иоганна Фробена (1460–1527). Рассматриваются его взаимоотношения с коллегами: Эразмом Роттердамским, Иоганном Амербахом, Альдом Мануцием. Также затрагивается проблема издательской собственности и авторского права в Базеле в начале XVI века.

Ключевые слова: Книгопечатание, Иоганн Фробен, история Базеля, история авторского права.

ПИКИН А. В. Причины посольских миссий в Хронике Идация Лемикского.

Эпоха Идация Лемикского давала довольно значительное число поводов для отправления посольства. Автор пытается проанализировать поводы и сделать вывод относительно вовлеченности в посольские миссии, отраженные в Хронике, самого Идация.

Ключевые слова: Хроника Идация, посольские миссии на позднеантичном Западе.

ПОПОВА Я. А. Миниатюры «Кодекса Манессе»: история изучения.

В данной работе рассматриваются труды авторов, изучающие миниатюры такого средневекового манускрипта, как «Кодекса Манессе». Исходя из анализа научных работ, можно сделать вывод, что исследование иконографии памятника начало активно развиваться в конце XIX века, когда происходила переоценка роли изображения. Начиная с 80-х годов XX века, изучение миниатюр рукописи развивается стабильно.

Ключевые слова: «Кодекс Манессе», геральдика, иконография, символика.

ПРИХОДЬКО Е. Д. Восприятие запаха в культуре Западного Средневековья.

На основе трактата С. Барба «Французский парфюмер» конца XVII в. автор исследует значение и восприятие запахов в раннее Новое время через призму ремесла парфюмера.

Ключевые слова: гильдия перчаточников-парфюмеров, история восприятия, история парфюмерии.

ПРОГУНОВА Ю. М. Письма англосаксонских монахинь как источник представлений о самосознании церковного нобилитета Британии первой половины VIII века.

В докладе рассматривается значение переписки англосаксонских аббатис с представительницами духовной элиты Галлии и епископом Бонифацием для исследования формирования самосознания женского церковного нобилитета Британии первой половины VIII века. Анализ писем позволяет судить об уровне образованности англосаксонских аристократок, степени их вовлеченности в монастырскую интеллектуальную культуру.

Ключевые слова: Англосаксы, раннесредневековое женское монашество, женская история, церковный нобилитет.

ПРОКОФЬЕВА Е. М. Особенности судебного процесса в Норвегии в первой половине XIV в.: пример одной земельной тяжбы.

На основе документа начала XIV века, зафиксировавшего судебное разбирательство касательно участка земли, в докладе устанавливается специфика сочетания и взаимодействия в норвежском судебном процессе двух практик: исторически устоявшейся практики *accusatio* и привнесенной из Европы инквизиционной процедуры.

Ключевые слова: история судебного процесса, *accusatio*, *inquisitio*.

ПРОНИНА Е. А. Французские генеалогии раннего Нового времени в контексте европейской традиции memoria (на примере комплекса генеалогических историй А. Дюшена).

В докладе анализируется феномен популярности дворянских генеалогий во Франции раннего Нового времени. Наследие королевского историографа Андре Дюшена, принадлежащий его перу цикл генеалогических историй французского и фламандского дворянства, рассмотрены в контексте западноевропейской традиции memoria.

Ключевые слова: Франция, генеалогия, дворянство, аристократия, XVII в.

ПРОХОРЕНКОВ И. А. Павел Влодковиц. Конфликт Польши и Немецкого ордена на Констанцском соборе.

Начало XV века — период ярко вспыхнувшего противостояния Польского королевства и Немецкого Ордена. Тем не менее, между Танненбергом и вторым Торуньским миром предпринималось несколько попыток мирного урегулирования польско-орденских противоречий. Одной из таких попыток, произошедшей во время работы собора в Констанце (1414–1418), и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: Павел Влодковиц, Констанцкий собор, средневековая Польша.

ПРОХОРЦОВА М. М. Формирование и эволюция иконографии Непорочного Зачатия Девы Марии в испанской живописи «золотого века».

В Испании в конце VII в. появляется культ Непорочного Зачатия Девы Марии, хотя догмат оформился официально лишь в 1854 г. Проходят столетия, и в XVII в. Ф. Пачеко издает трактат «Искусство живописи», в котором создает иконографическую схему этого сюжета. Как формируется иконография сюжета до и после Пачеко: какие сюжеты служат ее основой, опирается ли Пачеко на существовавшие изображения и насколько строги его наставления? На эти и другие вопросы мы отвечаем в своей статье.

Ключевые слова: иконография Непорочного Зачатия; иконографическая схема; испанская живопись; теория живописи.

РОГОЗИН А. Ю. «Славянское царство» Мавро Орбини в контексте славянских этногенетических представлений XV–XVI вв.

В статье автор анализирует теорию происхождения славян, представленную в книге, изданную в 1601 г. Называя Иафета праотцом славян, Орбини выводит славянское племя (готов, аваров, славян) из Скандинавии. Этноним «славяне» производится от прилагательных «славный».

Ключевые слова: Славянское царство, Мавро Орбини, история славян.

САЖНЕВА (РУЦКАЯ) М. Б. Ричард Львиное Сердце: сотворение мифа.

Как создавался миф о Ричарде Львиное Сердце при его жизни? Вопрос очень интересный и важный. Не менее важно понять, как можно это узнать. Предложенные в статье материалы — хроники, не затрагивавшие напрямую владения Плантагенетов, т. е. в основном центрально-европейские. Все они сообщают 2 события — крестовый поход и пленение Ричарда во время возвращения. Именно эти события послужили основой для последующего мифотворчества.

Ключевые слова: Ричард Львиное Сердце, хроники крестовых походов, мифология власти.

СИДЯКИНА А. К. Проблемы церковной жизни в эпоху Второго Болгарского царства.

Это время ознаменовано восстановлением болгарской государственности и воссозданием Болгарской Православной церкви. Внешнеполитические условия и трудности в стране заставляли болгарских правителей идти на крайние меры, чтобы достичь поставленной цели.

Ключевые слова: Второе Болгарское царство; Болгарская православная церковь; история международных отношений.

СИНИЦА М. М. Политическая теория императорской власти в Византии в середине VI в.

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с формированием теорий императорской власти в Византии в VI в. Исследуется теория императорской власти, выдвинутая Иоанном Лидом. В статье рассматриваются истоки формирования взглядов Иоанна Лида в античности.

Ключевые слова: Иоанн Лид, теории императорской власти в VI в., античное наследие в Византии, монархические концепции.

СЛЯДЗЬ А. Н. «Неромантический герой»: Роман Лакапин как предкульминация византийской истории.

Временщик, провозгласивший себя императором, регент при малолетнем Константине VII, ставший его названным отцом и тестем, Роман I Лакапин (919–944) словно затерялся в череде самодержцев Македонского дома. Тем не менее, византийская история неразрывно связана с именем Лакапина, которому удалось не только вывести империю из затяжного политического и военного кризиса, укрепить опекаемую им династию, но и положить начало новой эпохе — кульминации ромейской цивилизации.

Ключевые слова: Византия, Роман I Лакапин, Македонская династия.

СМИРНОВА Д. Д. Особенности источниковедческого анализа посланий средневековых авторов на примере изучения трудов новгородского архиепископа Феодосия.

В статье дается обоснование особого подхода к источниковедческому анализу средневековых документов, содержащих ссылки на Священное Писание, святоотеческую и богослужебную литературу на примере посланий одного из церковных иерархов XVI века — архиепископа Феодосия.

Ключевые слова: XVI в., архиепископ Феодосий, источниковедческий анализ, православная теология.

СЯМТОМОВ И. В. К вопросу о кризисе теократической монархии вестготов.

Данный материал освещает последние десятилетия существования вестготского королевства и те проблемы, которые преследовали его правителей в деле выборе государственной идеологии. Рассматривается специфика «Вестготской симфонии» и ее влияния на жизнь вестготского общества. В итоге дается оценка тем событиям, которые положили начало кризису королевства вестготов, проводятся параллели с кризисом в идеологии власти.

Ключевые слова: Вестготское королевство, Толедское королевство, вестготская симфония, идеология королевской власти вестготов.

ТИМОХИНА Н. А. Состояние современной дискуссии о происхождении «пещерных городов» Юго-Западного Крыма.

В статье произведен анализ современной научной литературы и обозначены основные актуальные версии о происхождении средневековых «пещерных городов».

Ключевые слова: «пещерные города», история Крыма, пещерный монастырь.

ТРУСОВА М. В. «Amentia proveniret ex parte intellectus»? Концепция безумия у Ф. де Витории по Relectiones Theologicae.

Данная статья посвящена анализу концепции безумия в Relectiones Theologicae Ф. де Витории. Из терминологии, а также родовых и видовых признаков выводится определение и отношение автора к феномену безумия, после чего определяется место авторской позиции в контексте эпохи.

Ключевые слова: безумие, Relectiones Theologicae, Франсиско де Витория, вторая схоластика.

ФЕДОРОВА Т. Е. Изображение Девы Марии в английской миниатюре середины X – середины XI вв.

Статья посвящена образу Девы Марии и периоду особого внимания к нему в английской дороманской миниатюре. На примере наиболее ярких памятников продемонстрированы связь между образами Девы Марии и королевы Англии, а также многообразие композиций, включающих изображение Марии. Благодаря двум этим чертам, к 1066 г. образ Девы Марии в английском искусстве приобрел самостоятельную значимость.

Ключевые слова: средневековое искусство, англосаксонское искусство, книжная миниатюра, образы Девы Марии.

ЧЕРНЫШОВА А. С. Дипломатическая практика XVII века в сочинении Авраама де Викфора «Посол и его функции».

Статья «Дипломатическая практика XVII века в сочинении Авраама де Викфора «Посол и его функции»» посвящена исследованию дипломатической службы XVII века. Автор описывает дипломатические ранги, а также особенности работы дипломата раннего Нового времени.

Ключевые слова: история дипломатии, Авраам де Викфор, дипломатия XVII века.

ЧУРКИНА Д. А. Астрологическая традиция в искусстве и культуре Раннего Возрождения (на примере декорации Палаццо Скифаноной в Ферраре).

Статья посвящена проблеме существования и переосмысления средневековой астрологической традиции в культуре и изобразительном искусстве Италии XV века на примере монументальной декорации Зала Месяцев Палаццо Скифаноной в Ферраре.

Ключевые слова: Феррара, ренессансная астрология, Борсо д'Эсте, Палаццо Скифаноной.

ШИНГУРОВА Т. В. Пространственные представления средневековой Ирландии на основе текстов «плаваний».

Проблематика работы лежит в сфере исторической антропологии и истории менталитета. Источники — средневековые ирландские тексты «плавания» — памятники, которые рассказывают о блуждании монахов, представителей знати по океану и чудеса, встречающиеся им в пути. Задача — на основе вышеперечисленных памятников, а также путем сравнения их с другими письменными источниками, имеющими хождение в Ирландии в раннее и классическое средневековье, понять, как представляли себе мир в средневековой Ирландии, какую роль сыграло в их мировоззрении периферийное положение Ирландии, как это повлияло на становление ирландской традиции паломничества.

Ключевые слова: История раннего средневековья, история менталитета, Ирландия, кельты

ШМИДТ Г. А. Легитимация власти Меровингов в «Хрониках Фредегара».

В статье рассматривается модель легитимации власти Меровингов в Галлии, предложенная автором «Хроник Фредегара». Несмотря на появление «тройской легенды» происхождения франков, для автора чрезвычайно важной представляется связь власти Меровингов с позднеримскими политическими структурами.

Ключевые слова: франки, Хильдерик I, тройская легенда.

ШОХИН А. А. Происхождение Гуннского мифа и «Деяния венгров» Анонима.

Статья Шохина А. А. «Происхождение Гуннского мифа и “Деяния венгров” Анонима» посвящена проблеме происхождения гуннской генеалогии венгров в средневековой венгерской историографии. Для этого автор обращается к самой ранней из сохранившихся венгерских хроник — «Деяниям венгров» Анонима. Шохин А. А. приходит к выводу о связи легенд об «обретении родины» и происхождении венгров с ментальной географией крестовых походов и германского эпоса. Автор предлагает свою трактовку возникновения так называемого «гуннского мифа».

Ключевые слова: Венгерские хроники, «гуннский миф», «Деяния венгров», Крестовые походы.

SUMMARIES

ABRAMOVA A. V. Medieval Spain in the works of Maslennikov N. (On the scholar's personal archive).

The author analyzes some issues of Spain's medieval history in the works of Leningrad medievalist Maslennikov N. The report is based on the unpublished manuscripts from his personal archive. The author gives a detailed description of the materials and attempts to reveal its importance for the Soviet and contemporary medieval historiography.

Key words: Medieval Spain, Maslennikov, Soviet medieval studies.

ANOKHINA A. V. Holy Scripture and «Thomas Divinus»: the textual status and the culture of citations in the treatise by F. Suarez «On Laws or on God the Legislator».

This article refers to the status of text and culture of citations in the treatise of Francisco Suarez «On Laws or on God the Legislator». Particular attention is paid to the specificity of use of the Scripture and «Summa Theologiae» of Thomas Aquinas and their authority.

Key words: Second scholasticism, Francisco Suarez, Tractatus De legibus ac Deo Legislatore, the Scripture, Summa Theologiae, Rato Studiorum.

ANIK'EV I. I. Rewriting the life: constructing the ideal of a Carolingian bishop.

The article explains practices and working methods of medieval hagiography, considering «The life of St. Hubert», bishop of Liège, written in the IX century by Jonas of Orléans. Literary means, applied by Jonas and his use of previous versions of St. Hubert's biography are in the spotlight. This analysis allows to observe a certain shift in describing bishop's biographies in the Carolingian era.

Key words: Carolingians, Hagiography, Carolingian Church.

BEREZHNAVAYA N. A. The Golden Age of Humanistic Culture in South-Western Germany: Simmern in the time of Johann II (1509–1557).

In the presented paper the author investigates different aspects of humanistic activity of Johann II, the count Palatine of Simmern, in the context of cultural development of South-Western Germany in the XV – first half of the XVI century. Patronage of the humanism movement enhanced the prestige of the principality and of the princeps as well. Simmern became wide-known not only in Germany, but also all over Europe due to the deliberate purposes of humanistic policy of its governor.

Key words: humanism, Simmern, Johann II.

BESSUDNOV D. A. Organization of Livonian defense during the first period of Livonian War (January-February 1558).

Contemporary historiography presents the concept that in the initial period of the Livonian War, the Order and the Livonian feudal lords did not take active attempts to mount a defense, however complex Livonian sources allows one to look at this problem.

Key words: Ivan the Terrible, Livonian Order, Livonian war.

BOLDYREV R. V. Novgorod embassy in Stockholm in 1611 and its significance for electing a claimant to the Russian throne.

Novgorod's desire to play a major role in electing a claimant for the Russian throne in 1611 led to the «embassy of Nikandr» in Stockholm who offered the Swedish king to take control of Novgorod, and then of all Russia. The article focuses on the organization of the embassy, on its main objectives and goals which justified the need to travel, and, most importantly, on the results of the mission.

Key words: Stockholm, Novgorod, «embassy of Nikandr».

BORISOV G. I. The errors of the scribes and legal formulae in the text of Lex Salica Karolina.

In this article the author characterized the methodological issues of textual criticism and philological analysis within the research processes of codification of the Lex Salica's text in the time of Charlemagne about 802. The causes of discovered errors were systematized on the data of the texts. The lexical units, legal formulae were taken as the object of terminological analysis.

Key words: History of Early Middle Ages, history of law, Charlemagne, Lex Salica Karolina.

BUTUCEL R. Wallachia and Moldova's Princes (XIV century): Identity Construction Based on Voivodal Titles.

The report is devoted to the analysis of self-identification of the Vlach and Moldovan voivods (XIV century) from the perspective of the titles representation in documentary and other sources. The self-representation of the princes is related to different ethnic and political terminology of the epoch.

Key words: Middle Age, identity, history of Romania, history of self-identification.

CHERNYSHOVA A. S. Diplomatic practice in the XVII century in the research of Abracham de Wicquefort's «L'Ambassadeur et cesfonctions».

The article is called «Diplomatic practice at the XVII century in the research of Abracham de Wicquefort "L'Ambassadeur et cesfonctions"». This article is dedicated to the diplomatic services' specificity in Europe in the XVII century.

Key words: history of diplomacy, Abraham de Wicquefort, 17th century diplomacy.

CHURKINA D. A. The astrological tradition in art and culture of the Early Renaissance (the case of the decoration of Palazzo Schifanoia in Ferrara).

The article is devoted to the problem of existence and reconsideration of the medieval astrological tradition in culture and fine arts in XVth-century Italy by the example of monumental decoration of the Hall of the Months of Palazzo Schifanoia in Ferrara.

Key words: Ferrara, Renaissance astrology, Borso d'Este, Palazzo Schifanoia.

DEREZA O. V. The Stylistics of Medieval Translations: The Irish and Welsh Adaptations of Geste de Boeve de Haumtone.

This article discusses the Irish and Welsh adaptations of the Anglo-Norman Geste de Boeve de Haumtone. The results of a comparative stylistic analysis are described, with a particular attention to some native artistic devices used in the process of transformation.

Key words: the stylistics of translation, medieval translations, chanson de geste.

FEDOROVA T. E. The Image of Virgin Mary in Anglo-Saxon Illumination from middle X – middle XI centuries.

The article is dedicated to the depiction of Mary in pre-Roman English illumination. The author contemplates features that point to an exceptional importance of the image of Mary in the period: the connection between figures of Virgin Mary and queen of the country, and diversity of scenes representing Mary.

Key words: Medieval art, Anglo-Saxon art, illuminated manuscripts, images of Virgin Mary.

GAGARINA A. L. Rehabilitation of medieval culture in I. G. Herder's works.

The perception of German philosopher of the end of the XVIII century I. G. Herder and his interpretation of medieval history and culture was as dualistic as his philosophical ideas. He rejected to accept an idea of the Middle Ages as a «obscure» and static period. Herder perceives them as a new natural stage, as a step forward.

Key words: culture, development, new stage.

GAYVORONSKI I. D. The unnoticed unification of the Empire? Carolingian chronicles about Charles the Fat's summoning to the West Frankish kingdom.

The report touches on the issue of the reflection of the Emperor Charles III the Fat summoning (881–887) to the West Frankish kingdom in contemporary Carolingian chronicles. Having raised the question of the significance of this event for the annalists, the author of the report examines the problem in the context of the perception of the authors of chronicles of previous written tradition and in the context of sociopolitical changes of this epoch.

Key words: franks, Charles' III the Fat, Carolingians.

GOLUBINOVA D. S. Miguel Manyara treatise «Discourse on the truth» as the basis of the iconographic program of interior decoration of the church holy brotherhood of mercy in Seville.

The purpose of the report is to examine the interior of the church of Hermandad de la Santa Caridad. The doctrine of the most prominent member of the brotherhood, Miguel Manyara, was the basis of the iconographic program of the church decorations. The interior of the church brotherhood most vividly illustrates the fundamental principles of this treatise — «Discurso de la verdad».

Key words: Spaniard art, church painting, retablo, XVII century, Seville, brotherhood, Miguel Manyara, Murillo, Valdes Leal.

GORBUNOV E. V. The status of the emperor's relatives in Byzantium during the reign of the Macedonian dynasty (867–1056).

The article deals with the status of emperor relatives during the reign of the Macedonian dynasty. The position they occupied in the Byzantine complex hierarchy and the importance of their role in the life of the empire are discussed in the article.

Key words: Byzantium, Macedonian dynasty, Emperor relatives.

GORBUNOVA D. V. The sources of Cogitosus's «Vita Brigidae»: the historiography of the problem.

Article «The sources of Cogitosus's «Vita Brigidae»: historiography of the problem» is devoted to the formation of the hagiographic tradition around Saint Brigid of Kildare. Regarding the historiographical problems, we identify key positions of historians about the question of continental sources and models of Brigid's life dating back to the VII century, so-called «Vita II» by Cogitosus.

Key words: history of Ireland, hagiography, Saint Brigid of Kildare, Cogitosus.

GORBUNOVA Y. A. The campaign against the heresy of Priscillianism in the Sixth Century Galicia: Analysis of the Acts of the First Council of Braga.

This article is devoted to the clash between Orthodox Church and Priscillianism heresy on the First Council of Braga. We show the main issues of heresy which contradict with the doctrine.

Key words: Martin of Braga, the First Council of Braga, Priscillianism.

GRISHINA Y. I. Anonymous poem «Carmen de contra paganos» and Virius Nicomachus Flavianus Northern African inscription: new data of praefectus identity.

The article is devoted to the identification of the praefectus of the Carmen de contra paganos with the involvement of new sources. After this source had been published, many scholars applied to it and hold intensive debates on who was the praefectus, appearing in the Carmen. In this article we focus our attention on the new source — Latin inscription concerning the career of one of the likely candidates, Virius Flavius Nicomachus, and give a new reason for a strong belief that he was precisely the searchable praefectus of Carmen.

Key words: Carmen de contra paganos, Virius Nicomachus Flavianus, prosopography, IV century A. D.

GRIZOVSKAYA D. V. «The Venetian myth» in the treatise by Gasparo Contarini «On the magistrates and the device of the Venetian Republic».

The report is based on a Gasparo Contarini's work «De magistratibus Venetian et republica Venetorum libri V» as a thing promoting so-called «Venetian myth». The main Contarini's reasons and arguments in favor of this position were analyzed in the report. The author of this report picks out the groups of Contarini's reasons that match the main elements of «Venetian myth».

Key words: Venetian myth, G. Contarini, medieval mentality.

GURBANOVA G. E. The influence of Protestant ideas on the Dutch painting of the first half of the XVII century.

Protestantism had an impact on all spheres of life in Dutch society. In the works of artists in the first half of the XVII century began to show features of the new view of life, way of thinking. The biblical scenes were gradually fading whereas people's images began to dominate. The protestant ideas began to change mental characteristics of the society, the fact which, in its turn, was reflected in the painting.

Key words: Dutch society, painting, the first half of the XVII century, the Netherlands, Protestantism, work ethic, Dutch painters.

GURYANOV I. G. Persuading by an image: argumentative potential of the representation of Venus in Marsilio Ficino's De Vita.

The study examines the features of argumentation in the writings of the Florentine philosopher and translator Marsilio Ficino, whose influence on the XV century language and way of thinking is well known. Analyzing the image of Venus, particularly the material of Ficino's De Vita, the report argues that using history of ideas as the only methodological approach to understanding the intellectual culture of the era obscures its essential features and results in an incomplete analysis.

Key words: Italian Renaissance, Neo-Platonism, renaissance astrology.

KANDZHA I. S. Sovereigns' funerals in the «Chronicon» by Thietmar of Merseburg: ceremonial aspect.

The article «Sovereigns' funerals in the "Chronicon" by Thietmar of Merseburg: ceremonial aspect» analyses Thietmar's perception of the funeral rituals in the German realm of X-XI centuries. The funeral ceremonial is considered both as an instrument for the construction of political and historical reality and as a method of expressing personal author's attitude towards kings of the Ottonian dynasty.

Key words: funeral ceremony, Thietmar of Merseburg, sovereigns' funerals, Ottonian dynasty.

KOLPASHNIKOVA D. D. Decoration of the San Martino chapel in the basilica of San Francesco in Assisi.

Drawing attention to the features of the typology of a chapel and to its significance, the author focused her investigation on the San Martino Chapel, ordered by cardinal Montefiore at the beginning of XIV century. The Sienese painter Simone Martini made it with treats of grace. His decision to transfer events of the saint's life into actual reality was important as it approached the story to his contemporaries.

Key words: Fresco, Assisi, chapel, Simone Martini, Saint Martin.

KOMAROV I. P. The hermeneutical analysis of military operations of Livonian Order based on «Livonian Chronicle» by Hermann de Wartberge.

The article is devoted to the research of peculiarities in the description of the Livonian Order's military operations in «Livonian Chronicle» by Hermann de Wartberge. In the article order's warriors are compared with the Maccabees and other Old Testament's strugglers, as well as possible timing of order's campaigns against Lithuanians to day of purification of the Virgin Mary.

Key words: hermeneutics, Middle Ages, history of the Baltic States.

KONYUSHIKHINA N. L., KONYUSHIKHINA E. L. The conception of St. James' Way since the Early Middle Ages till nowadays.

The report examines the transformation of St James's Way during a long period of time from the religious center into a cultural and tourist route, into an entertaining journey and a sports ground on the basis of Codex Calixtinus of XII century, travel notes of XVII and XVIII centuries, and modern statistical data.

Key words: St James' Way, Santiago de Compostela, pilgrim, pilgrimage.

KOROSTIK A. P. Expansionist plans of the Livonian Order in the Russian territories. From myth to reality.

From the first half of the XII century till the beginning of the XVI century there were small and massive frontier engagements, wars and wide-scale military conflicts between Pskov and the Livonian Order. It created a myth among the Russian historians, and later among Russian society about the Order's constant ambition to own the Russian territories and about so-called Drang nach Osten (expansion toward the East). In my opinion, this point of view is not unjustified. To subject the events to the glare of truth we need to refer to the sources and define whether the expansion is mentioned there, whether it is the main objective of the Order, and whether it is the main reason of the conflicts between Pskov and the Order.

Key words: The Battle on the Ice, Livonnia, The Livonian Order, Pskov, Moscow.

KOSTYRIA M. A. The Times of the Day in Bruegel's «The Seasons».

The article deals with the theme of the Times of the Day in Bruegel's series «The Seasons». Much has been written about this cycle, but no one pays attention to the problem. The author concludes that in «The Seasons» we can see the first in Western art series with such sensitivity to the concrete Time of the Day. Bruegel compares phases of the day with ones of the year both literally and in philosophical aspects.

Key words: Western Europe, XVI century, Times of the Day in art, Netherland art, Bruegel.

KOVALYOVA M. S. The genesis of conflicts between the burghers and the Jews in the Grand Duchy of Lithuania.

The report is dedicated to searching reasons of conflict of burghers and Jews co-existence within the Grand Duchy of Lithuania. Based on the historical works and Lithuanian Metrica's documents this report addresses such issues as the social and legal status of the Jews in Lithuanian State and the townspeople's struggle with the Jewish competition.

Key words: Eastern Europe Jews, history of Lithuania, conflicts in medieval cities.

KRYLOV K. E. The emperor strikes back. Description of the battle of Muhlberg in the Charles V autobiography.

This article describes the key battle of the Religious wars in Holy Roman Empire in the autobiography of the Emperor Charles V. The author tries to show that in this fragment of autobiography monarch tried to present the basic ideas of his reign.

Key words: Charles V, XVI century, the Smalcalden League, Religious War, the ideal monarchy, Holy Roman Empire.

KUDRYAKOV V. V. Croyland Anonymous, Thomas More and Friday the Thirteenth.

The analysis of the evidence presented in the Inquisitiones post mortem and in the Acts of the Court of the Mercers' Company, in concert with some peculiarities of the dating of events in Vitellius A XVI, suggests that the execution of Lord Hastings took place not on 13 June 1483 as it was recorded by the Croyland Anonymous and Thomas More but occurred a week later.

Key words: Thomas More, Lord Hastings, Richard III, Tower Princes.

LAPSHINA A. A. The structure of medieval vernacular sermons shown in the case of an Old-Norse homily (XII century).

The article deals with an Old-Norse sermon contained in so called «Old Norwegian homily book» («Sermo de sancto Stephano martire»). The author concentrates on methods the compiler used to create this sermon. Among the sources of the «Sermo de sancto Stephano martire» there are both Latin homilies of Gregory the Great, Fulgentius of Ruspe, Cæsarius of Arles and an Old English compilation of Ælfric.

Key words: homiletics, medieval sermon, Norway in the XII century, Saint Stephen.

LESHCHYOVA Y. I. «The Whirling disk» in the Byzantine iconography. The attempt of an interpretation.

The plot of «the whirling disk» is claimed to be an example of light symbolic of the Byzantine iconography of the XI-XIV centuries. In this article the existing hypotheses of interpretations of this phenomenon are given. The author analyses the Theological sources on the basis of which the conclusion is drawn about possible symbolic significance of this iconographic plot.

Key words: Byzantine iconography, the whirling disk, the symbolism of light.

LEVIN F. E. Shaping the landscape in «Lebor Gabala Erenn».

The author comes to the conclusion that the narrative of «Lebor Gabala Erenn» contained various local myths which were synthesized into a united framework. The ideas of landscape in Lebor Gabala Erenn were inextricably linked with the myth of high-kingship and gave some evidence about the composite ethnicity and ethnic heterogeneity of the island.

Key words: «Lebor Gabala Erenn», image of landscape, tribalism, composite ethnicity.

LURIE Z. A. A Lutheran dramatist of the 16th century and his audience.

The medieval and early modern theatre is seen as an instrument of communication and a tool of communion formation. So called school theatre made by humanists has been traditionally studied as an elite phenomenon. However, this approach should be changed. On the example of creative works by Protestant dramatists from different parts of the Holy Roman Empire (mainly Saxon and South-German ones) the question of target audience of the theatrical staging as well as print drama of the 16th century is analyzed.

Key words: Joachim Greff, Sixt Birck, Protestant theater, confessionalization.

MANUKYAN E. M. Reconsidering the election of the bishop in Gaul in V century: criteria, motivation, goals (the case of episcopal elections in Bourges A. D. 471).

On the example of the elections of a metropolitan in Bourges A.D. 471, the article is attempting to consider the basic requirements and criteria which could be brought by council of bishops to the candidate for the miter in Gaul in V century. Also it attempts to identify their motivational bases and goals which could be guided by the clergy. This study is based on the analysis of the Contio and Epistulae of the bishop of Clermont Sidonius Apollinaris.

Key words: Gallic church, aristocrats-bishops, episcopal elections, Bourges, Sidonius Apollinaris, Epistulae and Contio.

MASTYAEVA I. N. The impact of the rules of ars dictaminis on the style of the early letters of John of Salisbury.

This article analyzes the letters of the XII century scholastic John of Salisbury for its following the rules of medieval art of letter-writing (ars dictaminis). This case illustrates not only the effectiveness of the methodology of such an analysis in the context of historical research, but also the way of conducting it.

Key words: medieval epistolography, John of Salisbury, ars dictaminis.

MEDNIS S. S. The features of urban law formation in Lincoln from the beginning of the X to the second half of the XII century.

Medieval Lincoln's political history and town's incorporation in the structure of the English domain haven't been investigated enough. The features of urban law formation in Lincoln from the beginning of the X to the second half of the XII century have been analyzed. The reasons for the legal crisis which arised because of the collapse of two legal systems — Danish and Norman — in one town have been discussed.

Key words: XII century, medieval Lincoln, urban law.

MEFTAKHUDINOV K. P. The features of the Russian embassy in Stockholm 1567–1569 and their political reasons.

This article is dedicated to ceremonial aspect of political relations between Ivan IV and the king of Sweden. An offer of Eric XIV provoked acceptance of «brotherhood» between monarchs. The embassy was sent to ratify the agreement. The behavior of ambassadors violated ceremonial etiquette and belittled the role of the Swedish king. Evidently, Ivan IV tried to save his superiority over Eric XIV even in ceremonies.

Key words: Ivan IV, Eric XIV, history of diplomatic ceremonies, foreign policy in 16th century.

MIGUNOVA A. V. Rupert of the Rhine and European Nobility (1619–1642).

XVII century war and crisis era was signified with the unprecedented social migration, with large fractions of high class being involved. Many of the reigning families' scions had to seek for pied-a-terre at the coreligionist courts. In the spotlight there is crown prince Rupert of the Rhine, known by Thirty Years' War and English Civil War.

Key words: Social class relationship, XVII century, Thirty Years' War.

NAUMOV N. N. Sigismund of Luxemburg in historiographical review.

During the Age of Enlightenment Sigismund of Luxemburg was regarded as a person of All-European importance. As in the XIX century the notion of «nation» had become so topical, the Hungarian, German and Czech historians began to evaluate his deeds and personality in the interests of their own countries. Nowadays, while the globalization is expanding its scope, this «national» viewpoint is negotiated.

Key words: Sigismund of Luxemburg, historiography of the Medieval Central Europe, nationalistic historiography.

NIKITENKO Y. N. Duessa as an Image of Catholicism in Book I of Edmund Spenser's Faerie Queene.

The image of Duessa, the main negative character, is examined in the article. Special attention is paid to the meaning of character's name and to the details of character's appearance. The text of the poem is compared with the text of Revelation and texts belonging to the protestant tradition contemporary to Ed. Spenser.

Key words: Faerie Queene, Ed. Spenser, Duessa, Whore of Babel image, Catholicism.

NOVIKOVA E. O. The illustrations for the novel «Hypnerotomachia Poliphili» by Francesco Colonna (Venice, Aldine Press, 1499).

The author's attention is focused on illustrations and other decorating elements of celebrated «Hypnerotomachia Poliphili» purposely to explore the mechanism of interaction between text and image. According to the analysis, the author of the novel planned this splendid illustration as a part of narration; the images follow the inner logic of romance.

Key words: Aldine Press, Hypnerotomachia Poliphili.

OMELCHENKO D. M. The power and the asceticism in the treatise of Julianus Pomerius «The contemplative life».

The author analyzes the way the decision was made in the treatise «The contemplative life», the issue of the correlation between the power and the asceticism in the agency of the bishops. It was written by the teacher of rhetoric Julianus Pomerius at the beginning of the VI century. In the treatise the thoughts of two opponents in theological matters, St. Augustine and John Cassian the Roman, are revised creatively.

Key words: ascetics, history of power, early Christian bishops, Late Antiquity.

PEREPECHKIN K. V. Johann Froben's Publishing Agency (1491–1527).

The article is devoted to a brief analysis of publishing Johann Frobenius (1460–1527). The author describes his relationship with colleagues: Erasmus, Johann Amerbach and Aldo Manutius. The author also addresses the issue of publishing property and copyright in Basel at the beginning of the XVI century.

Key words: Johann Froben, early bookprinting, history of Basel, history of copyright.

PIKIN A. V. The Reasons of Envoys According to the Hydatius of Lemnicorum.

The Age of Hydatius has given different reasons for ambassadorial missions. The author analyzes the different causes for envoys and makes a conclusion of Hydatius participations in this missions.

Key words: the Chronicle of Hydatius, envoys in the Late Antiquity.

POPOVA Y. A. The miniatures of the «Codex Manesse»: the history of the research.

This article discusses the works of the authors who study the miniatures of «Codex Manesse». On the basis of the analysis of scholarly texts it can be concluded that the study of the iconography of the manuscript started to develop rapidly in the late XIX century when there was reconsideration of the role of the image. From the 80-ies of XX century, the study of manuscript miniatures is developing steadily.

Key words: «Codex Manesse», heraldry, iconography, symbolism.

PRIKHODKO E. D. The perception of Smell in the Western medieval culture.

The author investigates importance and perception of smell by means of perfumer craft. Simon Barbe's treatise «The French perfumer» written in the end of XVII century was taken as the basis of research.

Key words: guild of Glovers and Perfumers, history of perfumes, history of perceptions.

PROGUNOVA Y. M. The Letters of the Anglo-Saxon nuns as a historical source for studying the self-consciousness of Britain church nobility in the first half of the VIII century.

Our report is devoted to the significance of Anglo-Saxon abbesses' letters to Gallic ecclesiastical noblewomen and bishop Boniface for studying self-consciousness of Anglo-Saxon church nobility. The analysis of these letters gives us the information about the education of Anglo-Saxon noblewomen and their engagement in the monastic intellectual culture.

Key words: Anglo-Saxons, Early Medieval nunnery, women history, church nobility.

PROKHORENKOV I. A. Pawel Wlodkowic. The conflict between Poland and Teutonic Order at the Council of Constance.

The beginning of the XV century is the time of the strongest confrontation between the Polish Kingdom and Teutonic Order. Nevertheless, some efforts of the peaceful regulation of this conflict were made at the time between the First Battle of Tannenberg and the Second Peace of Thorn. This article is dedicated to the one of such efforts, which took place during the Council of Constance (1414–1418).

Key words: Pawel Wlodkowic, the Council of Constance, Medieval Poland.

PROKHORTSOVA M. M. Formation and evolution of the iconography of Immaculate Conception in the Spanish painting of the golden age.

The cult of Immaculate Conception of Virgin Mary appears in Spain at the end of VII century, but the dogma was edited officially only in 1854. Times passed, and in XVII century Francisco Pacheco edited the treatise «Art of painting», where he created the iconographic scheme of our subject. How does the iconography form before and after Pacheco: on which subjects is it based and does the author use existing paintings, how strict are his instructions? We answer these and other questions in our article.

Key words: iconography of Immaculate Conception; iconographic scheme; Spanish painting; theory of painting.

PROKOFYEVA E. M. Trials features in Norway in the first half of the XIV century: one example of land litigation.

The author establishes some interaction between two Norwegian trial practices: historically established practice of *accusatio* and European *inquisitio* practice. The work is based on XIV century document which recorded the trial concerning the lot.

Key words: trial, *accusatio*, *inquisitio*.

PRONINA E. A. The Early modern French genealogies in the context of the European memoria tradition (illustrated with A. Duchesne's series of genealogic histories).

This paper examines the heritage of the royal historiographer A. Duchesne. His series of genealogic histories is indicative of the role of the French nobility and aristocracy in the life of French monarchy, as well as of the governmental politics towards the noble estate.

Key words: France, genealogy, nobility, aristocracy, XVII c.

ROGOZIN A. Y. Mavro Orbin's «Kingdom of Slavs» in context of Slavic ethnogenetical representations of XV–XVI centuries.

In the article the author analyzes a theory of Slavic origin which is presented in book. According to Orbini, Japheth is called as a progenitor, and ancient Slavic tribes (Goths, Avars, Slavs) are located in Scandinavia. Ethnic name «Slavs» is derived from adjectives «glorious» and «brave».

Key words: Kingdom of Slavs, Mavro Orbini, Slavs history.

SAZHNEVA (ROUTSKAYA) M. B. Richard the Lion-Heart: the creation of the myth.

What are the mechanisms behind the mythologization of Richard the Lion-Heart in the flow of his life? This is a highly interesting and important question. It is also crucially important to learn how exactly we can find answer to it. The materials, which you can find in this article, are the chronicles. None of these chronicles has a direct reference to the Plantagenets' possessions, i.e., they are generally of the Central European origin. Each of them touches on the two events. They are the crusade and Richard's capture on his way back home. These were the events that laid a basis for the subsequent formation of the myths.

Key words: Richard the Lion-Heart chronicles of Crusade, power myth.

SCHMIDT G. A. Legitimization of Merovingian power in the «Chronicles of Fredegar».

The report examines the model of Frankish self-confidence which is represented in the «Chronicles of Fredegar». In spite of the appearance of Trojan legend of Francish origins the author emphasizes the connection of Merovingian power with the will of Byzantine Emperor.

Key words: francs, Childeric I, «Trojan legend».

SHINGUROVA T. V. Irish medieval picture of the world according to immrama texts.

The key issue of the report is connected with the history of mentality and historical anthropology. The main sources are medieval Irish texts «immrama» which tell us about voyages in the ocean made by Irish monks and nobles. According to these stories and other texts which were popular in Ireland in the same period, the author examines how Irish geographical location influenced the Irish medieval people's worldview as well as about its influence on Irish peregrinatio.

Key words: Early Middle Ages, history of mentality, Ireland, Celts.

SHOKHIN A. A. The origin of the Hun myth and Anonymous «The Deeds of the Hungarians».

The article by Shokhin A. A. is devoted to the origin of Hun genealogy of the Hungarians in medieval Hungarian historiography. The author refers to the earliest of the surviving Hungarian chronicles, «The Deeds of the Hungarians» of Anonymous. Shokhin A.A. comes to the conclusion about connection of legends about «the obtaining of motherland» and the origin of the Hungarians with the mental geography of the Crusades and the German epic. The author offers his own interpretation of a «Hun myth».

Key words: Hungarian chronicles, «Hun myth», «Deeds of the Hungarians», Crusades.

SIDYAKINA A. K. The issues of church life in the period of the Second Bulgarian Kingdom.

This time was marked by the restoration of the Bulgarian state and the Bulgarian Orthodox Church reconstruction. Foreign policy conditions and hardships within in the country forced the Bulgarian rulers to go to extreme measures in order to achieve this goal.

Key words: Second Bulgarian Kingdom, the Bulgarian Orthodox Church, foreign affairs history.

SINITSA M. M. The political theory of imperial power in Byzantium in the middle of VI century.

The article deals with the issues related to the formation of theories of imperial power in Byzantium in the VI. We study the theory of imperial power, put forward by John Lydus. The article discusses the origins of the views of John Lydus in the ancient time.

Key words: John Lydus, the theory of imperial power in the VI century, ancient heritage in the Byzantium, conception of monarchy.

SLYADZ A. N. «Unromantic hero»: Romanus Lecapenus as a pre-culmination of the Byzantine history.

The favorite who had proclaimed himself as the emperor, the regent at the underage Constantine VII, became his adopted father and the father-in-law, Romanus I Lecapenus (919–944) as if got lost in a train of autocrats of the Macedonian house. Nevertheless, the Byzantine history is inseparably linked with a name of Lecapenus who managed not only to bring the Empire out of long political and military crisis, to strengthen the dynasty protected by him, but also to initiate the new era — culmination of the Byzantine civilization.

Key words: Byzantium, Romanus I Lecapenus, the Macedonian dynasty.

SMIRNOVA D. D. The feature of source analysis of medieval author's messages on the example of the study of the works of Novgorod archbishop Theodosius.

The article describes the reasons for special approach to source analysis of medieval documents which contained references to Holy Scripture, patristic and liturgical literature. As an example we used the messages of one of the church hierarchy of XVI century — archbishop Feodosiy.

Key words: 16th century, archbishop Theodosius, source analysis, orthodox theology.

SYAMTOMOV I. V. The issue of the crisis of Visigothic theocratic monarchy.

The report examines the last decades of the Visigothic kingdom and the problem of the choice of state ideology by kings of Visighots. Analysing the peculiarities of the «Visigothic Symphony» and its impact on the development of Visigothic society we try to outline the crucial factors of the crisis of Visigothic kingdom in Spain and to draw a parallel between this process and the crisis of the ideology of power.

Key words: Visigothic kingdom, The kingdom of Toledo, Visighots symphony, ideology by kings of Visighots.

TIMOKHINA N. A. The state of the modern debating of the origin of «cave towns» in medieval South-Western Crimea.

The article analyzed the current scientific literature and identified the main version of the origin of the medieval cave towns.

Key words: cave towns, the history of Crimea, cave monastery.

TRUSOVA M. V. «Amentia proveniret ex parte intellectus»? The concept of madness in Francisco de Vitoria's «Relectiones Theologicae».

The concept of madness in Francisco de Vitoria's «Relectiones Theologicae» examines the concept of madness in F. de Vitoria's works. The definition of madness and author's view on it derives from the terminology of madness and its generic and specific features; after that the place of author's position in the context of epoch is determined.

Key words: madness, Relectiones Theologicae, Francisco de Vitoria, second scholasticism.

ZARUBINA T. M. Social problems England second half of XVI – first half of XVII centuries in plays by British playwrights.

The author explores the English Renaissance drama as eloquent testimony to the social problems of the second half of England XVI – first half of XVII century. Smoking and usury were situated in the focus of the drama. Its problems were reflected in many dramatic works of Shakespeare and his contemporaries, as so these topics were most in demand by the ordinary spectators of public theaters.

Key words: England XVI–XVII centuries, English renaissance theater, history of social problems.

ZHARIKOVA K. S. The military career of the Great crown hetman Jan Zamoyski during the Livonian war according to the works of Reinhold Heidenstein.

The main sources for the report were the works of Polish historian Reinhold Heidenstein. There were «The notes about the Moskovian war», «Polish history from the death of Sigizmung August till 1594». Zamoyski became a hetman in the end of Livonian war. He took part in conclusion of treaty.

Key words: Zamoyski, Heidenstein, Livonianwar.

ZHIVLOVA N. Y. The Islands of Lough Ree: The Island monasteries and their role in Irish monastic life in V – X centuries.

The report deals with the monasteries on the islands in rivers and lakes, using Lough Ree on Shannon as an example. The history of the most important islands (Inis Aingin, Inis Clothrann and others) is described in brief, as well as their connection with the neighbouring Clonmacnoise. Those tiny islands, often deprived of any economical importance, had a great symbolical and religious meaning, sometimes being a «showroom of holiness», housing relics and famous anchorites.

Key words: Medieval Ireland, Saint Ciarán, Clonmacnoise, island monasteries.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Анна Валерьевна. Магистрантка I курса, Новгородский государственный университет.
mizunosenshi@mail.ru

Аникьев Илья Игоревич. Аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
anikyev@yandex.ru

Анохина Александра Валерьевна. Студентка III курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
anokhina.alexandra@gmail.com

Бережная Наталья Александровна. Библиотекарь, Библиотека Российской Академии Наук, Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР).
natalialandi@mail.ru

Бессуднов Даниил Александрович. Студент V курса, Липецкий государственный педагогический университет.
krokobes@mail.ru.

Болдырев Роман Владимирович. Студент V курса, Липецкий государственный педагогический университет.
skull-ucoz@yandex.ru

Борисов Григорий Игоревич. Студент V курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
grigorijborisov@gmail.com

Бутучел Родика. Аспирантка, Санкт-Петербургский государственный университет.
rodica_butucel@mail.ru

Гагарина Анна Леонидовна. Студентка, Нижегородский государственный университет им. К. Минина.
Annett1314@list.ru

Гайворонский Игорь Дмитриевич. Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.
igorgaiv91@gmail.com

Голубинова Дарья Сергеевна. Студентка V курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
golubinovads@gmail.com

Горбунов Евгений Владимирович. Студент, Вятский Государственный Университет.
gorbunoveu43@mail.ru

Горбунова Дарья Владимировна. Магистрантка I курса, Тюменский государственный университет
svetoten@bk.ru

Горбунова Юлия Алексеевна. Аспирантка, Ивановский государственный университет.
julietvl@mail.ru

Гризовская Дарья Викторовна. Студентка, Тверской государственный университет.
dashulka141192@mail.ru

Гришина Юлия Игоревна. Студентка, Санкт-Петербургский государственный университет.
13reijii@mail.ru

Гурбанова Гульнара Эльвин кызы. Студентка IV курса, Кемеровский государственный университет.
kluanna76@gmail.com

Гурьянов Илья Геннадьевич. Аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
ilgur@yandex.ru

Дереза Оксана Владимировна. Студентка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
oksana.dereza@gmail.com

Жарикова Ксения Сергеевна. Студентка, Санкт-Петербургский государственный университет.
ksenia.jarikova@gmail.com

Живлова Нина Юрьевна. Кандидат исторических наук, магистр филологии, старший преподаватель, Кафедры древних языков, Исторический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
nanako@yandex.ru

Зарубина Татьяна Михайловна. Магистрантка, Северный (Арктический) федеральный университет.
TaMiZa1312@yandex.ru.

Канджа Ильяна Сергеевна. Студентка III курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
kandzha-ilyana@mail.ru

Ковалева Мария Сергеевна. Студентка, Тверской государственный университет.
marsmithee@mail.ru

Колпашникова Дарья Дмитриевна. Студентка IV курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
kolpashdd@mail.ru

Комаров Иван Павлович. Магистрант, Тюменский государственный университет.
omar4322@yandex.ru

Конюшихина Елена Львовна. Студентка V курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
konyushihinaelena@mail.ru

Конюшихина Надежда Львовна. Студентка V курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
nadegda_92@list.ru

Коростик Александр Павлович. Студент, Санкт-Петербургский государственный университет.
krokko78@mail.ru

Костыря Максим Алексеевич. Кандидат искусствоведения, доцент, Кафедра истории западноевропейского искусства, Исторический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.
claver@mail.ru

Крылов Константин Евгеньевич. Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.
Wanderer.89@mail.ru

Кудряков Василий Валерьевич. Кандидат исторических наук, старший преподаватель, Кафедра истории древнего мира и средних веков, Московский педагогический государственный университет.
filadelf@mail.ru

Лапшина Алиса Андреевна. Студентка V курса, Российский государственный гуманитарный университет.
lapshalice@mail.ru

Левин Феликс Евгеньевич. Студент V курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
vitabrevis620@gmail.com

Лещева Яна Игоревна. Аспирантка, Волгоградский государственный университет.
dipsada@mail.ru

Лурье Зинаида Андреевна. Аспирантка, Санкт-Петербургский государственный университет.
zinaidalourie@gmail.com

Манукян Эдуард Мгерович. Студент V курса, Ивановский государственный университет (Шуйский филиал).
manukyan_33@mail.ru

Мастяева Ирина Николаевна. Студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
mastyaeva.irina@yandex.ru

Меднис Светлана Сергеевна. Студентка V курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
alaudalenis@gmail.com

Мефтахудинов Константин Павлович. Студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
kospavmeft@mail.ru

Мигунова Анастасия Викторовна. Студентка, Санкт-Петербургский государственный университет.
rose78561@rambler.ru

Наумов Николай Николаевич. Студент V курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
nn-naumov@mail.ru

Никитенко Юлия Николаевна. Аспирантка, Санкт-Петербургский государственный университет.
yulianikitenko86@gmail.com

Новикова Елизавета Отговна. Студентка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
bodkhisattva@yandex.ru

Омельченко Дарья Михайловна. Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Библиотека Академии наук.
dorothy_om@mail.ru

Перепечкин Кирилл Владимирович. Студент V курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
kperpechkin@gmail.com

Пикин Андрей Валентинович. Аспирант, Ивановский государственный университет.
andrewvpikin@gmail.com

Попова Яна Андреевна. Студентка IV курса, Тюменский государственный университет.
aquamarin602@gmail.com

Приходько Евгения Дмитриевна. Студентка V курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
zhenty@mail.ru

Прогунова Юлия Михайловна. Аспирантка, Ивановский государственный университет.
j_progunova@mail.ru

Прокофьева Евгения Максимовна. Студентка V курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
buanako@yandex.ru

Пронина Екатерина Анатольевна. Кандидат исторических наук, старший преподаватель, Кафедра истории и регионоведения, Гуманитарный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.
e-pron@bk.ru

Прохоренков Игорь Александрович. Студент IV курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
ocelot_a@mail.ru

Прохорцова Мария Максимовна. Студентка IV курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
moon_witch@mail.ru

Рогозин Алексей Юрьевич. Студент III курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
alexeyrogzin1994@yandex.ru

Сажнева (Руцкая) Майя Борисовна. Московский городской библиотечный центр.
Begemot-m@mail.ru

Сидякина Александра Константиновна. Студентка V курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
shurka-ks@mail.ru

Синица Марина Михайловна. Магистрантка I курса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
sinitcam@yandex.ru

Слядзь Андрей Николаевич. Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.
slyads@mail.ru.

Смирнова Дина Дмитриевна. Аспирантка, Санкт-Петербургский государственный университет.
kvarn@rambler.ru

Сямтомов Иван Васильевич. Студент V курса. Санкт-Петербургский государственный университет.
Eraptos@gmail.com

Тимохина Наталья Анатольевна. Аспирантка, Российский государственный педагогический университет им. Герцена.
risorius-01@yandex.ru

Трусова Мария Викторовна. Студентка III курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
mv.trusova@gmail.com

Федорова Татьяна Евгеньевна. Сотрудник Реставрационно-хранительского центра Государственного Эрмитажа «Старая Деревня».
jumpinghedgehog@gmail.com

Чернышова Анастасия Сергеевна. Аспирантка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
chernyshova1991@gmail.com

Чуркина Дарья Александровна. Аспирантка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
daria-4991@mail.ru

Шингурова Татьяна Владимировна. Аспирантка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
rachelll@rambler.ru

Шмидт Глеб Александрович. Студент V курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
schmidt.gleb@gmail.com

Шохин Арсений Александрович. Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.
hesperosregius@yandex.ru

LIST OF AUTHORS

Abramova Anna Valerievna. MA student, 1st year, Novgorod State University.
mizunosenshi@mail.ru

Anik'ev Ilya Igorevitch. Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University.
anikyev@yandex.ru

Anokhina Alexandra Valerievna. 3rd year student, National research university «Higher school of Economics».
anokhina.alexandra@gmail.com

Berezhnaya Natalia Alexandrovna. Russian Academy of Sciences Library, Department of manuscript.
natalialandi@mail.ru

Bessudnov Daniel Alexandrovich. 5th year student, Lipetsk State pedagogical university.
krokobes@mail.ru

Boldyrev Roman Vladimirovich. 5th year student, Lipetsk State pedagogical university.
skull-ucoz@yandex.ru

Borisov Grigory Igorevitch. 5th year student, Lomonosov Moscow State University.
grigorijborisov@gmail.com

Butucel Rodica. Postgraduate student, Saint-Petersburg State University.
rodica_butucel@mail.ru

Chernyshova Anastasya Sergeevna. Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University
chernyshova1991@gmail.com

Churkina Daria Alexandrovna. Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University.
daria-4991@mail.ru

Dereza Oksana Vladimirovna. Student, Lomonosov Moscow State University.
oksana.dereza@gmail.com

Fedorova Tatiana Evgenievna. Staraya Derevnaya Restoration and Storage Centre of the State Hermitage museum.
jumpinghedgehog@gmail.com

Gagarina Anna Leonidovna. Student, Kuzma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.
Annett1314@list.ru

Guyvoronskiy Igor Dmitrievich. Postgraduate student, Saint-Petersburg State University.
igorgaiv91@gmail.com

Golubina Daria Sergeevna. 5th year student, Saint Petersburg State University.
golubinovads@gmail.com

Gorbunov Evgeniy Vladimirovich. Student, Vyatka State University.
gorbunoveu43@mail.ru

Gorbunova Daria Vladimirovna. 1st year student, Tyumen State University.
svetoten@bk.ru

Gorbunova Yulia Alexeevna. Postgraduate student, Ivanovo State University.
julietvl@mail.ru

Grizovskaya Daria Victorovna. Student, Tver State University.
dashulka141192@mail.ru

Grishina Yulia Igorevna. Student, Saint Petersburg State University.
13rejiii@mail.ru

Gurbanova Gulnara Elvin kyzy. 4th year student, Kemerovo State University.
kluanna76@gmail.com

Guryanov Ilya Gennadievich. Postgraduate student, National research university «Higher school of Economics».
ilgur@yandex.ru

Kandzha Iliana Sergeevna. 3rd year student, National research university «Higher school of Economics».
kandzha-ilyana@mail.ru

Kovalyova Maria Sergeevna. Student, Tver State University.
marsmithee@mail.ru

Kolpashnikova Daria Dmitrievna. 4th year student, Lomonosov Moscow State University.
kolpashdd@mail.ru

Komarov Ivan Pavlovich. Postgraduate student, Tyumen State University.
omar4322@yandex.ru

Konyushikhina Elena Lvovna. 5th year student, Lomonosov Moscow State University.
konyushihinaelena@mail.ru

Konyushikhina Nadezda Lvovna. 5th year student, Lomonosov Moscow State University.
nadeгда_92@list.ru

Korostik Alexander Pavlovich. Student, Saint-Petersburg State University.
krokko78@mail.ru

Kostyria Maxim Alexeevich. PhD in Fine Arts, Associate Professor, Department of the History of West-European Art, Saint-Petersburg State University.
claver@mail.ru

Krylov Konstantin Evgenievich. Postgraduate student, Saint Petersburg State University.
Wanderer.89@mail.ru

Kudryakov Vasily Valerievich. PhD, senior lecturer, Moscow State Pedagogical University, Department of Ancient History and History of Middle Ages.
filadelf@mail.ru

Lapshina Alisa Andreevna. 5th year student, Russian State University for the Humanities.
lapshalice@mail.ru

Levin Felix Evgenievich. 5th year student, Saint Petersburg State University.
vitabrevis620@gmail.com

Leshchyova Yana Igorevna. Postgraduate student, Volgograd State University.
dipsada@mail.ru

Lurie Zinaida Andreevna. Postgraduate student, Saint-Petersburg State University.
zinaidalourie@gmail.com

Manukyan Eduard Mgerovich. 5th year student, Ivanovo State University
its Shuya branch.
manukyan_33@mail.ru

Mastyeva Irina Nikolaevna. Student, National research university «Higher
school of Economics».
mastyeva.irina@yandex.ru

Mednis Svetlana Sergeevna. Student, Saint-Petersburg State University.
alaudalenis@gmail.com

Meftakhudinov Konstantin Pavlovich. Student, National research university
«Higher school of Economics».
kospavmeft@mail.ru

Migunova Anastasia Victorovna. Student, Saint Petersburg State University.
rose78561@rambler.ru

Naumov Nikolay Nikolaevich. 5th-year student, Lomonosov Moscow
State University.
nn-naumov@mail.ru

Nikitenko Yulia Nicolayevna. Postgraduate student, Saint Petersburg
State University.
yulianikitenko86@gmail.com

Novikova Elizaveta Ottovna. Student, Lomonosov Moscow State University.
bodkhisattva@yandex.ru

Omelchenko Darya Mikhailovna. PhD in History, research officer,
Library of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg).
dorothy_om@mail.ru

Perepechkin Kirill Vladimirovich. Student, Saint-Petersburg State University.
kperepchkin@gmail.com

Pikin Andrey Valentinovich. Postgraduate student, Ivanovo State University.
andrewvpikin@gmail.com

Popova Yana Andreevna. 4th year student, Tyumen State University.
aquamarin602@gmail.com

Prikhodko Evgenia Dmitrievna. 5th year student, Lomonosov Moscow State University.
zhenty@mail.ru

Progunova Yulia Mikhailovna. Postgraduate student, Ivanovo State University.
j_progunova@mail.ru

Prokofyeva Evgeniya Maximovna. 5th year student, Lomonosov Moscow State University.
buanako@yandex.ru

Pronina Ekatherina Anatolievna. PhD in history, senior lecturer, Faculty of Humanities, Department of Regional Studies, Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications.
e-pron@bk.ru

Prokhorenkov Igor Alexandrovich. 4th year student, Saint-Petersburg State University.
ocelot_a@mail.ru

Prokhortsova Mariya Maximovna. 4th year student, Saint Petersburg State University.
moon_witch@mail.ru

Rogozin Alexey Yurievich. 3rd year student, Saint-Petersburg State University.
alexeyrogozin1994@yandex.ru

Sazhneva (Routskaya) Maya Borisovna. Moscow city library center.
Begemot-m@mail.ru

Schmidt Gleb Alexandrovich. 5th year student, Saint-Petersburg State University.
schmidt.gleb@gmail.com

Shingurova Tatiana Vladimirovna. Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University.
rachelll@rambler.ru

Shokhin Arseniy Alexandrovich. Postgraduate student, Saint Petersburg State University, Faculty of History.
hesperosregius@yandex.ru

Sidyakina Aleksandra Konstantinovna. 5th year student, Saint Petersburg State University.
shurka-ks@mail.ru

Sinitca Marina Mikhailovna. Undergraduate student, Belgorod State National Research University.
sinitcam@yandex.ru

Slyadz Andrey Nikolayevich. Postgraduate student, Saint Petersburg State University.
slyads@mail.ru

Smirnova Dina Dmitrievna. Postgraduate student, Saint-Petersburg State University.
kvarn@rambler.ru

Syamtomov Ivan Vasilievich. 5th year student, Saint Petersburg State University.
Epaptos@gmail.com

Timokhina Nataliya Anatolievna. Postgraduate student, Herzen State Pedagogical University.
risorius-01@yandex.ru

Trusova Maria Viktorovna. 3rd year student, National research university «Higher school of Economics».
mv.trusova@gmail.com

Zarubina Tatiana Mikhaylovna. Undergraduate student, Northern Arctic Federal University.
TaMiZa1312@yandex.ru.

Zharikona Xenia Sergeevna. Student, Saint-Petersbourg State University.
ksenia.jarikova@gmail.com

Zhivlova Nina Yur'evna. PhD, M.Phil. in Indo-European linguistics, senior lecturer, department of Ancient Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
nina.zhivlova@gmail.com

Научное электронное издание

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА**

Материалы XXXIII всероссийской конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Курбатовские чтения» (26–29 ноября 2013 года)

Редактор *А. Ю. Прокопьев*
Корректор *В. А. Ковалев*
Верстка, дизайн *К. В. Перепечкин*

